350764
926

II 6/9

9(c)13
K28

II

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Digitized by Google

Александровская
Г. Самара
Публичная библиотека
1948 г.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Костомарова.

Opus aggredior opimum casibus,
atrox praeliis, discors seditionibus,
ipsa etiam pace saevum.
Tacit. Hist. L. I. 1.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 2 сентября 1858 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эпоха Богдана Хмельницкаго имѣетъ въ нашей исторіи значеніе важнѣе того, какое обыкновенно привыкли давать ей. Въ семьѣ славянскихъ народовъ, Польша и Русь явились съ самодѣятельною историческою жизнію преимущественно предъ другими, которые или рано подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или обнаруживали свое историческое существованіе только противодѣйствіемъ чужеплеменнымъ натискамъ. Государственный и общественнній складъ, историческое движеніе и народный характеръ Польши и Руси хотя исходили изъ одинакихъ племенныхъ началъ, но тамъ и здѣсь приняли не только различныя, но противоположныя и враждебныя одно другому направленія. Въ продолженіе многихъ вѣковъ Польша и Русь вели между собою непрестанную, упорную, послѣдовательную борьбу. Уже въ IX вѣкѣ являются ея признаки. Съ–тѣхъ–поръ перевѣсъ былъ болѣе на сторонѣ Польши: подчинивъ себѣ червонную Русь, соединившись съ Литвою и

завладѣвъ значительною частію русскихъ земель, Польша вступала послѣдовательно, шагъ за шагомъ, внутрь русскаго міра и, въ началѣ XVII вѣка, чуть было не овладѣла имъ окончательно. Эпоха Богдана Хмельницкаго повернула старинный споръ въ противную сторону. Съ этого времени въ борьбѣ двухъ народностей перевѣсъ обратился на русскую сторону. Эпоха Богдана Хмельницкаго начала и приготовила то, что должно было, по ходу историческихъ обстоятельствъ, совершиться въ грядущихъ поколѣніяхъ со всѣми послѣдствіями для славянскаго міра, быть можетъ еще взвѣшенными судьбою.

Мое повѣствованіе, писанное не въ видѣ систематической исторіи, а разсказа, не для ученаго круга спеціалистовъ, а для публики, и напечатанное въ Отечественныхъ Запискахъ за 1857 годъ, не осталось безъ вниманія со стороны читателей. Это внушаетъ мнѣ смѣлость вторично издать его въ свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ дозволяютъ мнѣ мои силы, средства и степень знакомства съ источниками.

ИСТОЧНИКИ.

** 1) «Полное собраніе законовъ россійской имперіи.» Томъ первый. 1830.

** 2) «Памятники», изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. 3 тома. Кіевъ, 1845, 1846 и 1852.

** 3) «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.» 4 тома. Москва, 1813, 1819 и 1822.

** 4) «Малороссійская переписка», хранящаяся въ московской оружейной палатѣ. Москва, 1848. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

** 5) Источники малороссійской исторіи, въ «Чт. моск. общ. ист. и др.» 1858. 1 томъ.

** 6) «Чинъ православнаго львовскаго братства, репротестъ дворянъ православнаго исповѣданія на минскаго воеводу Тышкевича и универсалъ митрополита Петра Могилы къ православному минскому братству», найденные въ древнихъ архивахъ минской губерніи. Москва, 1848. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

** 7) «Исторія Малороссіи» Николая Маркевича, 5 томовъ (акты, относящіеся къ «Исторіи Малороссіи»). Москва, 1842.

** 8) «Starożytności historyczne polskie» z rękopismów zebrał Ambroży Grabowski. 2 tomy. Kraków, 1840.

** 9) «Supplementum ad historica Russiæ monumenta ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta et a collegio archeographico edita.» Petropoli, 1848.

** 10) «Zbiòr pamiętników o dawnéj Polsce», zebrane przez J. U. Niemcewicza. 6 tomów. Lipsk.

** 11) Pomniki do diejów Polski wieku XVII, wydał August Podgórski. 2 tomy. Wrocław, 1840.

** 12) Pamiętniki o Koniecpolskich, wydał Al. Przyłęcki. Lwow, 1842.

** 13) Collectanea Sękowskiego. Wojny z Ottomanami z powodu Kozaków. 2 tomy. Wilno.

** 14) Рукопись, содержащая нѣсколько актовъ, относящихся къ исторіи гетманщины.

** 15) «Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ послѣ его смерти». Москва, 1846. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

** 16) «Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ», составилъ Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ войска запорожскаго. Кіевъ, 1720. 2 т. 1848.

* 17) «Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной и отъ начала поляковъ, кровавшои небывалой брани Богдана Хмельницкаго съ поляки за наияснѣйшихъ королей польскихъ Владислава, потомъ Яна Казимира отправоватися початой въ року 1648 и за лѣтъ десять по смерть Хмельницкаго неокончанной, зъ разныхъ лѣтописцевъ изъ діаріуша, на той войнѣ писаннаго и самобытныхъ старожиловъ свидѣтельствы утвержденная.» (Рук.)

** 18) «Hisoriarum Poloniæ ab excessu Vladislai IV ad pacem Oliviensem usque seu annales regnante Joanne Casimiro Polonarum Sveciæque rege ab anno MDCXLVIII

usque ad annum MDCLX auctore Laurentio Joanne Rudawski equite polono ex manuscripto celeberrimae bibliothecæ Zaluscianæ edidit Laurentius Mizlerus.» Varsoviæ et Lipsiae, 1755.

** 19) «Historia belli cosacco-polonizi auctore Samuele Grondski de Grondi conscripta anno 1676 ex manuscriptis monumentis historiæ hungaricæ in lucem protulit Carolus Koppi in regia scientiarum universitate historiæ proxess.» Pestini, 1789.

* 20) «De rebus anno 1648 et 1649 contra cosaccos zaporovios gestis» edid. Albertus Viivk Kojalowicz. Wilnæ, MDCLI.

* 21) Epitome de rebus anno 1648 et 1649 contra zaporovianos cosacos in Polonia et Lithuania gestis a Joanne Dionisio Lobzynski. Viennae Austriae, 1653.

** 22) Storia delle guerre civile di Polonia di don Alberto Vimina Bellunese. In Venetia, MDCLXXI.

* 23) Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV Climacteres scriptore Vespasiano a Kochovo Kochowski. 3. vol. Cracoviae, anno 1683, 1688, 1698.

* 24) Historia panowania Jana Kazimiera przez nieznajomego autora. Z rękopismu wydał Edward Raczynski. 2 tomy. Poznan, 1840.

* 25) Pamiętniki do panowania Żygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza. Z rękopismu wydał K. Wł. Wojcicki. 2 tomy. Warszawa, 1846.

* 26) Wojna domowa z Kosaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami i z Węgry przez lat dwanaście za panowanie Nayjaśniejszego Jana Kazimierza tocząca się, na cztery podzielona części oyczystą muzą od Samuela z Skrzypny Twardowskiego. Opus posthumum. Typis Collegii Callisiensi. Anno Dom. 1681.

* 27) Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego przez nieznajomego autora: Historya o buntach Chmielnickiego, o wojnie z Tatarami, ze Szwedami i z Węgrami za krola Władysława i Jana Kazimierza przez lat dwanaście krótko zebrana ab anno 1647 anno 1648. W. Wrocławiu, 1842. (Переводъ напечатанъ въ «Чт. имп. моск. общ. и др. рос.» подъ названіемъ «Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго»).

* 28) Pochodnia wojennej sławy J. o. Xiężęcia Jeremia Michała Wiszniowieckiego ze czterech częsci złożona y w roku 1649 wystawiona.

* 29) Relatio gloriosissimae expeditionis victoriosissimi progressus et faustissimae pacificationis cum hostibus serenissimi et potentissimi principis ac domini Johannis Casimiri regis Poloniae et Sveciae.

* 30) Relatio gloriosissimae victoriae principis ac domini Joannes Casimiri Poloniae et Sweciae regis potentissimi de chano crimensi rebellisque cosacis ei foederatis die XXX mensis Iunii MDCLI apud Beresteczko obtente. Varsoviae.

** 31) Obsidio Zamosciana, quam perduelles cosachi junctis viribus Tartarorum grassante et ad affligendum regnum Poloniae conspirante audacia fatali tempore Poloniae sub interregnum Anno Dei 1648 fecerunt, a M. Johanne Bytomski Phil. et v. i. d. eloquentiae professore et canonico Zamoscensi tanta calamitate consorte et spectatore exhibita. Anno Dom. 1649. Jannuar.

* 32) Fawor Niebesky pod czas szczęsliwey Elekcyiey na krolewstwo polskie Pana naszego miłosciwego Jana Kazimierza Kr. Szw. miastu Lublinu czasu gwałtownego niebespeczeństwa od swawolnych kozaków cudownym sposobem roku 1648 die 10 Novembr. pokasany. 1648. w Lublinie.

** 33) Relation oder aussführliche Beschreibung von der Jammerlichen und Erbarmlichen Verstörung und Einäscherung so bey Eroberung der schönen Stadt Lublin von der Moscowitern und Cosacken barbarischer Weise. Lublin, MDCLVI.

34) Plantus Poloniæ super ingenti suorum clade a Cosacis rebellibus illata per Simonem Dominicum Wachowski conscriptus anno D. 1649.

35) Gründliche und denckwürdige Relation der neulichen Kosacken–Unruhen wider die Kron Polen unter Commando Gen. Chmielnicki als gen. Hauptmann Poltoraik–Kosaku Obristen und krzywanos als vornemsten Häuptern der Kosacken, nach bewussten und zum theil selbst erfuhrnen Umbständen kürtzlich verfasset durch einen namhaften officier jedoch dabei des Friedens Liebhaber. 1649.

* 36) Odmiana postanowienia niestatecznéj sfery kozackiey z wzruszeniem pokoiu od miesiąca Stycznia 1651 do Września 1651 widziana y z dokonczeniem wieku nieodmienney pamięci Jaśnie Oświeconego niegdy Xiężecia Imci Jeremiego Michała Korybuta Wiszniowieckiego przez urodz. Jana Bielobockiego, wydana w Krakowie 1653.

* 37) «Brat Tatar albo Liga wilcza ze psem na gospodarza do czazòw terazniejszych stosująca w roku 1651. miesiąca Listopada, wydana przeź Jana Białobockiego.»

* 38) «Pieśn o potrzebie z Tatary i Kozakami pod Beresteczkiem, 30 Iunii 1651».

* 39) Dyskurs jednego miłostnika ojczyzny naszey w którym się pokazuie dowodnie że z wieczną hanbą tego zacnego królewstwa Pan Bóg. skarał woysko nasze potężne tego roku. 1648.

* 40) «Neuer polnischer Florus das ist richtige und glaubwürdige Erzehlung der blutigen Kriege so die jezt–

herrschende Majestät in Polen — König Johannes Casimirus von Anbeginn seiner Regierung biss auf gegenwärtigen Tag wiewol zu verschiedenen Zeiten mit den Cossacken, Tartaren, Russen, Szweden, Chur-Branderburgischen und Siebenbürgern geführt.» Nürnberg, 1666.

** 41) «Cellarii Regni Poloniae Descriptio.» 1659 anno.

42) «Slawische Jahrbücher», herausgegeben v. Jordan. 1840. («Посланіе раввина о бѣдствіяхъ, постигшихъ евреевъ отъ казаковъ.»)

* 43) Bellum scythico-cosacicum seu de conjuratione Tartarorum, Cosacorum et plebis Russiæ contra regnum Poloniæ ab invictissimo Rege Joanne Casimiro profligata. Narratio plenioris historiæ operi praemissa. Auctore Joachimo Pastorio de Hirtemberg. Dantisci, 1652.

* 44) Rerum in Magno Ducatu Lithuanie per tempus rebellionis russicae gestarum commentarius. Regiomonti, 1653.

* 45) Latopisiec Jerlicza albo kroniczka z rękopismu wydał K. Wł. Wojcicki. Petersburg, 1853.

* 46) Kronika miasta Lwowa przez Dyonisego Zubryckiego. Lwów, 1844.

47) Relation contenant l'estat véritable des affaires de Pologne, le journal et les particularitez du siège et de la prise de Varsovie, l'entrée de la Reyne dans la Pologne, le secour de 50000 tartares pour le Roy de Pologne et l'électeur de Branderbourg. 1656.

48) L'origine véritable du soulevement des cosaques contre la Pologne par Linage de Vauciennes. Paris, 1674.

* 49) Ingressus Stephani in Czarnica Czarnecki Russia palatini.

* 50) Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne etc. par Pierre Chevalier, conseiller du Roy en sa cour des Monnoyes. Paris, 1663.

* 51) «О бунтѣ города Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648.» Москва, 1847. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

* 52) «Краткое описаніе о казацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ его дѣлахъ», собранное изъ разныхъ исторій иностранныхъ: нѣмецкой — Бишинга, французской — Шевалье, латинской — Безольди, и рукописей русскихъ чрезъ бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго. 1765. Москва, 1847. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

* 53) «Сказаніе о гетманахъ казацкихъ ажъ до Богдана Хмельницкаго» (рукопись).

* 54) «Историческія сочиненія о Малороссіи и малороссіянахъ.» Г. Ф. Миллера, бывшаго историографа россійскаго. Москва, 1846. (Въ «Чт. общ. ист. и др.»)

* 55) О казакахъ запорожскихъ, какъ оные издревле начались и откуда свое происхожденіе имѣютъ и въ какомъ состояніи нынѣ находятся. Москва, 1847. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

* 56) Лѣтопись малороссійская 1789 (рукопись).

* 57) «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ и о козакахъ вообще, отколь и изъ какаго народа оные происхожденіе свое имѣютъ и по какимъ случаямъ они нынѣ при своихъ мѣстахъ обитаютъ, какъ-то: черкасскіе, или малороссійскіе, и запорожскіе и отъ нихъ уже донскіе, а отъ нихъ яицкіе, что нынѣ уральскіе, гребенскіе, сибирскіе, волгскіе, терскіе, некрасовскіе и прочіе казаки, какъ равно слободскіе полки, собрано и составлено чрезъ труды генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана 1785. 1786.» Москва, (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

58) Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 года съ дополненіемъ о запорожскихъ казакахъ,

и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное изъ лѣтописей польскаго и малороссійскаго журнала или записокъ генерала Гордона, Страленберга, шведскаго историка, изъ жизнеописанія о государѣ Петрѣ Великомъ архіепископомъ Ѳеофаномъ и грекомъ Антоніемъ Калифоромъ, фамильныхъ записокъ и публичныхъ указовъ 1789 г. Москва, 1848. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и древн.»)

59) «Повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Богдана Хмельницкаго.» Москва, 1847. (Въ «Чт. общ. ист. и древн.»)

60) «Исторія Русовъ или Малой Россіи Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго.» Москва, 1846. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и древн.»)

61) «Описаніе Малой Россіи и Украины», съ приложеніями. Сочиненіе Станислава Зарульскаго, служившаго въ россійской арміи капитаномъ. Москва, 1847. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и древн.»)

* 62) «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи.» Соч. Н. Бантыша-Каменскаго, въ 1795 г. собранное. Москва, 1805.

** 63) «Описаніе кіевософійскаго собора» и «Исторія кіевской іепархіи.» Кіевъ, 1825.

* 64) «Dziejé panowania Jana Kazimierza od roku, 1656 do jego abdycacyi w roku 1668 przez ks. Michała Krajewskiego. 2 tomy. Warszawa, 1846.

* 65) «Historia panowania króla Władisława IV przez Kajet. Kwiatkowskiego.» Warszawa, 1825.

* 66) Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Wydał W. A. Maciejowski. 2 tomy. Petersburg.

* 67) «Исторія Малой Россіи Бантыша-Каменскаго.» 3 т. 1842.

* 68) «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ», изд. Михайломъ Максимовичемъ. Ч. I. Кіевъ, 1849

* 69) «Запорожская старина», И. Срезневскаго, въ 2-хъ част. 6 тетр. Харьковъ, 1833—1838.

* 70) «Piesni ludu ruskiego w Galicyi, zebral Żegota Pauli. 2 tomy. Lwow, 1848.

* 71) «Народныя южнорусскія пѣсни», изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ, 1854.

* 72) «Сборникъ южнорусскихъ пѣсенъ.» (рукоп.)

Примѣчаніе. Двумя звѣздочками означены наиболѣе-достовѣрные источники; одной — такіе, которые, хотя очень-важны, но требуютъ особенно-строгой и осторожной критики; тѣ же, которые оставлены безъ всякаго знака, вообще мало достовѣрны, и только тогда могутъ быть принимаемы, когда сходны съ другими, болѣе-достовѣрными.

«Сочиненіе Каховскаго» (№ 23), «Исторія», изданная Рачинскимъ (№ 24) и «Памятники», изданные Войцицкимъ (№ 25), сходны между собою, такъ что кажутся варіантами одного и тогоже сочиненія. «Сочиненіе Твардовскаго» (№ 26) и «Исторія о бунтахъ Хмельницкаго» (№ 27) сходны между собою относительно выбора событій и порядка изложенія, такъ что послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кажется сокращеніемъ перваго. Лобзынскій (№ 21) переписалъ «Кояловича» (№ 20), съ нѣкоторыми добавленіями, которыя, впрочемъ, большею частью находятся въ «Памятникахъ къ польской исторіи», изданныхъ Подгорскимъ (№ 11). Пасторій (№ 43) и Рудавскій (№ 18) въ описаніи событій 1651 года пользовались дневникомъ, помѣщеннымъ въ «Сборникѣ Грабовскаго» (№ 8.) Авторъ «Исторіи о презѣльной

брани» (№ 17) пользовался между прочимъ Каховскимъ. Ригельманъ (№ 57) пользовался «Самовидцемъ» (№ 15), «Исторіею о презѣльной брани» (№ 17), а также «Пасторіемъ» (№ 43) или «Шевалье» (№ 50). Симоновскій (№ 51) пользовался «Шевалье» (№ 50), который, въ свою очередь, копировалъ «Пасторія» (№ 43), и «Величко» (№ 16), заимствуя многое изъ недошедшаго до насъ «Дневника Зорки», и «Твардовскимъ» (№ 26). «Дневникъ посольства Киселя и Мястковскаго» помѣщенъ въ «Сборникѣ Нѣмцевича» (№ 10) и въ первомъ томѣ «Памятниковъ кіевской коммисіи» (№ 2); а «Описаніе осады Львова въ 1655 году по современнымъ дневникамъ» находится въ «Хроникѣ Львова» (№ 46) и въ «Дополненіяхъ къ памятникамъ русской исторіи» (№ 9). Трактаты и договоры помѣщены въ большей части означенныхъ здѣсь сочиненій и сборниковъ сходно между собою. Рѣдкими источниками, здѣсь поименованными, я пользовался большею частью, въ императорской публичной библіотекѣ, а нѣкоторыми отъ покойнаго графа Константія Свидзинскаго.»

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

Введеніе..... 1

Глава I.

Положеніе Польши въ XVII вѣкѣ. — Планы короля Владислава IV и канцлера Оссолинскаго. — Поѣздка Оссолинскаго въ Украину. — Барабашъ и Хмельницкій. — Польскій сеймъ 1646 года.—Бѣдствія Украины.— Обѣдъ у Хмельницкаго.— Перехваченная королевская привиллегія.—Дѣло Хмельницкаго съ Чаплинскимъ.—Поѣздка Хмельницкаго въ Варшаву. — Свиданіе съ королемъ.—Возвращеніе въ Украину.— Совѣщаніе въ рощѣ. — Арестъ Хмельницкаго. — Кречовскій. — Бѣгство Хмельницкаго въ Сѣчь. — Переписка съ панами. — Путешествіе въ Крымъ.— Свиданіе съ ханомъ.— Тугай-Бей. — Запорожская рада. — Польское войско въ Украинѣ. — Приготовленія къ возстанію. — Отправленіе польскаго передоваго отряда въ степь.—Городовые казаки передаются къ Хмельницкому. — Желтоводская битва. — Переговоры. —Пораженіе поляковъ у Княжихъ Байраковъ. — Походъ польскаго войска. — Совѣты. — Корсунская битва.—Отступленіе поляковъ. — Микита Галаганъ. — Пораженіе поляковъ въ Крутой-Балкѣ. — Плѣнъ польскихъ пановъ. — Прибытіе Хмельницкаго въ Бѣлую Церковь. — Смерть короля. — Универсалъ Хмельницкаго. — Посольство въ Варшаву. — Возстаніе Украины.... 33

Глава II.

Стр.

Неистовства хлоповъ. — Гайдамаки. — Истребленіе пановъ. — Поруганія римско-католической святыни. — Злодѣяніе надъ жидами. — Вовгуревцы. — Взятіе Нестервара. — Избіеніе жидовъ и шляхты. — Бракъ Остапа. — Свирѣпства гайдамаковъ въ Подоліи. — Кривоносъ. — Іеремія Вишневецкій. — Казни въ Погребищѣ и Немировѣ. — Битва Вишневецкаго съ Кривоносомъ. — Взятіе Бара. — Гайдамаки въ Волыніи. — Походъ въ Кадаку и взятіе его. — Возстаніе въ Литвѣ..... 152

Глава III.

Чрезвычайный сеймъ. — Обвиненіе Оссолинскаго. — Коммиссія. — Безполезные переговоры. — Ополченіе польскихъ войскъ. — Предводители. — Походъ Хмельницкаго на Волынь. — Богатство польскаго лагеря. — Самонадѣянность поляковъ. — Совѣтъ въ польскомъ лагерѣ. — Переговоры съ казаками..... 194

Глава IV.

Стычки подъ Пилявою. — Хитрость Хмельницкаго. — Бѣгство поляковъ. — Расхищеніе польскаго лагеря. — Взятіе Константинова, Збаража, Бродъ. — Осада Львова. — Окупъ. — Осада Замостья..... 231

Глава V.

Избраніе Іоанна Казимира. — Королевское приказаніе. — Отступленіе Хмельницкаго въ Украину. — Прибытіе въ Кіевъ. — Митрополитъ Іосафъ. — Возобновленіе брака Хмельницкаго..... 279

Глава VI.

Положеніе Украины. — Сношеніе съ Крымомъ, Турціею, Молдавіею, Трансильваніею, Московіею. — Польскіе коммисары въ Переяславлѣ..... 295

Глава VII.

Стр.

Сеймъ. — Три предводителя. — Походъ войска на Волынь. — Стычка съ волынскими загонами. — Ополченіе Украины. — Прибытіе хана..... 329

Глава VIII.

Польскій лагерь подъ Збаржемъ. — Голодъ. — Подвиги Вишневецкаго. — Янъ Скретускій. — Походъ короля. — Посполитое рушенье. — Назначеніе новаго казацкаго гетмана. — Зборовское сраженіе..... 350

Глава IX.

Переговоры съ ханомъ. — Трактатъ съ татарами. — Зборовскій договоръ поляковъ съ казаками. — Хмельницкій у короля. — Освобожденіе отъ осады польскаго войска подъ Збаржемъ. — Битвы въ Литвѣ. — Подвиги и пораженіе Кречевскаго..... 426

ВВЕДЕНІЕ.

Народъ, населяющій въ настоящее время бо́льшую часть Галиціи, часть люблинской губерніи царства польскаго, губерніи Россійской Имперіи: подольскую, кіевскую, волынскую, черниговскую и полтавскую, харьковскую, екатеринославскую, Землю Черноморскихъ казаковъ, составляющій значительную часть народонаселенія въ губерніяхъ: воронежской, курской, херсонской, имѣющій свои поселенія въ губерніяхъ: саратовской, астраханской и Землѣ Войска Донскаго, народъ, называемый украинцами, малороссіянами, черкасами, русинами и просто русскими, принадлежитъ къ древнѣйшимъ отраслямъ племени славянскаго. Въ глубокой древности мы усматриваемъ его на пространствѣ, занимаемомъ теперь Галиціею, Волынью, Подолью, Бессарабіею, кіевскою и херсонскою губерніями подъ именами Великой-Скуѳіи, антовъ, велынянъ. Въ VIII вѣкѣ по Р. Х., по извѣстіямъ арабскаго историка Массуди, онъ образовывалъ сильный союзъ народовъ, подъ именемъ

велынскаго, и управлялся избранными правителями или князьями. Въ IX вѣкѣ южнорусскій народъ является снова разбитымъ на мелкіе народцы; жившіе въ западной Волыни назывались дулѣбами, а потомъ велынянами (1), то-есть великими, какъ кажется, потому-что въ ихъ землѣ было средоточіе союза велынскаго; жившіе по Бугу назывались бужане, по Днѣстру — тиверцы, въ Галиціи — хорваты или горбаты (отъ слова горбъ, холмъ), жители кіевской, херсонской губерніи и Бессарабіи — угличи. Къ нимъ слѣдуетъ причислить и лучанъ, о которыхъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: мѣсто жительства ихъ было въ гродненской губерніи и около Бялостока, гдѣ теперь живутъ остатки южно-русскаго народа подъ названіемъ подлясской-Руси. Все это были исконные обитатели края, аборигены. На востокъ отъ нихъ жили славяне, переселившіеся съ Дуная подъ мѣстными названіями: древлянъ въ нынѣшнемъ Полѣвѣ, полянъ около Днѣпра, суличей по берегамъ Сулы, сѣверянъ въ нынѣшней черниговской губерніи.

Въ половинѣ IX-го вѣка южноруссы-переселенцы соединились въ единую федеративную державу подъ

---

(1) *Велинный* (стар. украинс.) — великій (въ увеличительномъ смыслѣ). Въ Украинѣ существуетъ въ народѣ темное преданіе о томъ, что нѣкогда въ югозападной Руси жилъ народъ *веляшки* — исполины; слово *антъ* имѣетъ тоже значеніе.

начальствомъ варяжскихъ князей. Кіевъ, главный городъ полянъ, сдѣлался столицею этой державы. Южноруссы–аборигены долго защищали свою отдѣльность, но не могли удержать ее, переходили то подъ власть Польши, то подъ власть Кіева, наконецъ, въ XI вѣкѣ, окончательно соединились съ государствомъ, центромъ котораго былъ Кіевъ; это государство названо *Русскимъ*, ибо земля полянъ называлась также *Русскою* Землею.

Кіевская, или *Русская Земля*, обладала не только всею Южною Русью, но и славянами, жившими на сѣверѣ и востокѣ пространства, занимаемаго нынѣшнею Россіею, отчего, впослѣдствіи, всѣ эти славяне усвоили названіе *русскихъ*. Скоро, однако, въ междоусобіяхъ князей и нашествіяхъ иноплеменниковъ, лишился Кіевъ этого первенства. Съ конца XII вѣка Южная Русь начала жить отдѣльно отъ сѣверной. Она была раздѣлена на нѣсколько политическихъ обществъ, которыя управлялись народными собраніями (вѣчами) и князьями, нерѣдко возводимыми и смѣняемыми по прихоти воинственной толпы. Кромѣ славянскихъ народовъ, въ Южной Руси жили еще турецкія племена, подъ именами торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ; впослѣдствіи они вошли въ составъ южнорусской народности и внесли въ нее элементъ— азіатскій.

Монголы обезлюдили кіевскую или Русскую Зем-

лю, носившую названіе Украины уже въ XII вѣкѣ. Центръ южнорусской національности перенесенъ былъ въ Червоную Русь. Мужественный князь Данило укрѣпилъ-было снова южнорусскій народъ, но внутреннія несогласія и вмѣшательства сосѣдей (поляковъ и венгровъ) снова его обезсилили. Въ XIV вѣкѣ западная часть Южной Руси, то-есть Русь Червоная, соединилась съ Польшею, а восточная вошла въ составъ новообразовавшагося русскаго государства подъ верховною властью князей литовскаго племени, отчего оно и называлось великимъ княжествомъ литовскимъ.

Польская политика постоянно стремилась къ тому, чтобъ соединить съ Польшею это государство и достигала своей цѣли тѣмъ, что, впродолженіе двухъ вѣковъ, на польскій престолъ избирались русско-литовскіе великіе князья. Одинъ изъ русскихъ государей, избранный на польскій престолъ, Казимиръ Ягеллоновичъ, въ 1476 году уничтожилъ отдѣльное кіевское княжество и вслѣдъ затѣмъ ввелъ въ Южной Руси устройство, заимствованное изъ Польши. Онъ установилъ чины воеводъ, каштелляновъ, старостъ и даровалъ русскому дворянству польскія права. По образцу польскому, вольные города, мѣстечки и села были раздаваемы воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ въ пожизненное владѣніе. Тогда русскіе, недовольные такимъ порядкомъ, покидали

свои жилища, убѣгали въ степи и селились за днѣпровскими порогами, гдѣ жили въ шалашахъ и землянкахъ въ полудикомъ состояніи (2). По мѣсту жительства они назывались запорожцами, а по званію— *казаками*. Въ этомъ словѣ видѣнъ татарскій корень: оно означаетъ вольнаго воина, удальца. Другіе производили слово казакъ отъ *козарь*, думая, что бѣглецы названы такъ оттого, что стрѣляли дикихъ козъ для пищи и одежды (3). Слово козарь и увеличительное отъ него *козарлюга*, дѣйствительно, встрѣчаются въ казацкихъ пѣсняхъ вмѣсто казакъ.

Такимъ-образомъ, вначалѣ казацкое общество образовалось изъ бѣглецовъ, не хотѣвшихъ терпѣть новаго устройства по образцу польскому. Была еще другая необходимость образованія подобнаго сословія. Послѣ основанія крымскаго царства, Южная Русь терпѣла безпрестанныя опустошенія отъ татарскихъ ордъ; государи литовскіе и московскіе, воюя между собою, подущали крымцевъ къ нападенію другъ на друга. Въ такихъ случаяхъ, когда крымскій ханъ принималъ сторону великихъ московскихъ князей, Южной Руси доставалось отъ него прежде всего. Народъ южнорусскій, издавна воинственный, теперь,

---

(2) «Лѣтоп. самов.» 2.— «Пов. о томъ, что случ. въ Укр.» 2. — «Истор. о през. бр.».

(3) «Лѣтоп. малорос.» — «Лѣтоп. пов. о Мал. Рос.» 2.

по необходимости, долженъ былъ жить постоянно на военной ногѣ. «Молодцы» поставляли себѣ за честь биться съ невѣрными, защищать родину и, чтобъ не допускать враговъ въ Украину, Подоль и Волынь, сами выходили толпами въ степи мѣряться съ татарами отвагою. Безопасность земли южнорусской требовала, чтобъ за границею русскихъ селеній было военное укрѣпленіе, наполненное такими удальцами, для которыхъ война была бы милѣе всего. Такимъ-образомъ, число бѣглецовъ умножалось молодцами, которые уходили въ степи драться съ татарами. И тѣ и другіе жили постоянно съ оружіемъ въ рукахъ, смѣшались между собою, и построили за порогами укрѣпленіе подъ названіемъ Запорожской Сѣчи.

Вскорѣ одинъ изъ бѣглецовъ, уроженецъ Овруча, Остапъ Дашкевичъ (4), далъ казацкому обществу правильное устройство. Простота жизни, готовность на всякую опасность, набожность, совершенное братство между собою, безкорыстіе и строгое повиновеніе власти были вначалѣ основою запорожской общины. Верховная власть находилась въ рукахъ *рады*, или народнаго собранія, подобнаго древнему вѣчу. Рада избирала главнаго начальника, или атамана, подъ именемъ *кошеваго*, и все управленіе его называлось *кошемъ*. Кошъ раздѣлялся на курени; каждый

(4) «Cellar. Regni Polon.» 510.

курень избиралъ куреннаго атамана, подвѣдомственнаго кошевому по управленію. Эти избранные начальники имѣли безусловную власть надъ подчиненными, но, по окончаніи года, отдавали отчетъ радѣ и тогда, въ случаѣ злоупотребленій, подвергались суду и смертной казни. Живя въ шалашахъ, или *въ коливахъ* (хлѣвахъ, заплетенныхъ изъ хвороста), запорожцы сходились за общественный столъ, гдѣ съ ними обѣдалъ начальникъ. Пища ихъ (говоритъ украинскій лѣтописецъ) состояла изъ квашенаго тѣста, или *саламахи*, или изъ каши, называемой *тетерею*; похлёбку съ рыбой они считали за праздничное кушанье. У каждаго казака было не болѣе двухъ одеждъ: они обязаны были пріучать себя къ нищетѣ и терпѣнію. Всякая ссора между собою строго преслѣдовалась. На войнѣ съ невѣрными они были безчеловѣчны и безжалостны, но всякое насиліе и разбой въ христіанскомъ поселеніи подвергало запорожца смертной казни; такъ же строго наказывалось воровство; «у нихъ (говоритъ старое описаніе) за едино путо вѣшали на древѣ». Хотя женатый могъ поступить *въ товарищество*, однако подъ смертною казнью воспрещалось ввести въ сѣчу женщину, и вообще холостые пользовались бо́льшимъ уваженіемъ въ казацкомъ обществѣ. За блудодѣяніе наказывали палками или кіями. Запорожецъ, вступая въ общину, давалъ обѣтъ воевать за христіанскую вѣру, защи-

щать христіанъ и губить враговъ Іисуса Христа. Онъ обязанъ былъ ходить въ храмъ и исполнять положенные церковью посты и обряды (5).

Такое общество не могло не обратить на себя вниманія правительства. Великій князь Сигизмундъ I препоручилъ русскому пану Ляндскоронскому даровать казакамъ значеніе правильнаго сословія въ политическомъ быту Южной Руси. Казаки избрали Ляндскоронскаго своимъ предводителемъ (гетманомъ). Онъ, съ дозволенія Сигизмунда, расширилъ ихъ мѣстопребываніе выше пороговъ; земли, пограничныя Днѣпру на обѣихъ его сторонахъ, предоставлены были казакамъ (6). Населеніе ихъ быстро увеличилось изъ жителей Южной Руси, и казацкое сословіе получило раздѣленіе на *низовцевъ*, или *запорожцевъ*, и городовыхъ, или *украинскихъ казаковъ*. Первые оставались въ своемъ составѣ братства, или товарищества, жили попрежнему въ сѣчѣ, не имѣли семействъ; другіе были войны-граждане, имѣли женъ и дѣтей, занимались работами, а въ случаѣ нужды, должны были выходить на войну (7). Вѣроятно, уже въ то время явилось между ними сословіе *подпомощниковъ*, обязанныхъ исключительно заниматься земледѣліемъ и домашними работами.

(5) «Ист. о през. бр.»
(6) «Крат. опис. о каз. малор. нар.» 4.
(7) «Сказ. о гетм. запор. ажъ до Богд. Хм.»

Послѣ Ляндскоронскаго, котораго, по увѣренію одной лѣтописи ([8]), казаки казнили смертью, замѣтивъ, что онъ имѣлъ намѣреніе привести ихъ въ строгое повиновеніе королевской власти, избираемы были гетманы изъ знатныхъ русскихъ фамилій. При одномъ изъ нихъ, Ружинскомъ, учреждено было чиноначаліе — генеральная старшина: есаулы, судьи, писаря, обозные. Число казаковъ быстро увеличилось; казацкое сословіе населяло земли, занимаемыя теперь губерніями кіевскою, полтавскою и южною частью подольской, и раздѣлялось на двадцать полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра ([9]). Одна изъ лѣтописей украинскихъ ([10]) говоритъ, что царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: «сколько въ Украйнѣ казаковъ?» Ему отвѣчали:» *у насъ де кракъ* ([11]), *тамъ казакъ, а де байракъ, тамъ и сто казаковъ*». XVI вѣкъ былъ эпохою героической славы казацкаго рыцарства. Предводительствуемые истинными богатырями, каковы были: Вишневецкіе, Вячеславъ Хмельницкій, Свѣрховскій и, въ-особенности, храбрый Ѳедоръ Богданко, казаки сдѣлались страшны и на морѣ: въ своихъ *чайкахъ*, какъ назывались ихъ челны, проникали въ Ру-

---

([8]) «Сказ. о гетм. запор.».
([9]) «Ист. Рус.» 15. — «Сказ. о гетм. запор.».
([10]) «Ист. о през. бр.».
([11]) Т. е. кустъ.

мелію, Анатолію, разрушали мусульманскія твердыни, заставляли трепатать Константинополь, избавляли изъ темницъ и галеръ христіанскихъ плѣнниковъ, возбуждали къ освобожденію изъ-подъ ига турецкаго христіанскіе народы. Въ тоже время они были стражами русской вѣры и русской народности. Лѣтописцы называютъ золотымъ вѣкомъ времена двухъ Сигизмундовъ изъ дома гедиминова. Неудивительно: аристократія русская еще сохраняла вѣру отцовъ, и русскій языкъ, и русскій образъ понятій; владѣлецъ еще видѣлъ въ своихъ подвластныхъ дѣтей одной и тойже церкви, говорившихъ съ нимъ однимъ языкомъ.

Въ 1569 году совершилось великое событіе. Сигизмундъ-Августъ, всю жизнь потакавшій полякамъ, устроилъ съ величайшимъ, однако, усиліемъ соединеніе великаго княжества литовскаго съ польскимъ королевствомъ. Вся земля южнорусская, именно, Украина (то-есть нынѣшнія губерніи кіевская и полтавская), Волынь и Подолія на всеобщемъ сеймѣ были отдѣлены отъ Литвы и присоединились непосредственно къ Польшѣ. Русскіе, какъ сказано было въ актѣ, соединились съ поляками, какъ равные съ равными и свободные съ свободными. Русскіе дворяне упорно противились этому соединенію, однако согласились, успокоенные клятвенными утвержденіями вѣчной неприкосновенности своей вѣры, язы-

ка, законовъ, — словомъ, совершенной цѣлости своей національности.

Преемникъ Сигизмунда-Августа, Стефанъ Баторій, началъ дѣйствовать съ рѣшительнымъ намѣреніемъ слить Южную Русь съ Польшею въ одинъ составъ. При содѣйствіи іезуитовъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, клонившихся къ стѣсненію свободы греческой религіи. Король дѣйствовалъ осторожно, думалъ достигнуть цѣли не скоро, но вѣрно. Онъ хотѣлъ ослабить и, мало-по-малу, довести до униженія казаковъ, потому-что почиталъ ихъ оплотомъ русской народности и главнымъ препятствіемъ къ слитію Руси съ Польшею. Казаки въ царствованіе Ягеллоновъ были по одному имени подданными великихъ князей. Сами себя они не называли иначе, какъ вольными, да и сами государи, даже Стефанъ, давали имъ такое имя (12). Украина только на бумагѣ принадлежала литовско-русскому княжеству, а потомъ польскому королевству, ибо знатные дворяне служили въ казацкомъ войскѣ, не спрашиваясь ни у кого, а казаки, которыхъ было много во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ, выбирали гетмановъ, воевали, мирились, дѣлали свои распоряженія, не относясь къ правительству (13). Стефанъ началъ свое

(12) «Ист. Мал. рос.» I. 155.
(13) «Hist bel. cos. polon.» 10.

дѣло уничтоженія казаковъ мѣрами, повидимому, благопріятными для казачества. Онъ послалъ, какъ-бы въ знакъ милости и благосклонности, казацкому гетману Ѳедору Богданку бунчукъ, булаву, печать съ изображеніемъ воина, знамя съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ достоинствѣ какъ гетмана, такъ и старшинъ (14). Онъ учредилъ въ казацкомъ сословіи особое сословіе подъ названіемъ реестровыхъ, на образецъ пограничной венгерской стражи, называемой гайдуками. Учрежденная нарочно коммиссія обязана была въ опредѣленное время набирать изъ жителей Южной Руси реестровыхъ казаковъ и вести имъ списокъ (15). Всѣмъ имъ положено жалованье по червонцу въ годъ и по тулупу каждому. Осыпая, такимъ образомъ, милостями казаковъ, король показывалъ имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣетъ право верховнаго начальства надъ ними. Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реестровыхъ король сдѣлалъ разъединеніе между казаками; онъ имѣлъ въ виду, чтобъ современемъ только эти шесть тысячъ, записанныя въ реестръ, остались казаками, а прочіе, мало-по-малу, вошли въ со-

---

(14) «Лѣт. самов.» 2. — «Ист. о през. бр.» — «Пов. о томъ, что случ. въ Укр.» 2. — «Сказ. о гетм. запор.». — «Истор. Рус.» 28.

(15) «Hist. bel. cos. pol.» 10.

словіе посполитыхъ: они, всѣ, наравнѣ съ другими, подпали бы подъ власть дворянъ; наконецъ и эти шесть тысячъ, получая жалованье, какъ солдаты, подвергаясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, должны были сдѣлаться только однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Ѳедоръ Богданко поблагодарилъ за подарки, а о подчиненности не думалъ, и тотчасъ же, безъ позволенія короля, пошелъ воевать съ турками. Преемникъ его, Ганъ Подкова, овладѣлъ Молдавіею. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши; Стефанъ приказалъ хитрымъ образомъ схватить его и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы, Шаха, и начали мстить за Подкову ([16]). Тогда-то было начало столѣтней вражды южноруссовъ съ поляками, къ которой принадлежитъ эпоха Хмельницкаго и смутное время по смерти его.

Шахъ первый показалъ мысль посредствомъ казаковъ освободить Южную Русь отъ соединенія съ Польшею. Онъ не только принудилъ поляковъ выдать ему дочь, имущество и тѣло убитаго Подковы ([17]), но выгонялъ шляхтичей, поселявшихся въ Подоліи со времени присоединенія ея къ Польшѣ, по акту 1569 года ([18]); король хотѣлъ рѣшительно истребить

([16]) «Лѣт. самов.» 2.
([17]) «Сказ. о гетм. запор.».
([18]) «Кр. опис. о каз. малор. нар.» 2.

казачество, но не успѣлъ, и сказалъ, не задолго до кончины: «изъ этихъ *льотриковъ* (бродягъ) казаковъ образуется когда-то самостоятельное государство» (19).

По смерти Стефана, при Сигизмундѣ III, сеймъ началъ дѣйствовать скоро и опрометчиво съ казаками. Въ 1590 году постановили, чтобъ гетманъ казацкій былъ утвержденъ королемъ; чтобъ число казаковъ отнюдь не привышало шести тысячъ; чтобъ всѣ старшины были изъ дворянъ; чтобъ казаки не смѣли самовольно воевать и заключать договоровъ, и чтобъ избранный правительствомъ коммиссаръ надзиралъ надъ ихъ дѣйствіями (20). Это еще болѣе раздражило казаковъ и было причиною новыхъ возстаній; поляки же ни мало не достигли цѣли. Казаки были такъ сильны, что опредѣленія сейма не имѣли на нихъ вліянія; притомъ же польскіе дворяне, сами того не зная, способствовали увеличенію и усиленію казацкаго сословія. Занимая въ Украинѣ, особенно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, привольныя, но малонаселенныя земли, они приглашали къ себѣ переселенцевъ, обѣщая имъ выгоды; это называлось: «зазывать на слободы». Русскіе бѣжали къ нимъ изъ Волыни и Червоной Руси, гдѣ не было казаковъ и народъ находился въ бо́льшей подчиненности

(19) «Лѣт. Велич.» I. 338. «Лѣт. отъ смерт. Хмельн.
(20) Annal. Pol. Cl. I. 8.

у владѣльцевъ. Эти новосельцы часто приходили въ слободу и тотчасъ же убѣгали къ казакамъ, а другіе, если и занимались земледѣліемъ въ имѣніи пана, то всегда могли избавиться побѣгомъ отъ обязанностей подданства, а въ случаѣ возстанія казаковъ противъ власти, готовы были увеличивать собою число казацкаго войска ([21]). Итакъ, казаки были уже раздражены противъ Польши, а между-тѣмъ усиливались; мысль объ отторженіи Руси возникала; вдругъ появилась унія, или соединеніе греческой церкви съ римскою.

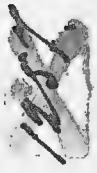
Римскіе первосвященники издавна простирали виды на русскую церковь. Попытки ихъ впродолженіе вѣковъ оставались безуспѣшны. Но, въ концѣ XVI вѣка, обстоятельства были для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ распоряженіи ихъ былъ орденъ іезуитовъ, введенный въ Польшу при Сигизмундѣ-Августѣ, и въ короткое время, овладѣвшій и правительствомъ, и умами дворянства, и воспитаніемъ юношества. Сигизмундъ III-й былъ горячій католикъ и готовъ былъ на все въ угодность папѣ. При томъ же стремленія польской политики благопріятствовали видамъ римскаго двора: совершенное слитіе Руси съ Польшею казалось неудобоисполнимымъ, пока не успѣютъ поколебать вѣру русскаго народа. Возникла

([21]) «Hist. bel. cos. pol.» 22.

унія и возникла съ величайшимъ искусствомъ. Не касаясь, повидимому, правъ Руси, освященныхъ торжественно кореннымъ закономъ соединенія русскихъ съ поляками, не показывая явнаго намѣренія подчинить русскихъ римско-католической церкви, ограничивались единственно тѣмъ, что русскіе должны признать спасительность римско-католическаго исповѣданія, со всѣмъ ученіемъ западной церкви, наравнѣ съ греческимъ, и почитать обряды западные столь же святыми, какъ и восточные; а римская церковь признавала святость всего, составляющаго достояніе восточнаго православія. Такова была видимая сущность уніи. Способъ ея введенія былъ также прикрытъ личиною справедливости: католики отнюдь не навязывали русскимъ уніи. Нашлись такія лица изъ духовнаго званія, которыхъ можно было употребить орудіями и придать дѣлу такой видъ, будто церковь православная, въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей, добровольно предлагаетъ братское соединеніе съ западною церковью для блага всего христіанства. Нѣкоторые епископы увлечены были обманомъ; ихъ убѣдили подписаться на бланкахъ, на которыхъ потомъ написали совсѣмъ не то, что́ имъ обѣщали, а будто они всѣ желаютъ признать первенство римскаго апостольскаго престола ([22]). Этотъ-то актъ

([22]) «Опис. кіев. Соф. соб.» и «Ист. кіев. іер.» 140.

былъ утвержденъ папою, а потомъ поляки почитали себя въ-правѣ употреблять всякія явныя мѣры къ уничтоженію русской вѣры въ русской землѣ, думая, что коренной законъ соединенія русскихъ съ поляками, какъ равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными, отнюдь ненарушенъ. Унію выдумали только для простаго народа: дворянъ предположено было обратить прямо въ католичество.



Дворянство южнорусское, при появленіи уніи, зашумѣло; составились братства, конфедераціи, съ цѣлью защищать отеческую вѣру ([23]); но лѣтъ чрезъ тридцать съ небольшимъ послѣ того, французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ Польшѣ, говорилъ: «Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, несмотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ» ([24]).

Многіе русскіе дворяне, происходя отъ св. Владиміра, или Гедимина, пользовались передъ польскимъ дворянствомъ знатностью рода, обладали богатствами и, участвуя на сеймахъ, могли быть двигателями государственнаго управленія. Они полюбили эту роль,

---

([23]) «Опис. кіев. Соф. соб.» и «Ист. кіев. іер.» 149.
([24]) «Опис. Укр.» 8.

350764

промѣняли тѣсное поприще на обширное и свыклись съ мыслью, что отечество ихъ цѣлая Речь Посполитая, а не присоединенная къ ней Южная Русь. Принявъ, по необходимости, польскій языкъ, употребляемый при дворѣ и на сеймѣ, они скоро перемѣнили и вѣру, потому-что эта перемѣна освобождала ихъ отъ невыгоднаго взгляда на нихъ римско-католическаго духовенства, столь сильнаго въ то время въ католической Польшѣ, и открывала имъ дорогу къ пріобрѣтенію староствъ; притомъ ихъ ободряли ласки короля и двора, и всеобщія похвалы шляхетскаго сословія.

Другіе потеряли вѣру и народность черезъ браки съ поляками; а если сами заимствовали отъ супругъ единственно языкъ, то всегда почти предоставляли дѣтямъ слѣдовать внушеніямъ матерей въ-отношеніи вѣры. Такимъ образомъ перерождались цѣлыя фамиліи.

Еще болѣе дѣйствовало на перерожденіе русскаго дворянства — воспитаніе. Дѣти русскихъ дворянъ учились въ Краковѣ, въ Львовѣ, въ Ярославлѣ и прочихъ городахъ внутреннихъ странъ Речи Посполитой, иные за границею, въ Австріи, во Франціи, въ Испаніи, Италіи; іезуиты вездѣ овладѣвали тогда воспитаніемъ. Какъ-только прибудетъ въ училище молодой русинъ, на него устремляется все вниманіе; ему внушаютъ отвращеніе къ вѣрѣ отцовъ его; описываютъ ее ересью; представляютъ догматы римско-

католической церкви истинными, а обряды ея стараются выставить въ привлекательномъ видѣ. Молодое чувство покоряется внушеніямъ наставниковъ: русскій принимаетъ римско-католическое исповѣданіе, возвращается на родину — и все въ ней кажется ему варварскимъ; онъ затыкаетъ уши, слыша рѣчь южнорусскую; на подданнаго своего онъ смотритъ не только какъ на презрѣннаго раба, но какъ на существо, отверженное Богомъ, лишенное облегченія своей горькой участи и за предѣлами гроба.

Наконецъ, многіе дворяне увлечены были убѣжденіями іезуитовъ, которые разсыпались тогда по всей Южной Руси и разными путями выгоняли и унижали православныхъ духовныхъ, которыхъ поляки съ намѣреніемъ лишали средствъ къ образованію, дабы они не были въ-состояніи спорить съ римско-католическими духовными и опровергать ихъ. Болѣе двадцати лѣтъ послѣ введенія уніи, большая часть православныхъ епископскихъ каѳедръ оставалась незанятою; посвященіе священниковъ сопряжено было съ затрудненіями. Дворяне видѣли вокругъ себя католиковъ и уніатовъ, которые притомъ были образованнѣе православныхъ. Притомъ польскіе дворяне, съ каждымъ годомъ, болѣе-и-болѣе разселялись въ Руси. Сила привычки велика: русскіе дворяне незамѣтно стали расположены быть отступниками.

Польское право предоставляло помѣщикамъ безу-

словную власть надъ подданными; нетолько не было никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертью, не давая никому отчета ([25]). Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, вовсе ему непринадлежащаго, чаще всего оставался безъ наказанія, потому-что для обвиненія его требовались такія условія, какія рѣдко могли встрѣтиться ([26]). Со времени уніи, какъ мы замѣтили, панъ готовъ былъ поступать безжалостнѣе съ крестьяниномъ, чуждымъ ему и по языку, и по вѣрѣ. Надобно прибавить, что въ тоже время между дворянствомъ Речи Посполитой распространилась чрезмѣрная роскошь и мотовство, требовавшія огромныхъ издержекъ. По сказанію Боплана, обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превышалъ званые столы во Франціи. Серебряная и вызолоченная посуда, множество кушаньевъ, иноземныя вина, въ то время дорогія, музыка при столѣ и толпы служителей составляли условія тогдашняго обѣда. Такая же расточительность господствовала въ одеждѣ. Бережливость считалась постыдною; въ тотъ вѣкъ принимали за хорошій тонъ въ домѣ, когда лакеи вытирали сальныя тарелки рукавами господскихъ кунтушей, вы-

([25]) «Опис. Укр.» 9.
([26]) «Опис. Укр.» 111.

шитыхъ золотомъ по драгоцѣнному бархату ([27]). Паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Точно также и знатная панья окружала себя толпою шляхтянокъ. Такихъ дармоѣдовъ въ иномъ домѣ было по нѣскольку тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ.

«Крестьяне въ Польшѣ (говоритъ современникъ) ([28]), мучатся какъ въ чистилищѣ въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю». Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола пана, «хлопъ» — какъ называли въ Польшѣ крестьянина—былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ прислуги дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ-того, крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, передъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ-называемый *осыпъ* ([29]), то-есть нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ, долженъ былъ отдавать десятую часть ([30])

([27]) «Опис. Укр.» 114, 127.
([28]) «Опис. Укр.» 9.
([29]) «Лѣт. самов.» 7.
([30]) «Опис. Укр.» 9.

и, кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *восковаго*, каждый волъ — пошлинѣ подъ названіемъ *роговаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за измолъ муки — *сухомельщину* (31) и т. п. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, маетности на аренды, обыкновенно, жидамъ (32), а сами или жили и веселились въ своихъ палаццахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійдти въ голову корыстолюбивой разсчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ-называемаго *дудка* (dudek); если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить подобный *дудекъ* (33) или *поемщизну*. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, а нерѣдко и умирало безъ таинства,

---

(31) «Pam. o wojn. koz. za Chmieln.» 56. «Ист. о през. бр.»

(32) Jawor Niebiesky.

(33) «Hist. bel. cos. polon.» 32. «Jawor. Niebiesky».

а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья ([34]). Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Обыкновенно, жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ помѣщика право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертью ([35]). Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было еще ужаснѣе, нежели въ родовыхъ. Кромѣ безграничнаго произвола старосты или подстаросты-жида, которые не жалѣли людей, потому-что они составляли достояніе владѣльца только до его смерти, въ этихъ имѣніяхъ квартировали войска, отличавшіяся въ Польшѣ неистовствами и безчинствами.

Рядомъ съ утѣсненіемъ народа шло поруганіе православной вѣры. До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять конституцій, обезпечивавшихъ свободу грекорусскаго исповѣданія ([36]); но, вопервыхъ, духовные считали себя въ-правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше госу-

---

([34]) «Hist. bel. cos. pol.» 32. «Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун.» 70. «Универс. кіевск. митр. Петр. Мог.» 10.

([35]) «Пам. кіев. комм.» 1, 2, 89.

([36]) «Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун.» 85 — 89, 101 — 110.

дарства, а во вторыхъ, эти конституціи, по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или староствѣ построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ, впрочемъ, съ опасностью подвергнуться наѣзду какого-нибудь сосѣда, возбужденнаго католическимъ духовенствомъ; но тамъ, гдѣ владѣлецъ—католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола пана. А такъ-какъ пановъ католической вѣры, со дня на день, становилось больше, чѣмъ православныхъ, то, значитъ, эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія лишить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или староствъ ([37]); обращали насильно православныя церкви въ уніатскія ([38]); нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи; ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ,

([37]) «Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун.» 70.
([38]) «Hist. bel. cos. pol.» 24.

иногда же топили и вѣшали. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго вѣроисповѣданія ([39]). Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину ([40]), не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ-состояніи были платить, а священники, не получая содержанія и притомъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи.

Въ городахъ происходило такое же поруганіе вѣры. Ревнители уніи дѣйствовали чрезъ католическихъ жителей города. Одни католики были выбираемы въ

([39]) «Пам. кіев. комм.» I, 2, 99.

([40]) Pamiętn. do panow. Zygm. III, Wł. IV i Ian. Kaz. I, 254.

должности ([41]) и, въ качествѣ членовъ городскаго начальства, потакали римско-католическому духовенству и допускали распоряженія, стѣснительныя для православія. Въ Червоной Руси, землѣ, издавна присоединенной къ Польшѣ, православные еще до уніи подвергались стѣсненіямъ; но со времени уніи, во Львовѣ запрещено было православнымъ не только участвовать въ муниципальномъ совѣтѣ, но даже торговать и записываться въ ремесленные цехи ([42]). Не дозволяли хоронить православныхъ съ христіанскими обрядами; священникъ не смѣлъ идти къ больному съ дарами; наглость львовскихъ католиковъ и уніатовъ доходила до того, что толпы врывались въ церковь во время богослуженія. Въ Луцкѣ, въ 1634 году, ученики іезуитскаго коллегіума и польскіе ремесленники, ободряемые ксендзами, бросились на монастырь православнаго крестовоздвиженскаго братства, прибили и изувѣчили палками и кирпичами монаховъ, учителей, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадельнѣ, ограбили казну братства, потомъ, съ благословенія іезуитовъ, разбивали домы, били, увѣчили хозяевъ и нѣсколькихъ человѣкъ убили до смерти; наконецъ, оставаясь безъ преслѣдованія за свои поступки, величались своими подвигами, называя ихъ

([41]) «Опис. кіев. Соф. соб.» и «Ист. кіев. іер.» 159.
)[42]). «Истор изв. о возн. въ Польшѣ ун.» 71.

богоугодными дѣлами ([43]). Въ Кіевѣ насильно обратили большую часть церквей въ уніатскія, и въ томъ числѣ св. Софію и выдубицкій монастырь. Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи ([44]). Въ этомъ городѣ, со временъ митрополита Петра Могилы, дѣйствовавшаго, подъ покровительствомъ Владислава, всѣми силами для поддержанія православія, состояніе русской вѣры нѣсколько улучшилось; однако студенты академіи получали по улицамъ побои по наущенію іезуитовъ ([45]). По всей Руси въ судахъ и трибуналахъ накопилось тогда безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты настраивали католиковъ и уніатовъ подавать на православныхъ доносы, обвиняющіе ихъ въ хуленіи римско-католической вѣры. Обвиняемыхъ заключали въ оковы, подвергали мученіямъ пытокъ, подъ которыми иные умирали, и всегда почти, если обвиненному удавалось перенести муки и просидѣть нѣсколько лѣтъ въ отвратительной тюрьмѣ, его постигала конфискація имущества и *инфамія*, то-есть лишеніе гражданской чести ([46]).

([43]) «Памят. кіевс. комм.» I, 1: 214 — 222.

([44]) «Опис. кіев. Соф. соб.» и «Ист. кіев. іерарх.» 159.

([45]) «Универ. Петра Мог.» II.

([46]) «Унив. Петр. Мог.» II. «Истор. изв. о возн. въ Польшѣ ун.» 79.

*

Одни казаки поднимали оружіе за святыню предковъ. Послѣ введенія уніи, гетманъ Наливайко ополчился противъ поляковъ, разбилъ подъ Чигириномъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго, но, въ свою очередь, былъ потомъ разбитъ и сожженъ въ Варшавѣ (47). Въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка правилъ казаками Конашевичъ-Сагайдашный, прославившій себя взятіемъ Кафы и подвигами противъ невѣрныхъ (48). Онъ возвысилъ и усилилъ казацкое сословіе. Король Сигизмундъ III до того былъ недоволенъ этимъ гетманомъ, что лишалъ его сана и назначалъ другихъ гетмановъ казакамъ, дабы произвести въ казацкомъ сословіи раздоръ; но Сагайдашный низложилъ соперниковъ, (49) и довелъ Сигизмунда до того, что онъ призналъ число однихъ реестровыхъ до пятидесяти тысячъ, и обращался съ Сагайдашнымъ не такъ, какъ съ подданнымъ, а какъ съ союзникомъ (50). Сагайдашный постоянно дѣйствовалъ для уничтоженія уніи, писалъ ученыя сочиненія въ защиту православія (51), посылалъ на сеймъ прошенія

---

(47) «Лѣт. самов.» 3. «Ист. о през. бр.».
(48) «Лѣт. самов.» 4.
(49) «Лѣт. самов.» 4.
(50) «Лѣт. Велич.» I. прилож. 41.
(51) «Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун.» 77.

и обвиненія противъ пановъ за утѣсненіе народа ([52]), заводилъ училища съ цѣлью доставить русской церкви свѣдущихъ ревнителей вѣры, основалъ Кіевское Братство и убѣдилъ, въ 1620 году, проѣзжавшаго константинопольскаго патріарха посвятить въ кіевскіе митрополиты Іова и епископовъ на каѳедры: луцкую, перемышльскую, хелискую, владимірскую, пинскую и полоцкую, которыя долго оставались незаняты православными архіереями ([53]). Этимъ и ограничились дѣйствія Сагайдашнаго. Онъ хотѣлъ достигнуть возстановленія правъ русскаго народа услугами Рѣчи Посполитой, хотѣлъ свободы Руси, но не думалъ объ отдѣленіи ея, и потому избѣгалъ кровопролитій.

Смѣлѣе дѣйствовали другіе гетманы послѣ Сагайдашнаго. Поляки разставили по Украинѣ войско, чтобъ обезсилить казаковъ и чрезъ то отнять у Южной Руси надежду на возрожденіе. Казаки истребили и прогнали жолнеровъ и, въ 1628 году, подъ начальствомъ гетмана Тараса, разбили подъ Переяславомъ короннаго гетмана Конецпольскаго ([54]). Тарасъ заклю-

---

([52]) «Лѣт. Велич.» I, прилож. 49.

([53]) «Опис. кіев. Соф. соб.» и «Ист. кіев. іерарх.» 156.

([54]) «Лѣтоп. самов.» 4. «Ист. о през. бр.» «Львов. лѣтоп.» (рукоп.).

чилъ съ нимъ мирныя условія и, довѣряя слову главнокомандующаго, рѣшился ѣхать въ Варшаву для окончательнаго договора, который долженъ былъ навсегда оградить права русскаго народа. Когда онъ прибылъ въ столицу съ четырьмя старшинами, ихъ бросили въ тюрьму, а потомъ казнили.

При избраніи Владислава IV, гетманъ казацкій Петрижицкій ходатайствовалъ о возстановленіи Южной Руси; король далъ новую конституцію, но дворяне и ксендзы не хотѣли знать ея. Между-тѣмъ, поляки построили на берегу Днѣпра, надъ порогами, крѣпость Кодакъ для прегражденія побѣговъ русскаго народа въ Запорожье. Это было причиною новаго возстанія: гетманъ Сулима разорилъ Кодакъ, однако вскорѣ былъ схваченъ и четвертованъ. Крѣпость была возобновлена ([55]).

Въ 1637 году, казаки избрали гетманомъ Павлюка Баюна или Полуруса, сына крещенаго турка, ополчились противъ поляковъ; но были разбиты подъ Кумейками, а потомъ подъ Боровицею заключили унизительный для себя договоръ, по которому казаки обязались находиться въ числѣ пяти тысячъ, не ходить въ походъ безъ вѣдома главнокомандующаго польскими войсками и имѣть предводителей, назначенныхъ отъ правительства. Самъ Павлюкъ, поло-

([55]) «Львов. лѣтоп.» (рукоп.).

жившись на слово русскаго вельможи Киселя, вышелъ изъ лагеря, но, въ противность данному слову, былъ схваченъ, отвезенъ въ Варшаву съ нѣсколькими старшинами, гдѣ казненъ мучительнымъ образомъ (56).

Въ 1638 году, тридцать тысячъ воиновъ стали въ новое русское ополченіе, подъ предводительствомъ Остряницы и Гуни. Два мѣсяца лавировали казаки противъ польскаго войска на лѣвой сторонѣ Днѣпра, разбили отрядъ поляковъ на Голтвѣ, потомъ, въ свою очередь, потерпѣли нѣсколько неудачъ, послѣ которыхъ Остряница ушелъ въ московское государство, а Гуня выдерживалъ нѣсколько мѣсяцевъ осаду на устьѣ рѣки Старицы, но, наконецъ, лишенные помощи и отъ недостатка продовольствія, казаки принуждены были сдаться, и, на Масловомъ Бродѣ, заключили условія, которыя уничтожили казацкую силу, устроенную Сагайдашнымъ (57).

Казаки лишены были навсегда права выбирать начальниковъ; подъ смертною казнью запрещено было имъ плавать по морю и убѣгать на Запорожье; ихъ

---

(56) «Истор. о през. бр.». «Сказан. о гетм. запор.». «Лѣт. самов.» 5. «Лѣт. пов. о Мал. Рос.» 44. «Крат. опис. о каз. малор. нар.» 12. «Pam. do pan. Zygm. III, Wł. IV. i Jan. Kaz. I. 247. «Cellar. Regni Polon. Descr.» 603.

(57) «Diar Okolskiego».

чайки, или суда, были схвачены и сожжены, артиллерія отнята: гетмана имъ нетолько не позволили выбирать, но даже не назначали; вмѣсто гетмана, дали имъ польскаго пана въ коммиссары. Генеральные старшины, полковники и сотники назначены были изъ шляхтичей или изъ русскихъ, но такихъ, которые расположены были къ польской политикѣ. Эти начальники получили надъ казаками и ихъ землями и имуществами то безотчетное право власти, какимъ пользовались старосты въ коронныхъ имѣніяхъ. Честь и жизнь казаковъ находились въ распоряженіи начальниковъ; за малѣйшее непослушаніе ихъ казнили смертью. Казаки работали на нихъ панщину, были обложены повинностями и поборами, такъ-что вскорѣ и между ними явились даже *дудки* и *поемщизны*. Весь народъ южно-русскій подвергся мщенію торжествующихъ побѣдителей. Поляки, по увѣренію русскихъ лѣтописей, производили неслыханныя варварства: варили въ котлахъ дѣтей и разбивали деревомъ сосцы женщинамъ ([58]).

([58]) «Ист. о през. бр.». «Лѣт. пов. о Мал. Рос.» I, 46. «Лѣт. самов.» 7. «сказ. о гетм. запор.».

Инв. № 1210

ГЛАВА I.

Положеніе Польши въ XVII вѣкѣ. — Планы короля Владислава IV и канцлера Оссолинскаго. — Поѣздка Оссолинскаго въ Украину. — Барабашъ и Хмельницкій. — Польскій сеймъ 1646 года. — Бѣдствія Украины. — Обѣдъ у Хмельницкаго. — Перехваченная королевская привиллегія. — Дѣло Хмельницкаго съ Чаплинскимъ. — Поѣздка Хмельницкаго въ Варшаву. — Свиданіе съ королемъ. — Возвращеніе въ Украину. — Совѣщаніе въ рощѣ. — Арестъ Хмельницкаго. — Кречовскій. — Бѣгство Хмельницкаго въ Сѣчь. — Переписка съ панами. — Путешествіе въ Крымъ. — Свиданіе съ ханомъ. — Тугай-Бей. — Запорожская рада. — Польское войско въ Украинѣ. — Приготовленія къ возстанію. — Отправленіе польскаго передоваго отряда въ степь. — Городовые казаки передаются къ Хмельницкому. — Желтоводская битва. — Переговоры. — Пораженіе поляковъ у Княжихъ Байраковъ. — Походъ польскаго войска. — Совѣты. — Корсунская битва. — Отступленіе поляковъ. — Микита Галаганъ. — Пораженіе поляковъ въ Крутой-Балкѣ. — Плѣнъ польскихъ пановъ. — Прибытіе Хмельницкаго въ Бѣлую Церковь. — Смерть короля. — Универсалъ Хмельницкаго. — Посольство въ Варшаву — Возстаніе Украины.

Истекала первая половина XVII вѣка. Въ Польшѣ уже развилось многое, что̀ привело ее впослѣдствіи къ паденію. Унижено было значеніе вѣнценосца; безмѣрно стало могущество дворянства, безпредѣльно порабощеніе простаго класса. Неуваженіе къ исполнительной власти открывало широкое поле для самоуправства. Въ церкви господствовали разновѣріе и фанатизмъ партій: католики преслѣдовали грече-

ское исповѣданіе, господствовавшее въ цѣлой Руси, а между-тѣмъ появились ученія, грозившія чистотѣ христіанской догматики. Промышленость и торговля были въ рукахъ жидовъ, которые, находясь посрединѣ между всемогущимъ панствомъ и порабощеннымъ хлопствомъ, заграждали низшему классу всякую возможность къ промысламъ и улучшенію быта, а дворянамъ указывали ложныя выгоды отъ угнетенія простаго народа; всякое пожертвованіе въ пользу общую было отвергаемо, если шляхтичъ терялъ малѣйшую часть своихъ выгодъ. Кромѣ-того, Польшу окружали сосѣди, возроставшіе въ силѣ, по-мѣрѣ-того, какъ слабѣла шляхетская нація. Но въ то время еще можно было ввести порядокъ въ Речи Посполитой. Еще неглубоко укоренилась нравственная порча польской націи: религіозность, чистота нравовъ въ домашней жизни, любовь къ отечеству, даже и при ложномъ взглядѣ на отечество, уваженіе къ королю, даже и при ослабленіи верховной власти, прорывались среди всеобщаго безпорядка. На сеймахъ бушевали, но еще не дошло до того, чтобъ голосъ одного уничтожалъ общее мнѣніе; еще рѣдки были примѣры, чтобъ своевольный магнатъ съ шайкою сорванцовъ разгонялъ судилища; недворянскій классъ могъ бы еще подняться и, подъ защитою монархической власти, образовать среднее сословіе; религіозныя распри могли быть утишены распростра-

неніемъ просвѣщенія, ограниченіемъ произвола духовенства, предоставленіемъ правъ разновѣрцамъ, особенно православнымъ. Еще Польша могла не страшиться сосѣдей: Пруссія признавала ея ленное право надъ собою; Австрія и Швеція были заняты дѣлами германскими; Турція и Крымъ были бы усмирены всеобщимъ содѣйствіемъ христіанскихъ державъ, но необходимъ былъ сильный переворотъ, и тогда только Польша была бы спасена; этому перевороту слѣдовало произойти въ скоромъ времени; порабощенный классъ въ Руси жаждалъ его, какъ единственнаго спасенія; сознавали необходимость его и нѣкоторые дворяне: надобно было только исполнителя.

На престолѣ польскомъ сидѣлъ Владиславъ IV. Онъ понималъ, что Польша требуетъ кореннаго преобразованія и старался ввести въ нее иной порядокъ вещей. Самъ получивъ отличное образованіе, онъ покровительствовалъ учебнымъ заведеніямъ, привлекалъ къ своему двору иностранныхъ и туземныхъ ученыхъ; воспитанный въ отечественномъ духѣ, онъ отъ юности до смерти былъ вѣренъ своей народности, даже до одежды, но не имѣлъ предразсудковъ противъ чужаго; путешествовавъ въ молодости по Европѣ, онъ потомъ старался вводить въ свое отечество что́ считалъ лучшимъ; свѣтомъ знаній и блескомъ вкуса онъ хотѣлъ разогнать фанатизмъ и вражду ученій;

будучи, какъ полякъ, вѣренъ римско-католическому исповѣданію, онъ благоразумно охранялъ православіе, возстановилъ кіевскую митрополію, поощрялъ заведеніе въ Кіевѣ академіи, давалъ православнымъ привиллегіи отъ своего имени, и убѣждалъ дворянъ обезпечивать неприкосновенность греческой религіи сеймовыми конституціями. Такъ-же примирительно дѣйствовалъ онъ и въ отношеніи къ реформатамъ. Понимая, что реформа въ Польшѣ не вытекла изъ потребностей народныхъ, не родилась вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, а зашла больше изъ моды, вслѣдствіе пристрастія славянъ къ иноземщинѣ, Владиславъ видѣлъ, что ревность католиковъ увеличиваетъ нововведеніе, и потому совѣтовалъ дѣйствовать кротостью, предоставилъ диссидентамъ свободу богослуженія, а между-тѣмъ старался примирить и охладить партіи и, такимъ образомъ, исподоволь привести всѣхъ къ единству римско-католической церкви. Онъ желалъ, съ другой стороны, чтобъ его католическіе подданные привыкли къ новымъ сектамъ и стали къ нимъ равнодушны: потому-то онъ не страшился принимать въ государство гонимыхъ за вѣру нѣмцевъ, которые, поселяясь въ Польшѣ, занимались тамъ ремеслами и торговлею. Владиславъ дѣйствовалъ сообразно своему вѣку; тогда въ Европѣ, по прекращеніи споровъ за вѣру, фанатизмъ смѣнялся меркантильностью, народныя волненія улегалис

подъ жезломъ дипломатики, и принципъ монархическій начиналъ торжествовать надъ феодализмомъ и общинностью. Владиславъ не могъ не стремиться къ тому, къ чему стремились всѣ его сосѣди — къ увеличенію своей власти; но планы короля, явно-соединенные съ такимъ желаніемъ, стоили ему упорнѣйшихъ споровъ съ дворянами.

Изъ окружавшихъ короля любимцевъ возвысился при Владиславѣ канцлеръ Оссолинскій, человѣкъ отличнаго воспитанія, испытанный дипломатъ, охотникъ до политическихъ замысловъ. Оссолинскій принялъ отъ папы княжескій титулъ и пытался ввести въ Польшѣ орденъ. Дворяне, дорожившіе равенствомъ своего сословія, не допустили новизны и приписывали Оссолинскому намѣренія потрясти основанія Речи Посполитой. И дѣйствительно, король и канцлеръ начали этимъ нововведеніемъ приводить въ исполненіе планъ образовать, среди многочисленнаго шляхетскаго сословія, немногочисленное дворянство, которое было бы одолжено своимъ возвышеніемъ королю и стало бы опорою трона: такъ возродился бы принципъ монархіи вмѣсто идей о равенствѣ дворянскаго сословія. Видя вездѣ въ Европѣ торжество монархизма и политики, и замѣчая въ своемъ ограниченномъ по власти государѣ начатки такого же стремленія, паны отъискивали во всѣхъ его поступкахъ для себя опасностей: за любовь къ просвѣщенію упрекали его въ

привязанности къ иноземщинѣ; духовные укоряли его въ холодности къ вѣрѣ отцовъ за покровительство православнымъ; ученая бесѣда въ Торнѣ между разновѣрцами, вмѣсто ожидаемаго успокоенія, привела къ бо́льшему разгоряченію умовъ; привиллегіи и вынужденныя конституціи въ пользу православныхъ не имѣли значенія у магнатовъ; въ глазахъ короля истязали казаковъ, ополчавшихся подъ знаменемъ вѣры, повидимому, покровительствуемой королемъ. Не удавалось ничто, замышляемое королемъ и канцлеромъ. Но Владиславъ тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости возвысить власть королевскую, и какъ невозможно было сдѣлать этого посредствомъ стройной администраціи, то онъ рѣшился достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ внезапнаго потрясенія; это было ему внушено совѣтами Оссолинскаго. Задумали завлечь Польшу въ войну съ Турціею и съ Крымскою Ордою. Поляки, по своему рыцарскому характеру, казалось, могли бы заняться идеею вражды христіанства съ мухаммеданствомъ, а успѣшное окончаніе такой войны могло бы принести очевидныя выгоды: пораженіе невѣрныхъ открыло бы Польшѣ берега Чернаго моря; Речь Посполитая избавилась бы отъ безпрестанныхъ опустошительныхъ набѣговъ; завелся бы флотъ; возникла бы промышленость, поощряемая сближеніемъ Балтійскаго моря съ Чернымъ. Король надѣялся, что всѣ эти виды доступны

уму и сердцу шляхетской націи, и потому подъ ними онъ надѣялся укрыть другіе планы: войско, которое во время войны будетъ организовано королемъ и находиться подъ его непосредственнымъ начальствомъ, которое, притомъ, предполагали составить не изъ шляхетскаго сословія, а изъ наемниковъ, можно было, впослѣдствіи, употребить орудіемъ къ защитѣ трона противъ магнатовъ и шляхты. Такъ думали король и канцлеръ, видѣвшій впереди для себя и славу Ришельё, и надежду властвовать надъ новообразованною монархіею. Нѣсколько времени они таили эту мысль, собирали финансовыя средства и, наконецъ, въ 1646 году, приступили къ дѣлу: прекратили крымскому хану платежъ, который поляки называли «милостивымъ жалованьемъ», а татары — данью; заключили союзъ съ Венеціею; къ союзу приступили князья итальянскіе; папа благословилъ его; союзники обѣщали покрыть издержки, убѣждая Владислава начать дѣло; была надежда преклонить къ взаимному союзу Австрію, Францію и Россію. Но, опасаясь, что сеймъ, подозрительный къ королю, не приметъ этого намѣренія скоро, король и канцлеръ хотѣли повести дѣло такъ, чтобъ поляки по-неволѣ должны были участвовать въ войнѣ, когда все уже будетъ готово. Съ этою цѣлью пригласили 14,000 нѣмецкаго наемнаго войска, служившаго у разныхъ полководцевъ въ тридцатилѣтнюю войну: для жалованья ему назначилъ

король приданое своей молодой супруги, Маріи, и ожидалъ еще субсидій отъ Венеціи. Это войско прошло чрезъ Померанію, Великую Польшу и стало подъ Львовомъ. Коронному гетману Николаю Потоцкому, получившему булаву послѣ недавней смерти Конецпольскаго, приказано идти съ своимъ *кварцянымъ* (1) войскомъ къ Каменцу. Въ то же время Оссолинскій поѣхалъ въ Украину, подъ предлогомъ осматривать крѣпости, а въ-самомъ-дѣлѣ для переговоровъ съ казаками (2).

Несмотря на печальное состояніе казацкаго сословія въ царствованіе Владислава, онъ самъ былъ всегда благосклоненъ къ казакамъ. Правда, онъ довольно былъ равнодушенъ, когда въ Варшавѣ варварски казнили Остряницу, однако казаки не считали его участникомъ панскихъ жестокостей. Владиславу ясно стало, какъ важно было значеніе казаковъ для его плановъ: казаки, какъ ему казалось, ненавидя прежній порядокъ Речи Посполитой, тѣмъ-скорѣе могли сдѣлаться защитниками нововведенія и образовать изъ себя королевское войско, готовое приводить въ

---

(1) *Кварцянымъ* войскомъ называлось въ Польшѣ регулярное войско, получавшее жалованье по четвертямъ года.

(2) «Hist. belli cos. pol.» 30—40. «Hist. pan. Wlad. IV. Kwiatk». «Лѣтоп. пов. о Мал. Рос.». I, 56.

исполненіе предпріятія верховной особы. Легко же было возбудить казаковъ!

Оссолинскій привезъ казакамъ милостивую королевскую граммату, возвращавшую имъ прежнее устройство, свободное судопроизводство, право избранія чиновниковъ и умноженія реестровыхъ воиновъ на первый разъ до 12,000; съ тѣмъ вмѣстѣ король позволялъ имъ плавать по Днѣпру и Черному морю, препоручалъ имъ построить тотчасъ 600 чаекъ и немедленно сдѣлать нападеніе на Турцію. Это нужно было для того, чтобъ турки, въ свою очередь, бросились на Польшу, и тогда поляки необходимо должны были бы воевать. Въ знакъ благоволенія, Оссолинскій привезъ имъ знамя и булаву, и къ тому еще наличныя деньги для постройки чаекъ (3).

Двое изъ казацкихъ старшинъ возвышались тогда передъ другими, какъ достойнѣйшіе первенства по службѣ и по уваженію въ казацкомъ сословіи, но различные, по замѣчанію современника, и по уму, и по нраву. Первый былъ Иванъ или Ильяшъ Барабашъ, полковникъ черкасскій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, генеральный есаулъ. Родомъ онъ былъ армянинъ, но воспитанъ въ Украинѣ. Умѣньемъ, свойственнымъ

---

(3) «Hist. belli cos. pol.» 38—174. «Ann. Pol. Clim.» I. 22. «Pam. do pan. Żygm. III., Wł. IV i J. Kaz.» I. 266. «Кр. опис. о каз. мал. нар.» 21.

своему племени, достигъ онъ значенія во времена мятежей, не участвовалъ никогда въ нихъ, ласкался къ панамъ, и оттого, несмотря на свое недворянское происхожденіе, оставался въ милости у пановъ среди всеобщаго утѣсненія русскихъ недворянъ; жилъ въ согласіи съ шляхтичами, поставленными надъ казаками, помогалъ имъ держать подчиненныхъ въ угнетеніи и наживался вмѣстѣ съ ними (4).

Другой былъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій, войсковой писарь, природный русскій. Родъ его нѣкоторые полагаютъ въ мѣстечкѣ Лисянкѣ (кіевской губерніи звенигородскаго уѣзда); другіе выводятъ его изъ Жмуди; иные говорятъ, что отецъ его вышелъ изъ люблинскаго воеводства (5), а иные производятъ его отъ казацкаго гетмана XVI вѣка, Вячеслава Хмельницкаго (6). Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, потому-что и сынъ Хмельницкаго, Юрій, впослѣдствіи, подписывался Венжикомъ, въ память своего предка (7). Отецъ Зиновія, Михайло Хмельницкій, служилъ въ казацкой службѣ сотникомъ (8). Мо-

---

(4) «Annal. Pol. Clim.» I, 22. «Лѣтоп. самов.» 6, 8.

(5) «Истор. о през. бр.».

(6) «Истор. Рус.» 49. «Лѣт. малорос.».

(7) «Лѣт. пов. о Мал. Росс.» II, 163. «Лѣт. Велич.» II, 414, 429.

(8) «Hist. belli cos. polon.» 40. «Ист. о през. бр.» — «Лѣт. самов.». 3.

лодой Зиновій отданъ въ кіевскую школу, потомъ продолжалъ ученье въ Ярославлѣ, у іезуитовъ, и получилъ отличное воспитаніе, рѣдкое тогда между казаками (9). Окончивъ ученье, онъ служилъ конюшимъ у какого-то пана Потоцкаго, и за неосторожную выходку чуть-было не погибъ. Панъ, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ, на потѣху собесѣдникамъ, отрубить голову Хмельницкому, противъ котораго былъ предубѣжденъ; но Хмельницкій, предувѣдомленный заранѣе товарищами, убѣжалъ прямо въ Сѣчь, гдѣ, по выраженію лѣтописи, не жалѣлъ своего лба ни на полѣ, ни на морѣ, и былъ въ большой чести у запорожской братіи. Чрезъ нѣсколько времени онъ воротился въ Украину, женился на русской дѣвицѣ, Аннѣ Сомковнѣ, и сталъ служить въ службѣ городовыхъ казаковъ (10). Онъ получилъ въ ней чинъ сотника (11), а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами. (12), какъ говорятъ

---

(9) «Annal. Polon. Clim.» I, 20. «Bell. scyth. cos.». «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» I, «Кратк. истор. опис. о Мал. Рос.» 5. «Истор. о през. бр.». «Лѣтоп. Величка.» I, 13.

(10) «Лѣт. Велич.» I, 12.

(11) «Лѣт. Велич.» I, 27. «Лѣт. самов.» 7. «Ист. Рус.» 49.

(12) «Лѣт. повѣств. о Мал. Росс.» 51. «Кратк. опис. о каз. мал. пар.» 13.

нѣкоторые, генеральнаго писаря ([13]). Не только казаки, но и паны цѣнили въ немъ смѣтливость, образованность и храбрость. Въ сраженіи съ турками подъ Цецорою, гдѣ былъ убитъ знаменитый польскій военачальникъ Жолкѣвскій, Хмельницкій лишился стараго отца и былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ, однако, былъ недолго и выкупленъ за плѣнныхъ турковъ ([14]).

Въ 1621 году, когда гетманъ Сагайдашный помогалъ полякамъ противъ турковъ подъ Хотиномъ, Хмельницкій, съ десятью тысячами казаковъ, одержалъ надъ врагами блистательную морскую побѣду на Черномъ морѣ, потопилъ двѣнадцать турецкихъ судовъ, и самому Царьграду, по выраженію лѣтописца, «задалъ превеликое смятеніе и страхъ» ([15]). Послѣ того, нѣсколько разъ онъ бился съ татарами, и, въ 1629 году, привелъ королю двухъ плѣнныхъ волошскихъ князей ([16]). Въ 1632 году, при избраніи короля Владислава IV, онъ былъ на сеймѣ депутатомъ

([13]) «О малор. нар. и запор.» ст. 9. «И. Рус.» 60.

([14]) «Лѣт. пов. о Мал. Рос.» 37. «Лѣт. самов.» 4. «О томъ, что случ. въ Укр.» 7. «О малор. нар. и запор.» 7. «Ист. о през. бр.».

([15]) «Крат. опис. о казац. малор. нар.». 7, 11. «Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос.» 169. «Лѣт. Велич.» I, 13; II, 381. «Діар. Гитлевс. о войнѣ подъ Хот.». «Лѣт. Велич.» I, прилож. 28.

([16]) «Истор. о през. бр.».

отъ запорожскаго войска и всего русскаго народа ([17]). Въ 1635 году, при осадѣ Смоленска, онъ привелъ къ королю сто плѣнныхъ великороссіянъ и получилъ саблю за храбрость. Не прежде какъ черезъ двадцать одинъ годъ послѣ того онъ замѣтилъ, *что сабля порочитъ Богдана* ([18]). Послѣ битвы подъ Кумейками, онъ былъ въ числѣ семи казацкихъ депутатовъ, посланныхъ на сеймъ для оправданія; тогда (замѣчаетъ польскій историкъ) онъ высмотрѣлъ внутреннее состояніе Речи Посполитой ([19]). Самъ коронный гетманъ, Конецпольскій, врагъ казацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ не передѣлали его въ поляка, что́ случилось со многими южноруссами. Отъ іезуитовъ, воспитавшихъ его, онъ получилъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, двоедушіе, съ какимъ онъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ

([17]) «Истор. о през. бр.».

([18]) «Сказ. о гетм. запор. ажъ до Богд. Хм.». Хмельницкій (повѣствуетъ эта лѣтопись) впослѣдствіи говорилъ: сабля эта порочитъ Богдана.

([19]) «Annal. Polon. Clim.» I, 20.

одно и тоже время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое. Не проходило мятежа, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остраницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю, видимая преданность Речи Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе. Онъ, при случаѣ, дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ ([20]). И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость, и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что́ на душѣ у него. «Его лицо, сіяющее и кроткое (говоритъ польскій историкъ Коховскій), скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую болотную воду» ([21]).

Этимъ двумъ старшинамъ, въ присутствіи немногихъ, Оссолинскій довѣрилъ намѣреніе двора и поручалъ производить дѣло до времени тайно, обнадежи-

([20]) «Annal. Polon. Clim.» I, 20.
([21]) «Annal. Polon. Clim.» I, 20.

вая казацкое сословіе полнымъ возвышеніемъ впослѣдствіи.

«Приносимъ безконечную благодарность его вели-«честву за оказываемую намъ довѣренность (отвѣ-«чалъ Хмельницкій), но не скроемъ, что дѣло, по-«ручаемое намъ, важно и трудно: казаки, стѣснен-«ные отъ короннаго гетмана, не готовы еще къ та-«кому предпріятію. Потребно время, чтобъ склонить «къ этому запорожцевъ; все же, что̀ намъ возмож-«но, будетъ слѣлано съ усердіемъ и желаніемъ уго-«дить его величеству» ([22]).

Инв. № 1240.

Оссолинскій надѣялся на Хмельницкаго и на него преимущественно возлагалъ предпріятіе болѣе, чѣмъ на Барабаша; но, какъ Барабашъ былъ старше по чину, то булава гетманская была предоставлена ему. Хмельницкій самъ отказался до времени отъ начальства и предоставилъ его Барабашу; онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ-рано ([23]).

Когда Оссолинскій воротился въ Варшаву, приготовленія къ войнѣ возбудили въ Польшѣ повсемѣстный ропотъ. Кричали, что король, затѣвая какой-то походъ безъ предварительнаго совѣщанія съ сеймомъ, нарушаетъ права народа; носились слухи, что король и канцлеръ готовятся къ войнѣ только для вида,

---

([22]) «Hist. belli cos. polon.» 39.
([23]) «Hist, belli. cos. polon.» 39.

а въ-самомъ-дѣлѣ хотятъ ввести самодержавіе въ Польшѣ, уничтожить сеймъ и обратить, какъ выражались тогда, «шляхту въ хлоповъ, а хлоповъ въ шляхту» (24). Потоцкій отказывался идти въ походъ, пока не получитъ сеймоваго предписанія; на казаковъ нельзя было надѣяться, потому-что они были утѣснены. Король и канцлеръ рѣшили собрать сеймъ, разсѣять толки и представить намѣреніе въ благопріятномъ для шляхетства видѣ (25).

Сеймъ начался 25 ноября 1646 года. Напрасно Оссолинскій, въ рѣчи, которую сами враги слушали съ уваженіемъ, вспоминалъ прежніе подвиги короля, увѣрялъ въ чистотѣ его намѣреній, жаловался на эгоизмъ поляковъ, мѣшающій имъ вникнуть, какъ слѣдуетъ, въ положеніе своего отечества; напрасно изображалъ онъ выгоды, какія произойдутъ изъ войны для Польши, и представлялъ надежды на успѣшное окончаніе предпріятія. Не тронули представителей Речи Посполитой картины опустошеній въ южныхъ провинціяхъ, ни даже напоминаніе о шляхтичахъ, томившихся въ плѣну.

«Король не смѣетъ начинать войны безъ воли сей-«ма», говорили въ одинъ голосъ сенаторы.

Депутаты были еще непреклоннѣе. «Пусть немед-

---

(24) «Hist. Wlad. IV, przez Kajet. Kwiatk.»
(25) Ibid.

«ленно распустятъ собранное войско (кричали они), «иначе мы не разъѣдемся до тѣхъ-поръ, пока из-«бравшіе насъ собратіи наши не придутъ сюда съ «оружіемъ; тогда мы, соединившись съ ними, про-«гонимъ незваныхъ гостей».

Ожесточеніе дошло до того, что нѣкоторые обнажили сабли, когда одинъ изъ приверженцевъ Оссолинскаго, сендомирскій депутатъ, сказалъ что-то въ пользу предпріятія.

У короля не было ни мужества, ни средствъ вступить въ борьбу за власть свою; онъ боялся, что дальнѣйшее упорство повлечетъ за собою ненависть шляхты къ королевскому дому и поляки не допустятъ царствовать сыну его, который тогда былъ еще малюткою. Онъ не только издалъ декретъ, которымъ приказывалъ отложить оружіе подъ опасеніемъ кары, не только распустить войско, но присягнулъ за себя и за своихъ преемниковъ не начинать никакихъ политическихъ предпріятій безъ воли сейма, не сноситься съ иностранными державами, не держать подлѣ себя гвардіи болѣе 1200 человѣкъ и отдалить отъ своей особы всѣхъ иностранцевъ.

Невзирая на такую уступчивость, депутаты разъѣхались съ недовѣрчивостью и не соглашались на просьбу короля покрыть, по-крайней-мѣрѣ, издержки на содержаніе войска, которыя были заплачены изъ приданаго королевы.

Новый сеймъ былъ назначенъ къ 1-му мая будущаго года.

Эта послѣдняя неудача разстроила короля; онъ былъ убитъ духомъ и слабѣлъ тѣломъ; новыя безпокойства терзали его; шляхта, одержавшая верхъ надъ королевскою властью, не переставала разглашать, что войско было собрано съ цѣлью попрать шляхетскую свободу. Чрезъ годъ умеръ и сынъ короля. Говорятъ, Владиславъ сказалъ тогда:

«Боже мой! зачѣмъ ты не взялъ у меня сына «прежде сейма: я бы тогда ни за что́ не оставилъ «своихъ предпріятій!» ([26]).

Тогда вся злость пановъ излилась на казаковъ, въ которыхъ они видѣли опасное сословіе для своихъ правъ. Разставили по Украинѣ кварцяное войско; жолнеры безнаказанно забирали у казаковъ скотъ, воловъ и всякіе пожитки ([27]). Владѣльцы, но болѣе ихъ управители, большею-частью жиды, замѣчая безпокойный духъ въ крестьянахъ, тиранили ихъ и казнили мучительною смертью ([28]). Въ этотъ несчастный 1647 годъ, по выраженію народнаго преданія, перешедшаго къ отдаленному потомству, было въ Украинѣ по два ляха на одного казака. «И мучи-

([26]) «Histor. panow. Wlad. IV, Kwiatk.».
([27]) «Истор. о през. бр.». «Лѣт. Самов.» 7.
([28]) «Истор. о през. бр.».

тельство фараоновъ (говоритъ лѣтопись русская) не могло сравниться съ тиранствомъ пановъ: они варили дѣтей въ котлахъ и разбивали деревомъ сосцы женщинамъ. Но Богъ (продолжаетъ таже лѣтопись) скоро призрѣлъ на скорбь людей своихъ и изъ маловажнаго случая устроилъ для нихъ спасеніе» ([29]).

Барабашъ, увидя, чѣмъ кончилась попытка короля, спряталъ королевскую привиллегію и никому ея не показывалъ. Посѣщеніе Украины Оссолинскимъ, приготовленіе къ войнѣ, темныя вѣсти о привиллегіи короля возбудили толки въ народѣ. Барабашъ старался ихъ успокоить.

«Не вѣрьте новизнѣ, а держитесь старины (гово-«рилъ онъ казакамъ): лучше для васъ будетъ. Не «слушайте толковъ; прикажутъ идти въ походъ въ «Крымъ, или на море — пойдете, а не прикажутъ — «должны повиноваться: таковъ долгъ воина!» ([30]).

Молчалъ до времени и Хмельницкій, и не распространялъ вѣсти о намѣреніи короля, а когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули въ Украину жолнеры, а Барабашъ, потакая панамъ, казнилъ казаковъ смертью за малѣйшій ропотъ, для предупрежденія большихъ преступленій и заговоровъ, тогда Хмельницкій по-

---

([29]) «Истор. о през. бр.».
([30]) «Annal. Polon. Cl. I, 23.».

нялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель русскаго народа.

«Вотъ что́ они съ нами дѣлаютъ (говорилъ онъ): «когда нужно идти на войну, то ласкаютъ казаковъ, «чтобъ выставить на убой, а когда опасность ми- «нетъ, то мы у — нихъ собачья кровь, послѣдніе- «изъ людей» (31).

Хмельницкій задумалъ воспользоваться королевскою привиллегіею для возвращенія соотечественникамъ свободы, и «штучно», по выраженію лѣтописца (32), похитилъ ее у Барабаша, когда тотъ не хотѣлъ объявить о ней народу.

Хмельницкій созвалъ въ своемъ помѣстьѣ Суботовѣ гостей, по народному преданію и по одной лѣтописи, на крестины, а по другой лѣтописи, просто на званый обѣдъ, въ день Николая Чудотворца, 6-го декабря (33). Барабашъ былъ въ числѣ собесѣдниковъ. Гости гуляли въ домѣ; на дворѣ угощали калѣкъ и нищихъ.

Скоро нѣкоторые изъ гостей начали наклонять головы; переяславскій полковникъ Кречовскій растянулся на лавкѣ. Барабашъ былъ еще на ногахъ; Хмельницкій слѣдилъ пристально за нимъ, разгульно

---

(31) «Annal. Polon. Clim. I, 35.».
(32) «Истор. о през. бр.».
(33) «Лѣт. Велич.» I, 28.».

помахивая чаркою, точилъ балы и, какъ-бы невзначай, упомянулъ о привиллегіи.

— Что ты, любезный кумъ, держишь листъ королевскій? сказалъ онъ: — дай мнѣ его прочитать теперь.

— На что тебѣ, куманёкъ, читать его? отвѣчаетъ Барабашъ откровенно, пьяный: — мы податей не платимъ, въ войскѣ польскомъ не служимъ. Лучше намъ, начальникамъ, брать деньги безъ счету, а дорогія сукна безъ мѣры, чѣмъ, потакая черни, таскаться по лѣсамъ, да буеракамъ, да своимъ же тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей, кормить.

Хмельницкій одобрилъ мысль кума и началъ ему щедрѣе подливать вина. Скоро у гостя не ворочается языкъ; онъ хочетъ встать — ноги подламываются; онъ упалъ на постель и заснулъ мертвецки. Хмельницкій взялъ у соннаго шапку и платокъ, и позвалъ своего джуру,—такъ назывались молодые казаки, которые служили у старыхъ, подобно какъ у западныхъ рыцарей армигеры.

— Скорѣй садись на лошадь, сказалъ онъ: — ступай къ паньѣ Барабашихѣ и скажи, что ея панъ приказалъ отдать тотъ листъ, который получилъ отъ короля.

Джура ночью прискакалъ въ Черкасы.

Панья спала и, услышавъ стукъ, выскочила.

— Пани Барабашова, сказалъ джура: — *зайлысь*

паны съ твоимъ паномъ, порубаютъ, такъ винъ приславъ, щобъ далы ти права, що одъ короля прислани.

— *Лыхомъ ему занудылось, що зъ Хмельныцькымъ гуляты схотилось,* отвѣчала испуганная Барабашиха. — *Оттамъ въ стини пидъ воритьмы въ глухимъ кинци у пуздерку въ земли.*

Джура отъискалъ погребецъ и ускакалъ съ привиллегіею (34).

Съ-тѣхъ-поръ, Барабашъ постоянно думалъ о томъ, какъ бы погубить Хмельницкаго. Онъ говорилъ о немъ казацкому коммиссару Шембергу, описывалъ его опаснымъ человѣкомъ коронному гетману, а въ особенности изображалъ его съ дурной стороны старостѣ чигиринскому, Конецпольскому: въ старостве этого пана жилъ Хмельницкій.

Въ самомъ дѣлѣ, распространилась вѣсть о привиллегіи; пошли толки. Одинъ казацкій сотникъ, Онія, доносилъ на Хмельницкаго (35). Зиновія не любили паны и шляхтичи, поставленные казацкими чинов-

---

(34) «Народ. пред.». «Сборн. украинск. пѣс. Макс.» I, 64 — 67. «Истор. о през. бр.». «Лѣт. Велич.» I, 29. «Лѣтоп. самов.» 8. «Annal. Polon. Clim.» I, 23.

(35) «Annal. Polon. Clim.» I, 24. «Pamietn. do panow. Żygm. III, Wł. IV i Jan. Kaz.» I, 271. «О томъ, что случ. въ Укр.» 7.

никами — не любили его за преданность своенародности, да еще и по зависти. Былъ у Хмельницкаго хуторъ Суботовъ, въ полуторѣ мили отъ Чигирина. Прежній чигиринскій староста, Даниловичъ, подарилъ отцу Хмельницкаго полосу пустопорожней земли въ награду за услуги. Гетманъ Конецпольскій, стараясь о распространеніи народонаселенія въ Украинѣ, позволилъ Зиновію населить отцовскую землю. Въ тотъ вѣкъ дѣлалось такъ, что, если у владѣльца много земли, а мало работниковъ, то онъ обѣщаетъ поселянамъ, которые согласятся жить на его землѣ, льготы, то-есть: они будутъ меньше исправлять повинностей на помѣщика противъ обыкновенія, или имъ дадутъ больше земли и какія-нибудь угодья. Такъ поступалъ и Хмельницкій. У природнаго казака, и притомъ православнаго, лучше было жить, чѣмъ у польскаго пана-католика, а потому хуторъ скоро заселился, и Хмельницкій жилъ состоятельно. Сосѣднимъ владѣльцамъ не нравилось такое возвышеніе казака, а особенно ненавидѣлъ Хмельницкаго Чаплинскій, подстароста или дозорца Конецпольскаго ([36]).

Мало того, что Чаплинскій ненавидѣлъ Хмельницкаго, какъ шляхтичъ казака, онъ былъ съ нимъ и въ личной враждѣ. Они поссорились за какую-то

([36]) «Histor. belli cos. polon.» 41. «Истор. о през. бр.». «Pamietn. o wojn. kazac. za Chmieln.» 6.

польку, которую Хмельницкій взялъ себѣ второю женою, какъ кажется, не вѣнчанною послѣ смерти Анны Сомковны. Чаплинскій искалъ случая отомстить сопернику. Въ то время Конецпольскій воротился изъ чужихъ краевъ и хотѣлъ показать свое военное искусство. Услышалъ онъ, что гдѣ-то въ степи проявился татарскій загонъ, и приказалъ своей надворной командѣ и казакамъ Чигиринскаго полка идти въ походъ (37). Хмельницкому велѣно было выступить съ казаками. Чаплинскій научилъ какого-то казака Дачевскаго свести со свѣта Хмельницкаго во время битвы.

Гдѣ-то встрѣтились казаки и поляки съ татарами; началась стычка; Дачевскій въ сумахотѣ подскочилъ къ Хмельницкому и ударилъ его въ голову; но ударъ былъ не мѣтокъ. У Хмельницкаго только слетѣла съ головы шапка-мисюрка. «Ахъ, прости меня (сказалъ Дачевскій), я думалъ, что это татаринъ». Однако, отъ удара заболѣла у Хмельницкаго голова; онъ смѣшался и сдѣлалъ ошибку въ командѣ. Этимъ воспользовался врагъ (38).

По возвращеніи въ Чигиринъ, Чаплинскій приступилъ къ Конецпольскому, который былъ тогда

---

(37) «Histor. belli cos. polon.» 41.

(38) «Pamietn. o dziejach i pismienn. Słow.» I, 320.

очень-доволенъ тѣмъ, что отбилъ у татаръ плѣнниковъ и скотъ. Подстароста началъ порицать Хмельницкаго предъ паномъ, называлъ трусомъ, неспособнымъ къ военному дѣлу, а себя выставлялъ храбрецомъ, восхвалялъ свою вѣрность и преданность старостѣ, и просилъ награды за свои подвиги.

— Много лѣтъ служу я вамъ, милостивый панъ, говорилъ онъ: — и не получилъ ничего; между-тѣмъ неблагодарные, измѣнники и трусы пользуются вашими благодѣяніями. Подарите мнѣ Суботовъ, которымъ владѣетъ Хмельницкій. Отъ меня, вѣрнаго дворянина, получите больше пользы, нежели отъ негоднаго казака.

— Я бы почелъ за большое себѣ безчестіе нарушать распоряженія прежняго старосты и покойнаго отца, который утвердилъ за Хмельницкимъ Суботовъ, отвѣчалъ Конецпольскій: — да притомъ владѣлецъ сдѣлалъ въ немъ заведенія, стоившія ему денегъ.

— Хотя Хмельницкій получилъ хуторъ отъ блаженной памяти вашего родителя, возразилъ Чаплинскій: — однако, не по праву, а обманомъ. Онъ казакъ, а природному казаку нельзя держать людей, подобно пану: это противно закону. Притомъ земля издавна принадлежитъ староству, и у Хмельницкаго нѣтъ письменнаго законнаго документа на владѣніе, а издержки хоть онъ на нее и употребилъ, то давно

вернулъ свое съ лихвою ([39]). Если же васъ удерживаетъ только память родителя, то самъ великій гетманъ жалѣлъ объ этомъ, узнавъ строптивый духъ казака.

Въ-самомъ-дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить свободомысліе Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ, близь днѣпровскихъ пороговъ, для укрощенія казацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія, и гордо спросилъ окружавшихъ казаковъ: «Каковъ кажется вамъ Кодакъ?» Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему полатини: «Что́ чело-«вѣческими руками строится, то человѣческими ру-«ками и разрушается ([40])». Чрезъ нѣсколько времени, новый казацкій гетманъ Сулима разорилъ польскую крѣпость ([41]). Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвали и его въ участіи. Подъ конецъ жизни Конецпольскій говорилъ: «Жалко, что я оставилъ въ «живыхъ такую безпокойную голову!» ([42]). Чаплинскій припоминалъ это старостѣ. Молодой Конецпольскій самъ былъ неблагорасположенъ къ Хмельниц-

---

([39]) «Histor. belli cos. polon.» 42. 43.

([40]) «Annal. Polon. Clim.» I, 21.

([41]) «Львовск. лѣт.» (рукоп.).

([42]) «Korona Polska przez Kaspra Nieseck.» t. III, o Koniecpolsk.

кому, помнилъ предостереженіе отца и возбужденъ былъ наговорами Барабаша. Но онъ боялся явно отнять у него хуторъ и не желалъ подвергнуться нареканію за непочтеніе къ отцу. Чаплинскій предложилъ ему иной способъ.

«Окажите мнѣ единственную милость», сказалъ дозорца: «позвольте мнѣ самому расправиться съ ка«закомъ. Я нападу на него, выгоню изъ дома и овла«дѣю хуторомъ. Если же онъ придетъ къ вамъ съ «жалобой, то вы скажите, что ничего не знаете, что «я сдѣлалъ это безъ вашего позволенія; если онъ хо«четъ удовлетворенія, то пусть ищетъ судомъ. А онъ «судомъ ничего со мной не сдѣлаетъ, потому-что я «польскій дворянинъ» (43)

Послѣ неотступныхъ просьбъ, Конецпольскій согласился на такую уловку, опасаясь оставить въ рукахъ мятежнаго казака средства къ дурнымъ замысламъ.

Воротившись изъ похода, Хмельницкій пробывалъ въ Суботовѣ и дожидался, что́ будетъ на сеймѣ, который скоро долженъ былъ открыться. Распространяя исподоволь слухи о привиллегіи, онъ не говорилъ объ этомъ публично, чтобъ преждевременно не испортить задуманнаго дѣла, между-тѣмъ настаивалъ сильно съ прочими казаками, чтобъ Барабашъ отправилъ на

(43) «Histor. belli cos. polon.» 43.

сеймъ депутацію съ жалобою на притѣсненія, причиняемыя жителямъ жолнерами. Вдругъ слышитъ Хмельницкій, что Чаплинскій собираетъ въ Чигиринѣ команду. Сперва онъ думалъ, что затѣваютъ новый походъ противъ татаръ, но скоро ему донесли, что Чаплинскій идетъ разорять его хуторъ. Онъ покинулъ жену и дѣтей въ Суботовѣ, взялъ съ собою только нужнѣйшее и, въ томъ числѣ, перехваченную у Барабаша привиллегію, и побѣжалъ въ Чигиринъ просить защиты у старосты.

Чаплинскій въ тотъ-же день вступилъ въ Суботовъ, зажегъ мельницу, разорилъ пасѣку и ворвался въ домъ. Меньшой сынъ Зиновія, десятилѣтній мальчикъ, сказалъ ему что-то грубое: зять Чаплинскаго, Комаровскій, приказалъ тотчасъ высѣчь его, и слуги такъ немилосердо исполнили приказаніе, что дитя умерло на другой день (44). Хмельницкій оставилъ въ Суботовѣ жену и думалъ, что выйдетъ лучше, если въ имѣніи будетъ находиться хозяйка: вышло къ худшему. Чаплинскій, чрезъ нѣсколько дней, обвѣнчался съ нею по обряду римско-католической церкви. Неизвѣстно, силу или обольщеніе употребилъ для этого похититель (45).

---

(44) «Pamietn. o dziejach i pismienn. Slow.» I, 320. «Annal. Polon. Clim.» I, 128.

(45) «Histor. belli cos. polon.» 43.

Хмельницкій, между-тѣмъ, явился къ Конецпольскому съ жалобою. Отвѣтъ старосты былъ очень-неудовлетворителенъ. Настроенный заранѣе Чаплинскимъ, панъ принялъ казака холодно и отдѣлался отъ него коротко.

«Я ничего не знаю», сказалъ онъ: «и знать не хочу; «нападеніе сдѣлано безъ моего вѣдома, а по собствен«ной волѣ Чаплинскаго. Можешь судиться съ нимъ «законнымъ порядкомъ.»

Хмельницкій отправился въ трибуналъ и представилъ, въ доказательство правъ своихъ, письменное свидѣтельство, за подписью гетмана Конецпольскаго, данное на владѣніе суботовскимъ помѣстьемъ.

— По теперешнимъ постановленіямъ, отвѣчали ему въ судѣ: твое свидѣтельство не имѣетъ силы; слѣдуетъ тебѣ представить форменное, записанное въ земскихъ книгахъ воеводства, а по такимъ простымъ свидѣтельствамъ мы не станемъ производить процесса.

— Мой отецъ (возразилъ Хмельницкій) еще владѣлъ имъ, и я столько лѣтъ пользовался. Самому наияснѣйшему королю извѣстно, что Суботовъ мой.

— Все это ничего не значитъ, отвѣчали ему судьи. «Мы знаемъ только, что Суботовъ принадлежитъ къ «старостве и отдать его кому угодно зависитъ отъ «старосты. Еслижь королю извѣстны твои права, то

«совѣтуемъ тебѣ отправиться въ Варшаву, и подать «просьбу на сеймъ» (46).

Печально вышелъ Хмельницкій изъ трибунала, и узналъ о смерти сына и о похищеніи жены. Какъ воинъ, Хмельницкій вызвалъ врага на поединокъ. Но Чаплинскій пригласилъ съ собой трехъ служителей, съ тѣмъ, чтобъ вчетверомъ напасть на одного. Къ счастью, Хмельницкій, заранѣе опасаясь коварства соперника, надѣлъ подъ платье панцырь, выдержалъ безвредно коварные и неожиданные удары, а потомъ такъ храбро напалъ на враговъ, что разогналъ всѣхъ (47). «*Маю шаблю въ руци: ище козацька не «умерла маты!*» воскликнулъ онъ (48).

Посрамленный Чаплинскій обратился къ своему покровителю Конецпольскому, передалъ ему слова Хмельницкаго и старался указать въ нихъ возмутительный умыселъ. Хмельницкаго схватили и посадили въ тюрьму. Въ довершеніе поруганій, старшаго его сына, Тимоша, высѣкли палками посреди Чигирина (49).

Но сидѣлъ онъ недолго: прежняя жена освободила его, упросивъ своего новаго мужа (50).

---

(46) «Histor bel. cos. pol.» 43 — 45.

(47) «Histor. ab. exc. Vl. IV» 7.

(48) «Pam. o woj. koz. za Chlm.» 2. «Woyn. dem.» «Ч. I, 6. «Лѣт. самов.» 5.

(49) «Лѣт. самов.» 6.

(50) «Лѣт. самов.» 6.

Наступилъ май. Хмельницкій поѣхалъ въ Варшаву искать высшаго правосудія. Чаплинскій, какъ видно изъ отвѣтовъ сенату, приводимыхъ современникомъ, послѣдовалъ за нимъ для оправданія.

Издавна сенатъ, высшая камера сейма, былъ въ Польшѣ высшею судебною инстанціею, куда обращались тяжущіеся, неудовлетворенные рѣшеніемъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ. Хмельницкій подалъ жалобу, приложилъ свидѣтельство Конецпольскаго, данное на имѣніе, приводилъ въ доказательство правъ своихъ давность владѣнія, ссылался на свои услуги Речи Посполитой и просилъ удовлетворенія за насиліе, набѣгъ, похищеніе жены и смерть сына.

Позвали Чаплинскаго; начали производить дѣло о имѣніи.

Шляхтичь представилъ выписку изъ земскихъ книгъ воеводства, изъ которой видно было, что Суботовъ принадлежитъ къ дачѣ Чигиринской. «Имѣніе, на «которое претендуетъ панъ Хмельницкій», говорилъ Чаплинскій: «было несправедливо отторгнуто отъ «староства, и я ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только, «на законномъ основаніи, возвратилъ его старосту, «въ надлежащее вѣдомство, а владѣю имъ потому, «что пану старостѣ угодно было его мнѣ пожаловать «въ награду за мою службу Речи Посполитой. Что жь «касается того, что панъ Хмельницкій представляетъ

«давность владѣнія и издержки, то панъ староста «опредѣляетъ выдать ему пятьдесять флориновъ».

Послѣ короткаго разбора, Хмельницкому отвѣчали отъ имени сейма: «Пусть панъ Хмельницкій самъ «себѣ припишетъ потерю своего хутора, потому-что «онъ не запасся форменнымъ свидѣтельствомъ на вла-«дѣніе. Речь Посполитая положила не принимать ни-«какихъ свидѣтельствъ на имѣнія за частными подпи-«сями, потому-что, въ противномъ случаѣ, произо-«шелъ бы безпорядокъ. Пану Хмельницкому должно «быть извѣстно, что у насъ существуютъ земскія «книги, присяжные чиновники, и формы записей. «Покупатель долженъ быть остороженъ. А что касается «до давности владѣнія, то, по закону, не всякій вла-«дѣлецъ вещи есть ея господинъ; а потому пану «Хмельницкому остается прибѣгнуть къ старостѣ Чи-«гиринскому и просить, чтобъ онъ, если пожелаетъ «утвердить распоряженіе отца, выдалъ ему форменное «свидѣтельство».

Это рѣшеніе лишило Хмельницкаго совершенно надежды владѣть Суботовымъ. Онъ, послѣ прежней попытки, не думалъ болѣе обращаться къ Конец-польскому.

Потомъ рѣшили дѣла объ убійствѣ сына и о по-хищеніи жены.

«Зять мой, Комаровскій», возразилъ Чаплинскій: «дѣйствительно, приказалъ высѣчь мальчишку, кото-

«рый говорилъ возмутительныя угрозы, безъ-сомнѣ-«нія, слышанныя отъ отца. Ни одинъ благоразумный «человѣкъ не станетъ этого вмѣнять моему зятю въ «преступленіе. Но что мальчикъ умеръ отъ побоевъ, «то это клевета и безтыдная ложь, которую опровер-«гнутъ нѣсколько свидѣтелей.»

Вѣрно, при этомъ Чаплинскій представилъ и свидѣтелей, ибо сенатъ почелъ убійцу оправданнымъ.

«Что жь касается жены», продолжалъ Чаплинскій: «то эта женщина не была его женою: онъ насильно «держалъ ее у себя, оттого она такъ легко его и оста-«вила; теперь же она мнѣ понравилась и я соединился «съ нею по обряду римско-католической церкви, и «она приняла римско-католическое вѣроисповѣданіе. «Поэтому никто не заставитъ меня отпустить ее отъ «себя; да еслибъ я и сдѣлалъ это, то она сама не «захочетъ ни за что въ свѣтѣ воротиться къ Хмель-«ницкому.»

Такой разсказъ произвелъ смѣхъ. Судъ заключили шутками.

«Охота тебѣ, пане Хмельницкій», говорили представители Речи Посполитой: «жалѣть о такой жен-«щинѣ! На бѣломъ свѣтѣ много красавицъ получше. «Поищи себѣ другой; а эта пусть остается съ тѣмъ, «къ кому привязалась.»

Хмельницкому оставалось прибѣгнуть къ королю, своему давнему покровителю. Владиславъ и на этомъ

сеймѣ испытывалъ оскорбленія. Просьба казаковъ объ увольненіи Украины отъ постоя была отвергнута; сеймъ умножилъ поборы на Руси въ пользу войска; король не рѣшался заступаться за народъ, въ которомъ паны видѣли опасное орудіе для возвышенія единовластія. Епископъ куявскій, Гнѣвошъ, съ жаромъ обвинялъ короля въ пристрастіи къ иноземцамъ, въ непріязни къ дворянству, и такъ огорчилъ короля, что тотъ со слезами всталъ и вышелъ изъ собранія. Тутъ, кстати, явился къ нему Хмельницкій. Казакъ изложилъ свое дѣло; защищая себя, онъ не забылъ разсказать о бѣдствіяхъ казаковъ и русскаго народа, не забылъ дать намекъ и о томъ, что довѣренность, оказанная казакамъ, содѣлалась новымъ поводомъ къ ихъ горестямъ.

«Извѣстно мнѣ твое чистое сердце», отвѣчалъ король: «я помню твою службу; уверенъ, что твое дѣло «право, но твой искъ не подтвержденъ формальнымъ «документомъ, и потому ты ничего не выиграешь су- «дебнымъ порядкомъ. Вижу, что и Чаплинскій неправъ: «и у него нѣтъ надлежащихъ доказательствъ, и при- «томъ, какъ самъ говоришь, сдѣлалъ тебѣ насиліе. «Силѣ слѣдуетъ противопоставить силу: ты такъ же «воинъ. Если Чаплинскій могъ найти себѣ пріятелей «и товарищей, и ты можешь найдти. Знаю я и объ «утѣсненіяхъ казаковъ, но помочь вамъ не въ силахъ. «Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы

«воины, что у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ «постоять за себя? Я же, съ своей стороны, всегда «буду вашимъ благодѣтелемъ.»

Такой откровенности было достаточно, чтобъ показать Хмельницкому, что́ онъ можетъ и что́ долженъ дѣлать. Современникъ говоритъ, что король раскрылъ ему подробнѣе и яснѣе то, что́ за годъ предъ тѣмъ изложилъ канцлеръ Оссолинскій, когда ѣздилъ въ Украину для подущенія казаковъ противъ татаръ. Хмельницкій выѣхалъ изъ Варшавы безъ удовлетворенія, осмѣянный, но съ твердою рѣшимостью освободить Украину отъ власти панства и, можетъ-быть, сдѣлать казаковъ орудіемъ преобразованія Речи Посполитой.

Проживая въ Варшавѣ во время сейма, Хмельницкій (говоритъ современникъ) узналъ болѣе и духъ и порядокъ польскаго государства. Проѣзжая назадъ въ Украину, онъ, со вниманіемъ воина, вглядывался въ состояніе укрѣпленій, въ мѣстоположеніе городовъ, наблюдательно присматривался къ образу жизни, прислушивался къ разговорамъ, вывѣдывалъ общія желанія и жалобы. Медленно ѣхалъ онъ чрезъ земли русскія, останавливался почти въ каждомъ селѣ, заводилъ разговоры, вкрадывался, съ свойственною ему способностью, въ знакомства, разсказывалъ о своихъ бѣдствіяхъ, съ собственными добавленіями, по замѣчанію историка, слушалъ съ жадностью повѣсти о

нахальствѣ жидовъ и жестокости пановъ, не разъ, живою, пламенною рѣчью, возбуждалъ кружокъ раскащиковъ, или угнетенное русское семейство, и обнадеживалъ всѣхъ скорою местью, Божіемъ наказаніемъ надъ утѣснителями. Въ особенности открывалъ онъ свои планы русскимъ духовнымъ, зная, какъ легко имъ предуготовить народъ и какое вліяніе имѣютъ они на толпу.

«Пусть будетъ вамъ извѣстно», говорилъ Хмельницкій: «я рѣшился мстить панамъ–ляхамъ войною, «не за свою только обиду, но за попраніе вѣры рус«ской и за поруганіе народа русскаго! Я безсиленъ; «но вы, братія, мнѣ помогите. Сберитесь и пошлите «мнѣ хоть по два, или по три человѣка съ каждой «деревни.»

Ему обѣщали съ энтузіазмомъ.

«Ежечасно молимъ мы Бога», говорили ему: «чтобъ «онъ послалъ кого–нибудь для отмщенія нашихъ не«счастій! Принимай оружіе, станемъ съ тобою: «поднимется земля русская, какъ никогда еще не под«нималась.»

Такимъ–образомъ, въ городахъ и селахъ Хмельницкій пріобрѣталъ себѣ по нѣскольку человѣкъ друзей и соумышленниковъ, которые обѣщались располагать въ его пользу умы, и оттого, во время войны у Хмельницкаго вездѣ по дорогѣ были пособники, которые отворяли ему города, или приходили на по-

мощь съ приготовленными заранѣе отрядами недовольныхъ ([51]).

По пріѣздѣ въ Украину, Хмельницкій приказываетъ своимъ товарищамъ привести на условленное мѣсто отборныхъ казаковъ. Это совѣщаніе происходило гдѣ-то въ рощѣ ([52]).

Посреди нѣсколькихъ десятковъ знатнѣйшихъ казаковъ стоялъ Хмельницкій, держа въ рукахъ привиллегію Владислава; подлѣ него находились свидѣтели, бывшіе при свиданіи съ Оссолинскимъ. Казаки интересовались знать, чѣмъ кончилось дѣло ихъ писаря, хотѣли болѣе знать: что́ отвѣчали на просьбу объ увольненіи отъ постоя.

«Нѣтъ справедливости въ Польшѣ», отвѣчалъ Хмельницкій: «вмѣсто должнаго разсмотрѣнія дѣла, меня «на сеймѣ осмѣяли, а король предоставляетъ намъ «расправиться съ нашими врагами силою, какъ они «съ нами поступаютъ. Просьбой вашей пренебрегли: «васъ ожидаютъ горшія поруганія. Уже-ли долѣе бу«демъ терпѣть? Уже-ли оставимъ въ бѣдствіи братьевъ «нашихъ, русскихъ, православныхъ? Проѣзжая по «Руси, вездѣ я видѣлъ страшныя утѣсненія, тиран«ства; несчастный народъ вопитъ о помощи; всѣ го-

---

([51]) «Histor. belli cos. polon.» 45—47.
([52]) «Лѣтоп. Малорос.»

«товы взять оружіе; всѣ обѣщаютъ стать съ нами «заодно.»

Ропотъ распространился по собранію; начали разсказывать, что́ дѣлается въ Украинѣ; одинъ говорилъ о бѣдствіяхъ общихъ, другой о своихъ, частныхъ (53).

«Чего не претерпѣли мы! вольности наши уни-«чтожены, грунты наши отняты, большая часть сво-«бодныхъ рыцарей обращена въ хлоповъ; они рабо-«таютъ панщину, ходятъ за лошадьми, топятъ грубы «панамъ, смотрятъ за собаками, какъ рабы посылают-«ся съ письмами. Съ явнымъ намѣреніемъ уничто-«жить козацство, число реестровыхъ уменьшено до «шести тысячъ, да и тѣмъ жизнь не лучше рабовъ. «Полковники, сотники — все начальство у насъ не «выбранные нами, а изъ шляхты. Они, какъ собствен-«ныхъ подданныхъ, употребляютъ казаковъ для сво-«ихъ домашнихъ работъ. Жалованье, положенное «издавна отъ короля и Речи Посполитой, по тридцати «золотыхъ на каждаго казака, они берутъ себѣ и «даютъ только тѣмъ, кто заодно съ ними. Въ походъ «ли пойдутъ, и казакъ завоюетъ татарскаго коня — «тотчасъ отнимутъ, языка ли поймаетъ казакъ — «полковникъ пошлетъ его къ коронному гетману съ

---

(53) «Histor. belli cos. polon.» 47.

«жолнеромъ, и скажетъ будто отличился жолнеръ, а «казацкую отвагу нарочно скрываютъ. Нерѣдко, бѣд- «ный казакъ долженъ идти съ рарогомъ, или раструбомъ (54) чрезъ дикія поля, неся подарокъ какому- «нибудь пану, подвергаясь опасности быть пойман- «нымъ татарами, и на это не смотрятъ: пропалъ ка- «закъ — и былъ таковъ! А сколько разъ убивали «казаковъ варварскими казнями за малѣйшую вину, «умерщвляли даже дѣтей! а сколько разъ чинили «ругательства и насилія надъ женами и дочерьми «нашими!.. А какъ страдаютъ посполитые подъ вы- «мыслами своихъ старостъ, дозорцъ и, особенно, жи- «довъ!.. Ослѣпленные подарками арендаторовъ, вла- «дѣльцы отдали бѣдный народъ жидамъ, не видя, что «ихъ мажутъ по тѣлу собственнымъ саломъ; не такъ «бы еще подданнымъ было жалко, еслибъ его обиралъ «одинъ панъ, а то какой-нибудь подлецъ-жидъ обо- «гащается, заводитъ по нѣскольку цуговъ лошадей, «выдумываетъ разные поборы, поволовщины (55), ду- «ды (56), осыпь (57), мѣрочки сухія, плату съ жер- «новъ, отнимаетъ хутора наши. Но всего ужаснѣе: «преслѣдуютъ вѣру нашу, принуждаютъ насъ къ уніи,

---

(54) Родъ ястребовъ и соколовъ.
(55) Подать со скота.
(56) Пошлины за крещеніе младенцевъ.
(57) Взиманіе съ измолотаго хлѣба.

«разоряютъ наши церкви, продаютъ жидамъ утварь «церковную, ругаются надъ святынею и священ- «никами, изгоняютъ архипастырей ([58])».

«Нѣтъ возможности терпѣть долѣе! пора взяться «за сабли; пора скинуть съ себя ярмо ляшское!» Такъ восклицали старые казаки, жившіе по границѣ русской земли, поближе къ степямъ, подалѣе отъ пановъ, и оттого смѣлые.

Но тѣ, которые встрѣчали безпрестанно грозныя лица пановъ, терпѣли оскорбленія отъ старостъ и своихъ начальниковъ-шляхтичей, тѣ, которые привыкли бояться, чтобъ унылою поступью, мрачнымъ взглядомъ не навлечь на себя побоевъ и даже смерти за подозрѣваемое возмущеніе, тѣ не такъ горячо хватились за отчаянное предпріятіе.

«Взяться за оружіе!», возражали они: «а гдѣ оно? «Наши пушки побрали коммиссары и начальники; съ «одними ружьями ничего не докажемъ польскому вой- «ску: оно возитъ съ собою пушки. Ляхи и прежде были «вояки добрые, а теперь болѣе наловчились въ воен- «ной кправѣ. Мосци (то-есть дворяне) польскіе теперь «не дерутся между собою и на нашу сторону нельзя «никого затянуть. Татаръ позвать? А сколько разъ мы «ихъ били? Теперь они питаютъ къ намъ злобу».

([58]) «Лѣтоп. самов. 7. — «Лѣтоп. повѣствов. о Мал. Росс.» 104. — «Лѣтоп. Малор.»

ГОСПАРЪ

«Правда ваша», сказалъ Хмельницкій, прежде уже «переговорившій съ тѣми, которые знали о дѣлѣ съ «Оссолинскимъ. «Явное дѣло, что противъ нашихъ «враговъ мы сами-собою ничего не сдѣлаемъ, особен- «но, когда во всѣхъ за́мкахъ сидятъ польскіе коммис- «сары и пристально глядятъ за нашими поступками, «а къ тому еще жолнерство зимуетъ въ нашемъ «краю. Скоро замѣтятъ наши затѣи — сейчасъ и по- «давятъ насъ: поэтому и нельзя намъ обойтись безъ «чужаго пособія. Я думаю, ни у кого намъ нельзя «просить помощи, кромѣ москалей и татаръ: всѣ «другіе сосѣди слабы, или скорѣе вступятся за поля- «ковъ, чѣмъ за насъ. Наемное же войско держать — «у насъ пѣтъ денегъ, да вѣдь и сила ненадежная! «Сказалъ бы я, просить москалей: они православные «и, ради одной съ нами вѣры, могли бы за насъ «вступиться; но ихъ въ недавнее время побѣдили по- «ляки. Потерявъ нѣсколько городовъ, какъ-то: Смо- «ленскъ и другіе, они еще въ силу не пришли: едва- «ли можно будетъ ихъ упросить. Съ татарами труд- «нѣе сойтиться; мы ихъ противъ себя вооружили: то «нападенія дѣлали, то отнимали добычу, захваченную «ими въ польскихъ земляхъ. Да еслибъ и можно было, «какимъ-нибудь образомъ, поладить съ ними, то, все- «таки, они поганые, а мы будемъ воевать противъ «христіанъ — и объ этомъ надобно подумать!»

«Ты, пане Хмельницкій», сказали казаки: «покажи

«только средство, какъ поладить съ татарами, а какъ «узна́емъ, что это можетъ статься, тогда и разсудимъ, «грѣшно или нѣтъ призывать ихъ на помощь».

«Если такъ вы говорите», сказалъ Хмельницкій: «то я не стану скрывать отъ васъ, братья мои, что «король нашъ, желая воевать съ туркомъ, собралъ «наемное войско; а такъ-какъ панство не захотѣло, «то онъ его снова распустилъ, а теперь насъ подго- «вариваетъ сдѣлать походъ на турецкую землю, чтобъ, «когда въ отплату пошлютъ турки на Польшу войско, «поляки, рады-не-рады, взялись бы за сабли. А чтобъ «вы этому вѣрили, что оно есть такъ, какъ я вамъ «говорю, то вотъ вамъ королевская привиллегія на «постройку чаекъ для войны: ее привезъ намъ кан- «клеръ Оссолинскій, когда объѣзжалъ нашу сторону. «Привезъ онъ намъ тогда и знамя, и булаву, и хо- «тѣлъ меня поставить гетманомъ при свидѣтеляхъ, «которые здѣсь, и могутъ поручиться, что я правду «говорю. Я, однако, не принялъ гетманства, потому- «что были другіе старше меня, а частно, самъ-со- «бою, я не хотѣлъ ничего начинать. Теперь же, какъ «я былъ въ Варшавѣ, то король самъ мнѣ говорилъ «тоже, да прибавилъ еще, что другаго средства для «насъ нѣтъ, какъ самимъ защищать оружіемъ права «свои. По-мо́ему, братія, пока этотъ листъ у насъ «въ рукахъ, то выбрать пословъ къ татарамъ и объ- «явить, что́ замышляетъ король, да и посовѣтовать

«имъ: пусть намъ пособляютъ, коли хотятъ покоя; а «не согласятся, такъ мы имъ войну объявимъ, — такъ «имъ и скажемъ. Мнѣ кажется, тутъ и думать долго «не о чемъ. Татары давно ужь напали бы на поля- «ковъ за то, что имъ не платится дань, еслибъ мы «ихъ не удерживали. А теперь пуще они раздражены «противъ поляковъ за недавній походъ Конецполь- «скаго.»

Когда Хмельницкій окончилъ рѣчь свою, всѣ, въ одинъ голосъ, закричали:

«Вотъ, когда самъ Богъ подаетъ намъ случай ото- «мстить наши обиды и поруганія надъ вѣрою нашею! «Чего жь тутъ ждать? Чего у насъ нѣтъ еще?.. «Поляки считаютъ насъ хуже собакъ: пусть же и «отъ насъ узнаютъ такую честь. Панъ Хмельницкій «совѣтуетъ намъ самое лучшее и самое легкое. По- «моги ему, Господи Боже! Ужь когда онъ не про- «силъ гетманской чести, а король самъ ему прислалъ, «такъ, видно, это сдѣлалось по Божьей волѣ: кто жь «посмѣетъ отнять ее у него? Съ этой минуты всѣ «всѣ мы охотно признаемъ тебя нашимъ гетманомъ и «хотимъ тебѣ служить чѣмъ можемъ: совѣтомъ, покор- «ностью, кровью. Просимъ тебя, чтобъ ты самъ уго- «варивался съ татарами лично, а не чрезъ пословъ: «способнѣе тебя мы никого не знаемъ.»

Хмельницкій поблагодарилъ за довѣріе, но не принялъ гетманства, оставляя это до будущаго времени,

когда онъ покажетъ на дѣлѣ, что достоинъ начальствовать казаками (59).

«Соединимся, братія», сказалъ Хмельницкій: «возстанемъ за церковь и вѣру православную, истребимъ ересь и напасти, возставимъ золотую свободу и будемъ единодушны. Призывайте казаковъ и всѣхъ земляковъ нашихъ; я буду вашимъ предводителемъ, потому-что вы этого желаете. Надѣюсь, что всѣ казаки, гдѣ бы они ни были, пристанутъ къ намъ. Мы возложимъ упованіе на Всевышняго: онъ поможетъ намъ!»

«Умремъ другъ за друга!» воскликнули одушевленные казаки: »отомстимъ за обиды наши, защитимъ вѣру и церковь нашу, освободимъ отъ ярма братій нашихъ! Соберемся, начнемъ! поможетъ намъ Всевышній!» (60).

Особенно ободряло казаковъ въ этомъ собраніи то, что замыселъ ихъ не остался безъ благословенія архипастыря, митрополита кіевскаго.

Этотъ митрополитъ былъ знаменитый Петръ Могила. Современникъ увѣряетъ, будто митрополитъ не только благословилъ начинаніе, но прибавилъ, что того постигнетъ клятва, кто въ такомъ дѣлѣ не приметъ участія, будучи въ-состояніи помогать разсуд-

---

(59) «Histor. belli cos. polon.» 47—52.
(60) «Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс.» 104.

комъ или оружіемъ. Митрополитъ былъ тогда уже въ могилѣ и, конечно, Хмельницкій совѣтовался съ нимъ еще въ 1646 году ([61]).

Но, только–что Хмельницкій въ первый разъ объявилъ казакамъ о своемъ замыслѣ, неожиданное приключеніе чуть–было не разрушило всего предпріятія. Одинъ изъ знатныхъ казаковъ, бывшихъ на совѣщаніи, Романъ Пешта, позавидовалъ первенству Хмельницкаго и разсказалъ подробно Конецпольскому, что происходитъ и затѣвается между казаками ([62]). Узналъ объ этомъ и Барабашъ, и немедленно послалъ гонца къ коронному гетману Потоцкому съ угрожающимъ извѣстіемъ о замыслахъ Хмельницкаго. «Надлежитъ «угасить огонь, пока онъ не разгорѣлся», писалъ онъ. Потоцкій далъ приказъ немедленно схватить Хмельницкаго, во что бы ни стало, и посадить подъ стражу. Порученіе возложено было на Кречовскаго, переяславскаго полковника: онъ былъ изъ благородной фамиліи, и потому почитался надежнѣйшимъ слугою пановъ ([63]).

Хмельницкій, потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попало

([61]) «Histor. belli cosac. polon.» 51.

([62]) «Annal. Polon. clim.» I. 24. «Памятн. кіевс. комм.» I, 3, 5.

([63]) «Annal. Polon. clim.» I. 24. «Лѣтоп. Велич.» 28. «Woyna domowa». Ч. I, 61.

и собирался на Запорожье, а оттуда въ Крымъ. Ему нужны были деньги, и онъ продавалъ что́ у него оставалось, въ томъ числѣ коня отличной породы. Узнавъ объ этомъ, Кречовскій, посредствомъ казака, хитро приманилъ его въ село Бужинъ (64), куда, въ то же время, поспѣшилъ самъ и пригласилъ Конецпольскаго. Хмельницкій явился туда съ своимъ конемъ на ярмарку, былъ пойманъ и представленъ Конецпольскому и казацкому коммиссару Шемберку. На вопросы пановъ онъ отвѣчалъ ловко, и съ изумленіемъ отвергалъ всякое показаніе, ссылаясь на предстоявшихъ казаковъ. Эти казаки были его соучастники и увѣряли Конецпольскаго и Шемберка, что доносъ ложенъ, что они готовы, всѣмъ на свѣтѣ, поклясться за Хмельницкаго. Самъ Кречовскій защищалъ Хмельницкаго ради кумовства, какъ говоритъ польскій историкъ. Шемберкъ отдалъ Хмельницкаго подъ надзоръ Кречовскому, пока дадутъ знать коронному гетману (65).

Вмѣсто строгаго надзора и суроваго обращенія, Кречовскій началъ обходиться съ своимъ плѣнникомъ дружески, и чрезъ нѣсколько дней Хмельницкій былъ свободенъ навсегда. Одинъ польскій историкъ гово-

---

(64) Бузынъ или Бужинъ въ чигиринскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Днѣпра.

(65) «Annal. Polon. clim.» I, 24. Lat. Ierl. 100.

ритъ, что Кречовскій напился пьянъ, и Хмельницкій воспользовался этимъ къ побѣгу ([66]); другой говоритъ, что Кречовскій былъ тронутъ чувствомъ кумовства, прежней пріязни и краснорѣчіемъ Хмельницкаго, и самъ его отпустилъ ([67]); третій, — что Кречовскій и прежде былъ съ нимъ въ соумышленіи ([68]). Послѣднее вѣроятнѣе: Кречовскій, хоть и шляхтичъ, но русской вѣры, впослѣдствіи былъ не послѣднимъ лицомъ въ ряду поборниковъ возстанія.

Какъ бы то ни было, коронный гетманъ Потоцкій, получивъ донесеніе Шемберка, прислалъ предписаніе казнить смертью Хмельницкаго; но казнить было некого ([69]): Хмельницкій, съ сыномъ своимъ, Тимоѳеемъ, и тремя десятками отборнѣйшихъ соучастниковъ, убѣжалъ уже въ Запорожскую Сѣчь, на Микитинъ Рогъ, куда прибылъ 11-го декабря 1647 года ([70]).

Тамъ-то было пристанище тѣхъ, кому судьба не давала ужиться въ земляхъ Речи Посполитой. Тамъ трудно было найдти бѣглеца. Но паны присматривали надъ Запорожьемъ, и уже начали проникать въ

([66]) «Annal. Polon. clim.» I. 25.
([67]) «Bell. scyth. cosac.»
([68]) «Woyna dom.» Ч. I, 6.
([69]) «Latop, Jerl.». 100.
([70]) «Лѣт. Велич.» I, 29.

невѣдомые закоулки этой пустынной страны, называемой вообще Низомъ. Гетманъ Конецпольскій построилъ надъ порогами Кодакъ; потомъ сдѣланы были еще кой-какія укрѣпленія и наполнены польскими жолнерами. Въ самую Сѣчь проникали польскіе смѣльчаки. Это поддерживало обыкновеніе запорожцевъ жить по сторонамъ, оставляя въ Сѣчи небольшой гарнизонъ. Большая часть ихъ жила въ уютныхъ хуторахъ, другіе бродили Богъ-вѣсть гдѣ; много ихъ было и на Дону, и на Волгѣ, и на Черномъ морѣ, несмотря на запрещеніе строить чайки. Оттого, въ Сѣчи было тогда всего триста человѣкъ съ старшинами ([71]). Но то была, такъ-называемая, *сирома*, отчаянные сорви-головы. «Нетрудно было взволновать ихъ, говоритъ польскій историкъ ([72]): какъ соловью пѣніе, такъ имъ мятежи были свойственны.

Хмельницкій изложилъ имъ бѣды свои и цѣлаго отечества.

«Поругана вѣра святая», восклицалъ онъ: «у чест-«ныхъ епископовъ и иноковъ отнять хлѣбъ насущный; «надъ священниками ругаются; уніаты стоятъ съ же-«лѣзомъ надъ шеею; іезуиты съ безчестіемъ преслѣ-«дуютъ нашу вѣру отеческую. Надъ просьбами на-

([71]) «Ист. о през. бр.»
([72]) «Bell. scyth. cosac.»

«шими сеймъ поглумляется, отвѣчая намъ поноснымъ «презрѣньемъ къ имени схизматиковъ. Нѣтъ ничего, «чего бы не рѣшился съ нами сдѣлать дворянинъ. А «что дѣлаетъ войско? Мало того, что заѣдаютъ наши «безвинныя головы: подъ предлогомъ укрощенія не- «покорности, ходятъ по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки «истребляютъ до тла, какъ-будто замыслили истре- «бить весь родъ нашъ!.. Въ довершеніе всѣхъ мучи- «тельствъ, отдали насъ въ рабство проклятому роду «жидовскому! Смотрите на меня, писаря войска за- «порожскаго, стараго казака: я уже ожидалъ отставки «и покоя, а меня гонятъ, преслѣдуютъ только потому, «что такъ хочется тиранамъ; сына у меня варварски «убили, жену посрамили, достояніе отняли, лишили «даже походнаго коня, и, напослѣдокъ, осудили на «смерть. Нѣтъ для меня иной награды за кровь, про- «литую для ихъ же пользы; ничего не остается для «тѣла, покрытаго ранами, кромѣ невинной смерти «подъ рукою палача. Къ вамъ уношу душу и тѣло: «укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ «себя: и вамъ то же угрожаетъ!» ([73]).

«*Пріймаемо тебе, Хмельницкій пане, хлибомъ-* «*силью и щирымъ сердцемъ!*» кричали казаки ([74]).

Кошевой послалъ немедленно скликать запорожцевъ

([73]) «Annal. Polon. clim.» I. 25—25.

([74]) «Pamiętn. o dziejach i pismienn. Słow.» I, 308.

въ Сѣчь для важнаго дѣла. Между–тѣмъ, изъ сосѣдняго укрѣпленія пошли на Сѣчь жолнеры–поляки и нѣмцы, услыша о волненіи. Но Хмельницкій собралъ своихъ триста молодцовъ, вывелъ ихъ изъ Сѣчи, и когда жолнеры напали на нихъ, то онъ завелъ ихъ хитрыми движеніями въ такое мѣсто, гдѣ всѣхъ перебилъ ([75]). Запорожье стало свободно.

Разнеслась молва по хуторамъ: изъ лѣсовъ и ущелій прибѣгали въ Сѣчь бѣглые хлопы, которые жили подъ названіемъ лугарей, степовиковъ и гайдамакъ, по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конки, въ землянкахъ, одѣтые въ звѣриныя кожи, довольные скудною тетерею ([76]), но за–то вольные, какъ вѣтеръ, по выраженію ихъ пѣсенъ. Изъ Украины также прибѣжали охотники.

— Что новаго? спрашивалъ ихъ Хмельницкій.

— Барабашъ собираетъ казаковъ на тебя, извѣщали его. Потоцкій идетъ съ войскомъ къ Черкасамъ; голова твоя оцѣнена ([77]).

Хмельницкій остерегался, чтобъ поляки, какимъ–нибудь образомъ, не проникнули его намѣреній и страшился польскихъ шпіоновъ; поэтому онъ распу-

---

([75]) «Лѣтоп. самов.» 8. «О томъ, что случилось въ Укр.» 8.

([76]) «О козак. запорожс.» 24.

([77]) «Ист. о през. бр.»

стилъ между запорожцами вѣсти, будто старшины намѣрены ограничить свои дѣйствія только отправкою депутаціи къ королю. Только кошевой и старшины запорожскаго коша, да пришедшіе съ Хмельницкимъ казаки, знали его истинные планы (78).

Тогда онъ началъ посылать панамъ письма и показывалъ въ нихъ самое миролюбивое расположеніе. Онъ писалъ къ казацкому коммиссару Шемберку, какъ къ своему прямому начальнику по службѣ, что убѣжалъ единственно потому, что Чаплинскій злоумышлялъ на жизнь его, и что казаки съ Запорожья намѣрены послать въ Варшаву депутацію для испрошенія законнымъ образомъ королевской привиллегіи, которая могла бы ихъ защищать отъ самоуправства. Отклоняя всякую тѣнь подозрѣнія, Хмельницкій просилъ коммиссара взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и какой-то домикъ его въ Украинѣ, до возвращенія изъ Сѣчи (79).

Подобное обманчивое письмо отправлено было къ коронному гетману.

«Я надѣялся (писалъ Хмельницкій) доживать вѣкъ «спокойно и счастливо, осыпанный благодѣяніями ко«роля и Речи-Посполитой, какъ вдругъ явился врагъ «моему счастью, Чаплинскій, литовскій подкидышъ,

---

(78) «Лѣт. Велич.» I, 34—44.
(79) «Лѣтоп. Велич.» I, 34.

«польскій пьяница, украинскій разбойникъ, который, «находясь восемь лѣтъ на дозорствѣ у пана Конец- «польскаго, многихъ изъ братій нашихъ погубилъ «ложными доносами, который, если встрѣтитъ гдѣ- «нибудь священника, не оставитъ его безъ того, «чтобъ не вырвать волосъ или бороды и добрымъ «порядкомъ не посчитать ребръ кіемъ, или обу- «хомъ...» Въ-заключеніе, Хмельницкій также увѣ- рялъ, что ничего не хочетъ дѣлать, только намѣренъ послать депутацію въ Варшаву ([80]).

Такое же письмо послано и къ Конецпольскому: въ немъ Хмельницкій коснулся и собственныхъ вы- годъ пана.

«Еслибъ (писалъ Хмельницкій) произведено было «слѣдствіе, тогда открылось бы, сколько Чаплинскій «покралъ вашего панскаго достоянія, и ваша вель- «можность не захотѣли бы имѣть его не только до- «зорцею, но даже истопникомъ или кучеромъ ([81]).

Онъ писалъ и къ Барабашу, и гораздо-смѣлѣе:

«Такъ-какъ ваша милость (выражался онъ) храни- «ли королевскую привиллегію между плахтами жены «своей, то за это войско запорожское считаетъ васъ

([80]) «Лѣтоп. Велич.» I, 36—41.
([81]) «Лѣтоп. Велич.» I, 41—43.

«достойнымъ начальствовать не надъ людьми, а надъ «свиньями или надъ овцами (82)».

Эти посланія имѣли свое счастливое слѣдствіе. Коронный гетманъ сначала-было не хотѣлъ отвѣчать Хмельницкому, надѣясь увидѣть скоро хлопа на колѣ; однако, по совѣту нѣкоторыхъ пановъ, онъ послалъ въ Сѣчь ротмистра Ивана Хмелецкаго, знавшаго, какъ выражался Потоцкій о немъ, всѣ казацкіе гуморы (83).

Хмелецкій, прибывъ въ Сѣчь, убѣждалъ Хмельницкаго оставить мятежные замыслы. «Увѣряю честнымъ словомъ», говорилъ онъ: «что волосъ не спадетъ съ вашей головы».

«Я не мятежникъ», отвѣчалъ Хмельницкій: «и замысловъ никакихъ не имѣю, а бью челомъ его милости, краковскому пану: во первыхъ, чтобъ онъ не выступилъ съ войскомъ изъ Украины, во вторыхъ, чтобъ онъ смѣнилъ съ начальства надъ казаками ляховъ, которые теперь находятся на урядахъ, ибо ляху не слѣдуетъ старшинствовать надъ казаками; а въ третьихъ, чтобъ уничтожилъ постановленія, обидныя для казаковъ, чтобъ они могли свободно пользоваться всѣми правами, дарованными отъ короля и

---

(82) «Лѣтоп. Велич.» I. 32—33.
(83) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3, 11.

«его предшественниковъ. А безъ того, я тоже на во-«лосъ не выйду отсюда (84)».

Потоцкій не думалъ мириться съ Хмельницкимъ; онъ хотѣлъ только выманить его изъ Сѣчи, чтобъ потомъ казнить. Точно также Хмельницкій, переговариваясь съ панами, старался единственно о томъ, чтобъ выиграть время.

Свиданіе съ Хмелецкимъ было не въ Сѣчи, а на островѣ, называемомъ Томаковскій или Буцкій. Хмельницкій разгласилъ между казаками, что онъ уѣдетъ туда, какъ-будто для корма лошадей. Только сѣчевые старшины знали истинное его намѣреніе. Обманъ былъ веденъ такъ искусно, что поляки, по извѣстію возвратившагося Хмелецкаго, думали будто бѣглый писарь сидитъ съ пятьюстами человѣкъ на островѣ, оградясь палисадомъ, и отлагали на дальнѣйшее время добываніе его оттуда (85). Между-тѣмъ, Хмельницкій, тотчасъ послѣ свиданія съ польскимъ депутатомъ, убѣжалъ въ Крымъ (86).

На крымскомъ престолѣ царствовалъ тогда воинственный Исламъ-Гирей. Нѣкогда онъ былъ въ плѣну у поляковъ и отпущенъ Владиславомъ. «Мы тогда еще не знали, что́ изъ него выйдетъ совреме-

---

(84) «Памятн. кіевс. комм.» I, 3, 11—19.
(85) «Памятн. кіевс. комм.» I, 3, 19.
(86) «Лѣтоп. Велич.» I, 44.

немъ», замѣчаетъ польскій историкъ ([87]). Въ мартѣ 1648 года, прибылъ Хмельницкій въ Бахчисарай съ сыномъ и знатнѣйшими казаками, ушедшими съ нимъ изъ Украины, и доложилъ о себѣ хану.

Исламъ-Гирей не былъ доступенъ съ перваго раза, хотя Хмельницкій былъ уже ему извѣстенъ прежде. Надобно было нѣсколько церемоній, чтобъ видѣть его свѣтлыя очи. Хмельницкаго поставили на квартирѣ у одного армянина. Ханъ приказывалъ честить и угощать гостей. Такъ жилъ Хмельницкій недѣлю, наконецъ, чрезъ мурзъ ханскихъ, которыхъ ему слѣдовало задобрить, онъ получилъ позволеніе пріѣхать во дворецъ ([88]).

Съ ловкостью знатока восточныхъ обычаевъ явился Хмельницкій, знавшій хорошо по турецки, предъ крымскимъ повелителемъ.

«До-сихъ-поръ (говоритъ онъ) мы были врагами «вашими, но, единственно, оттого, что находились подъ «ярмомъ ляховъ. Знай же, свѣтлѣйшій ханъ, что ка- «заки воевали съ тобою поневолѣ, а всегда были и «будутъ друзьями подвластнаго тебѣ народа. Мы те- «перь рѣшились низвергнуть постыдное польское иго, «прервать съ Ляхистаномъ всякое соединеніе, предло- «жить вамъ дружбу, вѣчный союзъ и готовность сра-

([87]) «Belli. scyth. cos.
([88]) «Лѣт. Велич.» I, 44.

«жаться за мусульманскую вѣру. Враги наши поля-
«ки — враги ваши; они презираютъ силу твою,
«свѣтлѣйшій ханъ, отказываются платить тебѣ долж-
«ную дань и еще подущаютъ насъ нападать на мусуль-
«манъ; но да вѣдаешь, что мы поступаемъ искренно:
«мы извѣщаемъ тебя о ихъ замыслахъ и предлагаемъ
«тебѣ помогать намъ противъ измѣнниковъ и клятво-
«преступниковъ» (89).

Ханъ ясно видѣлъ изъ открытой ему привиллегіи, что король, дѣйствительно, замышляетъ войну, но отвѣчалъ, на первый разъ, Хмельницкому двусмысленными комплиментами.

Исламъ-Гирей послѣ того собралъ совѣтъ изъ своихъ мурзъ.

«Казаки просятъ меня содѣйствовать имъ противъ
«поляковъ (говорилъ онъ); но я боюсь, не подосланъ
«ли Хмельницкій нарочно отъ короля къ намъ, чтобъ
«обмануть татаръ, выманить орду въ поле и навести
«на готовое польское войско, которое могло бы выгу-
«бить татаръ? Испытайте его.»

Мурзы, испытывая Хмельницкаго, передали ему опасенія хана.

«Я готовъ присягнуть передъ ханомъ (сказалъ
«Хмельницкій), что прошу помощи безъ обмана и

---

(89) «Wojny z Ottomanami Colletanea» t. I, 200.

«безъ хитрости. Если этого мало, я готовъ оставить «его ханскому величеству сына своего въ залогъ».

Ханъ, услышавъ это, приказалъ явиться Хмельницкому къ себѣ. Казакъ увидѣлъ себя посреди многочисленнаго общества мурзъ и начальниковъ крымскихъ.

— Хмельницкій! сказалъ ханъ: — если твое намѣреніе искренно, поклянись на саблѣ моей предъ всѣми нами.

Подали ханскую саблю. Хмельницкій поцаловалъ ее въ сталь и, стоя въ кругу мурзъ, произнесъ такую клятву:

«Боже, всей видимой и невидимой твари Содѣтель! «вѣдатель помышленій человѣческихъ! клянусь тебѣ, «чего ни потребую, чего ни попрошу у его ханской «милости — все буду дѣлать безъ коварства и измѣ«ны; и еслибъ, съ моей стороны, вышло что-нибудь «ко вреду его ханской милости, то допусти, Боже! «чтобъ этою саблею отдѣлилась моя голова отъ тѣла!»

«Мы теперь вѣримъ тебѣ», сказалъ ханъ, и подалъ Хмельницкому руку. Прочіе мурзы также давали казаку руки, въ знакъ союза ([90]).

Однако отвѣтъ ханскій, относительно войны, все еще не былъ рѣшителенъ.

«Поляки не платятъ мнѣ дани — это правда (го-

([90]) «Лѣтоп. Велич.» I, 45.

«ворилъ Исламъ), однако я еще не могу начать вой-«ны, потому–что дѣло не рѣшено въ Диванѣ. Впро-«чемъ, кажется, въ Диванѣ будетъ объявлена война. «Начинайте вы, потомъ и я пойду и разорю всю Поль-«шу. Теперь же вы можете пригласить моего пере-«копскаго мурзу Тугай–Бея; пусть онъ пойдетъ съ «вами на поляковъ ([91])!»

Съ–этихъ–поръ ханъ оказывалъ особенное расположеніе къ Хмельницкому и казакамъ. Самъ Хмельницкій каждый день бесѣдовалъ съ государемъ дружески. Разсказываютъ, когда наступилъ праздникъ свѣтлаго воскресанья, то казаки начали, въ знакъ торжества, по своему обычаю, палить изъ ружей. Ханъ приказалъ узнать, что́ это значитъ; мурзы донесли ему, что казаки празднуютъ свой байрамъ великій; тогда ханъ приказалъ имъ выкатить три бочки вина, въ знакъ милости, и послалъ пять быковъ и пятнадцать барановъ на обѣдъ. Послѣ праздника пасхи, Хмельницкій выѣхалъ изъ Бахчисарая. Ханъ, на прощаньи, подарилъ ему черкесскій панцырь, колчанъ, лукъ и стрѣлы, розовый кафтанъ изъ златоглава, кунтушъ темнозеленаго французскаго сукна, позолоченую саблю, и всѣмъ казакамъ выдалъ на дорогу мяса, хлѣба и вина. Сынъ Хмельницкаго, Тимоѳей, остался заложникомъ. Отецъ приказывалъ ему

([91]) «Истор. о през. бр.».

приглядываться къ восточнмъ обычаямъ и знакомиться съ мурзами. Тимоѳей Хмельницкій жилъ на прежней квартирѣ у армянина. Ханъ часто приглашалъ его и ласкалъ ([92]); однако татары не пропускали случая намекать ему и о тѣхъ разореніяхъ, какія отъ украинскихъ казаковъ терпѣли подданные хана, которыхъ казацкій предводитель называлъ своими братьями ([93]).

Тугай-Бей, мурза перекопскій, принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ вассаламъ крымскихъ властелиновъ, которые, несмотря на произволъ хана, считали себя въ-правѣ часто поступать какъ имъ хочется ([94]). Этимъ непослушаніемъ они нерѣдко приносили пользу самому хану. Случалось часто, что такіе мурзы, безъ воли хана, пускались на разбои, а ханы передъ правительствами сосѣднихъ странъ отговаривались тѣмъ, что нападеніе сдѣлано безъ ихъ согласія. Иногда ханы сами посылали ихъ на грабежи, а потомъ употребляли такія отговорки. Ханъ приказывалъ Тугай-Бею идти съ Хмельницкимъ, но не объявлялъ формально войны Польшѣ отъ своего имени, надѣясь остаться въ сторонѣ, если будетъ нужно. Тугай-Бей былъ наѣздникъ дикій, свирѣпый, привыкшій къ гра-

---

([92]) «Лѣтоп. Велич.» I, 48.
([93]) «Истор. о през. бр.».
([94]) «Кратк. опис. о казац. малор. нар.». 22.

бежу и войнѣ. Тогда, съ четырьмя тысячами орды, онъ кочевалъ въ степи, готовясь, какъ видно, съ весною пуститься въ сосѣднія польскія области ([95]). Повидимому, трудно было расположить его въ пользу казаковъ: казаки недавно бились съ этою ордою.

— Вотъ какъ! сказалъ мурза, когда прибылъ къ нему Хмельницкій: — недавно вы не давали намъ покоя, а теперь просите помощи ([96])! Вы наши враги, да мы же должны проливать за васъ кровь!

Хмельницкій увѣрялъ его, что казаки поступали такъ оттого, что были подданные поляковъ, а сами, они друзья татарамъ. Онъ обѣщалъ имъ большую добычу и довелъ до того, что наѣздникъ рѣшился положиться на счастье и, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, переправился черезъ Днѣпръ въ Кизикирменѣ ([97]).

Приблизившись къ Сѣчи, Хмельницкій поѣхалъ въ кошъ, а татары остались на рѣкѣ Бузулукѣ.

Кошевой, въ отсутствіе Хмельницкаго, собралъ огромное число запорожцевъ, скрывавшихся по хуторамъ. Не зная, въ чемъ дѣло, они только что-то предчувствовали и, съ нетерпѣніемъ, ожидали, что́ объявитъ кошевой. Пѣхота была въ Сѣчи, а конница

([95]) «Bell. scyth. cosac.» 10. «Кратк. опис. о казац. мал. нар.» 22.

([96]) «Истор. о през. бр.».

([97]) «Истор. о през. бр.».

стояла по лугамъ около Днѣпра. 18-го апрѣля, на закатѣ солнца, Хмельницкій прибылъ въ Сѣчь; съ нимъ было четыре татарина, которыхъ представлялъ онъ войсковымъ старшинамъ, какъ свидѣтелей ханской помощи.

Въ этотъ же вечеръ три раза ударили изъ пушекъ; на разсвѣтѣ выстрѣлы повторились: то былъ старый обычай на Запорожьѣ давать знать, что въ предстоящій день соберется рада. По сигналу начали собираться въ Сѣчь конные. Въ полдень ударили добиши въ котлы — такъ начиналось запорожское вѣче.

Рада, точно какъ вѣче встарину, отправлялась въ сѣчевой крѣпости (то-есть), *градѣ*, по общеславянскому выраженію), на майданѣ или площади. Стеченіе народа было столь велико, что кошевой и атаманы увидѣли неудобство помѣщенія и перевели собраніе на пространнѣйшее мѣсто, за крѣпость: тамъ также былъ майданъ, гдѣ собиралась рада въ случаяхъ болѣе-важныхъ. Кошевой былъ за Хмельницкаго, изложилъ народу обиды, терпимыя украинцами отъ поляковъ, и объявилъ, что Хмельницкій ѣздилъ въ Крымъ, что ханъ обѣщалъ помогать казакамъ, что орда Тугай-Бея стоитъ на-готовѣ близь Сѣчи.

«Слава и честь Хмельницкому!» восклицало собраніе. «Мы, какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмель-«ницкій будетъ нашимъ головою, а мы всѣ, сколько

«насъ тутъ есть, всѣ готовы идти противъ пановъ и «помогать Хмельницкому до послѣдняго дыханія.»

Тогда кошевой послалъ писаря въ скарбницу; принесли въ собраніе, такъ-называемые, клейноты: королевскую хоругвь, данную Владиславомъ, бунчукъ съ позолоченымъ шаромъ, позолоченую булаву съ каменьями и серебряную войсковую печать.

Старшины, въ присутствіи всего запорожскаго товарищества, вручили Хмельницкому эти знаки и признали его гетманомъ войска запорожскаго.

Хмельницкій принялъ, и, такимъ-образомъ, сталъ законнымъ начальникомъ запорожскаго товарищества; однако онъ назывался еще не гетманомъ, а только старшимъ; онъ говорилъ, что, для полнаго освященія его достоинства, нужно было признаніе городовыми казаками.

Послѣ рады, старшины коша пошли въ церковь. Тамъ отправлена была литургія и благодарственный молебенъ; потомъ пошли къ кошевому на обѣдъ. «Они тогда не очень гуляли (говоритъ лѣтописецъ), какъ обыкновенно у запорожцевъ водилось... каждый имѣлъ на умѣ свое».

Вечеромъ добиши снова ударили въ котлы на раду.

«Паны-молодцы!» говорилъ собранію кошевой: «усовѣтовали мы съ паномъ Хмельницкимъ, что «всѣмъ вамъ идти нé длячего на войну, потому-что «будутъ у насъ татары, и городовые казаки къ намъ

«пристанутъ; а положили мы, чтобъ шло съ Хмель-«ницкимъ только восемь тысячъ; прочіе же могутъ «разойтиться до господы, только должны быть всегда «на-готовѣ, чтобъ выступить въ походъ, когда послѣ-«дуетъ приказаніе».

Казаки поблагодарили за такое рѣшеніе, и Хмельницкій началъ устроивать свое войско. Чрезъ нѣсколько времени, татары, которые стояли на дорогѣ изъ Переволочны въ Сѣчь, привели къ Хмельницкому девять человѣкъ, которые всѣмъ показались подозрительными. На допросѣ они сказали, что гетманъ послалъ въ Сѣчь противъ Хмельницкаго два отряда: одинъ водою, другой сухопутьемъ. Хмельницкій выступилъ, повелъ за собою и плѣнниковъ, прикованныхъ къ пушкѣ, потому-что считалъ ихъ польскими шпіонами (98).

Теперь взглянемъ, что дѣлалось въ Украинѣ.

Нѣсколько времени было все тихо. Русскіе, съ съ радостью слыша о возстаніи, вели себя осторожно, и только шопотомъ говорили о своихъ надеждахъ. Но когда начали ходить между народомъ разныя возмутительныя воззванія, то кой-какіе хмѣльные молодцы стали отпускать угрозы на поляковъ. Жиды доносили объ этомъ панамъ (99). Барабашъ

---

(98) «Лѣтоп. Величк.» I, 52—54.
(99) «Histor. belli cos. polon.» 52.

извѣстилъ короннаго гетмана, что Хмельницкій на Запорожьѣ собираетъ мятежническую шайку, и поэтому въ Украинѣ надобно опасаться возстанія. Потоцкій уже наученъ былъ прежними казацкими возстаніями. Въ началѣ новаго года, онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, какія стояли на зимнихъ квартирахъ, немедленно собираться къ Днѣпру, извѣщалъ русскихъ магнатовъ объ опасности, приглашалъ ихъ собирать надворныя команды и поспѣшать къ нему для соединенія ([100]). Не дожидаясь даже сбора войскъ, онъ самъ поѣхалъ въ Украину, собралъ тамошнихъ кварцяныхъ жолнеровъ и сталъ въ Черкасахъ. Присутствіе поляковъ угасило малѣйшіе признаки возстанія; поселяне показывали видъ смиренія; казаки говорили, что тѣ, которые бѣжали къ Хмельницкому, измѣнники и что ихъ слѣдуетъ казнить ([101]). Предводители, стоя въ Черкасахъ, не знали, что́ имъ начинать. Идти въ степь казалось невозможнымъ; зима была непостоянна: то мерзло, то таяло; дорога испортилась. Потоцкій рѣшился дождаться весны, тѣмъ болѣе, что еще не собралось войско и притомъ не увѣдомили короля ([102]). Въ это-то время Хмельницкій прислалъ свои письма панамъ, и въ томъ числѣ

([100]) «Annal. Polon. clim.» I. 30.
([101]) «Histor. belli cos. polon.» 52.
([102]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 2.

Потоцкому. Потоцкій, какъ мы видѣли сначала, не хотѣлъ отвѣчать, но многіе паны начали ему совѣтовать повести дѣло такъ, чтобъ обошлось безъ боя. Такъ думалъ Адамъ Кисель, брацлавскій воевода, вельможа греческой вѣры ([103]); такъ совѣтовалъ краковскій воевода Любомирскій, человѣкъ съ большою репутаціею въ военномъ дѣлѣ и въ политикѣ. Прислалъ къ Потоцкому письмо и Оссолинскій, какъ-только услышалъ, что паны боятся удаленія Хмельницкаго въ Запорожье. «Я вполнѣ увѣренъ (писалъ «онъ), что вы пугаетесь призрака; ополченіе казац-«кое на днѣпровскихъ островахъ предпринимается съ «цѣлью сдѣлать набѣгъ на татаръ». Послѣ этихъ-то совѣтовъ, Потоцкій послалъ въ Сѣчь Хмелецкаго, и когда тотъ возвратился съ отвѣтомъ отъ бѣглеца, неблагопріятнымъ для пановъ, тогда Потоцкій положилъ себѣ правиломъ дѣйствовать безъ милосердія. Барабашъ совѣтовалъ ему употреблять самыя суровыя мѣры, хоть бы всѣхъ казаковъ пришлось истребить до послѣдняго.

Хотя въ Украинѣ все еще долго не показывались рѣшительныя мятежническія вспышки, однако множество народа бѣжало въ степи къ Хмельницкому. Коронный гетманъ выдалъ всеобщій универсалъ къ народу русскому. «Оповѣщаемъ всѣмъ и приказываемъ

([103]) «Памятник. кіевс. комм.» I, 3, 33.

«(было сказано въ этомъ универсалѣ), чтобъ тѣ, ко-«торые бѣжали съ Хмельницкимъ, равно и тѣ, кото-«рые ушли къ нему послѣ, воротились въ свои жи-«лища, въ надеждѣ прощенія своихъ проступковъ; «а если кто осмѣлится бѣжать въ Запорожье, тотъ «за свою вину отвѣчаетъ имѣніемъ и жизнью жены «и дѣтей» (104). Паны начали исполнять такое постановленіе, а преимущественно владѣльцы лѣвой стороны Днѣпра. Такіе поступки, вмѣсто желаемой пользы, принесли вредъ ихъ сословію; только на правой сторонѣ побѣги уменьшались; — съ лѣвой, попрежнему, толпы валили въ степь; суровыя мѣры раздражали уже и безъ того ожесточенный народъ до такой крайности, что всѣ только и ждали Хмельницкаго, чтобъ безпощадно начать истреблять все панское. Напрасно паны запрещали простонародью ходить толпами по улицамъ и собираться въ домахъ даже для семейныхъ дѣлъ (105), напрасно забирали у мужиковъ и увозили изъ всѣхъ замковъ ружья и всякое какое-нибыло оружіе (106): сподвижники Хмельницкаго, переодѣтые то нищими, то странниками-богомольцами, ходили изъ села въ село и уговаривали жителей то отворить казакамъ Хмель-

(104) «Hist. panow. Wład. IV, przez Kajet. Kwiatk.»
(105) «Лѣтоп. Велич.» I, 30.
(106) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3, 9.

ницкаго ворота крѣпости, то насыпать песку въ польскія пушки (107). Паны сознавались, что, несмотря ни на какія съ ихъ стороны мѣры, не было деревни въ Украинѣ, гдѣ бы не таился огонь возстанія, готовый вспыхнуть пламенемъ при появленіи казаковъ.

Два мѣсяца (февраль и мартъ) стояло войско въ бездѣйствіи: Потоцкій въ Черкасахъ; его товарищъ, польный гетманъ Калиновскій, въ Корсунѣ (108). Лѣниво собирались паны съ своими надворными командами. По обычаю польскихъ пановъ, сборъ ихъ подалъ поводъ къ пирушкамъ и угощеніямъ. Такъ проводили они время, сами не зная, что́ имъ начать, хотя пренебрегали замыслами мятежниковъ и надѣялись разомъ ихъ уничтожить. Король прислалъ въ войско коммиссаровъ и изъявлялъ неудовольствіе, что войско показываетъ непріязненныя дѣйствія противъ украинцевъ (109). Слыша, что Хмельницкій на Запорожьѣ, онъ полагалъ, что побѣгъ туда сдѣланъ съ цѣлью учинить нападеніе на турокъ, и увѣрялъ гетмановъ, что самое лучшее средство утишить казаковъ — оставить ихъ въ покоѣ плавать по морю; а если есть какія-нибудь вспышки, то надлежитъ на-

---

(107) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 63—64.
(108) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 19.
(109) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 19.

рядить слѣдствіе и отдать подъ судъ казацкихъ начальниковъ, коммиссаровъ и тѣхъ пановъ, которые раздражили украинскій народъ. На Конецпольскаго, который тогда лежалъ больной въ Бродахъ и оттого не былъ въ войскѣ, указывали какъ на главнаго зачинщика ([110]).

Эти королевскіе коммиссары не расположили пановъ къ кротости, напротивъ, болѣе раздражили ихъ противъ хлоповъ, изъ-за которыхъ они получали неудовольствія, а тѣмъ самымъ и хлопы ожесточались болѣе противъ владѣльцевъ. Коммиссары только привели полководцевъ въ нерѣшительность: тогда, когда они разсуждали на пирушкахъ, Хмельницкій собралъ уже значительное войско и привлекъ на свою сторону татаръ.

2-го апрѣля наступила пасха. Днѣпръ совершенно разлился; какой-то переметчикъ принесъ извѣстіе, что Хмельницкій уже двинулся и думаетъ стать въ клинѣ, образуемомъ устьемъ рѣки Тясмина и Днѣпромъ.

Начался военный совѣтъ между предводителями войска.

Тѣ, которые были попредпріимчивѣе, совѣтовали цѣлое войско двинуть на непріятеля и запереть въ

([110]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 13—19.

клинѣ, или же вытѣснить его оттуда и разбить въ открытомъ полѣ. Такого мнѣнія былъ Калиновскій, отважный, вѣчно-споривший съ Потоцкимъ. Но оно не понравилось воинамъ опытнымъ.

«Войско наше мало (говорили опытные), а непріятельскаго мы не видѣли, каково оно. Неблагоразумно выводить всѣ силы въ пустыню, въ отдаленіе отъ крѣпостей, безъ надежды на скорое пособіе. Вѣрность здѣшняго народа сомнительна, потому-что онъ русскаго вѣроисповѣданія: Марсъ не постоянецъ; въ случаѣ неудачи, всѣ жители, сколько ихъ тутъ ни есть, станутъ нашими непріятелями; да если мы ихъ не приласкаемъ, то хотя бы и не сражались, такъ пришлось бы намъ опустить руки и потерять силы. Всего лучше стоять намъ гдѣ-нибудь въ Украинѣ, а между-тѣмъ, увѣдомить короля и пановъ, что хотя мятежниковъ никакихъ еще не нашли, но молва носится — и есть вѣрное доказательство, что скопище собрано; а вмѣстѣ просить, чтобъ король формально приказалъ выступить въ походъ войску, назначенному оборонять Украину. А чтобъ народъ здѣшній, пристально поглядывая на насъ, не забралъ себѣ въ голову, что у насъ недостаетъ присутствія духа, то мы пошлемъ въ степь сильный отрядъ, хорошо-устроенный, подъ надежною командою, и прикажемъ не возвращаться до-тѣхъ-поръ, пока не отъищутъ непріятеля и не захватятъ плѣнниковъ,

«отъ которыхъ панъ-гетманъ вывѣдаетъ, какова у мя-«тежника сила и что́ онъ замышляетъ (111).

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Потоцкій.

«Стыдно, говорилъ онъ: посылать большое войско «противъ какой-нибудь презрѣнной шайки отверже-«ныхъ, подлыхъ хлоповъ; чѣмъ меньше будетъ от-«рядъ, который истребитъ эту сволочь, тѣмъ больше «славы».

Такъ говорилъ Потоцкій. Положили на совѣтѣ послать часть войска, не только для отъисканія непріятеля, но съ надеждою истребить его совершенно (112).

Число всего польскаго войска простиралось до пятидесяти тысячъ, по сказанію украинскаго лѣтописца. Изъ этого войска выбрано было два отряда: первый состоялъ изъ реестровыхъ казаковъ и находился подъ начальствомъ Барабаша; онъ долженъ былъ плыть по Днѣпру внизъ, на байдакахъ (такъ назывались большія обитыя суда). Вмѣстѣ съ казаками, на байдаки посадили часть нѣмецкой пѣхоты: то, впрочемъ, были не настоящіе нѣмцы, а такіе же русскіе, какъ и казаки, только одѣтые въ нѣмецкое

---

(111) «Hist. belli cos. polon.» 53.

(112) Ibid. «Annal. Polon. Clim» I, 30. «Истор. о през. бр.». «Лѣтоп. Велич.» I, 57.

платье, по тогдашней привязанности пановъ къ иноземщинѣ (113). Такъ-какъ поляки недовѣряли русскимъ, то казакамъ и пѣхотинцамъ велѣно было присягнуть въ вѣрности (114). Число всѣхъ, которые должны были плыть на судахъ, простиралось, по сказанію русскихъ лѣтописцевъ, до 6000 (115), по другимъ — до 5000 (116), а по инымъ — до 4000 (117). Основательно неизвѣстно, какъ великъ былъ и другой отрядъ. Историки разногласятъ въ показаніяхъ: одни простираютъ его до 6000 (118), другіе — до 5500 (119), третьи — до 2000 (120) и до 1200 (121), а иные — до 23,000 (122). Онъ состоялъ изъ коронныхъ жолнеровъ и драгунъ; драгуны были также русскіе, одѣтые по нѣмецки (123).

---

(113) «Bell. scyth. cosac.» «Кратк. опис. о казац. малор. нар.» 22.

(114) «Лѣт. Велич.» I, 58. «Лѣтоп. самов.» 8.

(115) «Истор. о през. бр.». «Лѣтоп. самов.» 9. «Latop. Joach. Jerlicza». 63.

(116) «Woyna dom». Ч. I, 7.

(117) «Annal. Polon. Clim.» I, 30.

(118) «Лѣтоп. самов.» 9.

(119) «Кратк. опис. о казац. малор. нар.» 22.

(120) «Pamiętn. o woin. kazac. za Chmieln.» 3. «Woyna dom.» Ч. I, 7.

(121) «Latop. Jerl.» 63.

(122) «Лѣт. Велич.» 59. Это число преувеличено до крайности.

(123) « Кратк. опис. о казац. малор. нар.» 22.

Отъ недовѣрчивости, велѣно было присягнуть и драгунамъ.

Съ этимъ отрядомъ отправили двѣнадцать пушекъ и множество телѣгъ съ съѣстными припасами (124). Телѣги, при случаѣ, могли служить укрѣпленіемъ, по тогдашнимъ обычаямъ. Отрядъ долженъ былъ идти по сухопутью, параллельно съ плывшими по Днѣпру казаками. Начальство надъ нимъ выпросилъ для себя сынъ гетмана, Стефанъ Потоцкій, двадцати-шестилѣтній юноша, желавшій, какъ говорилось тогда, украсить чело свое марсовымъ вѣнкомъ. Старый гетманъ былъ доволенъ такимъ порывомъ: «Иди», сказалъ онъ: «и пусть исторія напишетъ тебѣ славу» (125). Недовѣряя, однако, малой опытности сына, старикъ отправилъ съ нимъ Шемберга, казацкаго коммиссара, которому препоручилъ главный надзоръ надъ всею экспедиціею (126). Много особъ изъ знатныхъ фамилій отправилось въ этомъ отрядѣ: тамъ былъ одинъ изъ Сапѣгъ, былъ и Стефанъ Чарнецкій, человѣкъ столь-знаменитый впослѣдствіи.

Гордо и самонадѣянно отправлялъ ихъ коронный гетманъ.

---

(124) «Hist. belli cos. polon.» 54.

(125) «Истор. о през. бр.».

(126) «Истор. о през. бр.». «Belli scyth. cosac.» 10. «Relat. o bitwie p. Żolat. Wod.». «Annal. Polon. Clim.» I, 31. «Latop. Jerl.» 63.

«Пройдите степи и лѣса», говорилъ онъ: «разо-«рите Сѣчь, уничтожьте до тла презрѣнное ско-«пище и приведите зачинщиковъ на праведную «казнь» (127).

Хмельницкій, съ восьмитысячнымъ войскомъ (128), выступилъ изъ Запорожья, въ субботу, 22-го апрѣля. Онъ намѣревался-было прежде всего отправиться въ Чигиринъ, чтобъ повидаться, какъ говоритъ лѣтописецъ, съ главнымъ своимъ врагомъ Чаплинскимъ (129); но какъ услышалъ, что гетманъ послалъ на него войско, то не хотѣлъ допустить непріятеля къ Кодаку, гдѣ сидѣлъ запершись польскій гарнизонъ, чтобъ посланные отряды не соединились съ тѣмъ гарнизономъ; а потому онъ обошелъ Кодакъ, пошелъ по направленію къ устью Тясмина и остановился при потокѣ Жовты-Воды, такъ названномъ отъ глинистой почвы (130). За Хмельницкимъ слѣдовалъ Тугай-Бей, но шелъ медленно, какъ-бы уклоняясь отъ слишкомъ-ранняго соединенія съ казаками. Татаринъ не хотѣлъ попасть въ-просакъ и предполо-

---

(127) «Истор. о през. бр.».

(128) «Relat. o bitwie p. Żolt. Wod.» «Лѣтоп. Велич.» I, 52. «Hist. belli cos. polon.» 55.

(129) «Лѣтоп. Велич.» I, 52.

(130) «Relat. o bitwie p. Żolt. Wod.» «Annal. Polon. Cl.» I, 31. «Pamiętn. o Koniecp.» 422. «Histor. belli cos. polon.» 55.

**

жилъ себѣ только тогда вступить въ дѣло, когда казаки вполовину совершатъ его удачно, безъ пособія татаръ ([131]). Казаки стали при Жовтыхъ-Водахъ табором и укрѣпились четвероугольникомъ изъ возовъ. Въ устройствѣ такого подвижнаго укрѣпленія они были мастера.

На восьмой день пути своего прибылъ польскій отрядъ къ Жовтымъ-Водамъ ([132]). Когда солнце поворачивалось на западъ, поляки, перешли Жовты-Воды ([133]), и тутъ нѣкто Чечель первый замѣтилъ непріятельское войско ([134]). Потоцкій приказалъ остановиться, нѣсколько приблизившись, такъ-что враждебныя войска могли видѣть одно другое. Ожидали, что казаки сейчасъ же бросятся въ битву; но не бросились они съ дикимъ крикомъ на враговъ, какъ думали паны: стройно и тихо стояли они въ четвероугольникѣ, готовые торжественно принять недобрыхъ гостей; никто не выскакивалъ изъ рядовъ, никто не вызывалъ поляковъ на бой ни выстрѣломъ, ни насмѣшкою, какъ дѣлали, обыкновенно, запорожцы. Это спокойствіе, эта видимая неохота къ битвѣ вну-

---

([131]) «Hist. belli cos. polon. 55.

([132]) «Relat. o bitwie p. Żolt. Wod.» «Histor. belli cos. polon.» 55.

([133]) «Лѣтоп. Велич.» I, 62.

([134]) «Relat. o bitwie p. Żolt. Wod.».

шали полякамъ боязнь. «Вѣрно Хмельницкаго нѣтъ «въ лагерѣ; можетъ–быть, онъ готовитъ гдѣ–нибудь «засаду, или собираетъ сильнѣйшее войско!» говорили поляки и, съ нетерпѣніемъ ожидали барабашевцевъ (135).

Хмельницкаго точно тогда не было въ обозѣ; онъ не наступалъ на пановъ, потому–что дѣйствовалъ противъ нихъ иначе. Еще до прибытія своего къ Жовтымъ-Водамъ, онъ разставилъ по–надъ–Днѣпромъ, на–сторожѣ, казаковъ и татаръ, и приказывалъ имъ войти въ сношеніе съ тѣми казаками, которые будутъ плыть съ Барабашемъ. Случилось, что одинъ байдакъ опередилъ прочіе: въ этомъ байдакѣ сидѣлъ Кречовскій. Онъ обрадовался, когда узналъ, что Хмельницкій недалеко. Казаки, съ нимъ бывшіе, показывали охоту пристать къ запорожцамъ, однако требовали повидаться съ самимъ Хмельницкимъ. Хмельницкій, коль скоро ему донесли объ этомъ, оставилъ свой лагерь и поспѣшилъ къ днѣпровскому берегу. Кречовскій и казаки его отряда привѣтствовали Хмельницкаго радостными восклицаніями.

«Даемъ тебѣ обѣщаніе (говорили они): мы скло«нимъ всѣхъ плывущихъ за нами казаковъ соеди«ниться съ тобою; всѣ пойдемъ войною на поляковъ,

---

(135) «Relat. o bitwie p. Żołt. Wod.». «Annal. Polon. Clim. I, 31—32.

«а присяга намъ — не присяга; ее насильно произ-
«нести заставилъ насъ коронный гетманъ. И Бара-
«баша съ единомышленниками принудимъ, хоть онъ
«*теплыйшій* пріятель ляхамъ» (136).

Хмельницкій тотчасъ же отправился назадъ, ибо не могъ подвергать себя долѣе опасности, да притомъ нужно было его присутствіе въ лагерѣ, на который могли броситься поляки. Дѣйствовать вмѣсто себя на барабашевцевъ онъ препоручилъ Ганжѣ, человѣку расторопному и ловкому (137).

Вечеромъ, 3-го мая, барабашевцы приплыли всѣ къ Каменному Затону (138), неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ польскій лагерь (139) и, предполагая высадиться утромъ, причалили къ берегу; другіе остались въ лодкахъ. Ночью, съ 3-го на 4-е мая, Ганжа затесался въ кругъ тѣхъ, которые стояли на сухопутьи; составилась такъ-называемая черная рада, то-есть, рада безъ начальниковъ.

«Мы идемъ за вѣру и казачество, и за весь на-
«родъ русскій», кричалъ Ганжа, держа въ рукѣ знамя.
«Силы наши не малы; позади насъ идетъ Тугай-Бей,
«мурза татарскій, всему свѣту извѣстный богатырь,

---

(136) «Лѣтоп. Велич.» I, 61.
(137) «Annal. Polon. Clim.» I, 32. «Истор. о през. бр.».
(138) «Памятн. кіевс. комм.» I, 3: 22.
(139) «Истор. о през. бр.».

«съ своею ордою. Что́ это значитъ? вы будете проли-
«вать кровь своей братьи! Развѣ не одна мать Украина
«породила васъ? За чѣмъ лучше вамъ стоять: за
«костелами, или за церквами Божіими? Коронѣ ли
«польской пособлять станете, которая заплатитъ вамъ
«неволею, или матери своей Украинѣ?»

Кречовскій подтвердилъ увѣщаніе Ганжи (140).

«О, до какаго стыда мы дожили (восклицали ка-
«заки), что стали помогать недругамъ противъ своей
«братіи!»

Въ короткое время распространилась вѣсть на судахъ; на всѣхъ байдакахъ *вспыхнулъ огонь ярости и гнѣва, и у всѣхъ шести тысячъ сталъ одинъ умъ, одно сердце* (141). Одѣтый по нѣмецки, русскій первый бросилъ въ Днѣпръ знамя своей пѣхотной роты; вслѣдъ затѣмъ казаки рвали, топтали свои значки, какъ знаки рабства и малодушія. «Бить измѣнниковъ!
«бить отступниковъ!» заревѣла восторженная толпа и бросилась на старшинъ; тогда уже не было мѣста убѣжденіямъ и представленіямъ: шляхтичей изрубили, или побросали въ воду (142); такую же участь получили и казаки, замѣченные прежде въ вѣрности панству: Гурскій, Вадовскій, Калѣняка, Нестеренко,

---

(140) «Лѣт. Велич.» I, 61.
(141) «Истор. о през. бр.».
(142) «Ист. о през. бр.»

Гайдученко ([143]). Барабашъ въ то время спалъ подъ камышомъ въ лодкѣ; неистовые крики пробудили его: онъ увидѣлъ около себя грозныя лица и сабли, и схватился за ружье. «Вотъ онъ, предатель! вотъ «онъ, врагъ церкви святой!» кричали казаки. Ружье выпало изъ рукъ Барабаша. Онъ началъ просить пощады. Разъяренные казаки не слушали его моленій, напоминали ему объ измѣнѣ, о жестокихъ казняхъ, совершенныхъ въ угодность панамъ надъ ихъ собратіями, и, наконецъ, одинъ казакъ, крещеный татаринъ, Филонъ Джеджалыкъ, прокололъ его копьемъ и бросилъ въ воду ([144]).

Казаки выбрали себѣ эсауломъ какого-то Кривулю, ([145]) и утромъ послали къ Хмельницкому извѣстіе о своемъ освобожденіи. Казацкій предводитель далъ тотчасъ знать Тугай-Бею о своемъ усиленіи и просилъ, чтобъ татары, у которыхъ всегда были въ походѣ лишніе кони, перевезли новыхъ союзниковъ ([146]).

Въ тотъ же день Хмельницкій встрѣчалъ ихъ, сидя на бѣломъ аргамакѣ, съ бѣлымъ знаменемъ — знакомъ мира; на знамени было написано: «покой христіанству!»

([143]) «Histor. panow. Wład. IV, przez K. Kwiatk.».

([144]) «Истор. о през. бр.». «Памятн. кіевс. комм.» I, 3: 24. «Лѣт. самов.» 6.

([145]) «Пам. кіев. комм.» I, 3: 23.

([146]) «Лѣт. самов.» 9.

«Кланяемся тебѣ (говорили барабашевцы) и при-«ходимъ служить вѣрою и правдою церкви святой и «матери нашей Украинѣ!»

«Братія, рыцари–молодцы! (сказалъ Хмельницкій) «пусть будетъ вамъ вѣдомо, что мы взялись за сабли «не ради одной славы или добычи, а ради обороны «живота, женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защи-«щаютъ жизнь свою и свободу; звѣри и птицы то же «дѣлаютъ: на то Богъ далъ имъ зубы и когти. Или «намъ оставаться невольниками въ собственной землѣ «своей? Поляки отняли у насъ честь, вольность, вѣ-«ру — все это въ благодарность за то, что мы про-«ливали кровь, обороняя и расширяя польское коро-«левство! Не васъ ли они называютъ хлопами? Не «они ли замучили гетмановъ вашихъ и старшину? «Бѣдные мученики, погибшіе отъ злодѣевъ, просятъ «васъ отмстить за нихъ и за всю Украину!»

Съ торжественными восклицаніями пошли они въ лагерь запорожцевъ, которые радушно привѣтствовали своихъ русскихъ братьевъ, одѣтыхъ въ нѣмецкій уборъ ([147]).

4–го мая, барабашевцы проѣзжали въ лагерь казацкій въ виду поляковъ, которые, завидя пыль и догадываясь, что это люди ѣдутъ на коняхъ, поду-

---

([147]) «Лѣтоп. малор.» — «Pamiętn. o dziejach i piśmienn. Słow.» I. 309.

мали сначала, что къ нимъ присоединяются барабашевцы, и заранѣе восхищались своею побѣдою. «Теперь», говорили паны: «ничего не стоитъ намъ побѣда; враги будутъ разбиты, и мы приведемъ къ «пану-гетману самого предводителя.»

Въ минуту все измѣнилось; одни едва вѣрили глазамъ своимъ, другіе сыпали проклятія, третьи упали духомъ; а драгуны бросали другъ на друга тревожные взгляды и шопотомъ поговаривали, что и они русскіе. Паны собрались на совѣтъ и не знали, что̀ имъ дѣлать.

Тогда Чарнецкій такъ успокоивалъ ихъ: «Измѣна «лишила насъ надежды побѣдить — это правда; но «сражаться мы еще можемъ; намъ нельзя, съ малыми «силами, выбить казаковъ изъ лагеря, но можно ихъ «удерживать; мѣсто, гдѣ они стали, несовсѣмъ-удобно: «будемъ вести съ ними перестрѣлку, не допускать, «чтобъ пришли къ нимъ подобные бездѣльники изъ «Украины; а тѣмъ временемъ, пошлемъ къ гетману «извѣстить, что непріятеля нашли, но казаки намъ «измѣнили; поэтому надобно больше войска, а осо-«бенно пѣхоты для штурму казацкаго лагеря. Пока «мы будемъ здѣсь сражаться противъ нихъ, подойдетъ «коронное войско ([148])».

Такой совѣтъ былъ принятъ. Послали какого-то

([148]) «Hist belli cos. polon.» 56.

Яцка Райскаго съ письмомъ къ гетману ([149]), перенесли лагерь назадъ за Жовты-Воды ([150]), сбили возы въ четвероугольникъ; впереди, кругомъ на версту, вывели валъ, поставили пушки ([151]). Казаки, съ своей стороны, подвинулись къ Жовтымъ-Водамъ; началась перестрѣлка черезъ протокъ ([152]); казаки отвѣчали слабо, и поляки снова оживали духомъ: имъ казалось, что казаки боятся ихъ; опять возродились надежды на побѣду и уничтоженіе мятежниковъ.

Но за ними, въ то время, уже стояли татары, перешедшіе черезъ Жовты-Воды выше; «объ этомъ никому тогда не приснилось въ польскомъ лагерѣ», какъ выражается современникъ ([153]). Хмельницкій въ этотъ день не пускалъ казаковъ на бой оттого, что замышлялъ однимъ ударомъ сокрушить враговъ. Еще утромъ, онъ послалъ черезъ болото гонца къ Тугай-Бею просить, чтобъ татары поспѣшили, извѣщалъ, что казаки, почти не имѣя пушекъ, могутъ потерпѣть пораженіе, если допустятъ пройдти къ

([149]) «Relat. o bitwie p. Żołt. Wod.» «Истор. о през. бр.». «Annal. Polon. Clim.» I, 32.

([150]) «Relat. o bitwie p. Żołt. Wod.». «Лѣт. Велич.» I, 62.

([151]) «Relat. o bitwie p. Żołt. Wod.».

([152]) «Лѣтоп. Велич.» I, 62.

([153]) «Relat. o bitwie p. Żołt. Wod.».

полякамъ свѣжимъ силамъ, что, однимъ словомъ, успѣхъ зависитъ отъ скорости. Тугай-Бей, получивъ извѣстіе, все еще не хотѣлъ приступить къ сраженію, отговаривался и требовалъ, чтобъ казаки и начали битву. Кто знаетъ, быть-можетъ, располагалъ онъ ударить на того, кто окажется слабѣе. Но вскорѣ онъ услышалъ гулъ оружія и понялъ, что казаки начали битву, и въ то же время татары случайно поймали какого-то жолнера, фуражира: отъ него мурза узналъ, что польское войско не въ выгодномъ положеніи. Тогда, увѣрясь въ возможности побѣдить поляковъ, онъ отрядилъ изъ своей орды немногочисленный отрядъ въ тылъ польскому лагерю. Татары воспользовались темнотою ночи и неровнымъ мѣстоположеніемъ, и стали такъ, что поляки ихъ не примѣтили. Хмельницкому тотчасъ дано было знать объ этомъ (154).

На слѣдующій день, 5-го мая, въ субботу, поляки бодро и смѣло затѣвали нападеніе на непріятельскій лагерь. Потоцкій приказалъ выходить коронным хоругвямъ и драгунамъ въ поле изъ четвероугольника; готовили пушки (155). Но въ казацкомъ лагерѣ уже не сидѣли тихо, какъ вчера: играли на

---

(154) «Hist. belli cos. polon.» 56—57.
(155) «Annal. Polon. Clim.» I, 32.

трубахъ, били въ котлы ([156]); воины строились, и Хмельницкій, выѣхавъ передъ войско, говорилъ имъ такъ:

«Рыцари-молодцы, славные казаки-запорожцы! «Пришелъ теперь часъ за вѣру христіанскую постоять «грудью. Самъ Господь вамъ поможетъ! Стойте смѣло «противъ гордостной ляшской силы. Что-жь, развѣ «вы устрашитесь этихъ пугалъ въ леопардовыхъ ко- «жахъ? Чѣмъ они васъ запугаютъ? — перьями на «шапкахъ, что́ ли? Развѣ отцы наши не били ихъ? «Вспомните прекрасную славу дѣдовъ нашихъ, что «разнеслась по всему свѣту! И вы одного съ ними «дерева вѣтви! Покажите жь свое завзятье, добудьте «славы и рыцарства вѣчнаго. Кто за Бога, за того «Богъ ([157])!»

Казаки стремительно вырвались изъ лагеря, перешли воду, ([158]) и бросились на польскій обозъ съ оглушающимъ крикомъ. Потоцкій двинулъ на нихъ и коронныя хоругви и драгуновъ; пушки загремѣли... но вдругъ раздается сзади крикъ «алла!», — появляются татары.

Не успѣли поляки придти въ себя послѣ изумленія, новая неожиданность: драгуны, выведенные про-

---

([156]) «Relat. o bitwie p. Żołt. Wod.».
([157]) «Истор. о през. бр.».
([158]) «Лѣтоп. Велич. I, 32.».

тивъ своихъ братьевъ, нейдутъ; казаки ударили на коронныхъ жолнеровъ — драгуны подаются назадъ; казаки сильнѣе напираютъ на хоругви: драгуны поворачиваютъ направо, стремительно вырываются въ поле и летятъ къ русскимъ, своимъ братьямъ. Хоругви разстроиваются; пушки поворотили назадъ; все готово бѣжать сломя-голову ([159]).

Потоцкій началъ удерживать шляхтичей. «Не-«уже-ли», восклицалъ онъ: вы хотите быть похожими «на овецъ, разогнанныхъ волками? Лучше умереть «въ битвѣ, чѣмъ обратиться въ гнусное бѣгство и «все-таки достаться въ пищу звѣрямъ?» Пушки снова ввезли на четвероугольникъ, замкнулись въ немъ и стали отстрѣливаться ([160]).

На другой день, въ воскресенье, часовъ въ одиннадцать утра, казаки съ разныхъ сторонъ бросились на обозъ; поляки защищались храбро, битва продолжалась до пятаго часа по полудни, ([161]) но полилъ дождь: порохъ отсырѣлъ; усталые, отъ безпрестанной работы, жолнеры едва могли дѣйствовать руками; кони ихъ пропадали безъ травы. Казаки, обсту-

---

([159]) «Bell. scyth. cosac.». 11. «Annal. Polon. Clim.» I, 32. «Кратк. опис. о казац. малор. нар.» 22.

([160]) «Истор. о през. бр.».

([161]) «Stor. delle. guer. civ.» 12.

пивъ лагерь, лишили осажденныхъ воды ([162]). Была надежда на прибытіе гетмана, но и та изчезла; казаки съ насмѣшками показывали въ виду польскаго лагеря письмо, перехваченное у Райскаго ([163]). Потѣшаясь надъ врагами, они бѣгали, дразнили ихъ въ неистовой радости и приглашали отдаться на милость хлопамъ. Такія выходки придавали полякамъ болѣе отчаянія; никто не могъ повѣрить искренности враговъ; имъ представлялась неминуемая голодная смерть въ пустынѣ; но, къ удивленію всѣхъ, выѣзжаетъ къ польскимъ окопамъ самъ Хмельницкій, безстрашно приближается и кричитъ голосомъ, котораго рѣзкости всякій изумился:

«Не губите себя понапрасну, панове; побѣда въ «моихъ рукахъ, но я не хочу возбуждать въ себѣ ея «жажду, которая утушится только въ братней крови. «Дѣло сладится, если вы тотчасъ къ намъ пришлете «кого-нибудь на переговоры; но поспѣшайте, пока «не пришли татары.»

Паны разсудили, что ихъ мало, и что, поэтому, они не въ-состояніи будутъ держаться противъ большой орды. Страхъ появленія татаръ, и, особенно, перекопскаго мурзы, котораго считали знаменитымъ

([162]) «Relat. o bitwie p. Żolt. Wod.».

([163]) «Истор. о през. бр.». «Annal. Polon. Clim.» I, 33. «Histor. belli cos. polon.» 56.

наѣзникомъ, склонилъ къ миролюбивому расположенію духа самыхъ отважныхъ, даже Потоцкаго. Паны выслали къ казакамъ Чарнецкаго.

Хмельницкій принялъ Чарнецкаго, сверхъ ожиданія, съ большими почестями, привѣтствовалъ не какъ врага, а какъ соотечественника и пріятеля. Началось угощеніе; казаки осушали чарки за здравіе гостя, восхваляли его военныя дарованія; обо всѣхъ панахъ отзывались съ уваженіемъ, но ни слова не говорили о переговорахъ, какъ-будто Чарнецкій пріѣхалъ къ нимъ въ гости. Такъ прошелъ день. Это дѣлалось съ намѣреніемъ проволочить время, пока подойдетъ Тугай-Бей. Хмельницкій снова послалъ гонца къ нему.

На другой день, 7-го мая, Чарнецкій самъ заговорилъ о дѣлѣ. «Чего угодно потребовать отъ на«шего войска?» сказалъ онъ.

«Правду сказать», отвѣчалъ Хмельницкій: «я ни«чего не требую отъ вашего войска и нѣтъ мнѣ ни«какой необходимости дѣлать вамъ какія бы то ни «было уступки; толковать же о нашихъ дѣлахъ мы «съ вами не можемъ, потому-что у васъ въ лагерѣ «нѣтъ ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому «бы мы могли объяснить, что̀ заставило насъ взяться «за оружіе. А предложилъ я войти съ нами въ сно«шеніе только потому, что мнѣ васъ жаль: отдайте «намъ ваши пушки и идите себѣ спокойно домой!»

Хмельницкій оставилъ Чарнецкато въ казацкомъ лагерѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ панскомъ войскѣ казацкіе заложники, и отправилъ къ панамъ съ этимъ предложеніемъ казаковъ.

Паны за сутки еще яснѣе увидѣли положеніе, въ какомъ находились; каждую минуту выглядывали они съ трепетомъ: нейдутъ ли татары, а потому недолго разсуждали.

«Не только для васъ, но для цѣлаго отечества бу-«детъ полезнѣе», говорили въ совѣтѣ: «если мы от-«купимся отъ несомнѣнной гибели какими–нибудь «маловажными орудіями; за–то мы выиграемъ вре-«мя, присоединимся къ войску и дадимъ ему спо-«собъ, узнавъ въ–пору о мятежѣ, не допустить его «до бо́льшаго разгара. Если вы клятвою подтвердите «обѣщаніе выпустить насъ, сказали они казакамъ, «то мы согласимся».

Казаки присягнули, и пушки были отвезены въ лагерь Хмельницкому ([164]). Это было кстати казакамъ: у нихъ было всего пять орудій, да изъ тѣхъ одно лопнуло при началѣ стычки.

«Тогда мы еще не знали этого обманщика», гово-

([164]) «Histor. belli cos. polon.» 58. «Relat. o bitwie p. Żołt Wod.». «Памятн. кіевск. комм.» I, 3. 71. «Annal. Polon. Clim.» I, 32. «Hist. delle guer. civ.» 12.

ритъ современный дневникъ ([165]). Хмельницкій не отпустилъ Чарнецкаго, вопреки договору, и паны, страшась прибытія Тугай-Бея, не стали долго требовать его возвращенія, а старались поскорѣе сами освободиться отъ гибели ([166]). Они двинулись поспѣшно въ обратный путь, въ Украину. Казаки пошли за ними по пятамъ, какъ-будто только наблюдая за ними, и, повидимому, не думали дѣлать имъ зла.

Такъ прошли они три мили и, 8-го мая, передъ обѣдомъ, дошли до яра, покрытаго лѣсомъ. Урочище это называлось Княжьими Байраками ([167]). Вдругъ, на горизонтѣ поднялась пыль, потомъ зачернѣла толпа людей, и, чрезъ нѣсколько времени, воздухъ наполнился дикимъ крикомъ: то былъ Тугай-Бей съ татарами. Не уважая договора съ казаками, нагаи бросились на панскій обозъ ([168]); стрѣлы тучами полетѣли въ лицо шляхтѣ, пробивали насквозь и калѣчили людей и лошадей; поляки ускорили походъ, но вошли въ яръ и не могли сдѣлать шагу; путь лежалъ черезъ буераки, покрытые мелкимъ лѣсомъ; казаки, забѣжавъ впередъ, порыли землю, на-

---

([165]) «Relat. o bitwie p Żołt Wod.».
([166]) «Histor. belli cos. polon.» 58.
([167]) «Истор. о през. бр.». «Лѣтоп. самов.» 9.
([168]) «Histor. belli cos. polon.» 59.

бросали дерева и каменьевъ, сдѣлали дорогу совсѣмъ непроходимою; свернуть въ сторону было невозможно; кони попадали; возы погрузились въ илистой землѣ ([169]). Тугай-Бей побралъ у казаковъ пушки, и начали татары палить на поляковъ изъ собственныхъ ихъ же орудій ([170]).

Упали духомъ шляхтичи. Но Потоцкій, самъ тяжело-раненный, удержалъ ихъ еще разъ. «Ужь такова судьба наша, говорилъ онъ: мы пропали, но «не отъ собственной вины. Гнусная измѣна лишила «насъ побѣды; осталась намъ честная смерть. Я «рѣшаюсь лучше пасть подъ оружіемъ, чѣмъ подлою «сдачею показать ничтожность души передъ гордымъ «врагомъ, или раздраженнымъ отцомъ» ([171]).

Поляки принялись съ жаромъ копать валъ, побросали ружья, начали отбиваться сабляли, деревьями, каменьями; но не помогла имъ отчаянная храбрость: татары ударили на нихъ, разомъ съ четырехъ сторонъ, перевернули четвероугольникъ и сошлись въ срединѣ обоза съ противоположныхъ концовъ. Потоцкій, полумертвый, издыхающій, взятъ въ плѣнъ; за нимъ, кто остался живъ, — всѣ положили оружіе ([172]).

([169]) «Истор. о през. бр.».
([170]) «Histor. belli cos. polon.» 43.
([171]) «Annal. Polon. Clim.» I, 33.
([172]) «Истор. о през. бр.».

«*Бидный, бидный пане Степане!*» говорили казаки, стоя около Потоцкаго: «*не попавъ, небоже, на Запороже, не найшовъ гораздъ, шляхту*» (173). Молодой храбрецъ скончался на другой день среди степи (174).

Шемберга, Сапѣгу, Чарнецкаго и другихъ плѣнниковъ Хмельницкій отправилъ въ Чигиринъ, который тогда же сдался и былъ занятъ казаками. Предводитель приказывалъ содержать этихъ плѣнниковъ подъ присмотромъ, до дальнѣйшаго рѣшенія рады, впрочемъ, обращаться съ ними человѣколюбиво и лечить раненыхъ (175). «*Отсе вамъ, панове* (говорили «казаки, подтрунивая надъ безсильными панами), *за «тее, що не схотили съ казакамы–молодцями у мири «жыты: лучше вамъ булы жиды–збойци, нижъ За- «порожци–молодци; а теперь за те покуштуйте «татарськой юшки* (176)». «Отъ Жовтыхъ–Водъ до Княжихъ–Байраковъ, зеленое поле зарябилось не цвѣтами весенними, а тѣлами панскими: лежали паны, *выщеривши* зубы, и ѣли ихъ собаки и сѣрые волки;

---

(173) «Народн. пѣсня.»

(174) «Annal. Polon. Clim.». I, 34. «Истор. о през. бр.». «Histor. belli cos. polon», 59—60. «Hist. delle guer. civ.» 14.

(175) «Лѣтоп. Велич.» I, 64. Ерличъ говоритъ, что Шембергу отрубили голову и облупили ее. (стр. 63).

(176) Народ. дума.

не по одному ляху осталась вдова, не по одномъ заплакали дѣти-сироты. Высыпался хмѣль изъ мѣшка, надѣлалъ бѣды панамъ; напились они желтой водицы, да, видно, хмѣлю много было положено: не устояли паны на ногахъ, когда бѣжать пустились» (177). Такъ торжествовали русскіе побѣду надъ поляками.

Войско казацкое простояло два дня на мѣстѣ пораженія поляковъ. Предводитель устроивалъ свою артиллерію, которая тогда содержала до двадцати-шести орудій, на маленькихъ возахъ, о двухъ колесахъ, приставилъ къ пушкамъ пятьсотъ конныхъ и пятьсотъ пѣшихъ, и двинулся отъ Жовтыхъ-Водъ скорымъ маршемъ, чтобъ настичь Потоцкаго. Въ это время прибѣжало къ нему болѣе двухъ тысячъ охотниковъ изъ Чигирина, Крылова и другихъ окрестностей. Казацкое войско простиралось до пятнадцати тысячъ, кромѣ татаръ (178).

Въ это время, когда подъ Жовтыми-Водами казаки одержали свою вѣроломную побѣду, собранное польское войско стояло близь Черкасъ; о числѣ его разногласятъ историки: украинскій лѣтописецъ увеличиваетъ его до двадцати-шести тысячъ (179), по-

---

(177) «Народ. пѣсня».
(178) «Лѣтоп. Велич.» I, 65. Stor. delle guer. civ. 14.
(179) «Лѣтоп. Велич.» I, 66.

ляки уменьшаютъ до пяти тысячъ ([180]). Паны пировали; каждый магнатъ, прибывъ въ лагерь, долженъ былъ дѣлать угощенія; такъ проходило время, и никто не заботился о томъ, что о высланномъ отрядѣ столько дней ни слуху, ни духу. Эту неизвѣстность перетолковывали въ хорошую сторону. «Вѣрно (го-«ворили въ лагерѣ) они хорошо загостились у каза-«ковъ, когда не спѣшатъ къ войску; они къ намъ не «воротятся до-тѣхъ-поръ, пока не привезутъ съ со-«бою нагруженныхъ возовъ и не приведутъ, сколько-«нибудь, плѣнниковъ и штукъ скота.» ([181]). Занятые пирушками, паны слышать не хотѣли совѣтовъ тѣхъ, которые думали, что уже пора двинуть войско далѣе. «Куда жь намъ идти?» спрашивали они: «ка-«заковъ нигдѣ не видать; за Днѣпромъ хоть и есть «мятежъ, но туда нѣ зачѣмъ тащить такое войско!» Отправляли только небольшія партіи по сторонамъ узнавать, все ли спокойно въ русской землѣ и не собираются ли крестьяне на мятежъ ([182]). Къ этому бездѣйствію располагало ихъ новое повелѣніе королевское, присланное чрезъ канцлера: оставить военныя дѣйствія внутри Украины и выйти оттуда. «Ко-«роль (писалъ канцлеръ) заботится о безопасности

([180]) «Истор. Мал. Рос.» I, 110.
([181]) «Histor. belli cos. polon.» 56.
([182]) «Histor. belli cos. polon.» 60.

«войска и боится неудачи, на которую отваживаются «гетманы въ странѣ, имъ мало-знакомой, а казакамъ «слишкомъ-извѣстной. Король самъ пріѣдетъ въ Русь, «гдѣ надѣется, безъ кровопролитія, усмирить волненіе «между казаками, которыхъ предводитель, Хмель-«ницкій, покорится предъ своимъ монархомъ и бла-«годѣтелемъ». Паны не думали тогда мириться съ казаками и, тѣмъ менѣе, съ своими взбунтовавшимися хлопами; но повелѣніе нейдти въ степь было для нихъ пріятно, когда они надѣялись на высланные отряды, а сами, тѣмъ временемъ, могли спокойно ѣсть и пить.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ желтоводскаго сраженія, прибѣжалъ въ лагерь простой солдатъ, который какъ-то прорвался изъ атакованнаго лагеря; онъ оповѣстилъ измѣну реестровыхъ и драгуновъ, и опасность, въ какой находится сухопутный отрядъ. Такое извѣстіе показалось до того дивнымъ для пановъ, что они ему не повѣрили и бросили драгуна въ тюрьму. Онъ былъ русскаго исповѣданія.

«Не можетъ этого быть (говорили паны); какъ бы «могъ уйти только одинъ изъ всѣхъ? Очевидная «нелѣпость; тамъ есть такіе, которые скорѣе, чѣмъ «онъ, могли бы спастись съ хорошими лошадьми. Это «больше ничего, какъ хитрость враговъ: драгунъ, «видно, къ нимъ передался, и они его послали, чтобъ

«внушить намъ страхъ и заставить насъ выйти от-«сюда.»

Однако, въ то же время, собрались въ лагерь партіи, которыя отправлялъ Потоцкій по сторонамъ для узнанія, что́ дѣлается въ народѣ. Они доносили, что прошли нѣсколько миль, что повсюду Украина пустѣетъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заготовлены припасы и стоятъ вооруженные люди, что, однимъ словомъ, на Руси настоящій бунтъ.

Эти вѣсти заставили пановъ задуматься; собрали совѣтъ и рѣшили на немъ, что надобно дѣйствительно двинуться впередъ для того, чтобъ, въ случаѣ необходимости, подать помощь молодому Потоцкому. Пановъ начало безпокоить то, что въ посланномъ отрядѣ большая часть русскихъ.

Они прошли два дня, никого не встрѣчали, и думали-было уже воротиться. Потоцкій надменно говорилъ, что не хочетъ срамить себя такимъ походомъ противъ хлоповъ ([183]). Но вдругъ идетъ имъ на встрѣчу нѣкто Марко Гдешинскій, польскій шляхтичъ; онъ ушелъ изъ послѣдней битвы и, раненый, тащился съ вѣрною вѣстью ([184]).

([183]) «Histor. belli cos. polon.» 60—61.

([184]) «Annal. Polon. Clim. I, 34.». «Истор. о през. бр.». «Лѣтоп. Велич». I, 66. «Woyna dom.» Ч. I, 8.

Жолнеры привели его къ коронному гетману.

«Пане!» сказалъ онъ: «все погибло; казаки и «драгуны, не сражаясь, измѣнили намъ; обозъ взятъ; «Сапѣга, Шембергъ, Чарнецкій въ неволѣ; сынъ «твой также взятъ чуть-живой и теперь, вѣрно, раз-«стался съ свѣтомъ.»

Едва не упалъ гетманъ отъ такой вѣсти; ужаснулись всѣ полководцы ([185]) и «все войско (говоритъ лѣтописецъ) стало такъ блѣдно, какъ блѣдна бываетъ трава, прибитая морозомъ, когда, послѣ холодной ночи, возсіяетъ солнце.» — «О сынъ мой!» воскликалъ гетманъ: «на то ли я далъ тебѣ начальство, «чтобъ ты за булаву вымѣнялъ могильный заступъ!» Воины плакали о безвременной кончинѣ юноши, но приписывали его погибель самому родителю, который дурнымъ распоряженіемъ навлекъ бѣду на отечество ([186]).

Вѣсть о пораженіи произвела всеобщій страхъ между панами, особенно когда Гдешинскій увѣрялъ, что Хмельницкій уже недалеко съ безчисленнымъ войскомъ ([187]). Собрали паны совѣтъ.

Калиновскій, отважный какъ всегда, говорилъ, что

([185]) «Истор. о през. бр.»

([186]) «Истор. о през. бр.». «Woyna domowa.» Ч. I, 8. «Annal pol. Clim.» I, 34.

([187]) «Woyna dom.» Ч. I, 8. «Annal. pol. Clim.» I, 34.

слѣдуетъ идти далѣе противъ враговъ. Потоцкій, несмотря на горесть о сынѣ, напился горѣлки и также не падалъ духомъ, но, по обыкновенію дѣйствовать наперекоръ польному гетману, не хотѣлъ идти впередъ, а рѣшался оставаться на мѣстѣ ([188]).

«Душа моя скорбитъ, говорилъ онъ: — «заснуть «не могу и не успокоюсь пока не накажу презрѣн- «ныхъ холоповъ; не утѣшу себя местію за ихъ вѣ- «роломство, не искуплю обильнымъ пролитіемъ кро- «ви ихъ — смерть моего сына. Не потерплю, чтобъ «они тѣшились и надѣялись избѣгнуть кары за то, «что осмѣлились подняться на господъ своихъ. Пусть «хоть какая сила казацкая идетъ на меня: войско «у меня хорошо, а воевать съ казаками не въ «первый разъ!» ([189]) говорилъ Потоцкій. Большая часть пановъ на совѣтѣ не раздѣляла ни мысли Калиновскаго, ни Потоцкаго. «Войско наше, по все- «му видно, убѣжитъ, когда явится непріятель (гово- «рили они); а если и удастся намъ остановить бѣгле- «цовъ, то они не устоятъ противъ многочисленной «непріятельской силы. Все-равно, прійдется намъ, «въ виду враговъ, отступить; не лучше ли заранѣе «приблизиться къ городамъ, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ,

([188]) «Relat. o bitwie p. Korsun.».

([189]) «Истор. о през. бр.». «Histor belli cos. pol.» 62. «Stor. delle guer. civ.».

«можно было найдти себѣ пищу, а здѣсь мы пропа-«демъ съ голоду».

Потоцкій согласился на эти представленія, когда прошла у него охота къ брани. Калиновскій долженъ былъ уступить, но съ большою досадою: оба гетмана обмѣнялись обидными выраженіями, одинъ насчетъ другаго, и каждый положилъ себѣ за правило давать приказанія, которыя раздражали бы соперника (190).

11-го мая, войско двинулось назадъ и, на третій день, достигло Корсуна, на рѣкѣ Роси (191). Потоцкій думалъ идти еще далѣе, но вдругъ принесли ему вѣсти, что Хмельницкій и Тугай-Бей уже въ мѣстечкѣ Смиломъ (192) и преслѣдуетъ пановъ по пятамъ. Тогда приказали остановиться. Рѣшили дать сраженіе. Выбрали поле между Корсуномъ и Стебловымъ, поставили войско въ какихъ-то старыхъ окопахъ; впереди вывели пять батарей и укрѣпили пушками. Потоцкій приказалъ сжечь мѣстечко Корсунъ для того, чтобъ непріятель не могъ имѣть пристанища и не воспользовался городомъ для своихъ стратегическихъ соображеній. Та же участь, по приказанію Потоцкаго, постигла окрестные хуторы, мѣс-

---

(190) «Лѣтоп. Велич.» I, 68.

(191) Бывшій полковой городъ; нынче мѣстечко въ каневскомъ уѣздѣ.

(192) Звенигорскаго уѣзда.

течко Стебловъ и Черкасы, должно-быть, истребленныя при выходѣ изъ нихъ поляковъ. Во время этихъ пожаровъ, поляки мучили и умерщвляли старыхъ и малыхъ, женщинъ и младенцевъ (193).

Такимъ мѣрамъ противился Калиновскій, представляя, что поляки сами себя лишаютъ вспоможенія и припасовъ. Но чѣмъ настойчивѣе доказывалъ польный гетманъ, тѣмъ рѣшительнѣе поступалъ коронный наперекоръ сопернику. Онъ и слушать не хотѣлъ, когда представляли ему, что онъ оставилъ позади себя яры, а впереди возвышеніе (194). «Нéгдѣ правды дѣть (говорятъ современные дневники) (195): у насъ тогда была страшная безалаберщина, несмотря на то, что непріятель стоялъ надъ шеею, собиралась къ Хмельницкому со всѣхъ сторонъ казацкая саранча, а русскіе хлопы, мимо панскаго лагеря, провозили съѣстные припасы въ лагерь Хмельницкаго и гласно величали его спасителемъ своего народа и защитникомъ своей религіи.»

Хмельницкій приближался. Тугай-Бей шелъ впереди съ четырьмя тысячами ногаевъ.

Тревога распространилась въ польскомъ обозѣ,

---

(193) «Latopis. Jerlicza.» 64.

(194) «Annal. Polon. Clim.» I, 34—35.

(195) «Памят. кіевск. комм.» I. 3, 73. «Relath. o bitw. p. Korsun.»

когда послышали, что грозный врагъ недалеко. Украинцы, одѣтые драгунами, въ числѣ трехъ тысячъ, были посланы на передовую стражу и передались Хмельницкому (196). Слуги и оруженосцы, даже поляки, въ страхѣ говорили: «Хмельницкій насъ «побьетъ, когда будемъ стоять за пановъ!» Шляхтичей, въ-добавокъ, пугали какіе-то слухи о кончинѣ короля (197). Видали разныя предзнаменованія и примѣты будущаго несчастія; толковали о затмѣніи солнца, случившемся въ день страстнаго пятка, о необычайной кометѣ, которая, впродолженіе двѣнадцати дней, устрашала народъ своею метлообразною формою; а между-тѣмъ, примѣръ предводителей дѣйствовалъ на подчиненныхъ: второстепенные начальники также, подобно гетманамъ, соперничали и ссорились между собою (198).

Въ такомъ положеніи было войско польское, когда явился Хмельницкій, 15-го мая, во вторникъ (199). Пыль отъ идущаго войска была такъ велика, что поляки думали, что непріятеля тысячъ сто, а въ-самомъ-дѣлѣ казаковъ было пятнадцать тысячъ (200).

---

(196) «Истор. о през. бр.». «Лѣтоп. Велич.» I, 66.
(197) «Annal. Polon. Clim.» I, 35.
(198) «Relat. o bitwie p. Korsun.»
(199) «Истор. о през. бр.».
(200) «Лѣтоп. Велич.» I, 67.

Татары первые бросились на лѣвое крыло поляковъ, которыми командовалъ Одрживольскій. Онъ отразилъ нападеніе, двинулся съ своимъ отрядомъ впередъ, въ поле, и завязалъ упорную битву. Нѣсколько разъ отступали шляхтичи и снова напирали на татаръ. Нотоцкій не приказывалъ вступать въ жаркое дѣло. Передъ солнечнымъ закатомъ враги разошлись ([201]).

Тогда Хмельницкій отошелъ, расположилъ свое войско на возвышенности въ видѣ полумѣсяца и показывалъ видъ, будто хочетъ атаковать обозъ польскій всѣми силами ([202]), а между-тѣмъ, задумалъ инымъ средствомъ уничтожить враговъ. Онъ выбралъ расторопнаго и умнаго казака Микиту Галагана, научилъ, что́ ему дѣлать и говорить, и послалъ прокрадываться къ польскому лагерю такъ, чтобъ его замѣтили ([203]). Предвидя, что задуманный планъ удастся, казацкій предводитель тогда же послалъ казаковъ корсунскаго полка, подъ начальствомъ Кривоноса, съ татарами, черезъ близлежавшую гору, и приказалъ, чтобъ они зашли въ березовый лѣсъ, находившійся неподалеку отъ селенія Гроховцы, въ неровномъ мѣстѣ. Это урочище называли поселяне Кру-

---

([201]) «Annal. polon. Clim.» I, 35.
([202]) «Wôyna dom.» Ч. I, 8.
([203]) «Истор. о през. бр.».

тою–Балкою. Татары должны были перекопать плотину на ставѣ, а казаки нарубить деревьевъ, перекопать дорогу, навалить каменьевъ и засѣсть въ чащахъ и рвахъ съ оружіемъ ([204]).

Микита сталъ пробираться мимо польскихъ окотовъ; его поймали и привели къ предводителю ([205]). послѣ пытки огнемъ, обыкновеннаго тогда обряда, казакъ началъ такъ говорить на вопросы о числѣ войска своего:

«Нашимъ счета я не знаю, да и знать трудно, «потому-что съ каждымъ часомъ ихъ становится бо«лѣе, а татаръ съ Тугай-Беемъ тысячъ пятьдесятъ, «да еще ханъ стоитъ неподалеку, съ ордою и скоро «будетъ здѣсь» ([206]).

«Когда услышали паны эту вѣсть (говоритъ русскій лѣтописецъ), то такой страхъ напалъ на нихъ, что и сами они уныли, и руки у нихъ опустились, и весь разумъ отъ нихъ отступилъ» ([207]).

Совѣтъ пановъ былъ до крайности несогласенъ. Многіе держались той мысли, что слѣдуетъ бѣжать,

---

([204]) «Лѣтоп. самов.» 10. «Истор. о през. бр.». «Annal. Polon. Clim.» I, 37. «Памятн. кіевск. комм.» I, 3. 75. «Сборн. укр. пѣсенъ Максим.» Народ. дума. 70.

([205]) «Истор. о през. бр.».

([206]) «Истор. о през. бр.».

([207]) «Истор. о през. бр.».

какъ-можно-скорѣе. Самъ Потоцкій, столь гордый, столь самонадѣянный, теперь былъ въ пугливомъ расположеніи духа ([208]).

«Съ малымъ числомъ нашего войска (говорилъ «онъ) нельзя думать о продолжительной битвѣ. Если «прійдутъ свѣжія татарскія силы и обложатъ насъ, то «гдѣ мы возьмемъ пищи? Да еслибъ мы и успѣли «побѣдить Хмельницкаго, то что̀ изъ этого? Гнѣздо «мятежа плодовито въ Украинѣ. Еслибъ мы были «сторукіе гиганты, то и тогда бы не совладали съ «Русью, этою гидрою, у которой, вмѣсто одной сру- «бленной головы, выростутъ десять. Полезнѣе будетъ «для Речи Посполитой, если мы сохранимъ войско «до того времени, когда можно будетъ успѣть; а если «мы погубимъ войско наше, то великая бѣда станет- «ся для Речи Посполитой.»

Калиновскій не измѣнялъ своей обыкновенной отвагѣ, тѣмъ болѣе, что могъ противорѣчить Потоцкому.

«Правда (говорилъ онъ), мы можемъ быть лише- «ны съѣстнаго, но это потому, что приказано сжечь «мѣстечко Корсунъ безъ нужды; теперь самое луч- «шее, на что̀ можемъ рѣшиться — выйти въ откры- «тое поле, броситься всѣми силами на непріятеля и «однимъ ударомъ сломить его. Но важнѣе всего не

([208]) «Relat. o bitwie p. Korsun.»

«медлить на совѣтахъ, пока не отняли у лошадей «пастбищъ, а иначе, безъ конницы, заберутъ насъ «какъ птицъ.»

Потоцкій говорилъ:

«Войско наше пало духомъ, да еще, къ-тому, «изнемогаетъ отъ недавняго сраженія; чѣмъ жарче «будетъ оно биться, тѣмъ болѣе ослабѣетъ, а сила «непріятельская увеличивается; отъ этого я не нахо- «жу ничего лучшимъ, какъ отступить укрѣпленнымъ «четвероугольникомъ: такимъ образомъ мы спасемъ «войско и сохранимъ его для отечества.»

Калиновскій продолжалъ представлять свои доказательства и замѣтилъ, что его не хотятъ слушать изъ личности.

Потоцкій вспыхнулъ.

«Что это такое? (закричалъ онъ). Я здѣсь глав- «ный. Когда пробощъ въ приходѣ, викарій не имѣетъ «тогда власти. Дѣло польнаго гетмана исполнять, а «не судить. Теперь сраженія нельзя начинать: фе- «ральный день; никогда не бываетъ онъ счастливъ «въ войнѣ; теперь память младенцевъ, избіенныхъ «царемъ-дѣтоубійцею!»

Потомъ онъ обратился къ командирамъ:

«А вы, господа, развѣ забыли, что я вашъ на- «чальникъ? Ваше дѣло служить и исполнять то, что́ «сказано. Когда услышите голосъ военной трубы,

«слѣдуетъ становиться въ ряды, а здѣсь не ваше «дѣло разглагольствовать» ([209]).

Коронный гетманъ приказалъ немедленно собираться въ походъ и поручилъ устройство ретирады Николаю Бѣгановскому. Таборъ, на другой день, до свѣта, двинулся въ путь: возы съ запасами и панскіе рыдваны, нагруженные туго всякимъ добромъ, потянулись двойнымъ четвероугольникомъ въ восемь рядовъ: въ срединѣ была артиллерія и пѣхота; по сторонамъ четвероугольника конница; на лѣвой сторонѣ велъ ее Калиновскій, на правой — Потоцкій ([210]). Предположили идти на Богуславъ проселочнымъ путемъ для того, чтобъ избѣгнуть нападенія казаковъ ([211]). Галаганъ предложилъ себя въ проводники, и паны, съ удивительнымъ легковѣріемъ, положились на казака. Онъ говорилъ, что знаетъ безошибочно мѣстность ([212]).

Казаки дали имъ пройдти верстъ десять спокойно, потомъ стали за ними идти вслѣдъ, а наконецъ, стремительно бросились на обозъ и дали сильный залпъ.

([209]) «Annal. Polon. Clim.» I, 36.

([210]) «Annal. Polon. Clim.» I, 36. «Relat. o bitwie p. Korsun.».

([211]) «Annal. Polon. Clim. I, 37. «Stor. del. guer. civ. 19.

([212]) «Истор. о през. бр.».

Татары пустили стрѣлы, и поляки съ разу потеряли такое множество лошадей, что рѣшились защищаться пѣшими, чтобъ сохранить лошадей для обоза; но слуги, которымъ препоручили держать лошадей, сѣли на нихъ и разбѣжались въ разныя стороны. Паны должны были двигаться въ лѣтній жаръ въ тяжелыхъ панцыряхъ ([213]). Такъ, обороняясь, прошли они около пяти верстъ; но когда приблизились къ деревнѣ Гроховцамъ, тогда тысяча-восемьсотъ драгуновъ, природныхъ украинцевъ, бросились къ казакамъ, пристали къ нимъ, и вмѣстѣ съ ними кинулись на обозъ. Это болѣе разстроило войско ([214]).

Далѣе новое бѣдствіе: поляки вошли въ лѣсъ, и Галаганъ завелъ ихъ въ трущобу, рвы и болотистые яры; вода была спущена и погрузила долину; на пути лежали срубленныя деревья, и въ то время, когда Хмельницкій напиралъ на польскій обозъ сзади, шесть тысячъ казаковъ, посланныхъ съ Кривоносомъ заблаговременно, бросились на враговъ спереди ([215]).

Цѣлый обозъ остановился; часть возовъ застряла въ тинѣ на болотистой долинѣ и преградила путь

([213]) «Лѣтоп. Велич.» I, 68.

([214]) «Belli scyth. cosac.» 15. «Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос.» 53.

([215]) «Истор. о през. бр.».

заднимъ; другіе карабкались на гору и не могли взобраться, по причинѣ наваленныхъ срубленныхъ деревьевъ, а иные оборвались въ овраги и лежали, сплетшись между собою. Лошади покалѣчили ноги и попадали. Предводители едва не дрались между собою. Калиновскій всю бѣду слагалъ на Потоцкаго, Потоцкій на Калиновскаго; и тотъ и другой давали противорѣчащія приказанія; командиры не знали, кого слушаться и, въ суматохѣ, также всѣ ссорились между собою ([216]).

Тогда одинъ изъ полковниковъ, князь Корецкій, владѣлецъ Корца и богатыхъ имѣній на Волынѣ, собралъ своихъ двѣ тысячи жолнеровъ, такъ-называемый полѣсскій полкъ, которому назначено было стоять въ четвероугольникѣ, и закричалъ:

«Полно уже бѣгать за телѣгами: не время теперь «и думать о спасеніи обоза. Сядемъ лучше на коней, «да пробьемъ себѣ дорогу сквозь непріятеля! Гей! «кто за мною? Теперь я буду вашимъ гетманомъ».

Паны начали-было удерживать его, напоминая, что надобно слушаться команды.

«Поздно давать приказанія!» кричалъ Корецкій: «на коней!» Вслѣдъ за нимъ повторили: «на коней!»,

---

([216]) «Истор. о през. бр.». «Лѣтоп. Величк.» I, 69. «Annal. Polon. Clim.» I, 37. «Памятн. кіевс. комм.» I, 3, 27, 75. «Stor. del. guer. civ.» 19.

и двѣ тысячи жолнеровъ покинули обозъ ([217]). Казаки воспользовались оставленнымъ мѣстомъ, кинулись въ прогалину, ворвались въ средину четвероугольника и начали повсемѣстное кровопролитіе ([218]), *«нещадно прикладывая свои казацкіе самопалы на «шляхетскія головы* ([219]). Безъ команды, безъ цѣли, все войско разметалось въ стороны: Калиновскій налѣво, Потоцкій направо: кто въ лѣсъ, кто въ болото; изъ каждаго рва, изъ-за каждой кучи срубленныхъ деревъ выскакивали казаки; другіе гнали враговъ съ боковъ и сзади... и отвсюду стрѣляли, рубили, кололи поляковъ... «и какъ-будто снопы на полѣ жатвы (говоритъ лѣтопись) подбирали усталыхъ и вытаскивали ихъ изъ рвовъ и трясинъ.» Калиновскій метался, горячился и, наконецъ, получивъ двѣ раны въ шею и въ локоть, смирился; казаки повели его ([220]). Что касается Потоцкаго, то онъ, видя, что нѣтъ спасенія, предался на волю судьбы и сѣлъ въ свою коляску; его примѣру послѣдовали и другіе паны, и всѣхъ ихъ съ экипажами привезли въ казацкій лагерь. Мужики изъ сосѣднихъ деревень помогали ловить бѣглецовъ. Спасся

([217]) «Histor. belli cos. polon.» 63.
([218]) «Памят. Кіевс. Комм.» I, 3, 75.
([219]) «Истор. о през. бр.».
([220]) «Истор. о през. бр.».

только Корецкій, но и тотъ, пока прорвался, потерялъ девятьсотъ человѣкъ, а съ остальными прибѣжалъ въ Кіевъ, «и тамъ», говоритъ лѣтописецъ, ([221]) сокрылъ стыдъ пораженія, котораго окончательнымъ виновникомъ не безъ основанія называли его самого».

Казаки столпились около плѣнниковъ и, по обыкновенію, отпускали надъ ними насмѣшки.

«Что?» говорили они: «не будете, панове, ходить «Запорожья добывать? Бѣдные паны! они всѣ озябли! «Дай имъ, пане Хмельницкій, кожуховъ».

— Видишь, Потоцкій, сказалъ Хмельницкій: какъ «Богъ сдѣлалъ: тѣ, которые пошли брать меня въ «неволю, сами въ нее попались».

— Хлопъ! сказалъ Потоцкій: чѣмъ заплатишь славному рыцарству татарскому? оно побѣдило меня, а не ты съ своею разбойничьею сволочью!»

— Тобою, отвѣчалъ Хмельницкій: тобою, который называетъ меня хлопомъ, и тебѣ подобными.

«Вишь, какой молодецъ!» кричали казаки: «какъ «онъ блеститъ въ своемъ блаватномъ контушѣ! Долой «съ него убранство! Надѣть на него сермягу.»

Потоцкаго одѣли въ сермягу. Хмельницкій, для потѣхи казацству, посадилъ его верхомъ на пушку. «*О Потоцькій! Потоцькій!*» кричали казаки: «*у тебе*

([221]) «Истор. о през. бр.».

«розумъ жиноцькій! не годышься ты гетмановаты,
«за се треба було тебе пану Хмельницкому от-
«даты! Поидешъ ты въ Крымъ сыром кобылыны
«жоваты (222)!»

«Гетманъ Потоцкій (говоритъ современникъ шляхтичъ) болѣе думалъ о стаканахъ и стклянцахъ, чѣмъ о благѣ и цѣлости Речи Посполитой, и хотя былъ въ преклонныхъ лѣтахъ, однако, заботился о смазливыхъ жонкахъ, не совѣтовался съ своимъ товарищемъ Калиновскимъ, съ полковниками и ротмистрами и, преданный постоянно пьянству и распутству, погубилъ войско, нанесъ безславіе и посрамленіе Польшѣ, потерялъ сыновъ отечества, старыхъ воиновъ и множество слугъ, нѣмцевъ и множество другихъ иноземцевъ, не слушалъ представленій короля, воеводы краковскаго, любомірскаго, воеводы брацлавскаго и другихъ пановъ, которые къ нему писали и совѣтовали не раздражать казаковъ и хлоповъ (223)».

Хмельницкій отправилъ благодарственный молебенъ за побѣду, какъ говорилъ онъ, *надъ апостатами*—поляками. Три раза казаки стрѣлили изъ ружей и пушекъ въ знакъ торжества. Потомъ отправленъ былъ пиръ. Хмельницкій пировалъ съ старшинами и мур-

---

(222) «Сборн. укр. пѣс. Максим.» 71.
(223) «Lat. Jerl.» 64.

зами; къ обѣду приглашены были и знатнѣйшіе плѣнные паны. Двадцать-пять бочекъ горѣлки было выкачено простымъ казакамъ; предводитель, изъ особенной милости, приказалъ своимъ хлопамъ дать по чаркѣ и родовитымъ шляхтичамъ ([224]).

Послѣ того, десять дней простоялъ Хмельницкій на мѣстѣ сраженія, не опасаясь сопротивленія: у поляковъ войска не было ([225]). Отдыхая, послѣ военныхъ трудовъ, въ богатыхъ панскихъ шатрахъ, онъ созвалъ раду изъ знатнѣйшихъ татаръ и казаковъ.

«Что́ мнѣ дѣлать теперь съ такимъ большимъ чи«сломъ невольниковъ, панове?» спрашивалъ Хмельницкій.

Рада проговорила такъ: «Гетмановъ и другихъ, «самыхъ знатнѣйшихъ пановъ, отдать непремѣнно «татарамъ за то, что они были главными непріяте«лями и гонителями казаковъ, а прочимъ, *шереговымъ* «жолнерамъ, предложить: если хотятъ избавиться отъ «путешествія въ Крымъ, то пусть заплатятъ за себя «окупъ, а если не заплатятъ, то всѣ пойдутъ въ не«волю».

Послали въ Чигиринъ предложить тоже тѣмъ плѣнникамъ, которые взяты на Жовтыхъ-Водахъ. По извѣстію украинскаго лѣтописца, Тугай-Бею досталось

([224]) «Лѣтоп. Велич.» I, 70.
([225]) «Лѣтоп. Велич.» I, 73.

8060 человѣкъ; 520 рядовыхъ и 60 начальниковъ дали окупъ и оставлены Хмельницкимъ (226).

Гетманы напрасно предлагали за себя большія суммы. Хмельницкій не согласился: они поѣхали въ неволю. «Поѣхали (говоритъ насмѣшливо старинная пѣсня) рыдваны въ Крымъ, пышно и великолѣпно; то были два польскіе гетмана съ ихъ совѣтниками, а возы остались казакамъ *палатать соби худорбу* (227).» Хмельницкій, извѣщая хана, писалъ къ нему, что гетманы давали ему 24,000 талеровъ, но онъ уважаетъ ханскую ясность болѣе, чѣмъ панскія деньги. «Приношу, однако, просьбу мою (присовокуплялъ Хмельницкій въ своемъ письмѣ), чтобъ ваша ханская ясность почтили плѣнниковъ своею ласкою: они люди вѣжливые и съумѣютъ въ свое время отблагодарить» (228).

Предводитель послалъ и въ Запорожье извѣстіе о своей побѣдѣ и подарки для Сѣчи. Онъ возвратилъ всѣ клейноты, взятые на Сѣчи, такъ-что за одинъ бунчукъ послалъ два, за одну булаву — двѣ, побравши ихъ у поляковъ; тысяча талеровъ отослана была запорожскому товариществу въ гостинецъ на пиво, а

---

(226) «Лѣтоп. Велич.» I, 73—74.
(227) «Истор. о през. бр.».
(228) «Лѣтоп. Велич.» I, 76.

триста на сѣчевую церковь ([229]). Добыча, взятая на полѣ битвы, была чрезвычайно-велика. Самъ предводитель отослалъ домой тринадцать возовъ, наполненныхъ панскими сокровищами; всякій послѣдній казакъ такъ обогатился тогда, что войско, прежде бѣдное, когда двинулось далѣе къ Украину, было убрано столь красиво, что, «глядя на него съ высоты (говоритъ лѣтописецъ), можно было почесть его за ниву, усѣянную краснымъ макомъ» ([230]).

Послѣ корсунскаго пораженія, Тугай-Бей вышелъ изъ Украины ([231]), а Хмельницкій прибылъ въ Бѣлую-Церковь и расположился тамъ обозомъ. Уже вся Украина пылала; мятежъ обнялъ русскую землю отъ Ворсклы до Днѣстра; толпы мужиковъ приходили въ Бѣлую-Церковь и просили принять ихъ въ казаки; носились слухи о повсемѣстномъ возстаніи: тамъ перетопили жидовъ, тамъ растерзали пана([232]). Хмельницкій разбудилъ разомъ и ожесточеніе народа, и негодованіе православныхъ за попраніе своей религіи. Хмельницкій, можетъ-быть, началъ войну съ тѣмъ только, чтобъ отомстить за самаго себя, возвратить права своему казацкому сословію, охранить

([229]) «Лѣтоп. Велич.» I, 74—75.
([230]) «Лѣтоп. Велич.» I, 72.
([231]) «Кратк. опис. о Мал. Рос.» 9.
([232]) «Памятн. кіевс. комм.» I, 3, 26.

церковь и облегчить участь народа; но кроткими полумѣрами народъ не могъ довольствоваться. Уже поздно было удерживать внезапно разнузданную массу, хотя бы этого захотѣлъ и самъ Хмельницкій!

Среди всеобщаго броженія, среди совѣтовъ, что̀ дѣлать дальше, разнеслась вѣсть, что короля нѣтъ въ живыхъ. Скоро казаки принесли извѣстіе вѣрное: схватили посланнаго отъ брацлавскаго воеводы Киселя къ сѣвскому воеводѣ московскаго государства съ письмомъ, изъ котораго казацкій предводитель узналъ, что Владислава нѣтъ на свѣтѣ ([233]). Это развязало руки Хмельницкому; совѣсть его успокоивалась тѣмъ, что онъ теперь не будетъ сражаться противъ короля, своего благодѣтеля, въ случаѣ, еслибъ послѣдній принялъ сторону пановъ въ этой борьбѣ русскаго простаго народа съ польскою аристократіею. Временное правительство должно было находиться въ рукахъ дворянства; неизвѣстно было, кто будетъ королемъ и въ какія отношенія поставитъ себя новый государь къ казакамъ. Хмельницкому представилось удобное время заставить польскую аристократію глубоко почувствовать тяжесть мщенія русскаго народа и силу его. Поэтому онъ, съ шестидесятью казаками, разослалъ списки зазыв-

([233]) «Истор. о през. бр.».

наго универсала ко всѣмъ южноруссамъ, обитающимъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Предводитель извинялся, что поднялъ оружіе безъ всеобщаго согласія русскихъ, оправдывался обстоятельствами, извѣщалъ о своихъ побѣдахъ, увѣрялъ, что война поднята не противъ короля, напротивъ, даже съ одобренія его, указывалъ на видимую помощь Божію въ этомъ дѣлѣ, и приглашалъ всѣхъ, умѣющихъ владѣть оружіемъ, прибывать, во всемъ вооруженіи, на добрыхъ коняхъ, подъ Бѣлую-Церковь. Этотъ универсалъ, написанный очень-велерѣчиво ([234]), имѣлъ успѣхъ чрезвычайный, хотя мало кто понималъ, что̀ это были за руссы съ Поморія Балтійскаго, которые разорили съ княземъ своимъ, Одонацеромъ, римскую Имперію, и отъ которыхъ производился южнорусскій народъ. Много для русскихъ значило позволеніе королевское; но вообще народъ, безъ всякой политической цѣли стремился къ мятежу, изъ ненависти къ римскому католичеству и панству, а нѣкоторые ради одного грабежа спѣшили въ Бѣлую-Церковь.

Но самъ Хмельницкій не имѣлъ еще идеи объ отторженіи Украины отъ Речи Посполитой и не прочь былъ отъ дипломатическаго примиренія съ поляками

([234]) «Лѣтоп. Велич.» I, 80—89. «Истор. о през. бр.» «Лѣт. пов. о Мал. Рос.» 109—115. «Кратк. опис. о каз. малор. нар.» 14—19.

на выгодныхъ условіяхъ. Въ половинѣ іюня, онъ отправилъ въ Варшаву депутацію изъ четырехъ старшинъ: Вешняка, Мозыри, Богдарбута и писаря Петрашенка, съ извинительнымъ письмомъ къ королю, какъ-бы не зная еще о его смерти.

«Смиренно повергаемъ къ стопамъ вашего величества нашу вѣрность, подданство и казацкую нашу службу (писалъ Хмельницкій); хоть мы ужь и наскучили своими безпрестанными жалобами вашей королевской милости о нестерпимыхъ обидахъ, какія намъ дѣлаютъ господа старосты и помѣщики украинскіе; но негдѣ намъ искать обороны: только на Господа Бога, да на милосердіе вашего величества полагаемъ надежду. Вотъ ужь сколько лѣтъ, они дѣлаютъ намъ, по своему произволу, нестерпимыя обиды и поруганія: хутора, луга, сѣножати наши, пашни, ставы, мельницы — отнимаютъ, берутъ съ пчелъ десятины, хоть бы и въ маетностяхъ вашей милости, и которому что́ ни понравится у насъ, у казаковъ, тотчасъ берутъ силою, и насъ самихъ безвинно обдираютъ, бьютъ, тиранятъ, въ тюрьмы сажаютъ, до смерти забиваютъ за наши имущества, и много у насъ теперь въ товариществѣ раненыхъ и искалѣченныхъ: все они это надѣлали; а паны полковники наши, ихъ *рукодайные* слуги, вмѣсто того, чтобъ насъ оборонять отъ такихъ бѣдъ и напастей, еще сами имъ противъ насъ по-

могаютъ; даже и жиды, надѣясь на господъ — старостъ, дѣлаютъ намъ тягости, такъ-что и въ турецкой неволѣ христіанство не переноситъ такихъ бѣдъ, какія причиняются намъ, подножкамъ вашей королевской милости. Мы сами знаемъ, что такія обиды дѣлаются въ противность вашей милости, но они намъ кричатъ: «Мы вамъ дадимъ короля! А что? помогаетъ вамъ король?» Наконецъ, послѣ этого, мы уже не могли болѣе терпѣть такого незаслуженнаго мученія; не стало силъ жить въ домахъ своихъ, и, побросавши женъ и дѣтей, принуждена была часть войска бѣжать куда-нибудь, унося голову съ душами. И ушли мы въ Запорожье, гдѣ предки наши издавна привыкли служить вѣрноподданически коронѣ польской и вашей королевской милости. Но паны считаютъ насъ не слугами королевскими, а собственными невольниками. Самъ Богъ свидѣтель, что мы, будучи вѣрными подданными, не сдѣлали никакого своеволія. Но панъ каштелянъ краковскій, о которомъ мы не думаемъ, чтобъ онъ добра желалъ вашей королевской милости, по совѣту другихъ пановъ, мучившихъ насъ въ Запорожьѣ, началъ опустошать Украину, чтобъ насъ выкоренить всѣхъ и даже имя казацкое съ земли согнать. Поневолѣ, когда паны пошли на насъ съ большими войсками, должны мы были просить помощи у хана крымскаго, а тотъ намъ пособилъ,

вспоминая, что и мы ему пособляли противъ непріятелей. По Божьей волѣ, случилось такъ, что при сухихъ дровахъ досталось и сырымъ. Кто этому причиною? — Господь Богъ разсудитъ, а мы, какъ прежде были вѣрными подданными вашей королевской милости, такъ и теперь готовы жертвовать жизнію за честь вашего величества» (235).

Такимъ-образомъ, Хмельницкій, въ одно и то же время и подвигалъ народъ противъ поляковъ, и искалъ оправданія у польскаго правительства. Такая обоюдность стала съ-тѣхъ-поръ отличительною чертою его дѣйствій политическихъ и была причиною многихъ дѣйствій, успѣховъ, и многихъ неудачъ. Русскіе лѣтописцы называютъ ее благоразуміемъ, поляки — коварствомъ; а въ-самомъ-дѣлѣ она была и то и другое. Но такіе поступки Хмельницкаго вытекали изъ того, что въ Речи Посполитой какъ-то сбились между собою понятія о правительствѣ и аристократіи. Хмельницкій хотѣлъ быть врагомъ панства, но отнюдь не польской націи и не польскаго правительства, а, на бѣду его, вся польская нація управлялась панами!

Въ то время, когда депутаты казацкіе уѣхали въ Варшаву, явился къ Хмельницкому монахъ хустскаго монастыря, Петроній Ляшко, съ письмомъ отъ Ки-

---

(235) «Памятн. кіевс. комм.» I, 3; 125—132. «Истор. о през. бр.».

селя ([236]). Велерѣчиво и дружелюбно панъ извѣщалъ казацкаго предводителя, что онъ вполнѣ увѣренъ, что Хмельницкій не врагъ Речи Посполитой, удивлялся, какъ произошло кровопролитіе, выхвалялъ свою преданность православной вѣрѣ, просилъ положиться во всемъ на него, обѣщалъ ходатайствовать за казаковъ, убѣждалъ отослать татаръ и послать скорѣе депутацію къ Речи Посполитой на сеймъ для примиренія, и увѣрялъ, что во всемъ свѣтѣ одна Речь Посполитая наслаждается свободою ([237]).

Хмельницкій созвалъ раду, на которую стеклось до 70,000 человѣкъ. Прочитано было письмо Киселя. Разъяренная толпа не расположена была слушать о переговорахъ, но Хмельницкій былъ въ пользу Киселя, описывалъ его русскимъ человѣкомъ, искреннимъ и преданнымъ вѣрѣ; съ нимъ согласились старшины, также полагавшіеся, если не на возможность примиренія, то, по-крайней-мѣрѣ, на добросовѣстность Киселя. Положили звать самого Киселя для переговоровъ въ Украину.

«Послушали мы совѣта вашей милости, нашего стараго пріятеля (писалъ Хмельницкій), а сами поудержались и ордѣ приказали воротиться, чтобъ не проливалась больше кровь христіанская; но такъ-

([236]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 18. 143.
([237]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 142.

какъ мы осиротѣли по смерти его королевскаго величества, то просимъ вашу милость самимъ къ намъ навѣдаться, чтобъ мы узнали, кого Речь Посполитая захочетъ имѣть королемъ и посовѣтовались бы съ вашею милостью, что́ намъ дѣлать ([238]).»

Но, соглашаясь, повидимому, мириться, Хмельницкій вовсе не удерживалъ народа, какъ писалъ; напротивъ, тогда же, ведя переговоры, онъ позволилъ всѣмъ новоприбывающимъ хлопамъ записываться въ казаки, раздѣлилъ ихъ на полки и на сотни, назначилъ начальниковъ, разослалъ по разнымъ сторонамъ, и самъ подстрекалъ ихъ истреблять все враждебное ([239]). Хмельницкій далъ волю оставаться мужикомъ или дѣлаться казакомъ, кому угодно. Естественно, всѣ хотѣли быть казаками. Мужики запирали свои хаты, перековывали орала и серпы на мечи и копья и спѣшили въ войско. Предводитель, однако, не выступалъ изъ Бѣлой-Церкви, а дожидался, что́ скажутъ ему изъ Варшавы.

([238]) «Памятн. кіевск. комм.» ibid.
([239]) «Кратк. опис. о Мал. Рос.» 7.

ГЛАВА II.

Неистовства хлоповъ. — Гайдамаки. — Истребленіе пановъ. — Поруганія римско-католической святыни. — Злодѣянія надъ жидами. — Вовгуревцы. — Взятіе Нестервара. — Избіеніе жидовъ и шляхты. — Бракъ Остапа. — Свирѣпства гайдамаковъ въ Подоліи. — Кривоносъ. — Іеремія Вишневецкій. — Казни въ Погребищѣ и Немировѣ. — Битва Вишневецкаго съ Кривоносомъ. — Взятіе Бара. — Гайдамаки въ Волыніи. — Походъ къ Кодаку и взятіе его. — Возстаніе въ Литвѣ.

Все лѣто въ 1648 года было ужасное время. Когда Хмельницкій велъ лѣниво переговоры съ временнымъ польскимъ правительствомъ, по южно-русской землѣ кружили вооруженные отряды, которые назывались загонами. Встарину это имя давалось татарскимъ полчищамъ, но теперь оно означало русскихъ военныхъ охотниковъ, преимущественно бѣглыхъ и непокорныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ сбирались молодые и старые, только годные къ битвѣ мужики, вооружались, въ случаѣ недостатка оружія, косами и дубьемъ, и стекались къ Хмельницкому, который записывалъ ихъ по полкамъ, дѣлилъ по сотнямъ, назначалъ начальниковъ, часто изъ нихъ же, когда они представляли ему отважную и расторопную голову. По-

томъ такія толпы отправлялись очищать, какъ выражались они, русскую землю. Иные же вовсе не сносились съ своимъ батькомъ, а просто составлялась шайка, выбирала атамана и пускалась на грабежи и убійства. Они назывались гайдамаками (1); число ихъ увеличивалось чрезвычайно-быстро, до того, что скоро они могли разорять не только помѣщичьи усадьбы, но укрѣпленные замки и города. Обыкновенно, коль скоро гайдамацкій загонъ появлялся въ панскомъ мѣстечкѣ и селѣ, подданные принимали гостей какъ избавителей, соединялись съ ними и устремлялись на паллацъ, или дворъ своего владѣльца. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни грудным младенцамъ (2): истребляли и домашнихъ слугъ, если они были католики или уніаты, и заранѣе не пристали къ нимъ, сожигали панское жилье, а имущество раздѣляли съ крестьянами (3), вознаграждая ихъ за долговременные поборы и панщины. Сосѣдніе дворяне, едва услышали о корсунскомъ пораженіи, складывали поспѣшно на возы свое имущество и бѣжа-

---

(1) «О томъ, что случилось въ Укр.» 8. «Пѣсни народныя».

(2) «Histor. ab excess». Wład. IV. 22. — «Woyna dom.» ч. I, 14.

(3) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3. 192. 4. «Latop. Jerl.» 65.

*

ли съ однѣми душами, по выраженію современнаго дневника, изъ Руси въ Польшу, покинувъ свои зáмки и укрѣпленные дворы. Но не часто удавалось такое бѣгство: «каждый холопъ — намъ непріятель, каждое русское мѣстечко и селеніе — гнѣздо враговъ», говоритъ дворянинъ-современникъ (4); на каждой тропинкѣ готовы были встрѣтить бѣглецовъ недобрые гости съ булатными, обоюдуострыми саблями, или съ дубинами. Нерѣдко толпы дворянъ, не находя исхода и спасенія, укрывались въ укрѣпленномъ зáмкѣ знатнаго пана (5), имѣвшаго надворное войско, и поглядывая на зарево горѣвшихъ кругомъ ихъ жилищъ, готовились, въ виду женъ и дочерей, стоять за нихъ до послѣдней капли крови. Но все было напрасно (6). Еслибъ гайдамаки сами не провѣдали добычи, панскіе слуги, обыкновенно русскіе, заранѣе подведутъ ихъ, бросятъ въ ровъ или въ воду висячія гаковницы и широкія смиговницы и, прежде чѣмъ паны обнажатъ свои кривыя сабли, въ надеждѣ показать старопольское мужество, повяжутъ ихъ и отдадутъ мстителямъ земли русской на самыя варварскія истязанія. Они рѣзали, вѣшали, топили, распиливали пополамъ, вырывали кусками мя-

(4) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 174.
(5) «Истор. о през. бр.».
(6) «Woyna dom». Ч. I, 15.

со, буравили глаза, или обматывали голову по переносицѣ тетивою лука, воротили голову и потомъ спускали лукъ, такъ что у жертвы выскакивали прочь глаза, сдирали съ живыхъ кожи, разбивали о стѣны младенцевъ, насиловали женщинъ; нерѣдко, въ виду мужьевъ, отцовъ и братьевъ, по нѣскольку гайдамакъ удовлетворяли похоть надъ несчастною панею, и потомъ убивали ее (7). Послѣ кровавыхъ сценъ, обыкновенно, слѣдовала гулянка: выкачивали, изъ панскихъ погребовъ, бочки съ винами, пили, плясали, пѣли пѣсни среди пепелищъ и труповъ (8). Случалось и такъ, что въ то время, когда гайдамаки лежали мертвецки пьяны, въ разоренный за́мокъ или мѣстечко вбѣгали дворяне съ вооруженными толпами и, въ свою очередь, терзали ихъ (9). Но удальцы мало заботились объ опасности: для такого народа жизнь была копейка. «*Чи умрешь, чи повыснешь — усе одынъ разъ маты родыла*» (10)! говорили они. Досихъ-поръ память объ этихъ истребителяхъ осталась въ южнорусскихъ пѣсняхъ.

Такому же безчеловѣчному приговору подвергались и жители городовъ и мѣстечекъ, католики, или

---

(7) «Histor. ab exc. Wlad. IV. 22. «Latop. Jers.» 68. Stor. delle guer. civ. 26, 35.

(8) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 192.

(9) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 208.

(10) «Народ. пѣсня».

уніаты, или даже православные, но чѣмъ–нибудь навлекшіе на себя негодованіе простолюдина. Въ то врема работники убивали своихъ хозяевъ за то, если когда–нибудь, какъ случается часто по хозяйству, по замѣчанію русскаго лѣтописца, хозяинъ ударилъ или побранилъ наемщика. Ненависть ко всему польскому простиралась до того, что гибли православные ремесленники и торговцы за то единственно, что, слѣдуя тогдашнему обычаю, носили польское платье, или закидывали на польскій ладъ въ рѣчахъ. «Не одинъ молодой франтикъ (говоритъ лѣтописецъ), который подбривалъ голову и отпускалъ наверху головы чуприну, заплатилъ жизнью за свое щегольство» (11).

Духовенство повсюду призывало на брань и стараго и малаго. «Приспѣлъ часъ, желанный часъ!» вопіяли священники: «время возвратить свободу и «честь нашей вѣры! Вѣка проходили и православная «вѣра терпѣла постыдное униженіе. Намъ не давали «даже убѣжища для молитвы. Всѣ наши приходы, «церкви, обители, епархіи—въ рукахъ латинъ и уніа–«товъ. Латинамъ даютъ доходныя мѣста, а бѣдные «православные, восточнаго благочестія, страдаютъ въ «нищетѣ. Жиды для пановъ лучше насъ; жиды упра«вляютъ ихъ имѣніями и попираютъ бѣдныхъ хри-

(11) «Лѣтоп. самов.» 16.

«стіанъ. Пора, пора! Ополчайтесь за свою жизнь! «Богъ благословитъ васъ и поможетъ вамъ (12)».

Католическая святыня предавалась поруганію: костелы грабили и сожигали; образа католическихъ святыхъ прострѣливали, рубили, уродовали (13); ксендзы и монахи были обречены на муки безъ милосердія и безъ исключенія. Ихъ топили, вѣшали, сдирали съ нихъ кожи; нерѣдко нападали на нихъ среди богослуженія, и засѣкали до смерти передъ алтаремъ, насиловали монахинь въ храмахъ, топтали ногами святыню и кормили лошадей, привязавши къ алтарямъ (14). Памятникомъ этой эпохи осталось преданіе, что одинъ гайдамакъ повѣсилъ надъ главнымъ алтаремъ ксендза, жида и сабаку и надписалъ: «ксендзъ, жидъ та собака — усе вира однака». Народная месть преслѣдовала и мертвыхъ: ожесточенные гайдамаки врывались въ усыпальницы, извлекали тѣла и кости, и разбрасывали; остервенѣніе ихъ было столь велико, что, по словамъ очевидца, многіе снимали съ мертвыхъ одежды, надѣвали на себя и ходили въ нихъ безъ страха (15).

---

(12) «Stor. delle guer. civ.» 25.

(13) «Памят. кіевск. комм.» I, 3: 276.

(14) «Памят. кіевск. комм. I, 3: 270. «Hist. ab exc. Wład. IV.» 22.

(15) «Лѣтоп. самов.» 11.

Но всего неумолимѣе поступали гайдамаки съ жидами. Одинъ, ускользнувшій отъ гибели, раввинъ, извѣщая своихъ единовѣрцевъ за границею о горѣ, постигшемъ ихъ братію, сравниваетъ эту эпоху съ временами знаменитыхъ гоненій, какимъ подвергался въ древности народъ Божій. «Свитки (говоритъ онъ) были извлечены изъ синагогъ; казаки плясали на нихъ и пили водку, а потомъ клали на нихъ іудеевъ и рѣзали безъ милосердія; тысячи младенцевъ были бросаемы въ колодцы и засыпаемы землею».

Въ Ладыжинѣ, по извѣстію этого современника, казаки собрали до 150 жидовъ, связали ихъ, положили на лугу, и стали говорить имъ:

«Зачѣмъ упорствуете въ вашихъ заблужденіяхъ? «Вѣруйте въ нашего Бога, почитайте св. крестъ такъ, «чтобъ мы были единъ съ вами народъ и вы были бы «живы и невредимы; и мы бы отдали вамъ все ваше «добро, и вы были бы такъ богаты, какъ дворяне».

«Но вѣрный народъ Божій (говоритъ раввинъ) возгнушался жизнью въ этомъ мірѣ; всѣ іудеи возвысили голосъ къ верховному, сѣдящему въ вышнихъ на небесахъ Богу и молились: «О, Іегова, Богъ нашъ единый! Тебѣ всякъ часъ приносимъ мы себя въ жертву! Помоги, Боже Израилевъ, пребыть намъ въ Твоей вѣрѣ!»

Они пѣли псалмы; казаки еще разъ хотѣли преклонить ихъ и говорили имъ угрожающимъ голосомъ:

«Вы сами проливаете кровь свою, сами виновны, «если мы перебьемъ васъ: зачѣмъ ругаетесь надъ «святою вѣрою нашею?»

Іудеи отвѣчали:

«Не медлите и дѣлайте сейчасъ, что́ хотите дѣ- «лать. Нашъ Богъ есть единый царь неба и земли: «сей Богъ да будетъ намъ милостивъ! вы же толь- «ко слуги Бога, посланные для истребленія нашего; «ибо только подобныхъ злодѣевъ, смерти повинныхъ, «избираетъ Господь для совершенія своего страшнаго «приговора; благочестивый же не совершитъ дѣла «проклятія. Вы враги наши и ненавидящіе насъ, а «потому достойные исполнители суровой кары, и если «вы не исполните ея, то Богъ найдетъ другихъ се- «бѣ слугъ — дикихъ лѣсныхъ медвѣдей!»

Послѣ такой рѣчи, казаки начали ихъ рѣзать и истребили всѣхъ, не щадя ни пола, ни старости, ни молодости.

«Подобныя сцены совершались (говоритъ совре- менникъ) въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ; не оста- лось въ русской землѣ ни одного жида; число зарѣ- занныхъ раввинъ простираетъ до 100,000, но, кромѣ (говоритъ онъ) погибшихъ отъ голода и жажды, и потонувшихъ въ рѣкахъ во время безплоднаго бѣг- ства, вездѣ, по полямъ, по горамъ, лежали тѣла на- шихъ братьевъ, ибо гонители ихъ были быстрѣе ор-

ловъ небесныхъ» ([16]). По извѣстію украинскаго лѣтописца, многіе изъ жидовъ, отъ страха, приняли христіанство и были пощажены съ своими имуществами; но эти новокрещенцы снова обращались къ жидовству, когда миновала опасность, или если успѣвали они уйти изъ Украины. Такое звѣрство надъ жидами не было слѣдствіемъ одного фанатизма: предъ возстаніемъ русскаго народа жиды, будучи арендаторами и управителями панскихъ имѣній, довели народъ до такого ожесточенія своими злоупотребленіями, тиранствами и, болѣе всего, поруганіемъ надъ православными церквами, находившимися въ ихъ распоряженіи ([17]).

Такихъ гайдамацкихъ загоновъ было *безъ-личь*, по выраженію лѣтописи. Гайдамаки держались правила: кто не за нихъ, тотъ противъ нихъ, и оттого многіе должны были противъ собственной воли браться за оружіе ([18]). Загоны носили названіе, по-большей-части, по имени своихъ предводителей, и нѣкоторые по своей многолюдности, или по образу дѣйствія остались въ исторіи и въ народной памяти.

([16]) Окруж. посл. Раввина, напечатанное въ одномъ изъ нумеровъ журнала «Slavische Jahrbücher».

([17]) «Памятн. кіевск. комм.» 1, 2, 99, 79, 89. «Лѣтоп. самов.».

([18]) «Лѣтоп. самов.» II.

Такъ вокругъ Кіева взбунтовавшіеся хлопы избрали себѣ предводителемъ Харченка Гайчуру, и всѣ, по имени предводителя, назывались гайчуривцами; между ними были жители береговъ Роси и Соби (19). Другой загонъ въ Украинѣ, отличавшійся свирѣпостью, былъ подъ преводительствомъ Лисенка Вовгури (вѣроятно, прозваннаго такъ за свой жестокій характеръ) и назывался вовгуревцами. Ихъ было сначала сто-пятьдесятъ человѣкъ и потомъ въ ряды ихъ принимались только испытанные по силѣ и отвагѣ гайдамаки. «Не было случая (говоритъ лѣтописецъ) (20), чтобъ кто-нибудь изъ нихъ живьёмъ отдался въ плѣнъ, а врагамъ отъ нихъ *тяжко было, кольми паче жидамъ*». Поляки такъ ихъ боялись, что если, бывало, скажутъ: «вовгуревцы идутъ», то это было ужаснѣе цѣлаго войска казацкаго. Сначала они выказали себя въ Сѣверской Землѣ, потомъ, соединившись съ кіевскимъ загономъ Харченка, напали на Каневъ. Городъ былъ взятъ: со всѣхъ жидовъ посдирали съ живыхъ кожи. «Таковъ ихъ былъ казацкій обычай», говоритъ лѣтописецъ (21).

---

(19) «Народ. пѣсня». — «О томъ, что случилось въ Укр.» 8.

(20) «О томъ, что случ. въ Укр.» 9.

(21) «О томъ, что случ. въ Укр.» 9.

На Подолѣ свирѣпствовали загоны Ганжи, Остапа Павлюка, Половьяна и Морозенка.

Ганжа, тотъ самый, который преклонилъ на сторону Хмельницкаго барабашевцевъ, былъ назначенъ полковникомъ уманскимъ и отправленъ противъ шляхетскаго ополченія, которое собиралось на помощь гетману Потоцкому предъ корсунскимъ пораженіемъ. Ганжа разсѣялъ шляхтичей и ворвался въ подольскую землю, гдѣ началъ истреблять все, что́ было въ непріязни съ казацкимъ и крестьянскимъ сословіями, и русскою вѣрою ([22]). Хлопы присоединились къ казакамъ толпами. Казаки напали на Немировъ, гдѣ заперлась шляхта съ жидами, и завоевали городъ хитростью: пятьдесятъ русскихъ, одѣтыхъ попольски, подъѣхали къ воротамъ, затрубили въ трубы и ударили въ литавры, какъ дѣлали обыкновенно польскіе всадники. Поляки думали, что это прибываютъ къ нимъ на помощь соотечественники, и отворили ворота. «Тогда удалось сатанинское дѣло (говоритъ жидъ-современникъ): впущенные въ соединеніи съ православными мѣщанами, разбили ворота и впустили весь загонъ, притаившійся недалеко отъ города. Цѣлыми сотнями водили топить поляковъ и

([22]) «Ист. о през. бр.»

жидовъ, перебили маленькихъ дѣтей. Однихъ жидовъ погибло тогда до шести тысячъ» ([23]).

Между-тѣмъ, испуганная подольская шляхта столпилась въ укрѣпленномъ за́мкѣ Нестеровѣ, или Нестерварѣ, недалеко отъ Тульчина, принадлежавшемъ князю Янушу Четвертинскому, еще православному. Вслѣдъ за шляхтичами столпились тамъ и жиды со всего околотка. Ганжа, услышавъ объ этомъ, пошелъ туда и бросился на замокъ. Шляхтичи оборонялись храбро, но до-тѣхъ-поръ, пока казаки не стали палить изъ пушекъ: картечи, летѣвшія въ городъ, не давали осажденнымъ покоя ни на улицѣ, ни въ домахъ. Шляхтичи рѣшились просить мира и предлагали окупъ за свои души.

Казаки дали такой отвѣтъ посламъ:

«Васъ пощадимъ; если вы заплатите за себя окупъ, «мы отойдемъ, а жидовъ ни за какія деньги не по«милуемъ: они наши заклятые враги, они оскорбили «нашу вѣру, и мы поклялись истребить все племя «ихъ. Выгоните ихъ изъ города и не будьте съ ними «въ согласіи.»

Поляки рѣшились пожертвовать жидами. Со слезами, поднимая къ небу руки (говоритъ лѣтопись) стояли жиды толпою на улицѣ передъ дворянами;

([23]) «Окр. посл. Раввина».

жидовки, съ дѣтьми на рукахъ, обнимали ихъ колѣни, думая возбудить состраданіе. «Богъ накажетъ «васъ за насъ, невинныхъ (говорили жиды); если «вы насъ погубите, то сами пропадете. Казаки не «такой народъ... Вспомните наше слово, да поздно: «они и васъ перебьютъ!» Шляхтичи не слушали пророчествъ, не трогались мольбами: собственная опасность была слишкомъ очевидна. Когда жиды не шли добровольно на явную смерть, они принялись ихъ гнать силою. Съ воплями и проклятіями, подгоняемые нагайками, выбѣжали дѣти Израиля и стали на валу. «Боже отецъ нашихъ!» восклицали они: «отмсти за смерть нашу!» И только-что увидѣли ихъ казаки, бросились на нихъ съ неистовствомъ. Жиды, видя послѣдній часъ свой (какъ выражается современникъ), защищались отчаянно чѣмъ попало; даже женщины отбивались отъ гайдамаковъ, обороняя дѣтей. Эта бойня продолжалась три дня, пока гайдамаки истребили ихъ отъ малаго до большаго ([24])». «Три тысячи погибло тогда іудеевъ (говоритъ современникъ) подъ ужаснѣйшими муками, какія только можетъ выдумать варварство: казаки кололи ихъ гвоздями, жгли, рубили, били дубьемъ.» Раввинъ, описывая это событіе, прибавляетъ, что оно случи-

([24]) «Pamiętn. o woin. kozac. za Chmieln.» 9. — «Истор. о през. бр.» — «Woyna dom.» Ч. I, 14.

лось въ пятницу — день несчастный издавна для іудеевъ, день, въ который Моисей разбилъ скрижали Завѣта ([25]).

Послѣ избіенія іудеевъ, Ганжа послалъ сказать шляхтичамъ, что теперь казачество довольно: пусть дадутъ окупъ и тогда будутъ пить мировую. Шляхтичи отсчитали имъ значительную сумму, и началась взаимная попойка; казалось, враги, столь неистовые, забыли вражду свою. Казаки обѣщали не безпокоить ихъ и разговаривали съ ними о мирѣ, который, какъ они увѣряли, долженъ послѣдовать скоро ([26]). Шляхтичи обрадовались и не взяли у нихъ заложниковъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Ганжа отступилъ отъ Нестервара, но на дорогѣ встрѣтился съ предводителемъ другаго загона, Остапомъ Павлюкомъ. Узнавъ о выкупѣ, полученномъ Ганжою, Остапъ требовалъ съ него части добычи; Ганжа отказалъ ([27]). Тогда Остапъ, съ своимъ загономъ, бросился самъ на за́мокъ, когда шляхтичи ни думали, ни гадали о такомъ посѣщеніи, и поджегъ одну башню, наполненную порохомъ. Оглушенные нежданнымъ взрывомъ, шляхтичи оцѣпенѣли, и казаки, ворвавшись въ за́мокъ, начали рубить кого попало; шляхтичи не защищались, только про-

---

([25]) «Окружн. послан. Раввина въ Slaw. Jahrb.» 107.
([26]) «Pamiętn. o woin. kozac. za Chmieln.» 10.
([27]) «Лѣтоп. Велич.» I, 93.

сили пощады ([28]). Казаки прекратили рѣзню, объявили имъ, что они останутся цѣлы, и приглашали ихъ снова пить мировую ([29]).

На этотъ разъ пирушка была въ домѣ Четвертинскаго. Блѣдные, дрожащіе дворяне должны были сидѣть за столомъ съ гайдамаками и притворяться веселыми. Сначала все шло хорошо, но спустя немного, разговоръ сталъ живѣе; потомъ съ обѣихъ сторонъ пьяные отпускали двусмысленности; потомъ поднялся шумъ; наконецъ началась ссора и драка. Тогда другіе гайдамаки, на-видъ спокойнѣе и трезвѣе, стали какъ-будто разнимать неполадившихъ и подъ этимъ предлогомъ выводили шляхтичей на дворъ и тамъ рубили имъ головы ([30]). Такимъ-образомъ дошло дѣло до самого владѣльца, Четвертинскаго. Какъ только его вывели, толпа его подданныхъ бросилась на него, и одинъ изъ нихъ, ремесломъ мельникъ, привелъ связаннаго князя ко пню, и топоромъ отрубилъ ему голову ([31]). По сказанію современника, гайдамаки убили дѣтей его, а жена его досталась, какъ лучшая часть добычи, самому полковнику Остапу. Польская лѣтопись говоритъ, что

([28]) «Истор. о през. бр.».
([29]) «Pamiętn. o wojn, kozac. za Chmieln.» 10.
([30]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.»
([31]) «Истор. о през. бр.».

она согласилась быть женою его для-того, чтобъ спасти жизнь свою. Обстоятельство неизвѣстно, какъ это случилось, но Остапъ не взялъ ея наложницею, а обвѣнчался съ нею. «О, несчастный бракъ! (восклицаетъ польскій лѣтописецъ) подлый хлопъ поклялся княгинѣ въ супружеской вѣрности! знатная пани должна угождать грубіяну (32)!»

Ганжа съ своимъ загономъ, отступивъ отъ Нестервара, сошелся съ начальникомъ другой толпы, Кривошанкою. Гайдамаки пошли по Подоли. Къ нимъ приставало такое множество мужиковъ, что поляки считали ихъ тысячъ до восьмидесяти. «Вся эта сволочь (говоритъ современный поэтъ польскій) состояла изъ презрѣннаго мужичья, стекавшагося на погибель пановъ и народа польскаго». Гайдамаки взяли города: Красный, Брацлавъ, Винницу и другіе (33), избивали пановъ и жидовъ; по всей Подоли, до самой Горыни, панскіе замки, города, мѣстечки лежали въ развалинахъ; кучи гнившихъ тѣлъ валялись безъ погребенія, пожираемыя собаками и хищными птицами; воздухъ заразился до-того, что появились смертоносныя болѣзни (34). Дворяне бѣжали толпами

---

(32) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 10.
(33) «Wojna dom.» Ч. I, 15.
(34) Изъ современ. рукоп. стихотвор. неизвѣст. соч.

за Вислу, и ни одной шляхетской души не осталось на Подоли ([35]).

Разомъ съ Ганжою свирѣпствовали другіе загоны, между которыми особенно выказывались загоны Половьяна и Морозенка. О первомъ осталось преданіе, что когда ему случалось поймать панну или жидовку, то онъ сдиралъ у ней съ шеи полосу кожи и говорилъ, что это ей казаки подарили алую ленту *(чорвону стричку)*. Морозенко былъ такъ страшенъ, что о немъ говорили, будто ляхи боятся его болѣе мороза.

Но болѣе всѣхъ прославился своими дѣйствіями загонъ Максима Кривоноса, предводителя мрачнаго и жестокаго, какъ выражается польскій историкъ ([36]). Преданіе говоритъ, что онъ былъ *характерникъ*, то-есть чародѣй, котораго не брала пуля. Сначала онъ выказалъ себя въ Переяславлѣ: подъ предводительствомъ его составился загонъ изъ православныхъ жителей города и окрестностей; перебили жидовъ и поляковъ и отправились за Днѣпръ къ Хмельницкому. Число ихъ простиралось до 10,000 ([37]). Хмельницкій отправилъ ихъ на Волынь разорять маетности

([35]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.»

([36]) «Bell. scyth. cosac.» 25.

([37]) «Лѣтоп. малорос.» — «Памятн. кіевс. комм.» I. 3: 30.

князя Вишневецкаго, который прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ показалъ вражду противъ казаковъ ([38]).

Это былъ князь Іеремія, лицо знаменитое въ исторіи. Родъ его происходилъ отъ Ольгерда: оттого къ фамиліи Вишневецкихъ прибавлялось прозваніе Корыбутъ, по имени ольгердова сына, родоначальника этого дома. До эпохи перерожденія южнорусскаго дворянства, Вишневецкіе были защитниками православія. Одинъ изъ его предковъ былъ гетманомъ казаковъ и впослѣдствіи потерпѣлъ мученическую смерть въ Царьградѣ за вѣру. Отецъ Іереміи, Михаилъ, до конца жизни исповѣдывалъ православіе; гробъ его до-сихъ-поръ видѣнъ въ деревянной православной церкви въ Вишневцѣ. Молодой Іеремія былъ сначала также православнымъ, но отданъ для воспитанія дядею въ львовскую іезуитскую академію. Монахи воспользовались юностью магната, внушили ему расположеніе къ католичеству, а православіе выставляли съ дурной стороны. Іеремія перемѣнилъ религію и сдѣлался ревнителемъ римскаго католичества. Въ молодости онъ путешествовалъ по Европѣ, а въ 1634 году воротился въ отечество. Владѣя огромными имѣніями въ Червонной Руси, на Волыни и въ Украинѣ, особенно въ нынѣшней пол-

([38]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 12. — «Woyna dom.» 17.

тавкой губерніи, онъ принялся съ жаромъ вводить католичество, построилъ въ Прилукахъ доминиканскій монастырь, костёлы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ, поощрялъ единоземцевъ, переходившихъ въ католичество, и гналъ раскольниковъ, какъ называли поляки православныхъ. Такой фанатизмъ нравился полякамъ. Іеремія поддерживалъ къ себѣ уваженіе и другими качествами. Онъ (говорятъ поляки) смолоду не зналъ ни Бахуса, ни Венеры, съ твердостью переносилъ лишенія, велъ простой образъ жизни; честолюбивый, гордый съ равными, ласковый съ низшими, содержалъ бѣдныхъ шляхтичей на своемъ иждивеніи и не скупился на свое надворное войско, которое оттого было къ нему привязано. Онъ былъ отличный полководецъ и неумолимъ къ врагамъ. Во время войны съ великороссіянами, онъ такъ разорялъ великороссійскіе украинные города и села, что великороссіяне прозвали его Палѣемъ. Еще бо́льшую жестокость оказывалъ онъ надъ казаками, послѣ укрощенія ихъ мятежей. Самыя ужасныя казни выдумывалъ онъ и чрезъ то пришелъ въ крайнее омерзѣніе у русскихъ; особенно ненавидѣли его духовные, возстановляли противъ него народъ, указывали какъ на отщепенца и измѣнника. Не разъ жизнь его была въ опасности, и всегда, какъ только удавалось ему освободиться отъ бѣды, онъ не думалъ, подобно другимъ магнатамъ, усмирить недовольныхъ ласкою.

Онъ не терпѣлъ обоюдной политики: открытый во враждѣ и дружбѣ, онъ держался правила истреблять безъ милосердія враговъ ([39]).

Когда Хмельницкій поднялъ войну, Іеремія жилъ въ Лубнахъ, любимомъ своемъ имѣніи. Услышавъ о мятежѣ, хлопы составляли загоны и бѣжали къ Хмельницкому. Вишневецкій собралъ до восьми тысячъ шляхтичей, жившихъ въ его владѣніяхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ были надежны ([40]); онъ разсѣвалъ загоны и всѣхъ попадавшихся въ руки казнилъ жестоко; въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ висѣлицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы ([41]). Разгоняя такимъ образомъ шайки, Вишневецкій дошелъ почти до Переяславля и намѣревался перейти на другую сторону Днѣпра, чтобъ поспѣшить на помощь Потоцкому ([42]), но услыша, что Переяславль возмутился и Кривоносъ съ десятью тысячами готовился поразить князя ([43]), возвратился назадъ, и тутъ, на обратномъ пути, недалеко отъ Березани, явились къ нему шесть

([39]) «Korona Polska przez Kaspra Nieseckiego. t. IV. o Wiszniowieckich.»

([40]) «Памят. кіевск. комм.» I, 3: 26. «Latop. Jerl.» 66.

([41]) «Памят. кіевск. комм.» I, 3: 157.

([42]) «Лѣтоп. Велич.» I, 30.

([43]) «Памят. кіевск. комм.» I, 3, 29.

*

казаковъ съ письмомъ Хмельницкаго, въ которомъ предводитель казаковъ извѣщалъ князя о пораженіи гетмановъ польскихъ подъ Корсуномъ, просилъ не оскорбляться этимъ и не начинать непріятельскихъ дѣйствій противъ русскихъ. Вишневецкій, вмѣсто отвѣта, приказалъ посадить на колъ посланниковъ Хмельницкаго. На дорогѣ, между селами Войтовымъ и Филипповымъ, былъ исполненъ этотъ приговоръ (44). Воинственный князь негодовалъ на тѣхъ дворянъ, которые отъ страха готовы были мириться съ казаками. Побрякивая саблею, онъ восклицалъ: «Вотъ чѣмъ слѣдуетъ удалить казаковъ» (45); но улыпа, что подъ Лубнами собираются мятежники, князь по[illegible] спѣшилъ назадъ; въ Лубнахъ оставалась супруга его, Гризельда, дочь Ѳомы Замойскаго, которую онъ нѣжно любилъ. Съ часу на часъ разгорался мятежъ въ окрестностяхъ; положеніе Вишневецкаго было небезопасно; изъ собственной дружины его осталось уже только три тысячи (46). Собравшись на-скоро, Вишневецкій, вмѣстѣ съ семействомъ, выѣхалъ изъ Лубенъ, навѣки попрощавшись съ ними и заплакавъ о потерянныхъ мѣстностяхъ, по замѣчанію лѣтопис-

---

(44) «Лѣтоп. Величка.» I, 79.
(45) «Histor. ab. exc. Wlad.» IV. 22.
(46) «Лѣтоп. Велич.» I, 94.

цевъ ([47]). Въ Кіевѣ переправиться уже было невозможно: Вишневецкій переправился чрезъ Днѣпръ въ Любечѣ и отправилъ княгиню съ сыномъ въ Вишневецъ чрезъ Полѣсье, при вооруженной стражѣ, со множествомъ католиковъ обоего пола, спасавшихся отъ возстанія ([48]). Самъ Іеремія нѣсколько дней пробылъ въ Житомирѣ, куда стеклись оставшіеся въ русской землѣ шляхтичи на сеймикъ. Вишневецкій своимъ примѣромъ и убѣжденіями поддержалъ въ нихъ падающій духъ, увеличилъ свой отрядъ новыми охотниками, далъ ему правильное раздѣленіе и, при содѣйствіи воеводы кіевскаго Тышкевича, сдѣлалъ постановленіе о сборахъ съ повѣта для содержанія войска; а пока нужныя для того деньги могли быть собраны съ поселянъ, далъ заимообразно собственныхъ нѣсколько тысячъ злотыхъ ([49]). Потомъ, услыша, что Кривоносъ отправленъ противъ его имѣній, Іеремія бросился въ глубину Украины праваго берега; на дорогѣ ему предстояло мѣстечко Погребища.

Жители составляли гайдамацкій загонъ; изъ сосѣднихъ селъ стекались мужики; священники обод-

---

([47]) «Истор. о през. бр.».

([48]) «Лѣтоп. Велич.» I, 25. «Истор. о през. бр.». — «De reb. gest. contra cos.» 57. «Poch. wojenn. Slawy».

([49]) «Latop. Jerl.» 67.

ряли ихъ; никто не ожидалъ нападенія, и вдругъ налетѣлъ Вишневецкій. Всѣ попались въ его руки; князь сажалъ на колъ, тиранилъ мучительно и виновныхъ и невинныхъ ([50]), особенно мучилъ священниковъ, «ничтоже согрѣшихъ», по замѣчанію русскаго лѣтописца ([51]): имъ просверливали буравомъ глаза ([52]).

Вышедши изъ Погребища, князь очутился среди разгара возстанія. Все кругомъ волновалось. Вишневецкій послалъ шляхтича Барановскаго въ Немировъ, свою маетность, требовать провіанта для войска, а самъ между-тѣмъ сталъ въ Ободномъ ([53]).

Барановскій, подошедъ къ городу, увидѣлъ, что ворота заперты. Немировскіе пьяницы и повѣсы, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, вышли на валъ и закричали ему: «Идите прочь! ужь тутъ нѣтъ ляд-«скаго духа: не знаемъ мы твоего пана! Есть у насъ «другой панъ — Хмельницкій» ([54]). Съ такимъ отвѣтомъ воротился Барановскій.

([50]) «Лѣтоп. Величка» I. 95. «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln». 12. «Woyna dom.» 1. 17.

([51]) Истор. о през. бр.»

([52]) «Памят. кіевск. комм.» I, 3. 157.

([53]) «Pamietn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 12. — «Woyna dom.» Ч. I, 17.

([54]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 12. — «Лѣтоп. Величка» I, 95.

Вишневецкій разъярился, услыша, что рабы его болѣе не повинуются ему, и тотчасъ съ дружиною отправился подъ Немировъ. Вишневцы выбили деревянныя стѣны, вырвали колья и ворвались въ мѣстечко. Священники били сами въ набатъ; мѣщане и казаки защищались отчаянно, но не устояли противъ княжеской дружины: храбрѣйшіе легли въ сѣчѣ, а тѣ, которые были потрусоватѣе, побросали оружіе и по прятались въ погребахъ, по чердакамъ домовъ. Князь въѣхалъ въ Немировъ.

Мѣщане, думали какъ-нибудь умилостивить разгнѣваннаго владѣльца, выползли изъ своихъ закоулковъ, какъ выражается лѣтописецъ, и, дрожа отъ страха, пришли къ помѣщику. «Мы невинны», говорили они: «были здѣсь злодѣи и казаки; они — изъ-«мѣнники, они такъ отвѣчали Барановскому, а мы «ничего не знаемъ, не вѣдаемъ. Помилуй насъ! Го-«товы дать, что́ прикажешь!»

«Подайте мнѣ виновныхъ!» кричалъ Вишневецкій, и на другой день приказалъ собираться всему городу. Испуганные мѣщане, пытаясь какъ-нибудь спастись, указали на тѣхъ, которые ихъ ободряли.

Тогда началась ужасная сцена. Вишневецкій кричалъ: «палачей! палачей!» и приказалъ мучить, кого только подозрѣвалъ. Немировцамъ вырывали глаза, распинали, растесывали ихъ по поламъ, сажали на колъ, обливали кипяткомъ и, кромѣ-того, употреб-

ляли такія муки, говоритъ лѣтописецъ, какихъ и поганые не могли выдумать. Вишневецкій присутствовалъ при казняхъ и находилъ какое-то удовольствіе. «Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали, что ум«раютъ!» кричалъ онъ въ изступленіи (55).

Утромъ приказалъ князь собрать всѣхъ оставшихся мѣщанъ. «Виновные наказаны», сказалъ онъ: «я васъ «прощаю; служите вѣрно и узнаете мою милость».

Забравъ провіантъ, князь уѣхалъ изъ Немирова и оставилъ въ мѣстечкѣ двѣсти драгуновъ. Едва только немировцы успѣли сосчитать и оплакать замученныхъ родныхъ и друзей, какъ снова стали сноситься съ казаками и тайно послали къ вышедшимъ изъ Брацлава казакамъ, умоляя поспѣшить къ нимъ на помощь. Гайдамаки пришли. Мѣщане отворили имъ ворота и бросились вмѣстѣ съ ними на драгуновъ, которые, не желая отдаться на муки русскимъ, ожесточеннымъ за погибель своихъ братьевъ, защищались отчаянно и всѣ пали въ сѣчѣ; только одинъ спасся. Немировъ въ другой разъ призналъ господиномъ Хмельницкаго (56). Вишневецкій въ то время уже готовился идти на Кривоноса, какъ вдругъ узналъ о

---

(55) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 12 — «Истор. о през. бр.» — «Hist. ab. exc. Wład. IV». 22.

(56) «Лѣтоп. Велич.» I, 96. «Истор. о през. бр.» — «Woyna dom.» Ч. I, 18.

новомъ отпаденіи Немирова. «Теперь», говорилъ онъ: «я накажу ихъ такъ, что и свѣтъ еще не слыхалъ «такой кары», и готовился идти къ Немирову.

Но на этомъ разъ спаслись мѣщане. На дорогѣ прибѣжалъ къ Іереміи кіевскій воевода Тышкевичъ (57), изъ числа магнатовъ въ Украинѣ, производившій подобно многимъ, родъ свой отъ православныхъ предковъ. Отецъ его перемѣнилъ вѣру, а сынъ сталъ горячимъ католикомъ. Получивъ воеводство кіевское въ управленіе, онъ старался распространить въ немъ католичество и унію, заводилъ іезуитскія училища, бернардинскіе и доминиканскіе монастыри, обращалъ насильно православныя церкви въ уніатскія, принуждалъ людей къ уніи (58). Мятежники, мстя вообще всѣмъ дворянамъ за притѣсненія, особенно преслѣдовали тѣхъ, которые оскорбляли русскую вѣру. Кривоносъ, разграбивъ нѣсколько имѣній Вишневецкаго, ворвался въ маетность Тышкевича, Махновку. Казаки разорили тамъ кармелитскій монастырь, выманили хитро коменданта за́мка, Льва, и нагнали на засаду. Жолнеры едва пробились назадъ въ за́мокъ и дали кой-какъ знать Тышкевичу въ Бердичевѣ,

---

(57) «Pamiętn. o Wojn. kozac. za Chmieln.» 12. — «Bell. scyth. cos.» 25. — «Poch. wojen. Slawy.»

(58) «Korona polska, t. III. o Tyszkewiczech.» — «Лѣтоп. самов.» 10.

**

старый воевода обратился къ Іереміи и умолялъ его поспѣшить для обороны Махновки. «Чернь ругается надъ святынею (извѣщалъ онъ), едва-едва защищается замокъ; парканы ненадежны; можетъ-быть, уже его взяли!»

Іеремія немедленно обратился къ Махновкѣ и пришелъ къ ней тогда, когда казаки уже разрушили деревянныя укрѣпленія; разломаны были ворота: надворная команда выбилась изъ силъ. Вдругъ Вишневецкій ударилъ на пѣхотинцевъ сзади. Увидя помощь, сильнѣе стали напирать бывшіе въ замкѣ жолнеры... какъ вдругъ, во мгновенье ока, бросается на Вишневецкаго сзади Кривоносъ съ конницею; онъ стоялъ неподалеку и поспѣшилъ выручать пѣхоту. Пѣхота, ободренная тѣмъ, пустила сильный залпъ, и въ сумеркахъ чуть-было самъ Вишневецкій не погибъ: Кривоносъ лично гонялся за нимъ и едва-было не прокололъ его копьемъ. Князь принужденъ былъ приказать спѣшиться драгунамъ и сражаться, отступая. Битва шла до самой ночи. Вишневецкій надѣялся поправить дѣло на другой день, но Тышкевичъ убѣждалъ воротиться назадъ, представляя, что войско изнурено и что сражаться опасно. «Въ самомъ же дѣлѣ», говоритъ лѣтописецъ: «онъ боялся, чтобъ въ сраженіи не сожгли его гуменъ, куда отрядъ пробился, отступая; да притомъ онъ не хотѣлъ раздражать слишкомъ казаковъ, чтобъ не нав-

лечь на себя горшей бѣды». Казаки обратились тогда снова на Махновку, взяли́ за́мокъ и сожгли его, а жолнеровъ истребили вмѣстѣ съ комендантомъ. Іеремія отступилъ на другой день и сталъ отдыхать въ Грыцовѣ (59).

Здѣсь прибѣжала къ нему толпа шляхтичей изъ Волыни. Разогнанные изъ домовъ, они собрались—было въ мѣстечкѣ Полонномъ, но, слыша объ ужасной силѣ казаковъ, не надѣялись устоять и прибѣжали къ Іереміи просить у него войска, чтобъ спокойнѣе сидѣть, какъ они говорили. «У меня нѣтъ «войска», отвѣчалъ онъ: «мои люди изнурены до край«ности, по цѣлымъ днямъ ходятъ не отдыхаючи». Между-тѣмъ онъ послалъ къ двумъ панамъ, Корецкому и Осинскому, приглашать биться съ нимъ противъ непріятеля: паны вышли съ своими отрядами, но не знали, что́ имъ дѣлать, ибо должны были повиноваться князю Доминику Заславскому, котораго тогда назначили начальникомъ: онъ требовалъ ихъ въ Заславль, а потому и отвѣчали Вишневецкому, что не имѣютъ гетманскихъ приказаній. Князь оскорбился. «Они ждутъ гетманскихъ приказаній», гово-

---

(59) «Лѣтоп. Велич.» I, 96. — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 13. — «Истор. о през. бр.» — «Woyna dom.» Ч. I. 18. — «Latop. Jerl.» 68. — «De rebus. gestis contra cos.» 59—61. «Poch. wojen. Sławy».

рилъ онъ: «а кто жь имъ дастъ? Развѣ они не «знаютъ, что гетманы въ плѣну? Послѣ этого слѣ- «дуетъ и мнѣ оставить войну, да отъискать себѣ спо- «койный уголокъ, а то еще скажутъ: зачѣмъ я на- «чалъ войну безъ гетманскихъ приказаній?» Іеремія разсудилъ, что если онъ долго будетъ драться, то прійдетъ въ безсиліе, потому-что ему никто не по- могаетъ. Онъ отправился въ Константиновъ, откуда хотѣлъ ѣхать въ Збаражъ и тамъ, по-крайней-мѣрѣ, хотѣлъ дожидаться, чѣмъ кончатся переговоры съ казаками; но вдругъ догоняютъ его тѣ самые паны, которые отказали въ помощи. «Прости насъ», говорили они: «что не послушали тебя. Прими насъ «подъ свое начальство. Ужасная сила идетъ на тебя». Причина такой скорой готовности къ битвѣ была та, что Кривоносъ, соединясь съ загономъ Половьяна, бросился прямо на Корецкаго и Осинскаго. Іеремія сначала не хотѣлъ-было опять начинать войны, но послѣ разсудилъ, что все-равно прійдется встрѣ- титься съ казаками, если они идутъ на него, и, уважая просьбы знатныхъ пановъ, принялъ ихъ съ отрядами и воротился ([60]).

Кривоносъ, тѣмъ временемъ, напалъ на Полонное, взялъ это мѣстечко, при помощи тамошнихъ право-

([60]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln». 13. — «Annal. Polon. Cl.» I, 50.

славныхъ жителей, и произвелъ въ немъ ужасное кровопролитіе ([61]); по увѣренію современника, однихъ евреевъ, сбѣжавшихся туда, съ разныхъ краевъ Волыни, погибло тамъ до десяти тысячъ ([62]). Оттуда казаки бросились на Звягель (Новгородъ-Волынскій) ([63]). Самъ Кривоносъ пошелъ на Старый-Константиновъ на встрѣчу Вишневецкому ([64]).

Вишневецкій сошелся съ нимъ недалеко отъ города, 25-го іюля, при какомъ-то прудѣ, черезъ который шла плотина. Онъ отрядилъ заранѣе Осинскаго въ засаду, а въ часъ пополудни выслалъ на плотину отрядъ драгуновъ и отрядъ пѣшихъ и поставилъ пѣхоту такъ, что она была закрыта конницею. Кривоносъ думалъ, что у Вишневецкаго только и воиновъ, что стояли впереди, противъ него. — «Ну-те, молодци-атаманы, кричалъ онъ, ободряя «своихъ: — ну, Половьяне, Остапе, Демко, отъ те-«теръ маемо въ рукахъ Яремку. Уже мы сыхъ ля-«хивъ всихъ собакъ возымемо, таки потопкомъ че-

---

([61]) «Histor. ab exc. Wlad.» 22. — «De rebus gest. contra cos.» 60.

([62]) Окруж. посл. раввина. — «De rebus. gest. contra cos.» 61.

([63]) «Annal. Polon. Cl.» I, 50.

([64]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 13. «Poch. wojen. Sławy.»

«резъ ихъ пидемо!» Казаки съ крикомъ, гамомъ, летятъ прямо на драгуновъ; тѣ не двигаются съ мѣста; казаки бросаются на нихъ, драгуны только слегка отстрѣливаются; казаки разгорячились, силятся сломить непріятельскіе ряды, хотятъ какъ-будто съѣсть живьемъ непріятелей, по выраженію очевидца (65), а сами потеряли порядокъ: это замѣтилъ Іеремія, тотчасъ крикнулъ, — драгуны дали залпъ и расступились, а пѣхота неожиданно выскочила на непріятелей. Они бѣжали словно обваренные, говоритъ польская лѣтопись (66); а между-тѣмъ Осинскій бросался на нихъ сзади (67); казаковъ преслѣдовали до самаго табора; но когда достигли они табора, то дали отпоръ и, въ свою очередь, довольно съ большимъ урономъ заставили Вишневецкаго отступить (68). Однако Барановскій привелъ въ лагерь плѣннаго Половьяна. Князь приказалъ его пытать, и Половьянъ сказалъ: «Я присланъ отъ Хмельницкаго съ прика«зомъ Кривоносу не начинать безъ гетмана ничего. «Четыре дни назадъ, мы получили отъ Хмельницкаго «изъ Паволочи письмо, въ которомъ онъ велѣлъ намъ

---

(65) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 181.

(66) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Cmieln.» 13.

(67) «Annal. Polon. Clim.» I. 50. — «Histor panow, Jan. Kazim.» I. 5.

(68) «Лѣтоп. Велич.» I. 97.

«забавлять васъ до-тѣхъ-поръ, пока подойдетъ съ «огромными силами».

Паны тогда разсуждали такъ: «Съ Кривоносомъ-то «мы сладимъ, но если прійдетъ Хмельницкій, а у «него тысячъ пятьдесятъ, то насъ побьютъ; свѣжихъ «силъ нѣтъ у насъ, хлѣба мало, и лошадямъ не до-«стаетъ корма. Лучше отретируемся» ([69]).

Итакъ паны отступали къ Кольчину; но когда достигли Россоловецъ на Случи, Кривоносъ, на другой день, догналъ ихъ во время переправы ([70]). Вишневецкій снова обманулъ его: поставленный спереди плотины небольшой отрядъ побѣжалъ, какъ-будто испугавшись непріятеля; казаки преслѣдуютъ ихъ, вступаютъ на плотину: къ большой ихъ радости, отступаютъ и тѣ, что́ стояли за плотиною. Тогда русскіе бросились всѣ толпою за ними, думая, что теперь перебьютъ поляковъ безъ сопротивленія; но когда одна часть перешла озеро, а другая толпилась на плотинѣ, бѣгущіе оборачиваются, и князь приказываетъ «попотчивать ихъ оловянными пилюлями». Изъ всѣхъ ружій грянули казакамъ въ лицо; они остановились. Князь приказываетъ «пустить имъ

([69]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 185.

([70]) «Annal. Polon. Clim.» I, 51. — «Histor Jan. Kaz.» I. 5.

«крови саблями», и поляки начали ихъ рубить ([71]). «И такъ тогда поразили хлопство (говоритъ очевидецъ), что все поле покрылось трупами, какъ бѣлымъ сукномъ». Они забрали у Кривоноса четыре пушки ([72]), полонили нѣсколькихъ старшинъ и взяли двадцать семь значковъ; но въ двухъ сраженіяхъ потеряли и своихъ до четырехъ тысячъ ([73]). Князь приказалъ снова пытать Половьяна, чтобъ добиться у него правды о Хмельницкомъ. Казакъ увѣрялъ, что Хмельницкій недалеко и орду за собою ведетъ, а войску казацкому числа нѣтъ. «Мы хотимъ (гово-«рилъ онъ) пробраться за билу рику», — такъ называли Вислу казаки ([74]). Поляки въ-самомъ-дѣлѣ думали, что они заставили угольями высказать казака правду ([75]); но Половьянъ лгалъ для того, чтобъ заставить Вишневецкаго удалиться и открыть свободное поле для своихъ братій на Волыни. Его, измученнаго, обозженнаго, посадили на колъ, но онъ сдѣлалъ свое дѣло: Вишневецкій отправилъ артиллерію въ Тучинъ, а самъ обратился съ легкимъ войскомъ

([71]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 13.
([72]) «Памят. кіевск. комм.» I, 3. 197.
([73]) «Лѣтоп. Велич.» I. 27.
([74]) «Annal. Polon. Cl.» I. 51. «Pamiętn. do panow. Żygm. III., Wł. IV, i Jan. Kaz.» II 10.
([75]) «Памят. кіевск. комм.» I, 3: 189.

къ Константинову; но услышавъ, что его Гризельда ушла изъ Вишневца въ Збаражъ, самъ туда отправился и оставилъ гайдамаковъ спокойно продолжать разоренія ([76]). Кривоносъ, по приказанію Хмельницкаго, пошелъ на Баръ (нынѣ мѣстечко могилевскаго уѣзда). Жители этого мѣстечка просили казаковъ избавить ихъ отъ ненавистнаго гарнизона, помѣщеннаго въ городѣ Вишневецкимъ. Этотъ гарнизонъ состоялъ подъ начальствомъ шляхтича Броневскаго, который своимъ обращеніемъ довелъ ихъ до того, что они, даже не дождавшись казаковъ, взбунтовались и принудили его уйти. На мѣсто Броневскаго явился Андрей Потоцкій, сынъ гетмана, и расположилъ своихъ двѣсти драгуновъ частью въ за́мкѣ, частью въ городѣ около за̀мка. Кривоносъ явился къ Бару, сухопутьемъ и водою, въ первыхъ числахъ августа, едва только Потоцкій успѣлъ войти туда. Православные мѣщане тотчасъ отворили казакамъ ворота; драгуны поспѣшили укрыться въ за́мокъ. Гайдамаки перерѣзали, перетопили, перемучили неслыханнымъ образомъ шляхтичей, католиковъ, духовныхъ, особенно іезуитовъ и жидовъ: послѣднихъ нигдѣ столько не пропало, какъ въ Барѣ; единогласное сказаніе историковъ простираетъ число погибшихъ

([76]) «Истор. о през. бр.». «Annal. Clim.» I. 51.

тамъ жидовъ до пятнадцати тысячъ. Большею частью ожесточенные русскіе сдирали съ нихъ кожи съ живыхъ. Послѣ того они осадили за́мокъ. Напрасно нѣмцы палили въ нихъ изъ пушекъ: огражденные, такъ называемыми, гуляй-городынами, русскіе лѣзли подъ дымъ, приставили къ стѣнѣ лѣстницы и ворвались въ за́мокъ. Драгуны погибли; большая часть пала въ сѣчѣ, остальные сдались и были замучены неистовою толпою. Только Потоцкій и знатнѣйшіе паны были пощажены и отосланы къ Хмельницкому, за что́ Кривоносъ получилъ отъ него въ подарокъ саблю и вошелъ въ большую милость. Изъ Бара онъ отправился въ Каменецъ, но не взялъ его. Спустя нѣсколько времени, на Каменецъ напалъ другой отрядъ, подъ предводительствомъ двухъ атамановъ, называемыхъ историкомъ братьями Гири и Волка. Но они не только не взяли крѣпости, а еще потерпѣли отъ вылазки, которую сдѣлалъ комендантъ. За то, съ досады, они погайдамацки опустошили окресности ([77]).

([77]) «Истор. о през. бр.» — «Пам. кіевск. комм.» I, 3: 199—201. — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 14. — «О томъ, что случилось въ Укр.» 8. — «Лѣтоп. Велич.» I, 99. — «Истор. русс. Конисс.» 76. «Woyna dom» Ч. I, 24. «Stor. delle guer. civ.» 27. «Pohod. wojen. sl.»

Въ то же время на Волыни были еще загоны, свирѣпствовавшіе съ равнымъ ожесточеніемъ надъ врагами православія и Руси. Около Луцка ходилъ Колодка, разорилъ нѣсколько замковъ, перебилъ жидовъ (78), и, наконецъ, древній Луцкъ призналъ власть Хмельницкаго. Гарнизонъ, находившійся въ этомъ городѣ, разбѣжался, какъ только разнеслась вѣсть о приближеніи казаковъ. Гайдамаки умертвили всѣхъ, кого считали врагами и поругались вдоволь надъ католическою святынею (79). Кременецъ также былъ взятъ казаками; шесть недѣль они осаждали тамошній замокъ, лежащій на высокой, почти неприступной скалѣ и, принудивъ его къ сдачѣ, разорили (80). Города и мѣстечки Олыка, Ровно, Клевань, Тайкуры, Острогъ, Владиміръ, Кобринъ, Заславля (81) взяты казаками. Но замки въ Бродахъ и Дубнѣ остались невзятыми (82). Не спаслась Гуща, резиденція Киселя (83), который тщетно восклицалъ, что онъ православный.

«Такъ свирѣпствовали загоны буйнаго казачества

---

(78) «Histor. panow. Jan. Kaz.» I, 11.

(79) «Лѣт. сам.» 12. «Stor. delle guer. civil.» 36.

(80) «Извл. изъ град. книгъ Крем.»

(81) «Лѣт. самов.» 12. — «Памят. кіевск. комм.» I, 3: 253.

(82) «Latopis Jerl.» 91.

(83) «Памят. кіевск. комм.» I. 3: 241.

до самаго Бреста; взяли и Брестъ ([84]), умерщвляли вездѣ католическихъ духовныхъ, шляхту, жидовъ, уніатовъ; оскверняли алтари; христіане надъ христіанами (писалъ Кисель) ([85]) совершали на Волыни такія жестокости, какихъ не дѣлаютъ даже турки и татары. Злодѣянія волынскихъ гайдамаковъ остались въ народной памяти и теперь въ дико-фантастическомъ образѣ Шолудиваго Буняка: это имя древняго хана половецкаго помѣстило преданіе въ эпохѣ Хмельницкаго». Говорятъ, что такъ назывался начальникъ одного загона; онъ, по преданію, былъ мертвецъ, вставшій изъ гроба, имѣлъ человѣческое лицо, снаружи казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми костями, и это было видно, когда онъ раздѣвался. Онъ каждый мѣсяцъ ходилъ въ баню и бралъ съ собою казака, котораго потомъ убивалъ, чтобъ тотъ не разсказалъ, кто онъ такой... Пришла очередь идти одному казаку, котораго мать была колдунья: она дала сыну пирогъ, испеченный на молокѣ груди своей. Сынъ предложилъ чудовищу въ банѣ этотъ пирогъ и тотъ догадался, когда съѣлъ его. «Ты ушелъ отъ смерти: я «теперь братъ твой, потому-что мы питались отъ

([84]) «О малорос. нар. и запорожц.» «De rebus gestis. contra cos.» 12.

([85]) «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 244.

груди одной матери, но я погибъ». Названный братъ перебѣжалъ къ полякамъ, открылъ имъ, что́ слышалъ, и Шолудивый Бунякъ погибъ въ первой стычкѣ. Память о немъ до сихъ поръ сохраняется у волынскихъ поселянъ. Между Кременцемъ и Дубномъ, близь мѣстечка Вербы, показываютъ курганъ, гдѣ будто-бы погребенъ Бунякъ. Злые духи гнѣздятся тамъ, гдѣ только чудовище обитало въ жизни. Въ такихъ-то фантастическихъ о́бразахъ перешла къ потомству страшная эпоха возстанія казаковъ.

Когда Подоль, Волынь и западная Украина подвергались смутамъ и ярости народной, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и въ Сѣверской Землѣ также происходило подобное. Изъ ополченій лѣвобережной Украины, надѣлало бо́льше всего шуму нѣжинское ополченіе подъ начальствомъ Шумейка. Проходя вооруженно восточныя страны нынѣшней полтавской губерніи, еще въ маѣ, они встрѣтили въ Рашевкѣ подъ Гдячемъ другое ополченіе, подобное нѣжинскому, собравшееся идти на помощь Хмельницкому, который въ то время еще только шелъ на Потоцкаго. Рашевцы подумали, что это литовское войско идетъ на Хмельницкаго, бросились на переднія сотни нѣжинскаго полка и разсѣяли ихъ, а сами, соединясь съ другими отрядами своего ополченія, спѣшили за Днѣпръ. Нѣжинцы подумали, что въ этой сторонѣ русскіе держали сторону поляковъ и начали дѣлать кривды

людямъ, по выраженію лѣтописца; разоряя села, они шли до самаго Днѣпра. Въ селѣ Максимовкѣ нагнали они рашевское ополченіе и такъ разбили, что рѣдкій изъ него успѣлъ уйти за Днѣпръ. Они узнали уже свою ошибку подъ Кодакомъ, который принялись тотчасъ осаждать ([86]).

Кодацкій комендантъ Гродзицкій напрасно писалъ къ гетману, моля о спасеніи: прежде–чѣмъ письмо могло дойти до Потоцкаго, онъ былъ уже въ плѣну. Кодакъ былъ держанъ въ осадѣ нѣсколько недѣль: наконецъ, когда казаки подѣлали мины, Гродзицкій, лишенный всякой надежды, сдался ([87]); казаки, вопреки обыкновенному своему звѣрству, проводили въ цѣлости коменданта со всѣми его пожитками, и жолнеровъ, связанныхъ веревками, въ Чигиринъ, и тамъ уже ограбили; а потомъ Хмельницкій отпустилъ Гродзицкаго въ Польшу ([88]).

Въ Кіевѣ возстали–было жители, когда только Хмельницкій одержалъ корсунскую побѣду: мѣщане прогнали шляхту, преслѣдовали католическихъ священниковъ и ожидали Хмельницкаго, который долженъ былъ ѣхать въ столицу, какъ освободитель.

([86]) «Лѣтоп. самов.» 13.

([87]) «Памят. кіевск. комм.» I, 3: 22.—«Histor ab exc. Wład.» IV. 32.

([88]) «Лѣтоп. самов.» 13.

Шляхта въ Кіевѣ оставалась долго, скрываясь въ стѣнахъ печерскаго и другихъ русскихъ монастырей; повременамъ ободренные тишиною въ городѣ, дворяне осмѣливались свободно ходить по городу, избѣгая только пьяныхъ скопищъ; вмѣстѣ съ ними выглядывали католическіе духовные и жиды, и, наконецъ, всѣ заплатили дорого за свою смѣлость: въ декабрѣ, съ 11-го по 14-е число, православные мѣщане, подстрекаемые нѣкоторыми духовными, врывались въ домы, гдѣ подозрѣвали укрытыхъ дворянъ, многихъ вытаскивали и топили; между ними погибло и нѣсколько десятковъ особъ женскаго пола. Послѣ этого шляхтичи опять бѣжали въ монастыри ([89]).

Возстаніе народное отозвалось и въ Литвѣ. Первый, принесшій въ Литву призывъ къ освобожденію, былъ шляхтичъ Головацкій, составившій ополченіе около Стародуба. Онъ тотчасъ же ушелъ; но посѣщеніе его оставило слѣды: крестьяне, поджигаемые воззваніями Хмельницкаго, которыя разосланы были возбудителями, предавали огню и мечу владѣльческія усадьбы и католическую святыню.

Возстаніе распространилось съ изумительною быстротою. Крестьяне соединились въ загонъ, подъ начальствомъ Небабы, родомъ изъ Корыстышева, и пу-

---

([89]) «Latop. Jerlicza» 70.

стились истреблять неправославныхъ. Разомъ съ нимъ бушевали другіе загоны Напалича, Хвеська, Михаенки, Кривошапки, Горкуши. Города Гомель, Лоевъ, Брахинъ сами отворяли имъ ворота. Гетманъ литовскій лежалъ при смерти; помощникъ его былъ въ отлучкѣ. Гайдамаки долго не встрѣчали никакого сопротивленія; только оршанская шляхта, подъ начальствомъ Друцкаго-Горскаго, вела съ ними партизанскую войну; наконецъ польный гетманъ Янушъ Радзивиллъ послалъ противъ нихъ Мирскаго и польнаго писаря литовскаго, Воловича, въ разныя стороны съ дружинами нѣкоторыхъ пановъ. Мирскій былъ разбитъ на-голову при деревнѣ Горволѣ на Березинѣ. Воловичъ пошелъ противъ Небабы. Гайдамаки переправились черезъ Припеть; въ то время ударилъ нечаянно на нихъ Воловичъ и загналъ въ городъ Пинскъ. Жители приняли ихъ съ радостью, какъ единовѣрцевъ и единоземцевъ, перерѣзали и перетопили всѣхъ католиковъ обоего пола, не исключая и дѣтей, разорили и ограбили костелы и сами взялись сражаться съ казаками противъ пановъ. Напрасно Воловичъ требовалъ, чтобъ мѣщане выдали бунтовщиковъ, и угрожалъ карою не только имъ, но женамъ ихъ и дѣтямъ. «Они (говоритъ лѣтописецъ польскій) были схизматики, и потому такъ отвѣчали: «лучше по-«гибнемъ, чѣмъ выдадимъ тѣхъ, которые ратуютъ за «вѣру нашу». Мѣщане исполнили свое слово. Лит-

вины исполнили свое. Чрезъ нѣсколько времени Литвины взяли Пинскъ штурмомъ и перетопили почти все народонаселеніе столь же варварски, какъ поступили гайдамаки. Небаба бѣжалъ изъ пылающаго города, но былъ застигнутъ поляками; отчаянно дрался и погибъ въ сѣчѣ.

Кривошапка свирѣпствовалъ противъ враговъ русской народности на Сожѣ. Онъ взялъ мѣстечко Чириковъ; вслѣдъ за тѣмъ казаки напали на Могилевъ, перебили всѣхъ жидовъ и католиковъ, ограбили всѣ лавки и разсѣялись по околицѣ, увеличивъ свои полчища поселянами. Въ мстиславскомъ краѣ внезапно, въ разныхъ сторонахъ, вспыхнуло возстаніе, крестьяне начали сожигать усадьбы, но были укрощены Друцкимъ-Горскимъ (90).

---

(90) «De rebus contra cosac. gestis.» — «Epitome de rebus 1648.» — «Rerum in Magno Duc. Lith. conment.» 1—33.

ГЛАВА III.

Чрезвычайный сеймъ. — Обвиненіе Оссолинскаго. — Коммиссія.—Безполезные переговоры.—Ополченіе польскихъ войскъ.—Предводители. — Походъ Хмельницкаго на Волынь. — Богатство польскаго лагеря. — Самонадѣянность поляковъ. — Совѣтъ въ польскомъ лагерѣ. — Переговоры съ казаками.

Всѣ неистовства народа были извѣстны Хмельницкому. Пользуясь междуцарствіемъ, онъ видѣлъ въ народномъ возстаніи удобный случай проучить пановъ надолго и исполнить планъ свой: ослабить польскую олигархію. Онъ зналъ, что переговоры, начатые съ сеймомъ, не приведутъ къ миру, и потому держалъ войско наготовѣ и переписывался съ ханомъ, ища въ немъ союзника для дальнѣйшихъ походовъ въ Польшу.

Въ іюлѣ прибыли казацкіе посланники въ Варшаву. Примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій Матѳій Лубенскій, лицо важнѣйшее послѣ вѣнчанной особы въ Польшѣ, занялъ, по смерти короля, его право, до избранія новаго государя, оповѣстилъ въ королевствѣ о смерти Владислава и объ опасности отечества, приглашая депутатовъ государства явиться къ 9-му іюня на чрезвычайный сеймъ.

Подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ въ Речи Посполитой такой сеймъ, который собирался не въ постоянное время, а по какому-нибудь случаю, требовавшему всеобщаго содѣйствія.

Первое дѣло собранныхъ представителей націи касалось мятежа казацкаго. Положено, по предложенію примаса, выставить противъ казаковъ 36,000 войска, которое должно быть набрано по повѣтамъ и воеводствамъ, насчетъ провинцій, въ видѣ земскаго ополченія. Собранные представители, въ своемъ универсалѣ о собраніи свѣжаго войска, сочли нужнымъ требовать, чтобъ воеводства, даже и населенныя чистыми поляками, при формированіи войскъ, отнюдь не довѣряли хлопству, а полагали надежду единственно на людей благороднаго происхожденія и на чужеземцевъ (1). Такъ-какъ не было гетмановъ, то положили избрать предводителями этого ополченія трехъ знаменитѣйшихъ пановъ: первый былъ Доминикъ, князь заславскій, изъ славнаго русскаго и православнаго дома Острожскихъ, владѣвшій огромными помѣстьями на Волыни и, по примѣру предковъ, любившій пышность и забавы, роскошный, изнѣженный и потому мало-знакомый съ военнымъ

---

(1) «Annal. Polon. Clim.» I. 41. — «Supplem. ad Histor. Russ. monum.» 177.

дѣломъ, да и мало къ нему способный (2). Второй былъ Конецпольскій, хотя пылкій и страстный къ подвигамъ и приключеніямъ до того, что никогда не сидѣлъ на мѣстѣ, какъ говорили о немъ современники (3), но еще неопытный на столько, чтобъ быть начальникомъ. Третій былъ Николай Остророгъ, староста дрогичинскій и рогатинскій; онъ славился дипломатическимъ искусствомъ и ученостью, а особенно знаніемъ латинскаго языка (4). Фамилія его издавна была знаменита по любви къ наукамъ: говорили, что когда въ Польшѣ было мало грамотныхъ людей, то во всемъ королевствѣ только было три экземпляра библіи: у короля, у примаса и у Остророговъ (5). Но ученость, говорятъ современники, не сдѣлала его полководцемъ. Примасъ и сенаторы не упоминали о Вишневецкомъ, который только и ждалъ, чтобъ ему вручили булаву. Этого желало и войско и многіе шляхтичи (6). Но, какъ Іеремія ни славился военными заслугами, какъ много ни обѣщали его дарованія, его вообще не любили магнаты: по своему характеру, онъ не терпѣлъ равнаго себѣ, пока-

---

(2) «Histor. belli cosac. polon.» 71.
(3) «Korona Polska Niesec.» III. O Koniecpolsk. 583.
(4) «Histor. belli cosac. polon.» 72.
(5) «Korona Polska Niesec.» III. 227.
(6) «Histor. belli cosac. polon.» 72.

зывалъ въ обхожденіи высокомѣріе, раздражался за малѣйшій признакъ небольшаго къ себѣ уваженія, и вообще былъ хорошъ только съ тѣми, которые въ немъ нуждались; самъ онъ ни въ комъ не хотѣлъ нуждаться, и если показывалъ иногда примѣръ уступчивости, то не иначе, какъ съ явнымъ презрѣніемъ къ тѣмъ, кому уступалъ. Всѣ польскіе историки единогласно называютъ ошибкою невниманіе къ воинственному князю, который одинъ выступилъ противъ казаковъ, когда все отъ нихъ бѣжало.

Распоряженіе къ войнѣ противъ казаковъ окончилось на сеймѣ прежде, чѣмъ казацкіе депутаты допущены къ сейму съ жалобою отъ цѣлаго войска на самоуправство пановъ (7) и поднесли сенаторамъ оправдательное письмо Хмельницкаго.

Оно произвело различныя мнѣнія. Жестокіе противники казачества совѣтовали не принимать прошенія и объявить рѣшительную войну; миролюбивые магнаты, особенно Кисель, думали иначе. Кисель, говорилъ: «Волка за уши не удержишь, выражает-«ся пословица; но толпу народа можно укротить и «повести куда угодно, если воспользоваться временемъ «и обстоятельствами».

Кисель совѣтовалъ мирно и кротко раздѣляться съ казаками. Получивъ отъ Хмельницкаго отвѣтъ на

(7) «Histor. ab. excessu Wlad. IV.» 16.

письмо и предложеніе пріѣхать въ Украину, онъ вызвался быть коммиссаромъ, если сеймъ согласится на перемиріе, и войдетъ съ казаками въ переговоры.

Начали разсуждать: посылать ли коммиссаровъ или нѣтъ, а между-тѣмъ примасъ, въ присутствіи многихъ вельможъ, призвалъ казаковъ и спросилъ ихъ:

— Объясните намъ, что̀ побудило васъ взять оружіе противъ собственнаго отечества?

Казаки были такъ просты или неосторожны, что отвѣчали:

— Казаки взяли оружіе по приказанію королевскаго двора; намъ дали деньги для построенія чаекъ, приказали готовиться къ войнѣ, обѣщали возстановить наши права, а послѣ того тотчасъ же паны стали насъ жестоко угнѣтать — такъ, мы, получивши силу, и стали защищаться.

Такое откровенное признаніе стало извѣстнымъ между депутатами; вскипѣло всеобщее негодованіе; начали называть Оссолинскаго измѣнникомъ; доказывали, что война казацкая возбуждена имъ самимъ, съ коварною цѣлью причинить зло республикѣ, унизить пановъ, содѣлать казаковъ орудіемъ къ возвышенію королевской власти и къ совершенію своихъ властолюбивыхъ видовъ. Приверженцы Вишневецкаго наиболѣе вооружились противъ канцлера: Оссолинскій былъ въ давней враждѣ съ Іереміею, и, когда

зашла рѣчь о назначеніи надъ войскомъ начальства, онъ сильно старался устранить отъ команды князя, говоря, что слѣдуетъ дать начальство мужу хладнокровному и разсудительному, а не такой горячей головѣ, каковъ былъ Іеремія. Теперь благопріятели Вишневецкаго доказывали, что ненависть къ князю проистекла оттого, что канцлеръ тайно желаетъ успѣха казакамъ, а потому и старается удалить полководца, на котораго могло бы положиться отечество.

— Должно (кричали они) прежде всего изслѣдовать судебнымъ порядкомъ, что́ за причина междоусобной войны?

Оссолинскому не въ первый разъ переносить подобныя нападенія и не въ первый разъ, да́ромъ слова и содѣйствіемъ множества кліентовъ, отдѣлываться отъ грозы. Съ видомъ сознанія собственнаго достоинства, съ пренебреженіемъ къ непріязни, явился онъ въ собраніе депутатовъ.

— Эта буря пустыхъ криковъ (говорилъ онъ) не заставитъ меня даже обратить на нее вниманія. Но враги мои, возводя на меня ложное преступленіе, хотя не потревожатъ моей совѣсти, однако безпокоятъ отечество — и это мнѣ больно. Всѣ эти клеветы я приписываю хитрымъ ковамъ непріятеля, который хочетъ посѣять между нами несогласіе. Намъ слѣдуетъ позаботиться сначала о цѣлости и спасеніи отечества; а когда избранъ будетъ король, тогда

онъ и разсудитъ это дѣло, потому-что его особѣ принадлежитъ судить преступленіе противъ отечества.

За него говорилъ съ жаромъ Кисель.

— Безъ всякаго сомнѣнія (толковалъ онъ), мятежники выдумали эту нелѣпость, чтобъ мнимымъ соумышленіемъ съ такимъ знатнымъ лицомъ волновать умы народа, или же для того, чтобъ произвести между нами несогласіе.

Чтобъ разрѣшить недоумѣніе, примасъ призвалъ снова казаковъ для объясненія. Они сказали, что Хмельницкій ничего имъ не говорилъ о сношеніи съ Оссолинскимъ и не давалъ объ этомъ имъ никакихъ приказаній, отправляя ихъ на сеймъ; но что въ народѣ ходятъ какіе-то неясные толки, и, въ-заключеніе, увѣряли, что все казацкое сословіе не думаетъ нарушать вѣрности правительству и Речи Посполитой.

Это объясненіе нѣсколько успокоило недовольныхъ, и если не изгнало совершенно подозрѣнія, то, по-крайней-мѣрѣ, лишило обвинителей доказательствъ ([8]).

Тогда торжествующіе Оссолинскій и Кисель стали снова убѣждать помириться съ казаками, не доводя до бо́льшаго кровопролитія Речь Посполитую, тѣмъ болѣе, что она теперь безъ короля, сосѣди смотрятъ

([8]) «Annal. Polon. Clim.» I, 45.

на нее враждебными глазами, а казаки, день-ото-дня, становятся неистовѣе. Доказательства подтверждались примѣрами. Тыша, казацкій полковникъ, съ сильнымъ загономъ проникъ въ Польшу и, недалеко отъ Варшавы, разорялъ дворы и костелы (9). Паны желали, по крайней мѣрѣ, усыпить враговъ своихъ на малое время, пока сами соберутся съ силою.

Не перемѣняя рѣшенія о сборѣ войска противъ Хмельницкаго, сеймъ постановилъ послать къ казакамъ коммиссаровъ для ихъ успокоенія. Призвали казацкихъ пословъ и вручили имъ, отъ имени всего собранія представителей Речи Посполитой, на письмѣ отвѣтъ такого содержанія:

«Нѣтъ надобности объяснять вамъ вашего поступка: вы сами знаете, что поступили противъ присяги Богу, противъ всѣхъ христіанскихъ обязанностей, когда осмѣлились поднять саблю на христіанъ, соединившись съ невѣрными и пользуясь малочисленностью и неустройствомъ войска Речи Посполитой. Хотя, съ милостью Божіею, Речь Посполитая могла бы отмстить вамъ, и вѣрно Богъ самъ благословилъ бы насъ на то, но, не желая болѣе проливать крови христіанской, Речь Посполитая склоняется на ваши униженныя просьбы: вамъ

---

(9) «Истор. о през. бр.».

назначаютъ коммиссаровъ изъ людей знатныхъ и не отказываютъ вамъ въ прощеніи, однако требуютъ, чтобъ вы прежде отпустили всѣхъ плѣнниковъ, обратили бы вниманіе на предводителей своевольныхъ шаекъ, которыя нападаютъ на шляхетскіе домы, и представили ихъ предъ панами-коммиссарами, и разорвали бы заключенный съ татарами союзъ, и впередъ не имѣли бы никакого сношенія съ погаными. Тогда ожидайте коммиссаровъ» (10).

Посланіе это было отправлено съ дворяниномъ Вольскимъ; вмѣстѣ съ нимъ послалъ письмо къ казакамъ и Оссолинскій.

«Я всегда (писалъ онъ) при жизни, блаженной памяти, короля сохранялъ доброжелательство и расположеніе къ запорожскому войску, и столько разъ похвалялъ ваши доблести, добродѣтели, мужество и славу вашего имени, которую вы пріобрѣли, столько лѣтъ служа королю и Речи Посполитой; поэтому мнѣ теперь очень-прискорбно слышать, что, для вознагражденія своихъ обидъ и исковъ, вы прибѣгнули къ такимъ средствамъ, которыя для цѣлаго христіанства не только прискорбны, но и омерзительны; ибо вы соединились съ невѣрными, да еще съ такими, которые всегда были главными непрія-

---

(10) «Памятн. кіевск. комм.» I, стр. 134—136.

телями вашими и Речи Посполитой. Ближайшій путь вашъ былъ обратиться къ защитѣ вашего государя и короля, который былъ къ вамъ столько милостивъ и расположенъ, а не въ Крымъ, не къ невѣрнымъ! Тогда бы и я, какъ прежде дѣлалъ, такъ и теперь, согласно съ моимъ саномъ, помогъ бы вамъ, чтобъ вы во всемъ получили удовлетвореніе и чтобъ тѣ были примѣрно наказаны, которые не только васъ обижали, но и вольность вашу нарушали. Я, безъ-того, въ началѣ текущаго года, нарядилъ изъ собственной канцеляріи коммиссію для изслѣдованія обидъ, нанесенныхъ вамъ и для вашего удовлетворенія. Впрочемъ, какъ вы сами сознаетесь въ своемъ грѣхѣ, хотя и называете его невольнымъ, то я буду стараться за васъ на будущемъ сеймѣ» ([11]).

Одинъ изъ современныхъ писателей говоритъ, что въ то время на сеймѣ читано было письмо Крымскаго Хана. Онъ ропталъ, что поляки перестали ему платить каждогодную дань и задолжали 1500 червонцевъ; если они не заплатятъ ему этого долга въ теченіи сорока дней, то онъ грозилъ придти въ Польшу и требовать удовлетворенія. Ему отвѣчали, что поляки не состоятъ въ долгу у татаръ, что прежде платились татарамъ нѣкоторыя суммы въ награду за

([11]) «Памятн. кіевск. комм.» I, стр. 137—140.

услуги Речи Посполитой, но въ послѣднее время, не было случаевъ, когда бы татары служили полякамъ, напротивъ: оказывали разныя варварства вмѣсто того, чтобы охранять государство. Польша не страшится угрозъ, и если татары станутъ нарушать спокойствіе подданныхъ Речи Посполитой, то найдутъ такой отпоръ, который заставитъ ихъ раскаяться ([12]).

Вслѣдъ за Вольскимъ и казацкими депутатами, назначенные коммиссарами для переговоровъ съ казаками, Кисель и дворяне Сельскій, Дубравскій, Обуховичъ, отправились на Волынь; они намѣревались ѣхать въ Кіевъ и тамъ предполагали начать переговоры. Но, въѣхавъ въ русскую волынскую землю, они встрѣтили повсемѣстное возстаніе: гайдамаки бродили около нихъ вооруженными толпами; резиденція Киселя, Гуща, почти въ глазахъ владѣльца, была разграблена. Коммиссары увидѣли, что они не могутъ ѣхать спокойно, а должны пробираться сквозь огонь войны, какъ непріятели. Поэтому Кисель отправилъ пословъ къ Хмельницкому, чтобъ прежде заключить перемиріе и остановить грабителей. Это было въ началѣ августа

Хмельницкій и всѣ казаки въ Бѣлой Церкви не

([12]) «Stor. delle guer. civ.» 24.

получали долгое время извѣстія о казацкихъ депутатахъ, отправленныхъ на сеймъ въ Варшаву. Вдругъ разнесся слухъ, что ихъ нѣтъ на свѣтѣ; потомъ пришло извѣстіе, что поляки собрали уже войско; наконецъ, Кривоносъ извѣщаетъ Хмельницкаго, будто-бы поляки посадили на колъ казацкихъ пословъ (13).

Хмельницкій снялъ немедленно обозъ, поднялъ свое ополченіе, котораго, по извѣстію современника было у него будто-бы восемьдесятъ тысячъ (14) одной конницы, и двинулся на Гончариху (15); а между тѣмъ, послалъ къ хану просить немедленно помощи. Но, при Гончарихѣ, явились въ войскѣ послы казацкіе, совершенно-невредимые и Вольскій принесъ посланіе отъ сейма. Слухи были ложные. Хмельницкій остановился.

Вслѣдъ затѣмъ, прибыли и посланцы Киселя съ коммиссарскимъ листомъ, въ которомъ были предложены требованія сейма (16).

Эти требованія казались слишкомъ-невыгодными для русскихъ. Речь-Посполитая прежде всего требовала отдачи взятаго у поляковъ на сраженіи оружія и удаленія татаръ; ничего не говорили о пра-

---

(13) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 158—194.

(14) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 161.

(15) «Истор. о през. бр.».—«Памят. кіевск. комм.» I, 3: 207.

(16) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 208—209.

вахъ казаковъ. Очевидно было, что поляки желали только лишить козаковъ союзниковъ и средствъ къ дальнѣйшей войнѣ. Сверхъ-того, они требовали казни предводителей загоновъ (17) для того, чтобъ отнять у Хмельницкаго довѣренность къ нему народа, а, между-тѣмъ, сами готовились къ войнѣ, и тѣмъ ясно показывали, что дѣйствуютъ не искренно.

Казацкая рада была раздражена этими требованіями; возникъ ропотъ на Хмельницкаго за его медленность. Общимъ мнѣніемъ было то, что паны обманываютъ казаковъ, а Хмельницкій поддается имъ (18).

Вскорѣ предводитель согласился съ мнѣніемъ подчиненныхъ и убѣдился, что поляки единственно хитрятъ и желаютъ обмануть его. Увѣряя Хмельницкаго въ своемъ благорасположеніи къ казакамъ, Кисель, въ то же время, по препорученію сената, писалъ къ московскому двору, что Хмельницкій, поднявъ бунтъ противъ правительства, навелъ басурмановъ для пролитія христіанской крови; что казаки ведутъ войну изъ страсти къ грабежамъ и безпорядкамъ; что этотъ мятежъ будетъ опасенъ и для московскаго государства; что, словомъ, надлежитъ

---

(17) «Histor. ab excessu Wlad. IV.» 17. — «Supplem. ad Histor. Russ. monum.» 180.

(18) «Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс.» 55. — «Истор. о през: бр.»

Московіи, какъ и Польшѣ, для собственнаго спокойствія, подумать о томъ, какимъ-образомъ не допустить буйному народу усилиться для бѣдствія обѣихъ державъ. Это письмо написано было преимущественно оттого, что въ Польшѣ носились слухи, будто казацкій предводитель ищетъ помощи у московитянъ. Поляки боялись, чтобъ московскій дворъ, лишившись не очень давно Смоленска, не воспользовался разстройствомъ въ Речи Посполитой для выгодъ своего государства. Дипломатическая тонкость Киселя не удалась: письмо было перехвачено и представлено Хмельницкому, и онъ съ укоромъ показывалъ его отцу Лыскѣ, посланцу Киселя, какъ доказательство двоедушія брацлавскаго воеводы ([19]).

— Вижу (говорилъ Хмельницкій), что паны насъ коварно хотятъ обмануть, чтобъ потомъ мы, попавшись въ ихъ сѣти, подверглись судьбѣ Павлюка и Остранина.

Но онъ не показывалъ предъ панами вида, что совершенно считаетъ невозможнымъ примиреніе, а началъ хитрить съ ними такъ же, какъ они хитрили съ нимъ. Онъ продержалъ нѣсколько времени посланцевъ-коммиссаровъ и написалъ Киселю ласковое письмо; не упоминая вовсе о перехваченной грамотѣ

([19]) «Памятн. кіевск. комм. I, 3: 217.

къ московскому правительству, онъ въ письмѣ своемъ увѣрялъ въ чистотѣ своихъ намѣреній, говорилъ, что казаки желаютъ быть вѣрными слугами Речи Посполитой, и причиною всеобщаго народнаго волненія признавалъ Вишневецкаго.

«Мы (писалъ онъ) отступили и татаръ отпустили, а панъ Вишневецкій безразсудно бросился на насъ совсѣмъ-непохристіански и непорыцарски; варварски тиранилъ и мучилъ христіанъ, и даже нашихъ священниковъ приказалъ сажать на колъ. Оно не диво, еслибъ подобное дѣлалъ какой-нибудь простакъ, какъ, напримѣръ, Кривоносъ, которому мы не позволяли никакихъ грабежей и разоренія городовъ; но эти двѣ особы разнятся между собою». Въ-заключеніе, онъ просилъ коммиссаровъ прибыть для коммиссіи въ Константиновъ ([20]).

Такое предложеніе было сдѣлано для того, чтобъ поляки, полагаясь на переговоры, не спѣшили и оставались въ бездѣйствіи, а онъ, тѣмъ временемъ, соберетъ къ себѣ разсѣянные отряды, не допуститъ польское войско прійти въ Украину, а напротивъ, самъ явится на Волынь и овладѣетъ этимъ русскимъ краемъ, который уже былъ взволнованъ его именемъ.

Между-тѣмъ, желая на дѣлѣ показать свою искрен-

([20]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 213.

ность къ панамъ, Хмельницкій, какъ-будто въ наказаніе за злодѣянія, приказалъ приковать Кривоноса къ пушкѣ, а потомъ отпустилъ какъ-будто напоруки, и отрубилъ головы тѣмъ, которые уже и въ глазахъ его были только разбойники.

Кисель получилъ письмо 12-го августа, и хотя проникалъ хлопское намѣреніе, какъ самъ онъ выражался, однако двинулся съ намѣреніемъ посѣтить *лагерь Тамерлана* ([21]). Такъ коммиссары съ своими хоругвями приблизились къ Острогу; городъ былъ въ рукахъ казаковъ. Кисель просилъ свободнаго пропуска, потому-что они идутъ для заключенія мира; казаки согласились, но съ тѣмъ, чтобъ коммиссары только прошли чрезъ Острогъ, оставили заложниковъ казакамъ, и чтобъ впереди пановъ шли казаки. Кисель отправилъ имъ заложниками десять шляхтичей; со стороны казаковъ также даны были заложники Киселю. Но случилось, что вслѣдъ затѣмъ Соколъ, начальникъ отряда, принадлежавшаго къ ополченію, составленному сеймомъ, напалъ, противъ воли Киселя, на Острогъ и завязалъ битву у воротъ. Тогда въ городѣ поднялся шумъ. «Что́ это? (кричали русскіе) Кисель ѣдетъ подъ видомъ перегово-«ровъ, а въ-самомъ-дѣлѣ воюетъ!» Чернь устреми-

---

([21]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 218.

лась на заложниковъ и умертвила нѣсколько человѣкъ. Польскій историкъ говоритъ, что это сдѣлано было по приказанію Кривоноса. Когда Кисель сталъ жаловаться и увѣрять, что битва въ Острогѣ была начата безъ его позволенія, то Кривоносъ написалъ ему письмо и убѣждалъ идти мимо Острога. Паны подозрѣвали въ этомъ совѣтѣ коварное намѣреніе захватить коммиссаровъ ([22]). Кисель былъ въ нерѣшимости и снова отправилъ къ Хмельницкому гонца съ извѣстіемъ, что его не пропускаютъ чрезъ Острогъ и казаки продолжаютъ бушевать попрежнему. Онъ говорилъ казацкому предводителю, что, со дня отправленія письма, намѣренъ ждать только шесть дней, а потомъ терпѣніе его кончится: онъ долженъ будетъ уѣхать къ войску.

«Неужели для тебя нѣтъ на небесахъ всевидя-«щаго Бога? (писалъ Кисель). Чѣмъ виновато оте-«чество, которое тебя воспитало? Чѣмъ виноваты домы «и алтари того Бога, который далъ тебѣ жизнь?» ([23]).

Хмельницкій, показывая видъ прежняго благорасположенія, отвѣчалъ очень-учтиво, что накажетъ виновныхъ и пошлетъ каневскаго полковника отнять у мятежниковъ Острогъ.

([22]) «Памятн. кіевск. комм.» 1. 3: 243.
([23]) «Памятн. кіевск. комм.» 1. 3: 245.

Казаки дѣйствительно пришли; но, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать коммиссарамъ, сами заняли Острогъ (24).

Кисель посылалъ къ Хмельницкому посла за посломъ: не было ни пословъ, ни отвѣта (25).

Воевода обратился къ посредству кіевскаго митрополита. Въ то время, по смерти Могилы, назначенъ былъ митрополитомъ Сильвестръ Кассовъ, знатной дворянской фамиліи, человѣкъ ученый, миролюбивый; но, происходя изъ панскаго сословія, онъ совсѣмъ не раздѣлялъ православно-русскихъ идей независимости, которыя одушевляли его предшественника. По ходатайству Киселя, онъ поѣхалъ къ Хмельницкому и склонялъ его къ миру, надѣясь, болѣе всѣхъ подѣйствовать на него, какъ представитель церкви, за которую казаки ополчились. Казацкій предводитель удержалъ его нѣсколько времени, долго съ нимъ разсуждалъ и спорилъ, и, наконецъ, увѣрялъ, что готовъ къ миру, но что его удерживаетъ рада (26).

Дожидаясь съ нетерпѣніемъ, какой успѣхъ будетъ имѣть митрополитъ, коммиссары, наконецъ, узнали, что уже вся страшная сила украинскаго возстанія

---

(24) «Памятн. кіевск. комм.» 1. 3. 258.

(25) «Памятн. кіевск. комм.» 1. 3: 259.

(26) «Памятн. кіевск. комм.» 1. 3: 262. — «Annal. Polon. Clim.» 1, 49.

отъ нихъ недалеко. Испуганные этою вѣстью, они ясно увидѣли, что имъ не удалось обмануть Хмельницкаго: напротивъ, они обмануты сами. Коммиссары уѣхали къ войску ([27]).

Такъ, хитрою политикою Хмельницкій выигралъ тогда много: обманывая коммиссаровъ, онъ усыпилъ поляковъ, которые не шли воевать противъ него въ Украину; а между-тѣмъ, онъ самъ уже дошелъ до Случи, границы казацкой земли, и казаки съ гордостью поговаривали: «*оттакъ, ляше, по Случъ наше*» ([28]). Переговоры съ Киселемъ принесли казачеству еще больше выгоды, нежели сраженія: безъ большаго пролитія собственной крови, казаки тѣмъ временемъ истребили въ русской землѣ все противное своей народности и стояли на границѣ своего края огромнымъ ополченіемъ.

Между-тѣмъ, на Волынь сбиралось польское войско, выставленное противъ казаковъ. Оно все состояло изъ людей новыхъ, потому-что малочисленное старое войско было истреблено. Это было, кромѣ панскихъ командъ, земское ополченіе. Всякій шляхтичъ, имѣвшій въ извѣстномъ повѣтѣ жительство и желавшій служить въ войскѣ, являлся на сборное мѣсто; изъ такихъ шляхтичей составлялась хоругвь, носив-

---

([27]) «Annal. Polon. Clim.» I, 54.
([28]) «Истор. рус.» 83.

шая имя повѣта; нѣсколько хоругвей составляли полкъ, называвшійся по воеводамъ, такъ-что вся армія, по замѣчанію лѣтописца ([29]), изображала цѣлую Речь-Посполитую. Сборное мѣсто назначено было подъ Глинянами. Войско это, по замѣчанію современника, сходилось лѣниво; только тѣ, которые жили въ странѣ, близкой къ возстанію, спѣшили на битву ([30]). Эта медленность всегда была причиною неудачъ поляковъ въ войнахъ; но ещѐ больше вредило имъ обыкновенное соперничество пановъ: и здѣсь не обошлось безъ того. Вишневецкій разгнѣвался за то, что ему не дали начальства, въ то время, когда онъ одинъ, отражавшій казаковъ среди всеобщаго оцѣпенѣнія, считалъ себя достойнѣе всѣхъ. Онъ не хотѣлъ соединиться съ глинянскимъ ополченіемъ и стыдился находиться въ зависимости у Заславскаго. Получивъ въ Збаражѣ вѣсть о невниманіи къ нему сейма, князь, въ первыхъ порывахъ негодованія, думалъ остаться хладнокровнымъ зрителемъ войны, но ненависть къ казакамъ была у него слишкомъ-сильна; услышавъ о новыхъ грабежахъ и разоренiяхъ, онъ собралъ свое собственное войско до двѣнадцати тысячъ и сталъ лагеремъ, намѣреваясь

([29]) «Hist. panow. Jana Kaz.» I, 7,

([30]) «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 265.—«Annal. Polon. Clim.» I. 51.

дѣйствовать отдѣльно ([31]). Тогда, вмѣсто одного ополченія, явились два: одно подъ Глинянами, другое подъ Константиновымъ. На Вишневецкаго смотрѣли какъ на храбрѣйшаго, искуснѣйшаго воина въ цѣломъ королевствѣ; старые жолнеры были къ нему привязаны, величали его простоту, его ласковость къ низшимъ; ставили ему въ достоинство даже происхожденіе отъ воинственныхъ предковъ, нѣкогда царствовавшихъ; примѣръ ветерановъ увлекалъ толпу; многіе, прибывъ подъ Глиняны, не хотѣли признавать начальства Заславскаго и отправлялись подъ Константиновъ. Такимъ-образомъ, отъ разныхъ частныхъ неудовольствій, оставили Заславскаго и многіе важные паны съ своими отрядами; старый Тышкевичъ призналъ начальство Вишневецкаго; прибылъ къ нему младшій Калиновскій и Конецпольскій, его свояк, который недавно ссорился съ нимъ на сеймѣ, а теперь помирился и сталъ его другомъ; они-то первые раздражили Хмельницкаго и первые показали себя жестокими врагами казаковъ. Общее дѣло соединило ихъ теперь.

Заславскій увидѣлъ, что изъ такого раздвоенія силъ можетъ произойти новое несчастіе и онъ притомъ подвергнется упрекамъ за то, что не умѣлъ

([31]) «Histor. belli cos. polon.» 72.

удержать въ повиновеніи ввѣреннаго ему войска. Онъ поѣхалъ къ Вишневецкому самъ.

Іеремія принялъ соперника вѣжливо; они было почти помирились, какъ вдругъ Самуилъ Лащъ, пріятель Заславскаго, сказалъ какое-то словцо, которое самолюбивый князь принялъ на свой счетъ, и хотя не вышелъ изъ себя, но сталъ выражаться такъ холодно, сухо и двусмысленно, что Заславскій долженъ былъ уѣхать, не успѣвъ ничего ([32]).

Въ то время Хмельницкій съ казаками уже приблизился къ Константинову. По зову его собирались гайдамацкіе загоны: спѣшилъ къ нему Кривоносъ изъ-подъ Каменца, котораго, однако, не взялъ; Колода, который передъ тѣмъ взялъ Слуцкъ, и Лисенко съ своими вовгуревцами, и Гайчура съ своими степовниками, набранными на берегахъ Соби и Роси, и Нечей, и Морозенко — имена славныя въ народной поэзіи, и Тыша изъ глубины Польши, и Ночасъ съ червоно-русскими бѣглецами, и много другихъ предводителей, возставшаго народа русскаго стекалось къ Хмельницкому со всѣхъ сторонъ. Съ береговъ Самары шли дикіе лугари, или лѣсные гайдамаки, и дѣти вольнаго Ташлыка летѣли въ казацкій лагерь; были у Хмельницкаго и молдаване, и

([32]) «Annal. Polon. Clim.» I. 52. «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II. 11.

волохи, и сербы, и донскіе казаки, и бѣглецы съ запада (33). Хмельницкій принималъ всѣхъ, и было у него, по увѣреніямъ польскихъ писателей, всего-на-все, войска тысячъ полтораста (34), но оно, преимущественно, состояло изъ бѣглыхъ русскихъ крестьянъ.

Между-тѣмъ, Тимошъ дѣйствовалъ въ Крыму и приглашалъ татаръ содѣйствовать казакамъ.

«Война еще не кончена (писалъ Хмельницкій въ Крымъ); корсунское пораженіе было только началомъ; добыча, которую тогда получили татары, ничего не значитъ предъ той, которую они получатъ теперь, если поспѣшатъ съ сильнымъ войскомъ. Подъ Корсуномъ мы имѣли дѣло съ слугами, а теперь будемъ имѣть съ господами, панами роскошными и богатыми» (35).

Хмельницкій старался представить казакамъ ихъ враговъ ничтожными, говорилъ, что въ польскомъ войскѣ много жидовъ, и приложилъ всѣмъ тремъ польскимъ военачальникамъ насмѣшливыя прозвища: Заславскаго, за его изнѣженность, прозвалъ *перыною*,

---

(33) «Annal. Polon. Clim.» I, 57. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 16. «Нар. пѣсни».

(34) «Annal Polon. Clim.» I, 57.

(35) «Histor. belli cosac. polon.» 73.

Конецпольскаго — *дытыною* по причинѣ его молодости и неопытности, а Остророга за ученость — *латыною* (36). Узнавъ о несогласіяхъ между полководцами, казацкій предводитель говорилъ: «у пановъ «Богъ умъ отнялъ: каждый хочетъ быть старшимъ; «а гдѣ старшихъ много, тамъ войско нездорово» (37).

Между-тѣмъ загоны сходились; присталъ наконецъ и Ганджа съ огромнымъ своимъ войскомъ, которое поляки называли поднѣстранскою харамжею.

Вишневецкій услышалъ о приближеніи казаковъ и вмѣстѣ получилъ извѣстіе, что Хмельницкій медлитъ потому только, что дожидается хана. Говорятъ, онъ пришелъ тогда въ такую ярость, что убилъ жолнера, который принесъ къ нему объ этомъ извѣстіе (38). Оставленный съ двѣнадцатью тысячами вдали отъ прочаго войска, онъ увидѣлъ невозможность долѣе упорствовать и послалъ въ лагерь Заславскаго Пышкевича съ предложеніемъ соединиться (39). Паны убѣждали предводителя помириться, какъ-можно-скорѣе, съ Іереміею. Тогда соперники съѣхались подъ Чолганскій-Камень и тамъ, говоритъ лѣтописецъ,

---

(36) «Histor. belli cosac. polon.» 72.

(37) «Истор. о през. бр.»

(38) «Истор. о през. бр.»

(39) «Лѣтоп. Малор.» — «Кратк. истор. о бунт. Хмельн.» 8.

дали другъ другу руку въ знакъ согласія ([40]). Всѣ въ лагерѣ были чрезвычайно-довольны; никто, въ такой внезапной перемѣнѣ гордаго магната, не подозрѣвалъ вынужденнаго смиренія; большинству дворянъ нравилась неуступчивость князя, а предложеніе служить подъ начальствомъ соперника въ часъ опасности считали доказательствомъ его горячей любви къ отечеству ([41]).

Въ половинѣ сентября, лагерь Заславскаго былъ перенесенъ на Волынь подъ Константиновъ, вблизи отдѣльнаго лагеря Вишневецкаго. Этотъ городъ, занятый казаками, былъ отбитъ: такой успѣхъ ободрилъ поляковъ и далъ имъ надежду ([42]). Сдѣланъ былъ смотръ войску: всѣхъ жолнеровъ, исключая, вѣроятно, вишневцевъ, то-есть, воиновъ Вишневецкаго, красовалось, по выраженію лѣтописи, тридцать-шесть тысячъ; но, если посчитать слугъ, то было втрое болѣе людей, годныхъ къ военному дѣлу. По сказанію современниковъ, это войско отличалось необыкновеннымъ щегольствомъ. Гусары, другъ передъ другомъ, выказывали статность коней своихъ: луки на

([40]) «Annal. Polon. Clim.» I, 52.
([41]) «Woyna dom.» Ч. I. 26.
([42]) «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 275.

сѣдлахъ были изъ серебра, чепраки вышитые, стремена позолоченыя, сабли съ серебряною насѣчкою подъ чернью, кунтуши бархатные, подбитые и опушенные дорогими мѣхами; на шеяхъ блистали золотыя цѣпи; съ перекривленныхъ шапокъ горделиво спадали кисти, усѣянныя драгоцѣнными камнями; за поясомъ были дорогіе кинжалы; сапоги украшались серебряными и золотыми шпорами. Недурно, говоритъ лѣтописецъ, была убрана и пѣхота на иностранный образецъ. Но роскошь выказывалась преимущественно въ столѣ, по обычаю того времени: на столахъ, поставленныхъ въ богатыхъ шатрахъ пановъ, выказывались сдѣланные изъ сахара львы, козы, лани, розы, деревья; посуда была изъ драгоцѣннаго фарфора, или серебряная; чарки и кубки чеканные золотые и серебряные; даже умывальницы и тазы у богачей были изъ серебра, — словомъ, по замѣчанію лѣтописца-современника, въ этомъ лагерѣ было больше серебра, чѣмъ свинцу. За каждымъ паномъ шли огромные рыдваны и возы съ безчисленными богатствами; тамъ лежали шелковыя и шерстяныя ткани, собольи шубы, меды, вина, варенья, конфекты; за каждымъ паномъ ѣхала огромная толпа слугъ и поваровъ; везли даже ванны и богатыя постели. Пиры съ музыкою отправлялись съ утра до вечера, такъ-что, «посмотрѣвъ на это войско, говоритъ польскій историкъ, можно было подумать,

что оно съѣхалось на свадьбу» ([43]). «Вѣрно паны, замѣчаютъ лѣтописцы русскіе, думали, что они прибыли на ярмарку съ такими товарами, чтобъ промѣнять ихъ на казацкіе рядна и попоны». Храбрость на словахъ была чрезвычайная. «Противъ такой сво-«лочи, какъ казаки (говорили въ лагерѣ), не стóитъ «даже тратить пуль: мы ихъ плетьми разгонимъ по «полю, какъ только дастъ знакъ нашъ предводитель». Другіе до того были самонадѣянны, что читали такую молитву: «Господи Боже! не помогай ни намъ, «ни казакамъ, а только смотри, какъ мы раздѣлаемся «съ этимъ негоднымъ мужичьемъ» ([44]).

Между-тѣмъ, роскошь и бражничество на первыхъ порахъ оставили послѣдствія: шеренговые жолнеры, подражая командирамъ, задавали другъ другу угощеніе и скоро потратили жалованье, которое, по польскому обыкновенію, получили впередъ за три мѣсяца. Тогда, отъ непривычки жить умѣренно, пустились по сосѣднимъ селамъ собирать продовольствіе, брали насильно у крестьянъ овецъ, птицу, и

([43]) «Histor. ab exc. Wlad. IV». 23. — «Annal. Polon. Clim.» I. 53. — «Histor. panow. Jan. Kaz.» 7. — «Woyna dom.» Ч. I, 26. — «Истор. о през. бр.» — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV Jan. Kaz.» II, 12. — «Stor. delle guer. civ.» 31.

([44]) «Annal. Polon. Clim.». I, 53. «Histor. belli cosac. polon.» 75.

жители, въ досадѣ, кричали: «эти защитники наши, «какъ они себя выставляютъ, хуже насъ разоряютъ, «чѣмъ казаки, которыхъ они называютъ нашими не-«пріятелями» (45).

Вишневецкій продолжалъ стоять отдѣльно, хотя готовый дѣйствовать взаимными силами противъ непріятеля, но далекій отъ того, чтобъ формально признать надъ собою первенство князя Заславскаго. Онъ пріѣзжалъ въ главный лагерь, когда нужно было совѣщаться. Полководцы не рѣшались еще что́ дѣлать, какъ-вдругъ Хмельницкій, занявшій тогда небольшой замокъ, послалъ къ Заславскому депутатовъ съ неожиданнымъ предложеніемъ.

Казацкій предводитель извѣщалъ польскаго военачальника, что казаки совсѣмъ не желаютъ вести междоусобной войны, но готовы повиноваться и просятъ князя Доминика разсудить и уладить несогласіе, возникшее между казацкимъ сословіемъ и Речью Посполитою, обѣщая предаться добровольно на его рѣшеніе (46).

Такое предложеніе сдѣлано было, вопервыхъ, для того, чтобъ снова возбудить несогласіе между пана-

---

(45) «Annal. Polon. Clim.» I, 53. — «Hist. pan. Jan. Kaz.» I, 7.

(43) «Histor. belli cosac. polon.» 44.

ми, а вовторыхъ, чтобъ продлить время, пока придутъ татары. Хмельницкій успѣлъ какъ-нельзя-лучше. Доминику, тщеславному и вовсе невоинственному, чрезвычайно понравилось такое уваженіе къ нему народа русскаго. Въ полной готовности вести съ казаками переговоры, онъ собралъ совѣтъ.

При самомъ началѣ этого совѣта, который не могъ кончиться ничѣмъ, кромѣ разногласія, произошло замѣшательство, которое показываетъ тогдашнее положеніе польскаго общества.

Пріѣхалъ въ лагерь Кисель съ своими отрядами, гдѣ служили, бо́льшею частью, дворяне православные, какъ и онъ самъ. Всѣ такіе дворяне находились тогда въ затруднительномъ положеніи. Побужденіе къ казацкому возстанію было двоякое: вопервыхъ, русскій народъ ополчался для охраненія православной вѣры, а вовторыхъ, чтобъ свободиться отъ власти пановъ; слѣдовательно, непріятелями возставшихъ были, вопервыхъ, католики, а вовторыхъ—паны. Православные паны были поставлены на скользкой срединѣ между двумя крайностями. Казаки и крестьяне хотя видѣли въ нихъ единовѣрцевъ, но не могли забыть и того, что они употребляли право надъ народомъ наравнѣ съ панами-католиками; паны-католики, хотя связаны были съ ними взаимными интересами званія, но видѣли въ нихъ много общаго съ тѣми, противъ которыхъ воевали; имъ не нравилось,

когда русскіе паны говорили, что важнѣйшая причина возстанія — утѣсненіе греческой религіи, а православные не могли равнодушно слышать, какъ ксендзы ободряли войско тѣмъ, что оно идетъ защищать римскую церковь противъ раскольниковъ въ то время, когда въ казацкомъ лагерѣ попы уговаривали стоять за вѣру греческую. Единственнымъ желаніемъ Киселя и православныхъ пановъ было помирить обѣ стороны, но черезъ то они только навлекали на себя горшую ненависть и пановъ и казаковъ. Киселя въ лагерѣ приняли дурно. Въ самый день, назначенный для совѣта, въѣхали въ лагерь экипажи его и бывшихъ съ нимъ въ Украинѣ коммиссаровъ. Тогда какой-то Ржемыкъ-Вольскій обвинялъ православнаго магната въ предательствѣ.

— У него въ обозѣ, говорилъ онъ: — есть казаки, которыхъ схизматики приводятъ въ нашъ лагерь, чтобъ потомъ передать Хмельницкому свѣдѣнія о нашемъ войскѣ.

Множество голосовъ пристало къ обвинителю; бросились на экипажи и, дѣйствительно, вывели оттуда нѣсколько казаковъ.

Радовались тогда враги православія; оскорбленія, бранныя слова сыпались на старика.

— Онъ такъ далекъ отъ измѣнниковъ, какъ отъ русскихъ! кричали католики.

Но, когда разсмотрѣли дѣло обстоятельнѣе, то узна-

ли, что казаки, бывшіе у Киселя, даны ему Кривоносомъ заложниками; и такъ–какъ Кривоносъ не воротилъ польскихъ заложниковъ, то и Кисель привезъ съ собою казацкихъ къ предводителю.

Стыдно стало обвинителямъ. Воевода, взволнованный, говорилъ такъ:

«За мои услуги, за мои старанія — мнѣ платятъ «оскорбленіями и неблагодарностью. Спросите това- «рищей моихъ, коммиссаровъ, какія обиды терпѣли «мы отъ казаковъ, какъ самая жизнь наша была въ «опасности отъ необузданнаго мужичья, наглаго въ «счастіи! И вотъ, наконецъ, пришлось намъ терпѣть «обиды и оскорбленія отъ своихъ братьевъ!»

Заславскій тронулся оскорбленіемъ, причиненнымъ старику, извинялся и обѣщалъ взыскать съ Вольскаго за ложный доносъ.

Пригласили Киселя въ совѣтъ: предводитель изложилъ предложеніе Хмельницкаго и перваго брацлавскаго воеводу спросилъ о мнѣніи.

«Я избранъ совершителемъ мира, установите- «лемъ согласія, а не феціаломъ, не вѣстникомъ вой- «ны, сказалъ Кисель, отличавшійся всегда высоко- «парностью въ рѣчахъ: — чего не принималъ я, чего «не претерпѣвалъ, чтобъ достигнуть желаннаго успо- «коенія. доставить отечеству благополучіе? Жизнь моя «была въ опасности, имѣнія мои разорены; ругатель- «ства, невыразимыя оскорбленія были для меня горше

«смерти; и вотъ, послѣ всего, я держу мечъ въ той «рукѣ, въ которой долженъ былъ принесть вамъ олив- «ковую вѣтвь! Я польскій дворянинъ и сенаторъ; «предки мои хотя были русскіе, но Свѣнтольдичи, «которые, своими совѣтами и примѣромъ, соединили «дворянство роксоланское съ тѣломъ Речи Посполи- «той. Я ничего не имѣю общаго съ мятежниками; «тамъ нѣтъ дворянъ. Исповѣдую вѣру православную «и всегда готовъ защищать ее, но желалъ бы первый, «чтобъ гидра мятежа пала подъ геркулесовою рукою: «тогда бы я спокойно жилъ въ своихъ украинскихъ «помѣстьяхъ, откуда теперь меня выгнали... Но вы «спрашиваете: что́ должно дѣлать? Воевать, но не «сражаться, отвѣчаю я: медлительностью, проволоч- «кою времени мы можемъ достигнуть вѣрнѣйшей по- «бѣды и прочнѣйшаго мира. Къ–чему отваживаться «на опасности, когда можно побѣдить безъ кровопро- «литія? Только безумный запираетъ быстрый источ- «никъ, когда бѣгъ его можно отвесть другимъ обра- «зомъ. Послѣдуемъ лучше разсудку, чѣмъ страсти. «Воспоминаніе о желтоводскомъ и корсунскомъ пора- «женіяхъ, кажется, должно не допустить насъ самихъ «стремиться на бѣду, когда можно побѣдить мирными «средствами. Довольно показывать готовность къ войнѣ: «этимъ однимъ легко укротить волненіе. Окажемъ мя- «тежникамъ милость; дадимъ имъ время опомниться: «они захотятъ возвратиться къ прежнимъ обязанно-

«стямъ повиновенія, такъ, какъ-будто всѣ содѣянныя «ими преступленія произошли противъ собственной «ихъ воли. А если дерзость ихъ и будетъ такъ упорна, «что они пренебрегутъ мирными нашими предложе- «ніями, то любовь къ роднымъ, необходимость домаш- «ней жизни, столь врожденная человѣку, все-таки «заставятъ ихъ войти въ прежнее покойное состояніе. «Таково мое мнѣніе. Предоставляю судить вамъ, на «которыхъ возложена цѣлость отечества.»

«Правда, сказалъ на такую рѣчь Добѣславъ Цех- «линскій, каштелянъ чеховскій: — намъ слѣдуетъ «совѣтомъ, а не оружіемъ, отклонить и сокрушить «замыслы мятежниковъ, дать имъ время одуматься, а «висящій надъ головами ихъ мечъ доведетъ ихъ до «отчаянія; потерявъ надежду на прощеніе, они ста- «нутъ упорнѣе.»

Такому мнѣнію послѣдовали паны, изгнанные изъ украинскихъ помѣстій: они страшились потерять эти помѣстья навсегда, если возстаніе усилится.

Не такихъ мыслей былъ воинственный Вишне- вецкій.

«И я бы согласился съ вами, говорилъ онъ: — «еслибъ у казацкой сволочи было столько же совѣсти, «сколько дара краснорѣчія у тѣхъ, которые только- «что передо мною говорили. Но неужели мятежни- «ки удовольствуются нашими несчастіями и нашею «кровью? Да это просто мечта, а не разсужденіе!

«Увѣряю васъ, начатое дѣло можетъ окончиться только «погибелью одного изъ непріятелей. Что̀ это такое? «Намъ совѣтуютъ вести войну безъ сраженія? А если «непріятель самъ нападетъ на насъ? Уклоняться, го- «ворятъ намъ! то-есть, хлопы будутъ тѣснить наше «войско, заступать намъ путь, не пускать нашихъ «лошадей на пастбища, отнимать запасы, строить «засады, а мы будемъ терпѣть, сложа руки, и, подъ «предлогомъ мирныхъ трактатовъ, марать бумагу, а, «между-тѣмъ, на русской землѣ будетъ литься шля- «хетская кровь! Душа возмущается отъ безчестной «мысли: изъ-за украинскихъ береговъ хотятъ отдать «на разореніе средину королевства! Но я не умѣю «красно выражаться, да теперь и время такое, что «выиграть можно только дѣломъ, а не остроуміемъ. «Если хотите побѣдить, то побѣждайте смѣлостью, — «вотъ мое военное мнѣніе. Слѣдуетъ теперь же уда- «рить на казаковъ, пока орда еще только переправи- «лась чрезъ Днѣпръ, а соединившись съ варварами, «мятежники станутъ сильнѣе. Приходитъ время пла- «тить войску; жолнеръ будетъ требовать денегъ, или «же покинетъ службу: у васъ денегъ нѣтъ; силою «не удержите; начнутся побѣги, всякаго рода без- «порядки. Недалеко и время избирательнаго сейма: «съ какими глазами явитесь вы, ничего не сдѣлавъ? «Сеймъ въ-правѣ потребовать отъ васъ отчета во «всѣхъ огромныхъ издержкахъ для войны. Притомъ

«наступаетъ осень; край разоренъ, запасовъ нѣтъ; а «еслибъ и достали зерна, то какъ изъ него спечь «хлѣбъ, когда всѣ мельницы сожжены или разорены? «Отъ одной скорости зависитъ спокойствіе Речи Пос«политой: не давъ сраженія, и не думайте о мирѣ. «Вспомните Переяславъ, Старицу, Кумейки: тамъ вы «побѣждали враговъ смѣлостью и дѣятельностью. Та«ковъ мой совѣтъ. Вамъ, начальникамъ, предстоитъ «его принять или отвергнуть.»

Сторону Вишневецкаго поддерживали такіе жь рубаки, какъ и онъ, такіе жь ненавистники и гонители племени русскаго ([47]).

«Предложенія мятежниковъ, говорили они: — бо«лѣе ничего, какъ коварство; предводитель не дол«женъ даваться въ обманъ, если хочетъ побѣдить; «на хитрыя обѣщанія пусть отвѣчаетъ немедленно «битвою; надежда на успѣхъ несомнѣнна; все войско «желаетъ скорѣе сраженія!»

Но Доминикъ, личный соперникъ Вишневецкаго, не только принялъ сторону умѣренныхъ, но даже показалъ особенное состраданіе къ казакамъ.

«Побѣда въ рукахъ нашихъ (говорилъ онъ): это «такъ; но какая польза отъ побѣды? Если мы истре-

---

([47]) «Annal. Polon. Clim.» I, 54—57. — «Hist. Jan. Kaz.» I. 8, 11. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II. 13—16.

«бимъ казаковъ, то никто столько не потерпитъ, какъ «я. Большая часть мятежниковъ состоитъ изъ моихъ «крестьянъ: для чего я буду губить своихъ собствен- «ныхъ подданныхъ, когда могу уладить споръ съ ними «мирными средствами? Никогда я этого не сдѣлаю! «Тѣмъ хорошо такъ совѣтовать, которые не имѣютъ «здѣсь маетностей; но я что буду дѣлать, истребивъ «ихъ? Самъ земли пахать не умѣю, а милостыни про- «сить стыжусь» (48).

Заславскій цѣлыя двѣ недѣли переговаривался съ казаками, то посылалъ къ нимъ условія, то получалъ отъ нихъ (49); а между–тѣмъ, войско казацкое увеличилось, и полковникъ Нечай, почти въ виду польскаго войска, сжегъ нѣсколько дворовъ и мѣстечекъ, и ушелъ къ Константинову (50).

Вишневецкій прекратилъ связь съ княземъ Заславскимъ; ушелъ въ свой лагерь, и хотя стоялъ недалеко отъ главнаго лагеря, но дѣйствовалъ отдѣльно.

Онъ завязывалъ иногда перестрѣлки съ врагами, и послѣ одной такой перестрѣлки донесли ему, что

---

(48) «Histor. belli cosac. polon.» 75.

(49) «Histor. belli cosac. polon.» 74.

(50) «Annal. Polon. Clim.» I, 53. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 7. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 12.

татары идутъ на помощь Хмельницкому. Князь написалъ къ одному изъ пановъ въ главномъ лагерѣ, чтобъ тотъ убѣдилъ своего предводителя прекратить пустыя сношенія и напасть на казаковъ, пока еще не пришли крымцы. Заславскій съ перваго раза отвѣчалъ, что не вѣритъ слухамъ; но окружающіе его паны настаивали поступить по совѣту Вишневецкаго. Заславскій рѣшился, наконецъ, подвинуться впередъ, но не наступалъ на казаковъ цѣлымъ войскомъ, а только позволилъ полякамъ выѣзжать на *герцы* (стычки) съ казаками ([51]).

([51]) «Histor. belli cosac. polon.» 76.

ГЛАВА IV.

Стычки подъ Пилявою. — Хитрость Хмельницкаго. — Бѣгство поляковъ. — Расхищеніе польскаго лагеря. — Взятіе Константинова, Збаража, Бродъ. — Осада Львова. — Окупъ. — Осада Замостья.

Переговариваясь съ Заславскимъ, Хмельницкій стоялъ въ пилявскомъ за́мкѣ. Загоны спокойно проходили мимо польскаго лагеря и соединялись съ его главнымъ казацкимъ войскомъ, которое стояло лагеремъ въ защищенномъ мѣстѣ посреди болотъ (1). Хмельницкій ждалъ крымцевъ; а между-тѣмъ, старался приготовлять своихъ воиновъ къ приближающейся войнѣ. У казаковъ господствовалъ воинственный духъ и религіозное воодушевленіе. Попы служили въ войскѣ молебны; самъ Хмельницкій, проѣзжая по рядамъ своихъ завзятыхъ молодцовъ, говорилъ имъ не длинныя рѣчи, а коротко напоминалъ имъ, что они воюютъ за вѣру. Готовые къ битвѣ, они чужды были той самонадѣянности, какою отличались ихъ враги. Старики удерживали жаръ молодости. «Кто знаетъ, что́ будетъ? (говорили они)

(1) «Stor. delle guer. civ.» 32.

«прійдетъ, быть-можетъ, часъ — и намъ положить «голову, порадовать ляховъ! На все воля Божія!» Когда поляки показали охоту вступить въ дѣло, стража, поставленная надъ рѣкою, прибѣжала въ лагерь. «Гей! гей! молодцы! (кричалъ гонецъ) паны опом- «нились, подступаютъ къ рѣкѣ, вызываютъ казаковъ!» Мгновенно тревога на трубахъ раздалась по всему лагерю. «Спѣшите, спѣшите! (восклицали эсаулы) «веселите пана гетмана Хмельницкаго (2)!» Таборъ подвинулся ближе къ рѣкѣ Пилявкѣ.

Кривоносъ тотчасъ былъ отправленъ къ Константинову въ засаду, такъ-что еслибъ поляки вздумали отступить, то встрѣтили бы на пути казаковъ (3). Это было первою причиною неудачи поляковъ, ибо Кривоносъ занялъ ровное пространство, а поляки стояли между горами (4).

Маленькая рѣчка Пилявка раздѣляла непріязненныя полчища; отъ нея, по обѣимъ сторонамъ, тянулся болотистый лугъ, очень-топкій, особенно въ тогдашнее осеннее дождливое время. Обѣ стороны соединяла плотина. Хмельницкій, чтобъ не позволить полякамъ пройти черезъ рѣку, отрядилъ казаковъ за плотину, гдѣ они выкопали шанцы. Казаки нарочно

---

(2) «Народ. пѣсня».
(3) «Истор. о през. бр.».
(4) «Woyna dom.» Ч. 1, 28.

разгрузили болото конями, порыли рвы и капóни и стали въ оборонительное положеніе.

Въ понедѣльникъ, 20 сентября, сраженіе началось разомъ въ трехъ пунктахъ. Самуилъ Лащъ и князь Корсацкій нашли, повыше плотины, бродъ, пустились въ перестрѣлку съ казацкимъ обознымъ, храбрымъ Иваномъ Чернотою; и поляки и казаки, пѣшіе и конные, разсѣялись по кустарникамъ и вели разсыпную битву съ равнымъ мужествомъ. Осинскій вступилъ въ дѣло при плотинѣ и принудилъ казаковъ отступить съ противнаго берега; такимъ образомъ проходъ на другой бокъ рѣки остался свободнымъ для поляковъ. Михаилъ Іорданъ нашелъ другой бродъ, пониже плотины, и перешелъ его. Въ этотъ первый день битвы, счастье было на сторонѣ пановъ. Поляки такъ тогда ободрились, что уже кричали: «ура-«рить залпомъ! добывать курятникъ!» — такъ они называли маленькій пилявецкій зáмокъ. Только вѣсти, доставленныя плѣнными русскими, охлаждали ихъ самонадѣянность: плѣнные показывали, что Хмельницкій дожидается, съ часу на часъ, хана съ страшною силою.

На слѣдующій день, во вторникъ, 21 сентября, продолжались герцы и уже съ бóльшею удачею для казаковъ. Они овладѣли бродомъ, черезъ который прошелъ наканунѣ Іорданъ, и укрѣпили валомъ опасныя мѣста. Но тогда казачество лишилось бойкаго,

неистоваго уманскаго полковника Ганжи. Напившись горѣлки, не помолившись Богу, какъ слѣдовало казаку передъ битвою, выѣхалъ онъ, хвастая, на герецъ, убилъ нѣсколькихъ шляхтичей, хотѣвшихъ показать свое рыцарское удальство, и самъ былъ убитъ какимъ-то волохомъ, «предательски», по выраженію лѣтописи (5). Казаки рано окончили стычки и уклонялись отъ дальнѣйшихъ битвъ. Это тѣмъ болѣе пугало поляковъ: «вѣрно, враги что-нибудь замышляютъ», говорили въ польскомъ лагерѣ.

Вечеромъ, вдругъ раздался въ казацкомъ обозѣ, шумъ, достигавшій шляхетскаго лагеря; били въ бубны, трубили въ трубы, палили изъ ружьевъ и пушекъ; тысячи голосовъ крикнули вдругъ: «Алла! Алла!»

— Что́ это значитъ? въ страхѣ спрашивали паны другъ друга и задавали себѣ разныя объясненія.

— Быть-можетъ (говорили одни), хлопы бѣгутъ, устрашившись нашихъ подвиговъ.

— Нѣтъ (возражали другіе), вѣрно, казаки недовольны Хмельницкимъ и выбираютъ новаго предводителя.

Третьи съ боязнью догадывались, не пришла ли орда татарская.

---

(5) «Истор. о през. бр.».

Ночь покрыла оба войска; въ томительной неизвѣстности оставались паны; но вотъ, въ среду, на на разсвѣтѣ, жолнеры, дивизіи Тышкевича, привели въ лагерь плѣнника въ священническомъ платьѣ; неизвѣстно, былъ ли то попъ въ-самомъ-дѣлѣ, или казакъ, одѣтый такимъ образомъ и подосланный нарочно Хмельницкимъ. Стали его пытать.

«Я вамъ всю правду открою (сказалъ онъ): Хмель-«ницкій такъ испугался вашей силы, что хотѣлъ-«было бѣжать; но, вчера вечеромъ, пришло 40,000 «татаръ, да еще и самъ ханъ будетъ скоро. Хмель-«ницкій присягнулъ платить ежегодную дань хану, а «потому ханъ всѣми силами будетъ вступаться за «казаковъ».

Извѣстіе было вымышленное; на помощь казакамъ, дѣйствительно, пришелъ въ полночь татарскій отрядъ, но только 4000 съ Карабчей-Мурзою и сыномъ Хмельницкаго.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ разсвѣта, Хмельницкій, разсчитавъ, что поляки уже услышали отъ попа, что́ слѣдовало имъ сообщить, пустилъ всѣхъ пришедшихъ татаръ впередъ и одѣлъ еще нѣсколько тысячъ казаковъ въ татарское платье. Они бросились къ рѣкѣ и закричали дикимъ голосомъ: «Алла! Алла!» Это удостовѣрило поляковъ въ истинѣ сказаннаго плѣнникомъ и привело всѣхъ въ чрезвычайное смятеніе. Всѣ схватились за оружіе, но въ страш-

номъ безпорядкѣ; всякій командовалъ и никто не слушалъ команды; каждый бѣжалъ куда хотѣлъ, становился какъ попало, и, въ-добавокъ, между начальниками началась ссора, потому-что всѣ видѣли безпорядокъ, приписывали его причину одинъ другому, и оскорбляли чрезъ то другъ друга.

Казаки, тѣмъ временемъ, перешли черезъ плотину и сдѣлали нападеніе на польскіе шанцы. Поляки, несмотря на безпорядокъ, вступили съ ними въ сраженіе. Первый изъ польскихъ полковъ, завязавшій дѣло, былъ сандомирскій, подъ командою Витовскаго; за нимъ, безъ приказанія, пустился полкъ воеводства минскаго. Казаки, командуемые Чорнотою, нарочно побѣжали назадъ за плотину; шляхтичи, думая, что враги обращаются въ бѣгство, перешли за ними черезъ плотину и преслѣдовали ихъ, потѣшаясь ролью побѣдителей, но, не видя ничего за туманомъ, наткнулись на цѣлый казацкій корпусъ и услышали голосъ Хмельницкаго, который кричалъ на своихъ воиновъ: «За виру, молодци, за виру!» Новыя хоругви бросились за перешедшими черезъ рѣку, и когда столпились на плотинѣ, казаки ударили на нихъ, смяли, потопили, потомъ зашли въ тылъ отрѣзанному отъ плотины Витовскому, и «тогда поляки (говоритъ современникъ) (6) орали землю копьями и

(6) «Woyn. dom.» Ч. I, 36.

устилали все болото прапорами»; два полка, сандомирскій и волынскій, погибли совершенно; много знатныхъ пановъ легло на полѣ битвы; Витовскій и Оссолинскій, племянникъ канцлера, вытащенные изъ рѣки, израненные, едва успѣли прискакать къ главному своему обозу. Казаки били враговъ наповалъ. Страхъ и трепетъ, по выраженію лѣтописца (7), распространился въ польскомъ лагерѣ. Уже никто не думалъ прогонять мужичья плетьми; хоругви, отправленныя въ другую сторону, привели въ лагерь двухъ татаръ, которые извѣщали, что ханъ скоро будетъ, а съ нимъ войска, какъ травы въ полѣ.

Въ то же время безпокоилъ поляковъ съ другой стороны Кривоносъ.

Вечеромъ предводители и знатнѣйшіе паны собрались на совѣтъ, но вдали отъ лагеря, въ полѣ. Они всѣ раскаявались, зачѣмъ вышли изъ-подъ Глинянъ, представляли неудобность мѣста по причинѣ болотъ и яровъ, и одинъ, славившійся въ-особенности благоразуміемъ, доказывалъ, что самое лучшее, на что слѣдуетъ рѣшиться — уйти изъ лагеря; къ нему пристали многіе; присталъ и самъ предводитель. Рѣшили отдать Вишневецкому начальство, а самимъ удалиться, проводивъ сначала возы и рыдваны съ по-

---

(7) «Истор. о през. бр.»

житками. Приказаніе было отдано и, съ наступленіемъ вечера, ни самого Доминика, ни другихъ знатнѣйшихъ пановъ не было въ лагерѣ. Ночью, съ 22-го на 23-е сентября, распространилась тревожная вѣсть по лагерю, что предводителей уже нѣтъ, и все многочисленное войско, въ страхѣ и безпорядкѣ, покинувъ имущества, бросилось въ бѣгство... Утромъ казаки выѣхали къ рѣкѣ, чтобъ снова вызывать на герцы поляковъ, но вызывать было некого: лагерь былъ пустъ; только собаки лаяли!

Тогда Хмельницкій, со всѣми силами, бросился въ погоню, и шляхтичи пришли въ ужаснѣйшій безпорядокъ: отъ страха кидали оружіе; никто не понималъ, кто причиною бѣгства: каждый кричалъ: «стойте!» а самъ «*токмобъ коня допався, летивъ безъ очей, абы не зостався*», говоритъ лѣтописецъ[8]; сжатые въ толпѣ, они падали отъ духоты и давки и попадались въ плѣнъ, когда, по выраженію того же лѣтописца, останавливались, чтобъ отереть съ лица потъ и приложить платокъ къ бьющемуся сердцу... Покидали раненыхъ и больныхъ. По извѣстіямъ современниковъ, побѣдителямъ досталось до ста тысячъ возовъ съ лошадьми, восемьдесятъ орудій и, на десять милльоновъ польскихъ злотыхъ примѣрно,

---

([8]) «Истор. о през. бр.».

всякихъ драгоцѣнностей (9). Древки съ знаменами, узды, щиты, шлемы, серебряные сосуды, сабли, собольи шубы, блаватныя сукна, персидскія шали, рукомойники, ванны, гдѣ богатый панъ только-что купался, кушанья, варенья, конфекты, пирожныя отъ прерванаго стола — все это лежало въ безпорядкѣ, по полю. Казацкіе предводители напрасно удерживали русскихъ, подозрѣвая, не думаютъ ли паны соблазнить хлоповъ: хлопы съ жадностью подбирали драгоцѣнности и лакомства, которыхъ было столько, что они не знали, что́ имъ брать и что́ оставлять; никто не остался обдѣленнымъ: за кварту водки казакъ отдавалъ своему базарнику бархатную шубу, или серебряный кубокъ. Четыре дня пробыли побѣдители въ расхищенномъ лагерѣ; пива, медовъ, винъ было такъ много, что, при обыкновенномъ употребленіи, достало бы имъ на мѣсяцъ, говоритъ современникъ (10). Бѣдные слуги, которыхъ было очень-много, беззащитно были избиваемы невѣрными.

«Такова была (говоритъ современникъ) кара отъ Бога за высокомѣріе» (11). «Добре (говорили казаки) «добре паны вы́бралысь на весѝлья, и бе́нкетъ на

---

(9) «Крат. опис. о Малор.» 10.—«Stor. delle belle civil.» 34.

(10) «Histor. belli cosac. polon.» 79.

(11) «Woyn. dom.» Ч. I, 33.

«сла́ву задалы́, ти́льки ко́шту бога́то положы́ли, сто «ты́сячъ ска́рбу процвы́ндрыли и сыры́цю [12] сдоро- «жылы» [13]. Очевидецъ-полякъ писалъ, что непріятелю пособили особенныя какія-то чародѣйства. «Этому (говоритъ онъ) есть несомнѣнные признаки, и оттого такой страхъ, такая consternatia напала на насъ, что мы скакали и бѣжали во весь духъ, крича: «гонятся татары!» а отъ татаръ, по милости Божіей, никакого нападенія не было» [14]. Только жадность мужиковъ къ разбросаннымъ богатствамъ спасла тогда поляковъ отъ погибели, но, однако, много было такихъ, что отдавали свои дворянскія головы подъ сабли, или подъ арканъ; въ-особенности казаки сильно поразили бѣглецовъ подъ Константиновымъ, гдѣ подъ поляками обломился мостъ на Случѣ [15].

---

[12] Сырую кожу, изъ которой дѣлались ремни, на которыхъ казаки уводили плѣнныхъ непріятелей.

[13] «Истор. о през. бр.».

[14] «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 302.

[15] «См. о пиляв. пораж. вообще: «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. самов.» 12. — «Woyn. dom.» I, 28—31. — «Annal. Polon. Clim.» I. 68—62. — «Hist. Jan. Kaz.» I, 12—15. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz. II.» 16—21. — «Histor. belli cosac. polon.» 77—78. — «Hist. ab exc. Wład. IV». — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 21—24. — «Кр. опис. о каз. малор. нар.» 25. — «Belli scyth. cosac.» 27. — «Истор. о през. бр.» 23—24. — «Stor. delle belle civ.» 32—35.

Доминикъ, убѣгая изъ лагеря, послалъ Вишневецкому предложеніе взять команду; но Вишневецкій отказался: онъ зналъ, до какой степени безпорядокъ укоренился въ войскѣ, зналъ объ угрожающей силѣ враговъ, и отвѣчалъ, что уже поздно. Утромъ онъ послалъ въ главный лагерь узнать, что́ тамъ дѣлается, и получилъ извѣстіе, что все войско бѣжало, а казаки захватили лагерь. «Боже мой! (воскликнулъ «князь) или то твоя воля, чтобъ наше отечество на«казать этимъ презрѣннымъ народомъ? О Господи! «обрати на нихъ свои перуны, но накажи и тѣхъ, «которые причиною этого срама. Пусть и я положу «свою голову, если виновенъ, только спаси отечество!» Онъ собиралъ по дорогѣ разсѣянныхъ шляхтичей; то просьбою, то угрозами, то подарками успѣлъ онъ удержать на время нѣкоторыхъ, и мужественно отбивался отъ преслѣдовавшихъ его казаковъ. Наконецъ, размышляя, что можетъ достаться въ руки татарамъ, и онъ послѣдовалъ за бѣгущими.

Разогнанные паны убѣжали во Львовъ съ такою быстротою, что достигли этого города въ три дня, хотя въ спокойное и безопасное время польскій панъ, по замѣчанію современника, ѣхалъ бы туда цѣлые полгода ([16]).

Большая часть поспѣшила убраться подалѣе Льво-

([16]) «Relacya Czechowicza. Kron. miasta Lwowa.» 296.

ва. Вишневецкій также прибылъ во Львовъ. По совѣту съ нѣкоторыми панами, онъ наложилъ на жителей контрибуцію; ради любви къ отечеству, каждый львовянинъ обязанъ былъ, по совѣсти, объявить о своихъ и чужихъ сокровищахъ; назначенные для того чиновники насильно обирали жителей; костёлы и монастыри отдавали драгоцѣнные сосуды, кресты и ризы съ образовъ; все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобъ снарядить и удержать войско ([17]). Вишневецкій оставилъ во Львовѣ гарнизонъ, подъ начальствомъ стараго Христофора Артишевскаго, отличнаго артилериста своего вѣка, который, по причинѣ религіозныхъ несогласій, оставилъ надолго отечество, странствовалъ по чужимъ землямъ, служилъ голландской республикѣ и завоевалъ въ южной Америкѣ Ріо-Жанейро ([18]). Сдѣлавъ все, что̀ можно было, для защиты Львова, Вишневецкій отправился къ Замостью, а оттуда въ Варшаву.

Но большая часть тѣхъ, которые вызвались защищать Львовъ, только-что услышали о приближеніи казаковъ, и скоро разбѣжались въ разныя стороны; горожане жаловались, что паны ихъ обобрали и на-

---

([17]) «Relacya Czechowicza. Kron. miasta Lw.» 297.

([18]) «Zbior pamiętn. o dawn. Polscic. Nimcewicz. III»—«Histor. belli cosac. polon.» 105.

конецъ, малодушно покинули на разграбленіе непріятелямъ (19).

Хмельницкій, преслѣдуя враговъ, вошелъ въ Константиновъ и взялъ его безъ малѣйшаго сопротивленія. Оттуда онъ двинулся къ Збаражу.

На дорогѣ встрѣтился съ нимъ панъ Юрій Немиричъ. Предки его были русскіе и владѣли большими имѣніями въ Украинѣ. Во время перерожденія русскаго дворянства, фамилія Немиричей, какъ и другія, обратились въ католичество; но самъ Юрій не исповѣдывалъ уже и католической вѣры, а былъ зараженъ еретическими заблужденіями, какъ говорили тогда въ Польшѣ. Немиричъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые не только не признавали святости папы, но осмѣливались подвергать сомнѣнію догматы, издавна-признанные, впродолженіе вѣковъ, существенными основаніями христіанской религіи: такихъ въ Польшѣ называли аріанами. Выгнанный изъ маетностей своихъ въ Украинѣ, онъ, какъ и другіе, бѣжалъ въ Польшу, но, на сеймѣ, въ Варшавѣ, его приняли очень-дурно. «Мы (кричали католики) много посла-«бленія дѣлаемъ, когда позволяемъ сообщаться съ на-«ми протестантамъ; тѣ, по-крайней-мѣрѣ, соглаша-«ются съ нами въ главныхъ понятіяхъ о Божествѣ и

(19) «Rel. Czech. Kron. miast. Lw.» 298.

«Св. Троицѣ, но мы, ни въ какомъ случаѣ, не потер-«пимъ безбожниковъ, подобно пану Немиричу» ([20]). Немиричъ замѣтилъ, что онъ находится въ такомъ положеніи, что можетъ попасть и подъ инквизиціонный судъ, а потому, собравъ свой отрядъ, вмѣсто-того, чтобъ идти противъ казаковъ, пошелъ чрезъ Полѣсье, а оттуда на Волынь, и близь Збаража соединился съ Хмельницкимъ ([21]). Подобныхъ пановъ тогда много пристало къ казакамъ, въ надеждѣ лучшаго порядка вещей.

Казаки вступили въ Збаражъ. Хотя онъ былъ хорошо укрѣпленъ, но они не нашли въ немъ не только воиновъ, готовыхъ къ отпору, но даже живой души. «Тогда и я (признается простодушно современный стихотворецъ-историкъ), забравъ свои бумажныя ветоши, бѣжалъ вслѣдъ за другими изъ Збаража. Что-жъ удивительнаго?.. Вѣдь и Пиндаръ также бѣжалъ» ([22]). Только 50 пушекъ, множество пороха и другихъ запасовъ взяты были казаками ([23]). За недостаткомъ живыхъ, казаки помстились надъ мертвыми: разоривъ костёлы, они выкинули на поруганіе

([20]) «Annal. Polon. Clim.» I, 70.

([21]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 25.

([22]) «Woyna dom.» I, 36.

([23]) «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. пов. о Мал. Росс.» 122 — «Кратк. опис. о Мал. Росс.» 10.

остатки предковъ Іереміи изъ родовыхъ могилъ. Самъ Хмельницкій, если вѣрить польскимъ лѣтописцамъ, не возбранялъ имъ этого, и особенно поругался надъ тѣломъ конюшаго и жены его ([24]). «И мертвому льву «надобно вырвать бороду», говорилъ онъ ([25]).

Выступивъ изъ Збаража, Хмельницкій былъ въ недоумѣніи, что̀ начать ему и куда идти. Онъ созвалъ раду, на которой, какъ главные представители казачества, отличались тогда: Иванъ Чорнота, полковникъ Тыша, опустошитель Польши, полковникъ переяславскій Лобода, полковникъ годячскій Бурляй, издавна знаменитый пиратъ на черномъ морѣ, полковникъ брацлавскій Нечай, Калина, Воронченко, Полкожуха, Небаба и другіе.

— Что́ скажетъ честная рада? (спрашивалъ предводитель). Много поживились мы отъ враговъ нашихъ; пойдемъ ли въ глубь Польши кончать нашихъ недруговъ, или воротимся въ свою Украину съ гостинцами домашнимъ и отдохнемъ отъ трудовъ?

Всѣ, прежде подачи совѣтовъ, настаивали, чтобъ Хмельницкій принялъ гетманскій титулъ, который, хотя онъ и употреблялъ въ своемъ универсалѣ, но потомъ, какъ видно, оставилъ. Предводитель отвѣчалъ имъ:

([24]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 26.
([25]) «Woyna dom.» I, 36.

— Не стану именоваться гетманомъ до-тѣхъ-поръ, пока тотъ, кого изберутъ королемъ, самъ пожалуетъ меня этимъ достоинствомъ; а печать гетманскую и клейноты употреблять буду.

Когда началась рада, Хмельницкій былъ того мнѣнія, что лучше всего идти въ Украину, послать на сеймъ депутатовъ и дожидаться избранія короля. Хмельницкій до-сихъ-поръ былъ вѣренъ своимъ начальнымъ планамъ; онъ надѣялся, что Оссолинскій теперь постарается примириться съ казаками и употребить для своихъ намѣреній ихъ возростающую силу, а потому не хотѣлъ идти на Варшаву и опустошать Польшу, которую все еще почиталъ своимъ отечествомъ; но старшины, а еще болѣе чернь, то-есть, простые казаки, съ негодованіемъ слышали о такомъ совѣтѣ въ устахъ своего предводителя; въ особенности вооружился противъ предводителя Чорнота. Всеобщее мнѣніе было таково, чтобъ идти на Варшаву и совершенно разорить Польшу. «Пане Хмельницкій, веды на ляхи́въ, кинча́й ляхи́въ!» кричала ожесточенная толпа ([26]).

Хмельницкій объявилъ, что поведетъ ихъ въ Польшу. Но онъ задумалъ тогда же обманывать своихъ казаковъ и, утоляя, по-возможности, ихъ мщеніе, не

([26]) «Истор. о през. бр.» — «Annal Polon. Clim.» I, 81. — «Histor. panow. Jan. Kaz.» 23.

допускать до вторженія въ средину королевства и до большихъ опустошеній. Съ этою цѣлью, онъ предложилъ, что слѣдуетъ напередъ очистить всю русскую землю отъ ляховъ, и разослалъ своихъ полковниковъ отрядами на Волынь и въ Полѣсье ([27]). Такой родъ войны нравился казакамъ. Толпы отправились къ Дубну, Кременцу, Острогу, Луцку разорять костёлы, за́мки, кончать шляхту и жидовъ; а самъ Хмельницкій двинулся къ Львову, подъ предлогомъ преслѣдовать разогнанное войско, покорить своей власти старый русскій городъ и потомъ уже идти на Польшу. Независимо отъ казацкой рады, Хмельницкій окружилъ себя тогда шляхтичами, приставшими къ казакамъ; люди болѣе-образованные, чѣмъ казаки, они, казалось, лучше могли понимать его. Народъ думалъ, что дѣло съ поляками не должно кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ совершеннаго освобожденія Руси отъ польскаго владычества; шляхтичи и самъ Хмельницкій въ то время считали возможнымъ, что Русь можетъ пользоваться независимостью и правами свободной націи, не разрывая окончательно связи съ королевствомъ. Изъ всѣхъ такихъ совѣтниковъ, больше всѣхъ умѣлъ убѣждать предводителя Иванъ Виговскій, шляхтичъ русской вѣры, взятый въ плѣнъ при

([27]) «Истор. о през. бр.» — «Woyna dom.» I, 36.

Жовтыхъ Водахъ. Своею расторопностью, краснорѣчіемъ и здравымъ умомъ, онъ пріобрѣлъ довѣренность Хмельницкаго, и его совѣтамъ, въ-особенности, приписываютъ поляки ту нерѣшимость Хмельницкаго, которая спасла на этотъ разъ ихъ націю ([28]).

Проходя черезъ Броды, Хмельницкій оставилъ тамъ часть казаковъ для осады за́мка, очень-крѣпкаго, котораго никакъ не могли одолѣть, а самъ двинулся къ Львову, и послалъ впередъ съ небольшимъ отрядомъ Головацкаго, шляхтича, вручивъ ему письмо на имя городскаго магистрата.

«Прихожу къ вамъ (писалъ Хмельницкій), какъ освободитель русскаго народа; прихожу къ столичному городу земли червонорусской избавить васъ изъ неволи ляшской; прихожу по вашему желанію, потому-что многіе изъ мѣщанъ вашихъ приглашали меня. У меня 200,000 войска, кромѣ многочисленной орды; но это войско идетъ не на васъ, а на поляковъ. Поэтому вы лучше всего сдѣлаете, если соединитесь съ единовѣрными вамъ казаками и выдадите пановъ, разбѣжавшихся изъ-подъ Пилявы. Мы утвердимъ взаимную нашу любовь взаимными

([28]) «Истор. о през. бр.» — «Histor. panow. Jan. Kaz.» I, 23. — «Annal. Polon. Clim.» I. 81. — «Pam. do pan. Zyg. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II. 29.

клятвами. Если же пренебрежете нашею пріязнью, то наживете себѣ бѣду» ([29]).

Львовъ поступилъ подъ власть Польши гораздо-прежде Украины и Волыни, а потому жители его перемѣнились болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на Руси. Іезуиты основали здѣсь главный притонъ; ни въ одномъ русскомъ городѣ не было столько католическихъ монастырей и костёловъ; много мѣщанъ приняло унію; притомъ значительная часть городскаго народонаселенія состояла изъ жидовъ и армянъ: поэтому и неудивительно, если паны могли его считать вѣрнымъ для себя убѣжищемъ. Городъ издавна былъ богатѣйшій въ королевствѣ; жители занимались промыслами и торговлею: губернаторъ застращалъ ихъ, а особенно жидовъ, что казаки приходятъ разорятъ ихъ. Испуганные мѣщане обѣщали не сноситься съ казаками, а шляхтичи, прибѣжавшіе изъ околицы, готовились драться; съ ними вмѣстѣ взялись за оружіе католическіе монахи-бернардинцы, которыхъ большой монастырь стоялъ въ оконечности города. Немногіе православные были инаго мнѣнія, но не смѣли возвысить голоса. Чрезъ нѣсколько времени, Головацкій получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ лица цѣлаго города:

([29]) «Annal. Polon. Clim.» I. 82.

«Городъ Львовъ не можетъ понять, почему въ то «время, когда казацкій предводитель посылаетъ къ «намъ дружелюбныя письма, казаки поступаютъ въ «окрестностяхъ по-непріятельски. Мы не отвергаемъ «вашей дружбы, если она искренна, но не можемъ «входить въ союзъ съ войскомъ запорожскимъ, пока «не окончится избраніе короля и всѣ неудовольствія «войска запорожскаго не прекратятся. Надѣемся, «что войско запорожское, которому мы не сдѣлали «никакого оскорбленія, останется къ намъ въ доб- «ромъ расположеніи. Паны изъ-подъ Пилявы хотя «пріѣзжали къ намъ, но уже выѣхали на сеймъ; въ «городѣ заперлись мѣщане и предмѣщане; въ за́м- «кѣ оставленъ гарнизонъ Речи Посполитой; надъ «городомъ и за́мкомъ начальствуетъ губернаторъ» ([30]).

Хмельницкій, получивъ такой отвѣтъ, двинулся осаждать городъ. Передовые отряды прибыли 6-го октября.

На другой день, явился подъ городомъ казацкій гетманъ и приказалъ ударить изъ пушекъ; начались стычки по разнымъ концамъ Львова. Одинъ отрядъ казаковъ рылъ валы у гончарской улицы, близъ монастыря кармелитовъ-босыхъ; другой напиралъ на галицкую браму; третьи нападали на бернардинскій

([30]) «Annal. Polon. Clim.» I. 82. — «Pamiętn. do panow. Zygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II. 30.

монастырь. Осажденные оборонялись; бернардины отличались особенно. Тогда подъ самимъ Хмельницкимъ была убита бѣлая лошадь, примѣтная издали по своей масти. Вечеромъ кончилось нападеніе; враги размѣнялись плѣнниками.

Хмельницкому не трудно было взять Львовъ; но онъ самъ не хотѣлъ напрасно проливать кровь и предавать богатый городъ въ волю необузданной черни и татаръ: поэтому, разставивъ около города войско, самъ предводитель сталъ въ близкой деревнѣ, Лисеницахъ, и послалъ оттуда трубача съ новымъ письмомъ къ городскому магистрату, предлагая миръ и требуя 200,000 червонныхъ злотыхъ окупу, для заплаты татарамъ.

Городскіе райцы видѣли, что городъ не можетъ удержаться, и согласились начать переговоры. Они увѣряли и сами себя и другихъ, что рѣшаются просить пощады у казацкаго вождя не изъ трусости, а единственно для того, чтобъ спасти католическую святыню отъ поруганія ([31]). Хмельницкій послалъ во Львовъ Головацкаго.

Мѣщане спустили Головацкому веревки и по нимъ втащили его на стѣны. Первый предметъ, попавшійся ему въ городѣ, были вооруженные шляхтичи.

([31]) «Rel. Czech. Kron. miast. Lw.» 303.

— Что́–жь это значитъ? (сказалъ посланникъ) Развѣ вы хотите показать, что умѣете драться? но и у насъ есть молодцы, годные къ битвѣ; за–то и у васъ и у насъ люди смертны!

Жители отвѣчали, что желаютъ мира и покоя.

— Такъ если вы хотите сидѣть спокойно съ жонами и дѣтьми (сказалъ Головацкій), дайте на войско запорожское денегъ и припасовъ, потому–что вы сыты, а мы голодны. — Видите–ли (продолжалъ онъ, указывая на раскинутые въ лавкахъ товары), у васъ всего много; отчего–жь не пошлете своимъ братьямъ–казакамъ?

— Послать можно (сказали мѣщане), если вы будете обходиться съ нами по–пріятельски...

— А если нѣтъ (прибавили смѣлые), то мы другими закусками васъ попотчуемъ.

— Казаки (сказалъ Головацкій) и безъ того пришли къ вамъ какъ пріятели и жалѣютъ разорять городъ, а хотятъ вамъ столько же добра, сколько вы сами себѣ хотите ([32]).

Посланникъ воротился съ двусмысленнымъ отвѣ-

([32]) «Annal. Polon. Clim.» I. 85. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 27. —«Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 33.

томъ. Горожане хотѣли всѣми силами смягчить требованія Хмельницкаго, но другіе, особенно бернардины, отвергали ихъ.

Прошло двѣ недѣли. Хмельницкій нарочно сохранялъ бездѣйствіе, пока окончится сеймъ. Между-тѣмъ, толпы казаковъ и приставшихъ къ нимъ червонорусскихъ мужиковъ, скучая осадою, отправились по окрестностямъ загонами разорять костёлы и панскіе дворы. Попрежнему, безъ милосердія истребляли они все панское, и не только русскіе, но и польскіе хлопы прибѣгали въ казацкій лагерь. Хмельницкій потакалъ для вида этому гайдамацкому направленію, и выдалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что поднялъ войну противъ дворянъ, желая освободить народъ отъ пановъ. Интересъ возстанія началъ уже измѣняться.

Между-тѣмъ, въ городѣ Львовѣ накопилося множество поселянъ православной вѣры. Въ самый день прихода казаковъ, губернаторъ внушилъ жителямъ, что если предмѣстья останутся цѣлы, то казаки засядутъ надолго предъ городомъ и, по его мнѣнію, для предупрежденія опасности, надобно бы истребить предмѣстья. Нашли людей, которые, за награду, разложили въ разныхъ мѣстахъ огонь; хаты подгородныхъ мужиковъ, гумна ихъ, загородныя дачи пановъ, церкви и костёлы — все стало добычею пла-

мени въ нѣсколько дней (33). Предмѣщане, лишившись имуществъ, скитались безъ куска хлѣба съ жонами и дѣтьми; многіе пристали къ казакамъ; другихъ загнали въ городъ, обѣщая кормить во время осады. Населеніе Львова увеличилось; отъ тѣсноты и дурной пищи, которою питались бѣдняки, при дороговизнѣ припасовъ, открылись повальныя болѣзни. «Наши улицы, рынки и церковные дворы обратились въ настоящій лазаретъ; угла не было въ городѣ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить недужныхъ и не слышать удушающей вони (говоритъ очевидецъ)» (34). Сверхъ-того, поляковъ, жидовъ и армянъ пугало скопленіе православныхъ, между которыми попадались подозрительныя для нихъ лица; слышно было, что у православныхъ мѣщанъ бываютъ ночныя скопища. Донесли губернатору, что у одного богатаго мѣщанина, Юрія Коваля, работники льютъ пули и куютъ оружіе. Окружили подозрительный домъ и, дѣйствительно, нашли много желѣза и свинцу. Хозяинъ отгоривался, что это припасено для продажи, но узнали, что это готовилось для оружія православнымъ, на помощь казакамъ. Во время штурма города, Артишевскій приказалъ казнить его на страхъ

---

(33) «Rel. Czech. Kron. miast. Lw.» 300. — «Rel. Grozwajera». Ibid. I. 313.

(34) Ibid.

прочимъ, примѣрнымъ образомъ, по выраженію современника. Вслѣдъ затѣмъ, было письмо львовскаго архіепископа къ Хмельницкому. Неизвѣстно содержаніе его; лѣтописецъ говоритъ, что губернаторъ оставилъ владыку въ подозрѣніи ([35]). Католики, часъ отъ часу болѣе, боялись православныхъ, и, наконецъ, бернардины выдумали средство уменьшить число этого опаснаго для нихъ народа.

Скрывавшіеся во Львовъ мужики и предмѣщане проживали преимущественно въ монастыряхъ. Бернардинскій былъ набитъ биткомъ. Монахи устроили въ субботу обѣдъ и поставили два стола: на одномъ кушанье было мясное, на другомъ постное; такъ-какъ католики наблюдаютъ въ субботу постъ, то монахи, сзывая людей, говорили: «Идите; кто изъ васъ «русинъ, пусть садится и ѣстъ мясо; а кто полякъ, «то для него трапеза съ рыбою и масломъ». Православные, не подозрѣвая уловки, сѣли за особый отъ католиковъ столъ. Тогда монахи стали вызывать ихъ поодиначкѣ, подъ предлогомъ, что хотятъ что-то сказать, и выводили за ворота. Тамъ, въ глухомъ дворѣ, былъ колодезь, называемый бардышъ. Подлѣ

([35]) «Annal. Polon. Clim.» I, 84. «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 32. — «Hist. pan. Jan. Kaz.» I, 25.

колодца стоялъ бернардинъ. Монахъ подводилъ русскаго къ колодцу и говорилъ: «Посмотри туда, русинъ!» Русскій наклонялъ голову, и стоявшій подлѣ колодца бернардинъ рубилъ его по шеѣ, а тѣло сбрасывалъ тотчасъ въ колодезь. Вотъ ужь нѣсколько человѣкъ, такимъ образомъ, пошло вслѣдъ за монахомъ; никто не зналъ, что́ сдѣлалось съ тѣмъ, который вышелъ прежде него; всякъ добровольно наклонялъ голову подъ топоръ. Наконецъ, обѣдавшіе стали безпокоиться, что братья ихъ не возвращаются, нѣкоторые встали и подсмотрѣли, что́ дѣлаютъ монахи. Тогда всѣ, съ отчаянными криками, бросились черезъ стѣны и, безъ оглядки, полетѣли въ казацкій лагерь, гдѣ произвели всеобщее изступленіе. Хмельницкій, въ первомъ порывѣ гнѣва, грозилъ сжечь цѣлый городъ ([36]); но послалъ только сказать, чтобъ, прежде всякаго договора, ему немедленно выдали Вишневецкаго, и Конецпольскаго и всѣхъ разбѣжавшихся изъ-подъ Пилявы, да, сверхъ-того, всѣхъ жидовъ, а иначе онъ немедленно приступитъ къ штурму. Предводитель предостерегалъ всѣхъ жителей Львова русскаго вѣроисповѣданія, чтобъ они спрятались въ церквахъ во время взятія города ([37]).

Львовъ лежитъ между разнообразными холмами.

([36]) «Истор. о прѣз. бр.»

([37]) «Rel. Grozw. Kr. m. Lw.» 314.

Самый городъ былъ обнесенъ двумя стѣнами и рвомъ. Укрѣпленія были ненадежны; вода во рву высохла, а стѣны, по замѣчанію современника, годились для защиты отъ ружей, а не отъ пушекъ. Правда, Артишевскій показывалъ отчаянную готовность защищаться. «Я уже старъ, говорилъ онъ: довольно пожилъ; кончу жизнь во Львовѣ, лучше пусть «меня задавятъ его развалины, чѣмъ мнѣ спасать жизнь «низкою сдачей». Но жители, привыкшіе къ изобилію, невоинственные, давно не видавшіе у стѣнъ своихъ непріятеля, желали избавиться отъ него какимъ бы то ни было образомъ. «Подумайте, убѣждалъ ихъ «старикъ губернаторъ: какъ можно довѣриться Хмельницкому, когда онъ замаралъ себя всякаго рода вѣ«роломствомъ. Для человѣка благоразумнаго и храбра«го гораздо желательнѣе смерть, чѣмъ неволя: смерть «прекращаетъ, неволя рождаетъ горе!» Городской совѣтъ не послушался старика и отвѣчалъ Хмельницкому, что пановъ въ городѣ нѣтъ, а Львовъ проситъ пощады. «Хмельницкій (говоритъ русскій лѣтописецъ), *благочестивыхъ ради*, отложилъ свое намѣреніе взять городъ штурмомъ и даже отказывался отъ жидовъ». Продолжалась переписка и совѣщанія; львовяне хотѣли что-нибудь выторговать у казацкаго гетмана, но вдругъ новые успѣхи казаковъ заставили мѣщанъ не прекословить болѣе милосердію Хмельницкаго.

Съ сѣверной стороны города Львова, на горѣ, называемой Лысою, былъ за́мокъ, построенный встарину княземъ Львомъ Даниловичемъ. Въ мирное время онъ оставался незанятымъ, потому–что былъ неудобенъ для жизни: тамъ была дурная вода и притомъ въ единственномъ колодцѣ; но въ военное время положеніе его было важно. Онъ стоялъ на возвышенности, откуда можно было видѣть, что́ дѣлается въ городѣ, и притомъ оттуда можно было удобно палить въ городъ. Артишевскій поставилъ тамъ гарнизонъ, подъ начальствомъ бургграфа Братковскаго. Гарнизонъ этотъ, въ началѣ состоявшій всего изъ семидесяти человѣкъ, увеличивался охотниками изъ мѣщанъ и мужиковъ. Туда столпилось также много предмѣщанъ, лишенныхъ жилищъ. Казаки нападали на этотъ замокъ, вскорѣ послѣ прибытія подъ Львовъ, но неудачно. Замокъ, впрочемъ, былъ силенъ не столько укрѣпленіями, сколько крутизною горы, на которой былъ построенъ. Впослѣдствіи, накопилось тамъ народу обоего пола до тысячи: замокъ казался крѣпче города, каждую минуту готоваго пасть; но за то скопленіе произвело голодъ. Казаки не переставали нападать на замокъ, и, въ одинъ день, Братковскій, отъ изнеможенія, ушелъ изъ замка съ своими солдатами; тогда, оставшіеся безъ обороны, голодные предмѣщане, мѣщане и мужики пришли въ волненіе. «Чего-жь намъ ждать еще? закричали нѣ-

«которые: — чѣмъ погибать отъ голода съ дѣтьми, «такъ лучше отдаться на милость казакамъ! Не такое «страшное горе, какъ страхъ его малюетъ! Волки, «медвѣди — и тѣ бываютъ милосерды, а казаки — люди, «да и татары люди. Что они намъ сдѣлаютъ. Въ не«волю возьмутъ? Что-жь? потерпимъ, а послѣ, можетъ «быть, на волю выйдемъ. Жонъ, дочерей нашихъ «изнасилуютъ? Э, чтожь дѣлать! Не стыдно, когда «по неволѣ. Ну, съ Богомъ!» Множество голосовъ со стѣнъ закричало, что они сдаются.

Тутъ толпа кіякокъ (такъ назывались червонорусскіе хлопы, потому-что, за недостаткомъ оружія, употребляли кіи) ворвалась въ замокъ, какъ волки въ овчарню, говоритъ очевидецъ, и перерѣзали, всѣхъ отъ стараго до малаго. «Страшно выглядывалъ, продолжаетъ тотъ же современникъ, этотъ замокъ съ мшистыми стѣнами, облитыми кровью, и башнями, заваленными людскими трупами» ([38]).

Потомъ казаки отняли у горожанъ воду, безпрестанно врывались въ городъ и, чтобъ лучше долетали въ него пули, взмостили на крышу высокаго костела пушки. Пущенная бомба зажгла жидовскую синагогу; пожаръ распространился; люди не смѣли

([38]) «Rel. Czech. Kr. m. Lw.» 306. — «Rel. Grozw.» Ibid. 314.

тушить, потому-что картечи убивали ихъ на улицахъ ([39]). Тогда мѣщане, видя неизбѣжную бѣду, соглашались сдаться на волю побѣдителя, выставили бѣлое знамя и послали знакомаго Хмельницкому ксендза, Гумель-Мокрскаго, просить помилованія.

Хмельницкій, получивъ это извѣстіе, бросился лично къ осаждающимъ, вложилъ на палку свою шапку и, показывая казакамъ, кричалъ: «згода!» ([40]).

Нападеніе остановилось. Вслѣдъ затѣмъ, выѣхали изъ Львова четыре депутата: отъ русскихъ, поляковъ, армянъ и отъ университета ([41]). Въ-сопровожденіи полковника Остапа они прибыли въ Лисеницы.

Гетманъ принялъ ихъ ласково, подчивалъ виномъ, и увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ городу Львову.

Депутатъ отъ католиковъ, Вахловичъ, отличался особенно краснорѣчіемъ, и, со слезами, «нищенски», по замѣчанію очевидца ([42]), молилъ предводителя пощадить ихъ и уменьшить цѣну окупа.

([39]) «Лѣтоп. Малор.».

([40]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 27. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 34. — «Stor. delle guer. civ.» 58.

([41]) «Rel. Czech. Kr. m. Lw.» — «Rel. Grozw. Kr. m. Lw.» 315.

([42]) «Rel. Czech. Kr. m. Lw.» 304.

— Помилуй насъ (говорилъ онъ) ради нашей крайней бѣдности; паны совершенно насъ ограбили; пилявецкое войско обобрало насъ и покинуло; мы въ самомъ горькомъ положеніи; не дай намъ погибнуть съ голода.

Хмельницкій отвѣчалъ: «Я не могу скрыть отъ «васъ, что меня слишкомъ огорчаютъ эти несчаст- «ныя обстоятельства. Дай Богъ, чтобъ и ухо чело- «вѣческое о подобныхъ не слышало! Всему причиною «Вишневецкій и Конецпольскій, о чемъ я писалъ вамъ; «не стало силъ переносить намъ тяжкій жребій; у «насъ насильно отнимали все наше достояніе, и намъ «ничего болѣе не оставалось, какъ взять оружіе. Вы «просите милосердія: я самъ просилъ его и не былъ «столь счастливъ, чтобъ получить; но вамъ окажу «его! Я не хочу поднимать меча на ваши головы и «дарую вамъ жизнь, — это уже большое милосердіе, «господа; только, безъ всякихъ отговорокъ, отсчитайте «мнѣ двѣсти тысячъ червонныхъ злотыхъ. Въ-доба- «вокъ я оставляю при васъ и жидовъ, этихъ негод- «ныхъ мерзавцевъ, съ-тѣмъ, чтобъ они выплатили «бо́льшую часть этой суммы: они-то обирали каза- «ковъ въ Украинѣ. Надобно вамъ знать, господа, что «я требую не для своей корысти, а, единственно по- «тому, что долженъ удовлетворить пріятеля моего, «пана Тугай-Бея. Моя обязанность наградить того, «который соединился съ мною со значительными си-

«лами, помогалъ вездѣ противъ непріятеля моего, и «храбро раздѣлялъ со мною опасности.»

Очевидецъ замѣтилъ, что Хмельницкій прослезился, слушая описаніе бѣдствія Львова, но не уменьшилъ требуемой суммы ни однимъ злотымъ ([43]). Напрасно умоляли его депутаты: онъ ссылался на своихъ старшинъ и на Тугай-Бея; татарскій мурза, въ свою очередь, ссылался на Хмельницкаго и не забывалъ при этомъ порицать поляковъ за вѣроломство, вспоминая объ одномъ панѣ, который, будучи отпущенъ на слово, не заплатилъ татарину выкупа([44]). Депутаты должны были съ покорностью согласиться на всѣ требованія побѣдителей.

Хмельницкій отправилъ въ городъ за деньгами Головацкаго, а Тугай-Бей — татарина Пигъ-Агу. Готовой монеты набралось только на 16,000 злотыхъ. Этого было слишкомъ-мало и Львовъ откупался разными товарами и вещами; костёлы и монастыри приносили свои украшенія и сокровища; мѣщане выкладывали изъ лавокъ штуки богатыхъ матерій, полотна; жиды, со вздохомъ, сносили серебро, золото, разныя драгоцѣнности, пріобрѣтенныя, по замѣчанію современника, лихвою отъ убогихъ христіанъ; бѣдные посполитые принуждены были выносить послѣд-

([43]) «Rel. Czech. Kr. m. Lw.» 304.
([44]) «Rel. Grozw. Kr. m. Lw.» 216.

нее полотно или серебрянную вещицу изъ скромнаго домика ([45]). Возами отправляли сокровища въ лагерь побѣдителей, гдѣ Тугай-Бей прилежно все это оцѣнивалъ и взвѣшивалъ, иногда вскрикивая на привозившихъ ([46]). Этимъ не ограничился окупъ. Городъ подарилъ самому Хмельницкому богатыхъ одеждъ и сбруй на 20,000 злотыхъ; всѣ полковники, войсковые есаулы, судьи, писаря, атаманы казацкіе получили въ подарокъ по нѣскольку сотъ талеровъ и разныхъ вещей: кто воротился съ позолоченною саблею, кто съ богатоопрaвленнымъ буздыханомъ. По замѣчанію очевидца, Кривоносъ показалъ себя особенно-корыстолюбивымъ. «Я столько же сдѣлалъ, «какъ и панъ Хмельницкій (говорилъ онъ); да еслибъ «захотѣлъ, то и натворилъ бы во Львовѣ страха и «безпорядка; за то нельзя меня считать какимъ-нибудь «простакомъ; я не хуже другихъ: другихъ обдарили и «мнѣ дайте какую-нибудь сотню-другую червонныхъ «злотыхъ!» Отважный казакъ получилъ тысячъ на пять разныхъ подарковъ. Въ-добавокъ, мѣщане должны были, по русскому обычаю, угощать на-мировую казаковъ и выкатить полубочки и боченки разныхъ водокъ, винъ, меду, малвазіи. «Негодные холопы (го-

([45]) «Rel. Czech. Kr. m. Lw.» 306.
([46]) «Rel. Grozw. Kr. m. Lw.» 317.

воритъ очевидецъ), пастухи, пригодные только къ плугу, пьянствовали и обжирались посреди города, а потомъ уносили съ собою въ лагерь» ([47]).

Для спокойствія гражданъ, Хмельницкій оставилъ въ городѣ двоюроднаго брата своего, Захарія Хмельницкаго, съ десятью казаками; у нихъ былъ универсалъ, подписанный рукою гетмана; этотъ универсалъ долженъ былъ останавливать казаковъ, еслибъ какая-нибудь толпа наѣзниковъ вздумала еще разъ безпокоить Львовъ.

24-го октября, казаки дали на прощанье залпъ изъ пушекъ, и страшное войско отступило. Поляки считали особеннымъ чудомъ неба свое избавленіе за деньги ([48]). Только бернардины не хотѣли участвовать въ платежѣ, говорили, что они оружіемъ охранили монастырь, и гордо указывали на кучу труповъ около своей обители ([49]).

Отступивъ отъ Львова, Хмельницкій еще разъ хотѣлъ-было отложить непріязненныя дѣйствія и дожидаться окончанія сейма, но казаки, возбуждаемые преимущественно Чорнотою, подняли ропотъ и кричали: «Па́не гетма́не, веды на По́льшу!»

([47]) «Rel. Czech. Kr. m. Lw.» 307.
([48]) «Rel. Grozw. Kr. m. Lw.» 317.
([49]) «Кр. истор. о бунт. Хм.» 10.

Замостье, теперь сильнѣйшая крѣпость въ царствѣ польскомъ, принадлежала тогда фамиліи Замойскихъ, отъ которой и получила названіе, и уже въ то время была сильною защитою королевству, какъ по своему неприступному положенію, такъ и по искусственнымъ укрѣпленіямъ; съ юга защищалъ ее огромный прудъ; съ сѣвера и запада — непроходимыя болота, а съ востока — ровъ, чрезвычайно-широкій и глубокій, наполненный водою, укрѣпленный во все протяженіе каменною окладкою; надъ нимъ возвышалась огромная стѣна. Поперегъ всей стѣны проведенъ былъ толстый выступъ для воспрепятствованія приставлять лѣстницы; семь круглыхъ башенъ защищали стѣну, а между башнями и самою стѣною поставлены были пушки такъ искусно, что издали нельзя было ихъ примѣтить. Въ стѣнѣ были сдѣланы отверстія для стрѣльбы въ разныхъ мѣстахъ. Сама стѣна была такъ толсто наполнена землею, что наверху ея могла свободно оборачиваться карета въ шесть лошадей. Іеремія Вишневецкій собралъ туда десять тысячъ шестьсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 1500 пѣхоты собственной команды коменданта Вайера, славившагося тогда знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ-того, въ Замостьѣ было четыре тысячи шляхты бельзскаго воеводства, шляхтичи воеводствъ хелмскаго и волынскаго, составлявшіе резервъ, восемьсотъ человѣкъ постоянной стражи и

до тысячи человѣкъ мѣщанъ, взявшихъ оружіе разныхъ націй: армянъ, шотландцевъ, нѣмцевъ, кромѣ слугъ, годныхъ къ бою. Пороха было довольно; пушекъ, за исключеніемъ поставленныхъ на мѣстахъ, оставалось еще большое количество въ резервѣ, а ружей было такъ много, что, по увѣренію современника, на каждое окно приходилось по пяти; притомъ у многихъ дворянъ они были трехствольныя. Въ случаѣ долговременной осады, крѣпость и городъ не боялись голода: каждый житель обязанъ былъ запастись припасами для себя и для поставленнаго у него на квартирѣ жолнера на полгода, а кто не могъ, былъ высылаемъ изъ города; такимъ-образомъ въ Замостьѣ не было и многолюдства, пагубнаго во время обложенія. Оставшіеся въ Замостьѣ паны написали на сеймъ, что не могутъ прибыть въ Варшаву по той причинѣ, что должны защищать важный пунктъ въ королевствѣ. Главнымъ начальникомъ, собственно города, былъ Владиславъ Мышковскій, староста гродецкій. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы Вишневецкимъ, котораго сами паны и жолнеры на полѣ избрали предводителемъ; онъ вполнѣ оправдалъ выборъ, сдѣлалъ все нужное для защиты крѣпости, и доставилъ части ополченія пилявскаго случай стереть съ себя стыдъ бѣгства. Самъ князь уѣхалъ въ Варшаву съ 400 человѣкъ.

Всѣ паны, собравшіеся тогда въ Замостьѣ, нена-

видѣли принца Іоанна-Казимира, котораго Хмельницкій хотѣлъ видѣть королемъ, и послали на сеймъ извѣщеніе, что если будетъ идти дѣло объ избраніи кого-нибудь изъ братьевъ покойнаго Владислава, то они даютъ голосъ въ пользу старшаго брата, Карла. Хмельницкій, быть-можетъ, узналъ объ этомъ и рѣшился держать крѣпость въ осадѣ, чтобъ застращать противниковъ и, если нужно, силою оружія доставить престолъ Яну-Казимиру, стороны котораго держался и кинцлеръ Оссолинскій. Хмельницкій, приближаясь къ Замостью, имѣлъ, по сказанію поляковъ, до 80,000 войска, хотя это число, ни въ какомъ случаѣ, нельзя принимать за достовѣрное, тѣмъ-болѣе, что большая часть ополченія русскаго вела гайдамацкую войну по окрестностямъ ([50]).

Проходя отъ Львова къ Замостью, Хмельницкій былъ сопровождаемъ ворторгомъ русскаго народа. Православные бѣжали къ нему на встрѣчу, величали освободителемъ; одни приставали къ рядамъ казаковъ, другіе сносили имъ запасы,— всѣ клялись въ ненависти къ католичеству и племени ляховъ. Мѣстечки, населенныя католиками, уніатами и жидами, безъ милосердія были истребляемы огнемъ и мечомъ. Въ народѣ, русскіе произвели безчеловѣчныя убій-

([50]) «Hist. belli cosac. polon.» 80, 86—89. —«Annal. Polon. Clim.» I, 87, 88. — «Obsid. Zamosc.»

ства; въ числѣ погибшихъ былъ владѣлецъ, Самуилъ Лящъ, извѣстный забіяка. Городъ Сокалъ и мѣстечко Томашевка, откуда успѣли убѣжать всѣ поляки и жиды, приняли съ торжествомъ казаковъ. Католическіе храмы были ограблены; самыя кости умершихъ выброшены изъ гробовъ на поруганіе (51). Приблизившись къ Замостью, Хмельницкій послалъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ Небабы.

Небаба, приблизившись къ Замостью, удивился, увидѣвъ ворота отворенными и очень-мало стражи на валу. Предмѣщане собрались къ нему толпами и начинали-было говорить съ нимъ, какъ русскіе; но появился трубачъ на башнѣ и закричалъ:

«Прочь отсюда! Паны, находящіеся въ крѣпости, «не станутъ унижаться, чтобъ входить съ вами, хо-«лопами, въ сношенія, а мѣщанамъ не позволяется.»

Воротившись, Небаба доносилъ, что поляки ни во что́ считаютъ силу казацкую, и настаивалъ, чтобъ Хмельницкій поскорѣе взялъ Замостье и доказалъ имъ, что́ значатъ казаки (52).

Увѣренные въ томъ, что русскіе предмѣщане готовы будутъ принять казаковъ, какъ братьевъ, и да-

---

(51) «Obsid. Zamosc.»

(52) «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 36. — «Annal. Polon. Clim.» I, 88. — «Hist. Jan. Kaz.» I, 29.

дутъ имъ пристанище въ своихъ домахъ, паны приказали зажечь предмѣстья, и казаки явились...

5–го ноября, въ самый развалъ пожара, поднялась сильная буря прямо въ лицо казакамъ. «Несчастные предмѣщане (говоритъ очевидецъ) хватали что́ успѣвали изъ своихъ пожитковъ; одни бѣжали съ ними въ подземныя ворота къ сѣверной башнѣ; другіе карабкались по веревкамъ черезъ стѣны; крики малютокъ, вопли лишенныхъ крова и дрожащихъ отъ стужи, страшно поражали слухъ. Многіе не попали въ городъ и помѣстились на возахъ съ остатками своихъ имуществъ подъ стѣнами. Никто не смѣлъ роптать, если не хотѣлъ быть отданнымъ подъ стражу двумъ дворянамъ, которыхъ выбрали стеречь подозрительныхъ, съ сотнею жолнеровъ. Заперли на–глухо ворота; по всѣмъ башнямъ разставили войско; на стѣнахъ расположился остальной народъ, съ косами и колодами для отраженія приступа».

Хмельницкій остановился въ сосѣднемъ селеніи Лабуняхъ, и задумалъ стѣснять поляковъ медленнымъ обложеніемъ. Онъ разставилъ казаковъ кругомъ крѣпости, на большое пространство, и приказалъ сдѣлать плотину на рѣкѣ, протекавшей черезъ городъ. Воду потянуло внизъ, и осажденные потерпѣли черезъ это большой недостатокъ. Колодцы днемъ изсыхали до дна, и только ночью слегка наполнялись водою. Не такъ счистливы были казаки въ полевыхъ работахъ:

валы и батареи копать было трудно, потому–что земля стала уже замерзать. Хмельницкій видѣлъ, съ одной стороны, трудность взять сильную крѣпость въ такое время года, а съ другой, не желалъ идти на приступъ, чтобъ тѣмъ не обнаружить явныхъ непріязненныхъ дѣйствій, и старался сохранить видъ, что онъ не хочетъ воевать до окончанія сейма, а потому послалъ къ Мышновскому письмо, на имя сенаторовъ и шляхты, запершейся въ Замостьѣ.

Хмельницкій вѣжливо желалъ имъ здоровья и благополучія и увѣрялъ, что не хочетъ кровопролитія, а явился съ войскомъ единственно по тому случаю, что преслѣдовалъ Іеремію Вишневецкаго.

«Но такъ–какъ (писалъ онъ) онъ изъ вашего города убѣжалъ, то мы бы желали, чтобъ вы не заводили съ нами войны, а примирились добровольно, какъ львоване, и мы тотчасъ отступимъ отъ вашего города со всѣми войсками, и волосъ не спадетъ съ головы вашей. Если жь вы не захотите мира, о которомъ мы просимъ Бога, то ужь тогда не отойдемъ отъ города, пока исполнится приговоръ Божій: мы хоть не рады, а должны будемъ воевать съ вами. Сохрани Богъ! Лучше пусть теперь, когда мы дошли до васъ, Богъ дастъ намъ миръ, и мы счастливо дождемся новаго государя, кого Богъ намъ благословитъ. Мы же, въ особенности, желали бы себѣ природнаго государя, королевича Іоанна Ка-

зимира: дай Господи, чтобъ довелось служить ему вѣрно, какъ мы служали, блаженной памяти, брату его Владиславу IV–му...»

Чрезъ два дня, комендантъ прислалъ гетману, отъ лица всѣхъ дворянъ Замостья, отвѣтъ, исполненный увѣреній въ желаніи мира, но незаключавшій въ себѣ ничего рѣшительнаго. Дворяне извѣщали казацкаго предводителя, что и они желаютъ королемъ природнаго королевича, но не упомянули имени Іоанна–Казимира, котораго не желали.

Въ то же время Хмельницкій, полагая, что Вайера, какъ иноземца, можно легко склонить, послалъ ему, черезъ плѣннаго нѣмца, письмо и приглашалъ поступить въ одну компанію и въ одно товарищество съ казаками.

Вайеръ отвѣчалъ:

«Хотя вы, казаки, привыкли снискивать себѣ хлѣбъ «саблею, но, до–сихъ–поръ, добывали его не отъ Речи «Посполитой, матери вашей, а отъ враговъ, въ чемъ «мы всегда готовы быть вамъ товарищами, но про-«тивъ Речи Посполитой помогать вамъ не станемъ. «Я, Вайеръ, не только дворянинъ Речи Посполитой, «но и сенаторъ и каштелянъ хелминскій, и хотя у «меня подъ командою войско не польскаго проис-«хожденія, но состоитъ все изъ пруссаковъ, ливон-«цевъ и курляндцевъ, — все это сыны одной Речи

«Посполитой. Впрочемъ, мы не подадимъ повода къ «пролитію крови христіанской, если ваши желанія «мира искренны» (53).

Современникъ разсказываетъ, что, получивъ отвѣтъ изъ Замостья, Хмельницкій, со старшинами, осматривалъ ровъ, который казаки копали для спуска воды изъ пруда. Въ это время ядро, брошенное со стѣнъ, чуть-было не убило Хмельницкаго: съ-тѣхъ-поръ онъ постоянно жилъ въ Лабуняхъ и только навѣщалъ лагерь (54).

Безуспѣшные переговоры и медленность Хмельницкаго породили въ толпѣ казаковъ ропотъ и даже негодованіе.

«Нашъ гетманъ такъ распился (кричалъ обоз- «ный Чорнота), что ни о чемъ не думаетъ, и страхъ «овладѣлъ имъ. Какъ! мы побрали въ неволю гетма- «новъ, разсѣяли все польское войско, взяли окупъ со «Львова, и теперь, Замостье, частная крѣпость одного «поляка, не могла бы выдержать нашей силы; бѣда «только, что панъ гетманъ началъ поблажать поля- «камъ, ведетъ съ ними тайные сношенія и обманы- «ваетъ войско!»

Хмельницкій зналъ, говоритъ лѣтописецъ, что́ за

---

(53) «Supplem. ad. Hist. Russ. monum.» 181—184.
(54) «Obs. Zamosc.»

голова былъ Чорнота, и приказалъ тотчасъ готовиться къ приступу (55).

Гетманъ открылъ нападеніе тѣмъ, что пустилъ ядра и зажигательныя гранаты въ городъ; но одни не долетали, другія перелетали, а третьи хотя падали на крыши, но не причиняли большаго вреда. Дожидаясь рѣшительнаго приступа, поляки, съ колокольнымъ звономъ, ободряемые священною процессіею съ св. дарами, выстроились къ бою; но казаки цѣлый день только играли на трубахъ, какъ-будто для-того, чтобъ изнурять враговъ безпрестаннымъ ожиданіемъ (56). Между-тѣмъ, наломали хворосту для забрасыванія рва, надѣлали соломенныхъ пуковъ для зажженія, приготовили, изъ толстыхъ бревенъ, осадную машину на колесахъ, называемую показацки *гуляй-городына,* съ отверстіями для вставки пушекъ и ружей, и съ корзинами, или ящиками, набитыми землею, для закрытія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ (57). Къ вечеру, на сѣверной и на восточной сторонѣ появилась сплошная масса казаковъ. Хмельницкій отобралъ такихъ молодцовъ, которые еще не знали, какъ управляться съ оружіемъ, потому-что,

---

(55) «Annal. Polon. Clim.» I, 89. «Hist. pan. Jan. Kaz.» I. 36.

(56) «Obs. Zamosc.»

(57) «Ann. Pol. Cl.» I. 89. «Hist. Pan. Jan. Kaz.» I. 36.

до-сихъ-поръ обращались только съ косами да серпами, но за-то болѣе всѣхъ шумѣли противъ предводителя; выкатилъ сначала нѣсколько бочекъ горѣлки, а потомъ загналъ всѣхъ въ гуляй-городыну и заперъ ее рогатками, а позади поставилъ старыхъ, настоящихъ казаковъ и приказывалъ имъ подгонять лѣнивыхъ и трусливыхъ и даже колоть, если они попятятся назадъ. По бокамъ поставлена была конница. Въ одиннадцать часовъ ночи, поляки отвѣчали имъ такимъ сильнымъ огнемъ, что русскіе разстроились; бревна, сложенныя на-скоро, разсыпались; холопы не умѣли хорошо стрѣлять и попадали въ стѣны, или на воздухъ; притомъ на полякахъ были панцыри, а на русскихъ свитки да кожухи! Покинувъ разоренное свое артиллерійское оружіе, они бросились на заднихъ казаковъ; прорвали ряды ихъ и привели всѣхъ въ безпорядокъ. Въ то же время, когда неопытная и буйная чернь выставлена была на убой подъ гуляй-городыною, Чорнота, съ казаками, зашелъ съ сѣверной стороны чрезъ болото, гдѣ стѣна была ниже, не защищалась башнями и гдѣ поляки не ждали видѣть казачества. Сначала, съ этой стороны, дѣло казаковъ шло удачно: они перешли ровъ и приставили къ стѣнѣ такія огромныя лѣстницы, что пятьдесятъ человѣкъ едва могли нести одну, но поляки поспѣшили туда, гдѣ нападалъ Чорнота, и отбили его. Самъ Чорнота лѣзъ, «какъ сорви-

голова», говоритъ лѣтописецъ польскій, но былъ раненъ въ лядвею, упалъ съ лѣстницы и, не получая въ пору ни подкрѣпленія, ни содѣйствія, оставилъ приступъ. Тогда осажденные такъ расхрабрились, что двѣ тысячи человѣкъ сдѣлали вылазку на предмѣстье, гдѣ стоялъ Головацкій, съ двѣнадцатью тысячами казаковъ; они напали неожиданно, захватили триста вьючныхъ лошадей и взяли въ плѣнъ сотника Метлу ([58]).

Съ-тѣхъ-поръ казаки, хотя стояли три недѣли подъ Замостьемъ, но ужь не оказывали ни малѣйшихъ непріязненныхъ поступковъ. Они даже перестали роптать на Хмельницкаго, особенно когда, посредствомъ гаданія (а въ гаданіяхъ, по замѣчанію современниковъ, они были большіе искусники), дознались, что судьба не даетъ имъ успѣха, сколько бы они ни трудились. Они пустили что-то огненное, на подобіе горящаго шара или ракеты, прямо на городъ по воздуху, такъ-что осажденные думали, что хотятъ зажигать городъ; ракета, долетѣвъ до средины города, протянулась въ воздухѣ на подобіе копья, потомъ начала сгибаться и, наконецъ, приняла форму

([58]) «Annal. Polon. Clim.» I. 89—90. — «Pam. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 36—38. «Hist. pan. Jan. Kaz.» I. 31. — «Hist. ab. exc. Wład. IV.» 25. «Stor. delle guer. civ.» 60.

змѣи; хвостъ и голова сблизились, и тогда голова какъ-будто начала кусать хвостъ. Видя это, казаки закричали: «*годи теперъ, панове молодци, не наша доля*» (59). Какая-то знаменитая ихъ чаровница, Маруша, объяснила имъ, что успѣха не будетъ. Съ-тѣхъ-поръ они ужь не воевали (60).

Начальникъ Замостья, пользуясь бездѣйствіемъ казаковъ, послалъ къ Хмельницкому съ просьбою не разорять за́мка пана Замойскаго. Этотъ за́мокъ стоялъ посреди пруда съ южной стороны крѣпости; комендантъ предлагалъ помѣстить тамъ для охраненія казацкій гарнизонъ.

Хмельницкій отвѣчалъ: «Удивительно, что вы за-«ботитесь о сохраненіи пустаго дома болѣе, чѣмъ о «многолюдномъ городѣ въ то время, когда есть сред-«ство сойтись съ нами, если только вы не станете «пренебрегать своимъ дѣломъ».

Получивъ такой отвѣтъ, паны послали спросить, что́ онъ разумѣетъ?

«Такъ-какъ намъ извѣстно (писалъ Хмельницкій), что владѣтель Замостьи обращался всегда человѣколюбиво съ русскимъ народомъ, такъ-какъ, притомъ, приходитъ пора снять лагерь, то я соглашаюсь отве-

---

(59) «Hist. belli cosac. polon.» 90.
(60) «Obs. Zamosc.»

сти казаковъ въ Украину, если мнѣ дадутъ небольшую денежную сумму для удовлетворенія татаръ».

На это Мышковскій написалъ: «Мы согласны заплатить пану Хмельницкому 20,000 польскихъ злотыхъ, если казацкій предводитель исполнитъ слѣдующія условія: вопервыхъ, оставитъ въ цѣлости замокъ, о которомъ ужь было говорено; вовторыхъ, запретитъ казакамъ разорять костёлы, замки и имѣнія сосѣднихъ дворянъ — все, что́ осталось еще неповрежденнымъ; втретьихъ, не будетъ отдавать въ плѣнъ побѣжденныхъ и, вчетвертыхъ, если, по полученіи суммы, воротится въ Украину».

Хмельницкій согласился на все, но, получивъ сумму, написалъ коменданту: «Я не могу возвратиться въ Украину, пока не прійдутъ въ мой лагерь казацкіе отряды, разосланные по окрестностямъ; однако городу бояться не́чего, даже вы получите отъ насъ пользу, если позволите казакамъ безъ оружія подходить къ городу и продавать скотъ и прочее, что́ они захотятъ сбыть; я же, съ своей стороны, увѣряю васъ, что всякъ можетъ безопасно выходить изъ города».

Комендантъ позволилъ, и тогда въ казацкомъ обозѣ открылась настоящая ярмарка: казаки продавали своимъ непріятелямъ скотъ и разныя драгоцѣнности: серебряные кубки, чаши, платья, мѣхи; все это было отнято подъ Пилявою и продавалось теперь н

обыкновенно–дешево, такъ–что тучный быкъ стоилъ талеръ. Нѣкоторымъ изъ поляковъ даже понравился такой торгъ, хотя отъ него поживлялись только богачи, а бѣдные, часъ–отъ–часу, приходили въ скудное положеніе, особенно оттого, что въ Замостьѣ открылся падежъ скота и лошадей ([61]).

([61]) «Hist. belli cosac. polon.» 91—93. «Stor. delle guer. civ.» 64.

ГЛАВА V.

Избраніе Іоанна Казимира. — Королевское приказаніе. — Отступленіе Хмельницкаго въ Украину. — Прибытіе въ Кіевъ. — Митрополитъ Іосафъ. — Возобновленіе брака Хмельницкаго.

Наконецъ Хмельницкій узналъ, что избраніе кончилось и кончилось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Приступая къ Замостью, казацкій предводитель писалъ къ разнымъ государственнымъ людямъ письма и послалъ на сеймъ ксендза, канонника Гумель-Мокрскаго, вѣроятно, тайно къ нему расположеннаго, съ нѣсколькими умными особами, поручивъ имъ письмо, въ которомъ увѣрялъ сеймъ, что причиною всего кровопролитія — Вишневецкій; что казаки зашли въ Польшу единственно преслѣдуя Вишневецкаго, а сами попрежнему остаются вѣрными Польшѣ. Въ этомъ письмѣ, Хмельницкій ужь ни мало не выказывалъ себя виновнымъ, не просилъ прощенія, и замѣтилъ, что будетъ жалко, если паны пойдутъ на казаковъ войною. Хмельницкій научилъ своихъ пословъ стараться, чтобы выбранъ былъ такой король, который былъ бы благосклоненъ къ казакамъ и вообще къ рус-

скому народу. Онъ тогда же обратилъ вниманіе на Яна Казимира, брата владиславова, и писалъ о немъ къ нѣкоторымъ изъ важныхъ пановъ. Избирательный сеймъ не былъ на этотъ разъ такъ буренъ и мятеженъ, какъ обыкновенно случалось: очевидная опасность заставила всѣхъ поспѣшить избраніемъ главы государства. Сначала было обратили вниманіе на Ракочи, трансильванскаго князя. Іеремія Вишневецкій особенно говорилъ въ его пользу, приводя въ доказательство, что венгерцы во всемъ похожи на поляковъ и въ нравахъ своихъ, и въ образѣ жизни, и потому-то съ ними должно соединиться; одно только препятствовало Ракочи быть королемъ польскимъ: онъ былъ не католикъ; но Вишневецкій приводилъ въ примѣръ Сигизмунда III-го, который сказалъ, что для польской короны согласится сдѣлаться не только католикомъ, но іезуитомъ: князь совѣтовалъ предложить тоже Ракочи. Неожиданно пришло извѣстіе, что Стефанъ Ракочи, тогдашній князь трансильванскій, умеръ. Тогда другая партія взяла верхъ, и всѣ послѣдовали совѣту духовныхъ, изъ которыхъ одинъ, Стефанъ Вышга, предъ самымъ началомъ сейма читалъ проповѣдь и привелъ въ ней кстати текстъ изъ книги Царствъ: «изберите себѣ царя изъ сыновей господина вашего, того, который вамъ понравится, и посадите его на тронъ отцовскій».

Два сына Сигизмунда, Карлъ и Казимиръ, оба

бывшіе въ духовномъ званіи, были кандидатами на избраніе; большинство было на сторонѣ Карла. Казацкіе коммиссары сильно стояли за Казимира; его стороны держался и Оссолинскій. За Казимира старался посланникъ императора и французскій дворъ. (1) Говорятъ, что Оссолинскій рѣшилъ дѣло: онъ убѣдилъ Карла добровольно отказаться отъ своихъ претензій, представляя ему, что, въ противномъ случаѣ, отечество испытаетъ ужасные безпорядки, когда Хмельницкій готовъ будетъ воевать за Казимира. Карлъ отказался; а Казимиръ единогласно былъ избранъ королемъ, несмотря на то, что бывъ принцемъ, вступилъ въ іезуитскій орденъ и получилъ отъ папы кардинальскую шапку; несмотря даже и на то, что рѣдкій желалъ видѣть его королемъ, потому-что поляки имѣли о немъ дурное мнѣніе (2). «Но у ляховъ, хоть ихъ и большое скопленіе было въ Варшавѣ, были заячьи уши, говоритъ лѣтописецъ русскій: такой страхъ ими овладѣлъ, что послышатъ ли трескъ сухаго дерева, то готовы безъ памяти бѣжать къ Данцигу, и сквозь сонъ не одинъ тогда кричалъ: «Хмельницкій идетъ!» Оттого они всѣ только и думали, какъ бы примириться съ грознымъ побѣдителемъ, и согласились на избраніе Казимира

(1) «Stor. delle guer. civ.» 50—51.
(2) «Histor. belli cosac. polon.» 93.

чтобъ угодить казакамъ, которые особенно страшны стали тогда, когда изъ Воли, гдѣ былъ сеймъ, виднѣлись по вечерамъ зарева горящихъ панскихъ дворовъ и костеловъ (3). Едва только собрали голоса въ пользу Іоанна Казимяра, паны тотчасъ послали къ Хмельницкому ксендза Ансельма съ извѣстіемъ.

Хмельницкій очень былъ доволенъ.

«*Того только* я и ждалъ (сказалъ онъ), чтобъ «было къ кому прибѣгнуть въ тяжкихъ несчастіяхъ «своихъ: настояща бѣда не зъ моей причины сталась, «а все зъ дурныхъ старости́въ и ви́дъ лядской стар«шины́, кото́ра намъ велы́ки шко́ды чрезъ аре́нды «по́льски робы́ла, дай того́ лы́ха наробы́ла. Я не на «кровь всенародную иду́, а одъ настою́чихъ на мене́ «во́йскомъ ся бороню́» (4).

Немедленно онъ послалъ въ городъ извѣстіе и такъ писалъ:

«Избирательный сеймъ кончился. Казаки, какъ дѣти одного отечества, подавали голоса свои, и, ради ихъ, поляки согласились избрать Іоанна Казимира. Но казаки такъ любятъ короля своего, какъ дѣти отца; и пока онъ не будетъ коронованъ, то войско запорожское не выйдетъ изъ Польши, а будетъ стоять для охраненія особы его величества.

---

(3) «Истор. о през. бр.».
(4) «Woyn. dom.» Ч. I. 41. — «Лѣтоп. Мал.»

Предлагаю гарнизону въ Замостьѣ отворить намъ теперь ворота, какъ согражданамъ и пріятелямъ» (5).

Вѣсть объ избраніи Іоанна Казимира очень не понравилась въ Замостьѣ: паны видѣли въ новомъ королѣ орудіе Оссолинскаго и антиреспубликанской партіи (6); однако, скрывая неудовольствіе, угостили и одарили казацкаго трубача и отослали назадъ съ такимъ отвѣтомъ:

«Мы, находящіеся въ Замостьѣ, всѣ благодаримъ «пана Хмельницкаго за то, что его трубачъ принесъ «намъ извѣстіе, котораго мы чрезъ почту не могли «получить, по причинѣ военныхъ безпорядковъ. Но «слышали и мы, что Янъ Казимиръ, избранный ко- «ролемъ, двинулся ужь къ Замостью для успокоенія «несогласій нашихъ; прибывъ сюда, онъ узнаетъ, «кто изъ насъ нападаетъ на отечество, а кто его за- «щищаетъ.»

Между-тѣмъ, комендантъ послалъ Хмельницкому въ подарокъ четыре боченка отличнаго вина (7).

Чрезъ нѣсколько дней, 19-го января, явился въ лагерь другой посланникъ отъ самого новоизбраннаго

---

(5) «Annal. Polon. Clim.» I. 91.

(6) «Hist. belli. cosac. Polon.» 95.

(7) «Pam. do pan. Żygm. III, Wł. IV i Jan. Kaz.» II. 39. — «Annal. Polon. Clim.» I, 1. «Obs. Zamosc.»

короля, шляхтичъ русской вѣры, Яковъ Смяровскій. Казаки встрѣтили его съ распущенными знаменами, били въ котлы, играли на трубахъ, стрѣляли салютацію. По замѣчанію одного современника (8), казаки болѣе боялись короля, нежели цѣлаго сейма Речи Посполитой.

Услыша такое неожиданное смятеніе въ непріятельскомъ обозѣ, осажденные испугались–было, особенно, когда до нихъ долетали слова: «ой тепéра прійшóвъ сирóта до Замóстья отворы́ты ворóта!» У казаковъ было преданіе о какой–то пушкѣ огромной величины, которую нѣкогда москвитяне везли въ Кіевъ и бросили на дорогѣ: эта пушка слыла въ народѣ подъ именемъ сироты, а потому осажденные подозрѣвали, не получили ль казаки свѣжей помощи и не думаютъ ли рѣшительно штурмовать (9).

Но посланникъ королевскій привезъ Хмельницкому приказаніе, отъ имени короля, отступить въ Украину и тамъ дожидаться его коммиссаровъ.

«Я избранъ королемъ польскимъ (писалъ король) по единодушному согласію обоихъ народовъ, такъ–какъ ты самъ, Хмельницкій, требовалъ этого пламенно, въ нѣсколькихъ письмахъ своихъ и частныхъ и посланныхъ къ Сенату. Признай же во мнѣ вер-

(8) «Woyn. dom.» I, 40.
(9) «Histor. belli cosac. polon.» 95.

ховнаго намѣстника великаго Бога, не опустошай непріятельски областей польскихъ, и перестань разорять моихъ подданныхъ. Отступи отъ Замостья; я желаю, чтобъ это было первымъ доказательствомъ твоего послушанія. Вспомни, что воинъ не есть разбойникъ и грабитель; ты не варваръ, а христіанинъ. Избавь народъ отъ убійствъ, а себя отъ безславія».

«Повинуюсь королевскому приказанію, сказалъ «казацкій предводитель: ибо увѣренъ, что скоро раз- «судятъ меня» (10).

Гетманъ былъ очень-веселъ, пилъ съ посломъ за здоровье короля, при громѣ пушекъ, и сказалъ:

«Вотъ, еслибъ вы, еще лѣтомъ, на конвокаціи «выбрали короля, не было бы того, что́ сдѣлалось. «Хорошо, что выбрали Іоанна Казимира, а еслибъ «выбрали другаго, такъ я бъ пошелъ въ Краковъ и «далъ корону тому, кому бы захотѣлъ» (11). Онъ тотчасъ послалъ трубача въ Замостье.

«Не подумайте съ моей стороны ни малѣйшей хитрости (писалъ онъ) и приготовляйтесь принять съ должною честью посла его величества».

---

(10) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 25. «Stor. delle guer. civ.» 65.

(11) «Supplem. ad. Hist. Russ. monum.» 186.

Паны отвѣчали, что готовы принять его, и, чрезъ нѣсколько часовъ, онъ явился въ городъ Смяровскій.

«Завтра я ухожу съ войскомъ (писалъ Хмельницкій), по приказанію его величества, а потому теперь слѣдуетъ вамъ веселиться и быть вѣрными своему государю» (12).

«Тогда, говоритъ современникъ, поляки кричали для вида: «многая лѣта королю Казимиру», а шопотомъ приговаривали: «еслибъ эти многая лѣта кончились прежде, чѣмъ онъ вступилъ на престолъ!» Иные толковали тогда же, что отъ новаго короля нѣчего ждать добраго, потому-что самое имя его — Казимиръ порусски означаетъ сокрушителя мира (13).»

24-го ноября, казаки отступили, сдѣлавъ залпъ изъ пушекъ, и паны, освободившись отъ осады, вышли смотрѣть на мѣсто казацкаго обоза и пѣли тамъ: «Тебѣ Бога хвалимъ». Они удивлялись и поздравляли другъ друга съ спасеніемъ, которое казалось невозможнымъ при такомъ большомъ войскѣ непріятельскомъ. «Тогда (говоритъ современникъ) поляки шопотомъ говорили, что вѣрно Богъ послалъ на Хмельницкаго слѣпоту (14), когда, съ такими силами, онъ

---

(12) «Hist. belli cosac. polon.» 95. — «Annal. Polon. Clim.» I. 92.

(13) «Hist. belli cosac. polon.» 96.

(14) «Hist. ab. exc. Wł. IV». 25.

не только не взялъ столицы и не покрылъ пепломъ всей Польши, но даже уклонялся отъ непріязненныхъ дѣйствій». Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ поступки Хмельницкаго, со дня пилявской битвы, казались неразгаданными.

Изумленные татары спрашивали его, что́ значитъ такое внезапное отступленіе отъ города, въ которомъ они вѣрно надѣялись обѣдать. «Я подданный «короля и слуга короля (отвѣчалъ Хмельницкій), и «потому повинуюсь его повелѣнію!»

Возвращаясь изъ-подъ Замостья на Волынь съ войскомъ, Хмельницкій встрѣтилъ новыхъ пословъ отъ короля: то́ былъ посланный имъ ксендзъ, Гумель-Мокрскій, и какой-то присланный панъ Гижовскій. «Начиная счастливо наше царствованіе (писалъ король), мы, по примѣру предковъ нашихъ, послали вамъ, какъ старшему въ вѣрноподданномъ запорожскомъ войскѣ, булаву и хоругвь, и обѣщаемъ вамъ возвращеніе древнихъ вашихъ рыцарскихъ правъ. Что касается междоусобія, которое, къ-сожалѣнію, продолжалось до-сихъ-поръ, то мы сами теперь видимъ и соглашаемся съ вами, что причины его тѣ самыя, которыя вы изложили въ письмѣ вашемъ, а запорожское войско невиновато. Вы желаете, чтобъ запорожское койско состояло подъ властью нашею, независимо отъ украинскихъ старостъ: мы того же хотимъ, и, уразумѣвъ отъ пословъ вашихъ

ваше справедливое желаніе, желаемъ привести въ дѣйствіе, чрезъ коммиссаровъ, какъ-можно-лучше. Относительно уніи, мы также хотимъ, чтобъ удовлетворить просьбу вашу надлежащимъ образомъ. А отъ васъ желаемъ, чтобъ вы, видя наше милостивое королевское къ вамъ благорасположеніе и готовность успокоить все нашею королевскою властью, возвратились въ вашъ край, распустили вооруженную чернь, отпустили татаръ, дабы не было болѣе опустошенія нашему королевству, и ожидали къ себѣ коммиссаровъ нашихъ».

Хмельницкій былъ тронутъ этимъ письмомъ. Онъ видѣлъ въ немъ какъ-бы продолженіе плановъ Владислава и Оссолинскаго. Онъ надѣялся и мирнаго успѣха возрожденія Руси, и возвышенія королевскаго достоинства въ Польшѣ посредствомъ казаковъ. Прибывъ въ Острогъ, гетманъ приказывалъ загонамъ прекратить свои набѣги, народу оставлять оружіе, и издалъ универсалъ къ дворянамъ. «Желаю (писалъ онъ) чтобъ, сообразно волѣ и приказанію его королевскаго величества, вы не замышляли ничего дурнаго противъ нашей греческой религіи и противъ вашихъ подданныхъ, но жили съ ними въ мирѣ и содержали ихъ въ своей милости. А если, — сохрани Боже! кто-нибудь упрямый и злой задумаетъ проливать христіанскую кровь и мучить убогихъ людей, то, коль-скоро вѣсть объ этомъ дойдетъ до

насъ, то виновный нарушитель мира и спокойствія, установленнаго его королевскимъ величествомъ, доведетъ Рѣчь Посполитую до погибели» (14).

Ни поляки, ни русскіе не оставили непріязненныхъ дѣйствій. По уходѣ Хмельницкаго, нѣкто Якубъ Роговскій, выйдя изъ Замостья, кинулся на казацкій загонъ полковника Калины Воронченка и разогналъ его. Русскіе, съ своей стороны, сожгли домъ пана Замойскаго, стоявшій на озерѣ. И во всей Руси не переставало кровопролитіе, несмотря на видимое миролюбіе предводителя, который, казалось, спокойно рѣшился ожидать судьбы своей отъ воли королевской (15).

Хмельницкій прибылъ, въ первыхъ числахъ января, 1649 года, въ Кіевъ. При звонѣ колоколовъ, при

---

(14) «Supplem. ad histor. Russ. monum.» 185—187.

(15) Объ осадѣ Замостья и избр. кор. вообщ. см.: «Histor. belli cosac. polon.» 92—94. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 21—24. — «Annal. Polon. Clim.» I, 89—92. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 15—19. — «Истор. о през. бр.» — «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 307—311. — «Suppl. ad histor. Russ. monum.» 184. — «Woyn. dom.» I, 41. — «Кр. истор. о бунт. Хмел.» 10. — «Лѣтоп. сам.» 12. — «О малор. нар. и запор.» 9. — «Кр. опис. о каз. мал. нар.» 36. — «Latop. Jerl.» 71.

громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа, предводитель, со всѣми старшинами, въѣхалъ торжественно въ полуразрушенныя ярославовы золотыя ворота и, у стѣнъ св. Софіи, былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему латинскіе и украинскіе стихи. «Казаки, говоритъ русскій лѣтописецъ, заплакали, увидя красоту церквей божіихъ, столицы св. Владиміра, на землю опроверженную ([16])!»

Самъ гетманъ очень былъ грустенъ; что-то странное явилось въ его характерѣ: онъ то постился и молился; по нѣскольку часовъ лежалъ ницъ передъ образами въ храмѣ; то совѣтовался съ колдуньями, которыхъ держалъ при себѣ три и, пьяный, пѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и ровенъ въ обращеніи со всѣми, то суровъ и надмененъ; казачество все прощало ему ([17]). Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Переяславль ([18]).

Тамъ ожидалъ его митрополитъ коринѳскій, Іоасафъ, носившій имя патріарха въ Украинѣ. Отъ лица всего православнаго міра на востокѣ, онъ приносилъ ему поздравленіе и побуждалъ его на новую

([16]) «Истор. о през. бр.».
([17]) «Hist. pan. Jan. Kaz.» I, 41.
([18]) «Истор. о през. бр.».

войну противъ ненавистнаго папизма. Онъ вовсе не былъ пастырь, какъ говорятъ о немъ современники-поляки, а какой-то изгнанникъ (19). Съ благословенія этого архіерея, Хмельницкій вступилъ снова въ брачную связь съ прежнею своею женою, отнятою Чаплинскимъ (20), которая притомъ была, какимъ-то образомъ кума ему. Митрополитъ коринѳскій уничтожилъ бракъ ея съ Чаплинскимъ и, церковнымъ обрядомъ, освятилъ новое сожительство Хмельницкаго съ прежнею женою. Сынъ Хмельницкаго, Тимоѳей, не терпѣлъ своей мачихи и сердился на архіерея, благословившаго ей бракъ съ отцомъ его (21). По увѣренію одного лѣтописца, Чаплинскій былъ около того времени пойманъ казаками и казненъ Хмельницкимъ (22); но по современнымъ актамъ видно, что онъ былъ живъ (23).

Въ Литвѣ борьба съ русскимъ народомъ не прекратилась отступленіемъ Хмельницкаго: съ ожесточеніемъ рѣзались противъ пановъ литовскіе крестьяне, но неудачно. Въ декабрѣ, Горкуша, бывшій до того вре-

---

(19) «Diar. Miastkowsk. Zbiór pamiętników o dawnéj Polsce.» VI.

(20) «Лѣтоп. самов.» 12. — «Истор. о през. бр.»

(21) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 339.

(22) «Лѣтоп. Велич.» I. 64.

(23) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 322.

мени въ Березинѣ, напалъ на Быховъ, дважды хотѣлъ взять его штурмомъ и дважды былъ отбитъ. Онъ отступилъ; но Янъ Пацъ преслѣдовалъ его и, догнавъ у поповой горы — замка, который былъ сборнымъ мѣстомъ для составленія загоновъ, разбилъ на-голову. Кривошапка и Мыкулицкій шли, съ своими загонами, на выручку Горкуши; но услышавъ о несчастіи, ушли въ Бабиневичи. Пацъ отправилъ отрядъ выгнать ихъ оттуда. Хлопы разбѣжались частью въ лѣсъ, а частью въ Стародубъ. Милковскій, Ждановичъ и Горскій погнались за ними, имѣли на дорогѣ нѣсколько стычекъ, возвратили нѣсколькихъ плѣнныхъ дворянъ и дворянокъ, и достигли Стародуба. Стародубовцы просили пощады, увѣряли, что тѣ, которые воевали въ Литвѣ, ушли въ Мглинъ, а въ Стародубѣ остались невинные люди. По увѣренію литвина-современника, они пощадили городъ ([24]).

Вслѣдъ затѣмъ, Радзивиллъ напалъ на Мозырь, бывшій въ рукахъ Михненка. Прежде всего онъ отправилъ отрядъ, подъ начальствомъ Павловича, на овручскую дорогу, чтобъ пресѣчь возможность удалиться казакамъ, а самъ повелъ войска свои на штурмъ съ трехъ боковъ. Послѣ упорнаго боя, драуны разломали палисады, т. е., тѣсно-соединенныя

([24]) «De rebus. gest. contra cos.» 18—20.

между собою бревна, съ большимъ усиліемъ овладѣли валомъ и ворвались въ городъ. Упорство русскихъ приводило въ изумленіе непріятелей: они засѣли въ домахъ и стрѣляли изъ нихъ; городъ былъ зажженъ; русскіе продолжали бить враговъ среди пылавшихъ строеній, убиваемые падающими на нихъ крышами и стропилями. Самъ Михненко былъ схваченъ и сброшенъ съ башни. Другой предводитель, неизвѣстный по имени, былъ счастливѣе: онъ успѣлъ выбѣжать изъ развалинъ Мозыря и наткнулся на непріятельскій отрядъ; какой-то жолнеръ схватилъ его, но поскользнулся, и казакъ, въ свою очередь, схватилъ его и умчалъ съ собою.

Отъ Мозыря Радзивиллъ отправился къ Бобруйску и неожиданно окружилъ его. Мѣщане просили пощады; русскіе священники умоляли Радзивилла о милосердіи. «Хотя (говоритъ современникъ) князь зналъ хорошо причину такого смиренія, однако разсудилъ, что истребленіе мѣщанъ будетъ вредно государству, а мятежа не уничтожитъ, и обѣщалъ мѣщанамъ цѣлость жизни и имуществъ, если только они всѣ, по одиночкѣ, выйдутъ за ограду города, выдадутъ знамена и начальниковъ возмущенія со всѣми, кто участвовалъ въ мужичьемъ возстаніи. Они согласились, и тогда народъ вышелъ толпою, дрожа отъ страха. Мятежники зажгли башни и, защищаясь, погибли въ пламени города, ихъ предавшаго;

начальникъ бросился въ воду, но его вытащили, привели къ гетману и посадили на колъ. Всѣ зачинщики были, подобно ему, посажены на колъ, а другимъ, кого только обвиняли въ участіи въ бунтѣ, рубили руки. Таково было положеніе дѣлъ въ Литвѣ до конца февраля ([25]).

([25]) «De rebus. gest. contra cos. Zap.» 25—32.

ГЛАВА VI.

Положеніе Украины. — Сношеніе съ Крымомъ, Турціею, Молдавіею, Трансильваніею, Московіею. — Польскіе коммиссары въ Переяславлѣ.

Въ-теченіе девяти мѣсяцевъ, 1648 года, Украина измѣнилась такъ, какъ не измѣнялась впродолженіе вѣковъ: польскій аристократическій порядокъ рушился, сословія перемѣшались и слились въ понятіи русскаго и казака; связь, соединившая Украину Польшею, была, повидимому, разорвана; но переворотъ оставался неконченнымъ: еще кипѣло броженіе, и кто могъ отгадать, что̀ изъ него выйдетъ? Сосѣднія державы, которыя находились съ Польшею во враждѣ, искали тогда своихъ выгодъ въ связи съ Украиною.

Крымское царство могло много выиграть отъ этого переворота. И Московія (1) и Польша, страны, не-

---

(1) Слова: Русь, Россія, русское государство, русскій — могутъ относиться равномѣрно какъ къ тому государству, которое было подъ управленіемъ царей, имѣвшихъ свою столицу въ Москвѣ, такъ и къ южному

пріязненныя между собою, обѣ испытывали дикую силу татарскихъ полчищъ. Но отважные казаки, стоя на границѣ и Московіи и Польши, защищали, сами не зная того, и ту и другую, и не допускали татаръ пользоваться раздорами христіанъ, ибо они постановили между собою обѣтъ охранять вѣру и не только не допускали мухаммеданъ вторгаться въ Московію и Польшу, но еще не давали татарамъ покоя и въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Теперь эти заклятые враги сами братались съ крымцами, искали помощи. Для Крыма была двойная выгода: старинные враги мирились съ татарами и вступали съ ними въ союзъ; слѣдовательно, Крымъ освобождался отъ главнаго препятствія къ грабежамъ; украинцы открывали крымцамъ путь въ Польшу; слѣдовательно, для крымцевъ былъ случай поживляться грабежомъ.

Въ подобныхъ отношеніяхъ казачество находилось и къ Турціи. Султаны жадно обращали взоры на Европу; Польша всегда была врагомъ турецкой державы. Издавна обѣ державы спорили между собою за Молдавію, которая переходила подъ власть то поляковъ, то турокъ. Когда въ Европѣ затѣвался кре-

---

краю Россіи, боровшемуся съ поляками, и потому, для избѣжанія запутанностей, я буду унотреблять термины того вѣка, когда совершались описываемыя здѣсь событія.

стовый походъ противъ турокъ, Польша всегда была первая держава, готовая пристать къ нему безкорыстно, изъ одной любви къ христіанству. Намѣреніе Владислава, возбуждавшаго къ войнѣ противъ невѣрныхъ и своихъ подданныхъ, и чужія державы, естественно должно было усугубить вражду турокъ къ полякамъ. Турція, соединяясь съ казаками, могла отомстить за все. Притомъ казаки издавна были самыми безпокойными врагами мухаммеданской державы: когда другіе христіане угрожали имъ только приготовленіями, воззваніями одни къ другимъ, казаки вели съ турками безпрерывную крестовую войну, о какой только мечтали европейцы. Туркамъ представлялся случай сдѣлать изъ отчаянныхъ враговъ себѣ союзниковъ и даже подчинить ихъ своей власти.

Мы видѣли, что Исламъ-Гирей, хотя принялъ участіе въ казакахъ, но не рѣшался формально воевать противъ поляковъ. Но когда первое дѣло было удачно, и Хмельницкій отослалъ въ Крымъ плѣнниковъ, ханъ послалъ въ Польшу требованіе, чтобъ отдали ему дань за четыре года сполна — и татары оставятъ казаковъ, а въ противномъ случаѣ, если дань не будетъ заплачена, въ-теченіе сорока дней, поляки должны ожидать его со всею ордою (2). Примасъ, пра-

(2) «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 77.

витель по случаю междуцарствія, отвѣчалъ, что Польша не можетъ удовлетворить хана немедленно, но, чрезъ двѣ недѣли, соберется сеймъ, на которомъ постараются о средствахъ выплатить жалованье, которое поляки не хотѣли называть данью, и хотя они не имѣли войска, однако увѣряли хана, что онъ, въ случаѣ нападенія, не найдетъ ихъ неготовыми (3). Между-тѣмъ, правитель отправилъ въ Константинополь посломъ пана Жебровскаго (4) къ визирю Муссѣ-Пашѣ и жаловался на Исламъ-Гирея; увѣрялъ въ совершенномъ благорасположеніи Польши къ Турціи, и просилъ, именемъ султана, низложить крымскаго хана, какъ непокорнаго своему властелину. Посредствомъ этого посольства, при пособіи французскаго посла, Польша стала-было обезопасена со стороны Турціи. Визирь приказывалъ Исламъ-Гирею немедленно отпустить польскихъ плѣнниковъ, подъ опасеніемъ снурка на шею. Испуганный Исламъ-Гирей отдѣлывался тѣмъ, что походъ сдѣланъ мурзою безъ его вѣдома, и проволакивалъ время.

Но надежда поляковъ была недолговременна; въ августѣ сдѣлался переворотъ: султанъ былъ умерщвленъ янычарами; восьмилѣтній ребенокъ провозгла-

---

(3) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 177.
(4) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 110.

шенъ султаномъ, подъ именемъ Мухаммеда IV, а капудан-паша, Кападжиларъ, овладѣлъ правленіемъ. Исламъ-Гирей поспѣшилъ съ нимъ сблизиться и представлялъ, что мурзы его не выдадутъ плѣнниковъ польскихъ, потому-что у поляковъ есть въ плѣну татары (5). Визирь, дѣйствуя въ духѣ, противномъ прежнему правительству, задумалъ лучше воспользоваться переворотомъ въ Украинѣ, для пріобрѣтенія себѣ выгодъ, и позволилъ Исламъ-Гирею поступать какъ угодно. И такъ, крымскій ханъ сдѣлался отъявленнымъ союзникомъ Хмельницкаго, ибо, съ одной стороны, былъ обезпеченъ успѣхами Хмельницкаго, а съ другой, увѣренъ, что турецкое правительство не станетъ ему мѣшать. Хмельницкій наблюдалъ за дипломатическими дѣлами очень-искусно и, еще не выходя подъ Пиляву, отправилъ въ Константинополь съ самыми льстивыми предложеніями кропивенскаго полковника, Джеджалыка, природнаго татарина, знавшаго восточные языки (6). Посольство это было успѣшно.

По пріѣздѣ Хмельницкаго въ Переяславль, прибылъ къ нему изъ Турціи Джеджалыкъ и съ нимъ посланникъ турецкій, Ага-Османъ (7). Визирь из-

(5) «Histor. ab exc. Wlad. IV.» 21.
(6) «Annal. Polon. Clim.» I, 101.
(7) «Annal. Polon. Clim.» I, 106.

вѣщалъ, что самое правительство турецкое будетъ помогать Хмельницкому, и уже давно приказаніе хану выступить на помощь казакамъ съ ордою, а силистрійскій паша пришлетъ турецкій отрядъ съ своей стороны. Хмельницкій постановилъ такой договоръ, что турки будутъ ему помогать — и онъ отдастъ имъ значительную часть польскаго королевства отъ Дуная до Люблина ([8]), а Украина будетъ особенною Речью-Посполитою ([9]). Казацкій предводитель не боялся ласкать турокъ обѣщаніемъ, что казаки будутъ находиться подъ покровительствомъ Турціи, какъ данники ([10]). Джеджалыкъ выхвалялъ правленіе турецкое и разсказывалъ, что христіане, находящіеся подъ властью султана, живутъ счастливо. Въ ознаменованіе вѣчнаго согласія и дружбы турокъ съ казаками, посланникъ заключилъ съ Хмельницкимъ договоръ: султанъ позволилъ казакамъ свободное плаваніе по черному морю и по Архипелагу, предоставивъ право безпошлинной торговли на сто лѣтъ; въ Константинополѣ долженъ былъ жительствовать казацкій посланникъ въ особенной части. Запорожцы обязывались, съ своей стороны, защищать турецкіе

([8]) «Woyna dom.» Ч. I, 45.

([9]) «Woyn. dom.» Ч. I, 45.

([10]) «Annal. Polon. Clim.» I, 111. — «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 306.

города и помогать туркамъ противъ разбоевъ, наносимыхъ донскими казаками (11).

Прислали къ Хмельницкому пословъ господари Молдавіи и Валахіи (12). Эти страны искали національной независимости и, по своему положенію, колебались между Турціею и Польшею. Обѣ державы издавна спорили за право леннаго господства надъ волохами, а потому господари необходимо должны были участвовать въ дѣлѣ Украины. Съ одной стороны, казаки были страшны для волоховъ, потому-что заключили союзъ съ турками, отдавали туркамъ польскія земли, лежащія на сѣверъ отъ волошской земли, и, такимъ-образомъ, предавали волоховъ возможности быть совершенно порабощенными; съ другой, — они могли быть полезны для нихъ, и, при совокупномъ дѣйствіи, взаимно утвердить общую независимость. Когда Хмельницкій поднялъ знамя возстанія, молдавскимъ господаремъ былъ Василій Липула, или Лупула, достигшій власти кознями и преступленіями; власть его была ограничена вліяніемъ бояръ, отъ которыхъ онъ каждый день ожидалъ заговоровъ, и, съ своей стороны, употреблялъ всякія средства, чтобъ унизить аристократію. Сверхъ-того, какой-то претендентъ въ то время оспоривалъ у Лупулы престолъ: Лупула

(11) «Собр. госуд. грам. и дог.» III. 44.
(12) «Лѣтоп. самов.» 13.

просилъ содѣйствія у казаковъ. Хмельницкій принялъ ласково посольство и отправилъ въ Молдавію отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ своего сына, Тимоѳея, и тугай-бееву орду, а между прочимъ надѣялся извлечь пользу для себя. У молдавскаго господаря были двѣ дочери: старшая была замужемъ за княземъ Радзивилломъ; другая, Домна, или Розанда, (13) оставалась въ дѣвицахъ и славилась красотою. Хмельницкій изъявилъ послу желаніе посватать для сына молдавскую принцессу (14).

Союза съ казаками искалъ трансильванскій князь Ракочи. Подобно тому, какъ украинскіе гетманы стремились доставить независимость южной-Руси, по-крайней-мѣрѣ, удѣльную, на счетъ Польши, седмиградскій князь оспоривалъ свое владѣніе отъ притязаній габсбургскаго дома. Мы уже знаемъ, что, по смерти Владислава, Стефанъ Ракочи искалъ престола польскаго. Но этотъ претендентъ въ то время скончался. Когда избранъ былъ Іоаннъ-Казиміръ, сынъ Стефана Ракочи, Юрій, новый князь, обратился къ Хмельницкому (15), оставляя безъ вниманія на время,

---

(13) «Hist. ab exc. Wł. IV.»

(14) «Истор. Рус.» 84, 9.

(15) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 366. — «Лѣтоп. самов.» 13.

что Хмельницкій болѣе всего содѣйствовалъ вступленію на престолъ Іоанна Казимира. Посланникъ Ракочи предлагалъ Хмельницкому вступить въ союзъ съ его государемъ и двинуться, весною, съ казаками на Варшаву въ то время, какъ венгерцы нападутъ на Краковъ, и такимъ-образомъ обѣ столицы могутъ быть покорены въ одно время союзниками. «Если «мой государь (говорилъ посолъ) получитъ корону «польскую, то не забудетъ казаковъ и окажетъ имъ «большую благодарность. Въ его царствованіе рус- «ская вѣра будетъ пользоваться одинакими правами «съ римско-католическою, а гетманъ будетъ удѣль- «нымъ государемъ Украины и независимымъ владѣ- «телемъ Кіева». Мало могло выйдти хорошаго для Украины изъ союза съ венгерцами. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, которымъ венгерцы были всегда врагами, ни одинъ не заключилъ въ себѣ столько элементовъ, противныхъ венгерской національности, какъ русскій.

Наконецъ явились къ Хмельницкому послы Алексѣя Михайловича, московскаго царя. При началѣ украинскаго возстанія, Хмельницкій получилъ извѣстіе, что на границѣ московскаго государства собирается войско. Съ безпокойствомъ спрашивалъ казацкій предводитель воеводу московскаго, что́ значитъ такое вооруженіе. «Государь (отвѣчалъ воевода Плещеевъ) «услышалъ, что крымцы хотятъ сдѣлать набѣгъ, а

«потому приготовляетъ войско для обороны» ([16]). Опасаясь, чтобъ приготовленія эти не обратились и противъ него, какъ союзника крымцевъ, Хмельницкій отправилъ къ царю посольство, препроводилъ къ нему присланное отъ Киселя письмо, напоминалъ всѣ несправедливости, какія въ недавнія времена терпѣла Русь московская отъ поляковъ, указывалъ, что поляки владѣютъ Сѣверщиною и Смоленщиною, исконными царскими землями, и убѣждалъ Алексѣя Михайловича воспользоваться печальнымъ состояніемъ Польши, чтобъ возвратить наслѣдіе отцовъ своихъ. Вслѣдствіе этого обращенія Хмельницкаго къ царю, присланы были изъ Москвы въ Переяславль два посла ([17]), которые привезли гетману въ подарокъ собольи мѣха и ласковое слово его царскаго величества. Царь уклонялся отъ разрыва съ Польшею, желалъ успѣха казакамъ, если въ-самомъ-дѣлѣ причина ихъ возстанія одна только вѣра; въ противномъ случаѣ совѣтовалъ покориться предержащей власти ([18]).

Хмельницкій созналъ, какую дивную перемѣну въ короткое время сдѣлала съ нимъ судьба, когда, будучи, за нѣсколько мѣсяцевъ, бѣднымъ изгнанникомъ,

---

([16]) «Истор. мал. Рос.» I, 218.
([17]) «Истор. мал. Рос.» I, 228.
([18]) «Diar. Miastk. Zbiór. pamiętn. o dawn. Polsc.» VI.

увидѣлъ себя окруженнымъ послами владѣтельныхъ особъ; но онъ зналъ, что обязанъ всѣмъ русскому народу, и потому, среди величія, показывалъ себя человѣкомъ чисто-народнымъ. Въ обращеніи съ по лами, окруженный своими полковниками, казацкій предводитель сохранялъ не только простоту, но и грубость казацкой бесѣды. Онъ подчивалъ ихъ изъ золотыхъ кубковъ простою горѣлкою, самъ набивалъ для нихъ трубки, а жена его, одѣтая въ драгоцѣнныя убранства, «*табаку мужу своему въ черепку растирала*» ([19]). Послы были удивлены братскимъ и грубымъ обхожденіемъ полковниковъ съ своимъ начальникомъ. Московскій посолъ, человѣкъ почтенный и обходительный (по замѣчанію современнаго польскаго дворянина), часто принужденъ былъ опускать въ землю глаза. Несмотря на радушный пріемъ, оказанный Хмельницкимъ послу Ракочи, аристократа венгерскаго возмущали грубые возгласы и степныя манеры казаковъ. Говорятъ, что онъ тогда же потихоньку вымолвилъ по-латинѣ: Poenitet me ad istas bestias crudeles venisse ([20]).

Недоставало польскихъ коммиссаровъ, а Хмельницкій дожидался ихъ болѣе мѣсяца: ему хотѣлось показать передъ чужеземными послами, какъ предста-

([19]) «Истор. о през. бр.».
([20]) «Diar. Miastk.»

вители Речи-Посполитой, недавно-презиравшіе казаковъ, какъ рабовъ своихъ, будутъ просить у нихъ пощады. Еще въ декабрѣ, король, по согласію съ сенаторами, нарядилъ коммиссаровъ для заключенія трактатовъ съ казаками: сенатора Киселя, съ его племянникомъ, хорунжимъ новгородсѣверскимъ, молодымъ человѣкомъ русской вѣры, князя Четвертинскаго, Андрея Мястковскаго и нѣкоторыхъ другихъ пановъ. Онъ поручилъ имъ объявить казакамъ прощеніе, вручить Хмельницкому знаки гетманскаго достоинства и, выслушавъ просьбы казаковъ, заключить съ ними условія.

«Не слѣдовало бы (говорилъ тогда король), не слѣ-«довало бы жечь у Богдана мельницы, срамить жену «и убивать его сына» ([21]). Послы выѣхали изъ Варшавы, въ началѣ новаго года, съ огромною свитою, по обычаю панскому, и, доѣхавъ до Случи, принуждены были остановиться и просили у Хмельницкаго провожатыхъ, потому-что не надѣялись свободно проѣхать чрезъ мятежную Украину.

Хмельницкій выслалъ къ нимъ полковника Тышу съ казацкимъ отрядомъ, и они вступили въ Украину, встрѣчая вездѣ слѣды опустошеній. Проѣдутъ нѣсколько верстъ — и попадатся имъ на встрѣчу либо

([21]) «Лѣтоп. пов. о Мал. Рос.» 127.

разоренный костелъ, либо обгорѣлые пни панскихъ дворовъ; не разъ острѣчали они груды шляхетскихъ и жидовскихъ труповъ. Когда они проѣзжали черезъ русскія села, ихъ встрѣчали толпы народа, бранили ихъ, смѣялись надъ ними, и съ трудомъ разгоняли буйную чернь вооруженные казаки. На-силу они могли добыть себѣ корму для лошадей, и то за дорогую цѣну: снопъ сѣна стоилъ тогда шесть флориновъ. Подъѣхавъ къ Кіеву, коммиссары получили пріемъ повѣжливѣе: къ нимъ выѣхали русскіе духовные: митрополитъ и архимандритъ печерскій съ знатнымъ священствомъ, привѣтствовали ихъ, какъ вѣстниковъ мира, и увезли съ собою въ городъ, гдѣ, по извѣстію современника Мястковскаго, Кисель имѣлъ секретный разговоръ съ митрополитомъ. Высшее духовенство православное, въ дѣлѣ народнаго возстанія, имѣло въ виду единственно вопросъ о вѣрѣ, а потому съ равнымъ участіемъ принимало и пановъ православной религіи, какъ и казаковъ, и ни мало не раздѣляло ненависти народа противъ пановъ, которая была важнѣйшею причиною украинскаго возстанія.

Въ пятницу, 9-го февраля, прибыли коммиссары въ Переяславль. Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ полковниками и сотниками; предъ нимъ несли бунчуки и красное знамя войска запорожскаго, какъ-будто въ намекъ дворянамъ, которые привозили

такіе же знаки отъ короля, что онъ уже и безъ королевскаго соизволенія пользуется, гетманскимъ достоинствомъ по избранію народа. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, онъ сѣлъ по лѣвую руку воеводы на однихъ съ нимъ саняхъ. Когда они въѣзжали въ городъ, вдругъ изъ двадцати пушекъ выпалили на городскомъ валу.

Коммиссары приглашены были тотчасъ на обѣдъ къ казацкому предводителю, гдѣ застали чужеземныхъ пословъ. Молодая жена Хмельницкаго угощала гостей. Все носило видъ патріархальности. «Наша «ссора семейная (говорилъ Хмельницкій); Богъ дастъ, «все кончится хорошо; мы помиримся, а жинка сва-«ритъ намъ борщу, и мы заѣдимъ и запьемъ преж-«нія несогласія» ([22]).

Послѣ обѣда, отвели коммиссарамъ квартиры, по разнымъ улицамъ города, такъ чтобъ они не могли сходиться безъ того, чтобъ Хмельницкій объ этомъ не имѣлъ возможности узнать.

На другой день, коммиссары спрашивали Хмельницкаго, гдѣ будетъ ему угодно назначить мѣсто для торжественной аудіенціи, на которой слѣдовало вручить ему знаки гетманскаго достоинства.

— На площади (отвѣчалъ Хмельницкій), потому-

([22]) «Запорожск. стар. Срезневскаго».

что здѣсь нѣтъ такого дома, гдѣ бъ могли помѣститься полковники и казаки.

Коммисары оскорбились этимъ.

— Ясное дѣло (говорили между собою молодые дворяне), что Хмельницкій хочетъ унизить насъ предъ чужеземными послами и передъ всею чернью. Это обида Речи-Посполитой!

— Нельзя противиться (возразилъ старикъ Кисель): мы въ рукахъ казаковъ. Не спорьте, господа, о мѣстѣ, чтобъ намъ не испортить всего дѣла.

10-го февраля, назначенъ былъ день для аудіенціи. Часовъ въ двѣнадцать утра, вышли послы на площадь. Хмельницкій стоялъ въ богатомъ собольемъ кобенякѣ, покрытомъ матеріею кирпичнаго цвѣта. Гетманъ былъ прикрытъ бунчуками. Вокругъ него полковники, каждый съ своею булавою, и всѣ старшины. Народъ и простые казаки толпились на улицѣ и на крышахъ домовъ. Были здѣсь и чужеземные послы. Когда коммиссары появились, загремѣли бубны и трубы, Кисель подошелъ къ Хмельницкому, неся въ одной рукѣ королевскую граммату, а въ другой булаву, осыпанную сапфирами.

— Его величество (началъ онъ): посылаетъ ясновельможному гетману и всему войску запорожскому свою королевскую милость.

Это былъ приступъ приготовленной рѣчи. Одинъ изъ полковниковъ перебилъ его словами:

— Коро́ль, якъ коро́ль, але́ вы королевеня́та, бро́ите много, и наброи́лысте, и ты, Кисе́лю, ки́сть, отъ косте́й на́шихъ, одщепывся и приста́въ до ляхивъ.

Хмельницкій приказалъ ему замолчать. Помахивая булавою, полковникъ отошелъ съ негодованіемъ.

Тогда воевода подалъ ему граммату на гетманство и булаву, а хорунжій новгородсѣверскій, молодой Кисель, поднесъ красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла и съ подписью Johannes Casimirus Rex. Хмельницкій принялъ и поблагодарилъ. Грамата была прочитана всенародно ([23]). Но вдругъ въ толпѣ раздались голоса:

— На ви́що вы, ляхи́, принеслы намъ си цяцькы? Знаемъ мы васъ; хо́чете упья́ть на́съ у нево́лю прибо́ркаты!

Джеджалыкъ выступилъ на средину и поддерживалъ народный говоръ.

— Хо́чуть насъ уловы́ты (говорилъ онъ), щобъ мы ярмо́ па́нське зъ се́бе зкы́нувши, упья́тъ надѝлы. Нехай злызнуть ва́ши соло́дки дары: уже́ тепе́ръ на́съ не зануздаете; не слова́ми, а ша́блею роспра̀вымось, колы хо́чете! Ма́йте вы соби́ свою́ По́льшу, а Украйна на́мъ, козака́мъ, нехай зоста́ться.

Хмельницкій закричалъ на него съ досадою:

([23]) См. «Граммату въ пам. кіевск. комм.» I, 361—366.

— Я придумавъ бувъ що-сь сказати панамъ, а воны одвитъ у мене зъ головы выбылы!

Потомъ онъ обратился къ панамъ и сказалъ:

— А що сталось, те сталось, треба то злому часу приписаты.

Сказавъ это, онъ пригласилъ коммиссаровъ на обѣдъ.

Предъ обѣдомъ, Кисель хотѣлъ докончить свою рѣчь, которую прервали казаки на площади.

— Ваша вельможность (говорилъ онъ) принимаете отъ короля большіе знаки благоволенія. Его величество прощаетъ васъ и отпускаетъ навсегда всѣ прежніе ваши проступки, обѣщаетъ старинную вольность греческой религіи, умноженіе казацкаго реестроваго войска и возстановленіе прежнихъ правъ и преимуществъ войску запорожскому, а вамъ даруетъ начальство надъ войскомъ. Его величество надѣется, что вы, какъ вѣрный слуга и подданный, употребите, съ своей стороны, все стараніе, чтобъ остановить дальнѣйшія смуты и кровопролитія, будете внушать крестьянамъ повиновеніе и немедленно приступите къ переговорамъ съ нами, коммиссарами его королевскаго величества и Речи-Посполитой.

Хмельницкій отвѣчалъ:

— Благодарю его королевское величество за милость, оказанную чрезъ вашихъ милостей; благодарю за врученіе команды надъ войскомъ и за прощеніе

моихъ проступковъ, за все нижайше благодарю! Но что касается коммиссіи, то трудно теперь начать переговоры: войско не собрано, полковники и старшины далеко, а безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего дѣлать.

За обѣдомъ разговоръ сталъ живѣе.

— Идетъ дѣло о здоровьи моемъ (сказалъ Хмельницкій), потому-что я не получилъ удовлетворенія отъ Чаплинскаго и Вишневецкаго; надобно непремѣнно, чтобъ одинъ былъ мнѣ выданъ, а другой наказанъ: отъ нихъ вся причина кровопролитія и смутъ. Виноватъ и панъ краковскій (Потоцкій), зачѣмъ меня гналъ, когда я унесъ душу въ днѣпровскія ущелья; но онъ получилъ свое. Виноватъ и панъ хорунжій Конецпольскій за то, что у меня похитилъ отчину, Украину лащовщикамъ раздавалъ; а они обращали въ хлоповъ заслуженыхъ у Речи-Посполитой молодцовъ, грабили ихъ, вырывали имъ бороды, запрягали въ плуги; но онъ не такъ виновать какъ первые два. Изо всего этого ничего не выйдетъ, если одного не накажутъ, а другаго мнѣ сюда не пришлютъ: иначе, а бо́ мини зъ во́йскомъ запоро́жскимъ пропа̀сты, а бо́ земли́ ляцкій, вси́мъ сена́торамъ, ду́камъ, корольками и шля́хти згынуты. Мало ли этого, что кровь христіанская льется! литовское войско истребило Мозырь и Туровъ; Янушъ Радзивиллъ сажаетъ русскихъ на колъ. Я послалъ туда нѣсколько полковъ,

«а Радзивиллу написалъ: если онъ одному изъ хри-
«стіанъ такое сдѣлаетъ, то я тоже сдѣлаю четыремъ-
«стамъ плѣнникамъ польскимъ, которыхъ у меня мно-
«го, и заплачу за свое».

Ксендзъ кармелитъ Лентовскій, пріѣхавшій съ коммиссарами, замѣтилъ:

— Ваша вельможность! быть можетъ, вѣсти эти изъ Литвы не совсѣмъ вѣрны.

Тогда Вешнякъ, черкасскій полковникъ, крикнулъ на него:

— Мовчы, по́пе! твое́-то дило намъ то задава́ты? Ходы, по́пе, на двиръ: научу́ я тамъ тебе́ якъ запоро́жськихъ полко́вныкивъ шанова́ты!

Онъ вышелъ изъ комнаты. Очевидецъ—шляхтичъ увѣряетъ, что Вешнякъ ударилъ бы ксендза булавою, еслибъ близко сидѣлъ.

Таково было первое свиданіе.

Хмельницкій горячился болѣе-и-болѣе, и напрасно витіеватый Кисель хотѣлъ смягчить его вѣжливостями и комплиментами: полковники, по замѣчанію очевидцевъ, шипѣли, какъ-будто гадины какія-нибудь въ болотѣ. Выслушавъ множество оскорбительныхъ выраженій, коммиссары разъѣхались. Воевода просилъ Хмельницкаго на слѣдующій день къ себѣ обѣдать.

На другой день, 11-го февраля, было второе воскресенье великаго поста. Народъ пьянствовалъ, и коммиссары, отъ-не́чего-дѣлать, пошли глядѣть по

городу. Они пошли въ церковь, гдѣ хотѣли поговорить съ московскимъ посломъ, но казаки допустили ихъ только обмѣняться съ нимъ комплиментами. Они зашли въ бывшій костелъ іезуитскаго коллегіума: все было разорено, перебито, алтари опрокинуты, гробы открыты; по надписи одного изъ гробовъ, гдѣ не было тѣла, паны узнали, что тамъ покоится прахъ основателя коллегіума, Луки Жолкевскаго. «О, ка-«валеръ, достойный вѣчной памяти! (восклицали они): «и надъ тобою такое поруганіе, когда ты былъ ста-«роста переяславскій, воевода брацлавскій!»

Долго ждалъ къ себѣ Хмельницкаго Кисель. Казацкій предводитель пріѣхалъ уже вечеромъ, немного пьяный, въ-сопровожденіи нѣсколькихъ полковниковъ, также какъ и онъ, не въ трезвомъ видѣ. Начались разныя колкости; казаки твердили о своихъ оскорбленіяхъ, какія прежде терпѣли отъ дворянъ, вспоминали, ка́къ паны ихъ заставляли исправлять хлопскія работы, ка́къ казнили мучительною смертью. Хмельницкій доказывалъ свою невинность и грозилъ отнять у поляковъ всю Русь. Воевода отвѣчалъ на придирки вѣжливостями. Послѣ-того, Хмельницкій обратился къ женѣ Киселя и весело закричалъ:

— Отрекитесь-ка вы, добрые православные паны, отъ ляховъ и останьтесь съ нами казаками: «згы́не «ляцька земля́, згы́не, а Русь бу́де въ тымъ ро́ку «пановàты!»

Какой-то панъ Позовскій замѣтилъ ему:

— Ваша вельможность не должны забывать, что, незадолго до этого времени, вы были близки къ смерти.

— Сміешь ты мини то казаты! закричалъ Хмельницкій: — до шибаныци недалеко!

Хмельницкій, вдоволь натѣшившись надъ панами, уѣхалъ ночью на новую пирушку съ вольными товарищами.

На другой день, поутру, воевода отправилъ къ гетману своего племянника и князя Четвертинскаго испросить дозволенія начать переговоры. Они застали гетмана за бесѣдою съ полковниками и старшинами, На столѣ стояла горѣлка. Казаки отправляли ракочіева посла.

«Зáвтра бýде справа и роспрáва (закричалъ Хмель-«ницкій), зáвтра: бо я тепéрь пьяный, венгерсь-«каго послá одправýю, та кóротко мóвлю: зъ тéи ком-«мыссіи ничóго не бýде; войнà мýсыть у тыхъ трёхъ «або чотырёхъ недúляхъ почáтыся: выверну васъ «усихъ, ляхúвъ, до горы ногáмы и потопчý такъ, що «бýдете пидъ моймы ногáмы, а напослúдокъ васъ ца-«рéви турéцькому въ невóлю отдáмъ. Кóроль королéмъ «бýде, щобъ корóль стынáвъ шляхту и дýкы и князú, «абы вúльный бувъ собú. Согришыть кня́зь — урижъ «ёмý шію; согришыть козáкъ — и ёмý тéжъ учыны-«ты: отó бýде прáвда! Я хоть соби лыхый малый «чоловúкъ, алé миня́ такъ Богъ давъ, що я тепéрь «едыновлáдный самодéржець рýський. Корóль не хóче

«королéмъ ви́льнымъ бу́ты, якъ ся ему́ выдыть. Ска-
«жи́ть се па́ну воéводи и коммыссáрамъ. Страхáете
«менé шведами — и ти мои бу́дуть, а хочь бы и не
«такъ, хочь бы ихъ булó пьять-сóтъ тысячъ — не
«подужають вонй ру́ськои запорóжськои и татáрськои
«мóчи. Зъ тымъ и йдите: зáвтра спрáва й росправа.»

Дворяне не нашлись отвѣчать на такую казацкую рѣчь и вышли прочь.

Обхожденіе Хмельницкаго приводило коммиссаровъ въ отчаяніе. Они не надѣялись болѣе на заключеніе мира и думали только выхлопотать возвращеніе плѣнниковъ, которыхъ Хмельницкій приказалъ-было привести съ тѣмъ, чтобъ выдать коммиссарамъ.

23-го февраля, воевода снова отправился къ Хмельницкому съ коммиссарами. Послѣдній разъ пытался Кисель смягчить его своимъ краснорѣчіемъ, и, со слезами, по замѣчанію очевидца, упрашивалъ его пожалѣть, если не пановъ, то свое отечество.

— Вижу (говорилъ онъ), что, ваша вельможность, готовитесь отдать въ руки поганыхъ польскую и литовскую землю и всю Русь, православную вѣру и святыя церкви наши. Если вамъ нанесена обида, если виненъ Чаплинскій — награда готова. Если войско запорожское недовольно малочисленностью или землями — король обѣщаетъ его вознаградить. Отступитесь отъ мятежной черни; пусть хлопы воздѣлываютъ поля, а казаки воюютъ; пусть войска ка-

зацкаго будетъ пятнадцать, двадцать тысячъ, сколько вамъ угодно; если жь казаки непремѣнно хотятъ воевать, пусть лучше идутъ на поганыхъ, а не на христіанъ; король будетъ вамъ благодаренъ, если вы пойдете за границу.

Хмельницкій отвѣчалъ:

— Шкода̀ говори́ты! Бувъ часъ трахтова́ты зо мно́ю, колы́ мене́ Пото́цьки гана́лы за Днипро́мъ, и на Днипри бувъ часъ, и писля́ жовтоводськои, и писля́ ко́рсунськои и́грашки, и писля́ Пиля́вець, и пидъ Константы́новымъ, и на оста́токъ пидъ Замо́стьемъ, и колы́ я зъ Замо́стья ишо́въ ши́сть недиль до Кіе́ва, а тепе́рь уже́ ча́су не ма́ешь: тепе́ръ уже́ я докана́въ тѐ, объ чи́мъ и не мы́слывъ — докажу́ ще и те́, що умы́слывъ. Выбью зъ ля́цькои невбли на́родъ ру́ській ве́сь. Спе́ршу я воюва́въ за свою́ шко́ду та кри́ву, теперь воёва̀тыму за ви́ру православную на́шу. Допомо́же мини уся́ че́рнь по Люблы́нъ и по Кра́ковъ, а я одъ неи не отступлю́, бо то перва порука на́ша, бы́сте хло́пивъ не знесли́, та у коза-ки́въ невда̀рилы. Двисти, три́ста ты́сячъ свои́хъ ма́тыму; орда уся́ стоить на Іога́би, нога́йци на Савра́ни, бли́зьки мене́ Тугай-Бей, братъ мій, душа́ моя, еды́ный соки́лъ на сви́ти, готовъ все учыны́ты що я схо́чу; ви́шня на́ша коза́цька пріязнь, кото́рои свитъ не рози́рве. За гряны́цю войно́ю не пиду́; на ту́рки и та́тары ша́бли не пидниму́: буде зъ ме́не и

Украйны, Подоли, Волыны; досыть достатку въ княжестви нашемъ по Хелмъ, по Львовъ и Галичъ. А ставши надъ Вислою, повидаю дальнишимъ ляхамъ: сыдить, ляхы! мовчить, ляхы! Дукивъ, князивъ туды заженў, а будуть за Вислою кричаты, я ихъ певне и тамъ знайду; не позостанеться ни одного князя, ни шляхтюка на Украйни, а хочеть ли который зъ намы хлиба исти, нехай же виську запорожському послушный буде, а на короля не брыка.

Говоря эти слова, гетманъ вскакивалъ съ мѣста, топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы. «Такъ разъ-«ярился (замѣчали потомъ коммиссары), съ такою «фуріею кричалъ, что мы, слушая, подеревенѣли».

Полковники поддерживали своего предводителя:

— Уже мынулы ти часы, коли насъ сидлалы ляхы нашымы-жь людьмы, булы намъ страшни драгунами; теперъ ся не боимо, пизналы мы пидъ Пылявцями, що товже нети ляхы, що булы колысь, та былы нимцивъ, та турки, та татары, се вже не Жолкевски, не Ходкевычы, не Конецпольски, не Хмилецьки, се Тхоржевськи, та Заенчковськи, диты узализо поубирани, померли отъ страху скоро насъ узрилы, и повтикалы, хочь и татаръ не було. Въ середу тильки три тысячи пришло, а колыбъ до пьятныци почекалы, ни одынъ бы ляхъ жывцемъ до Львова не втикъ!

— Мене (говорилъ Хмельницкій), самъ святый патріарха у Киеви на ту войну благословывъ; зъ

жинкою моею давъ мини́ шлюбъ и грихы́ мои розришы́въ, хочь я сёго не сподива́вся: винъ мини́ велы́ть кинча́ты ляхивъ: якъ же мини ёго́ не слу́хаты, тако́го велы́кого старшо́го, головы́ на́шого, го́стя лю́бого? Уже я полки обисла́въ, щобъ ко́ней кормы́лы́, у доро́гу гото́ви булы́ безъ возы́въ, безъ гарма́тъ: знайду́ я то́ у ляхи́въ! А хто́бъ зъ козаки́въ узя́въ хоть одынъ ви́зъ на войну́, кажу́ ёму го́лову сня́ты; не возьму́ и са́мъ жо́днои коля́сы зъ собо́ю, хыба́ юки та саквы́.

«*Ни раціи, ни персвазіи* (говоритъ очевидецъ), «ничто не помогало. Послѣ такой пріятельской бесѣды, «да вдобавокъ послѣ *скверпаго обѣда,* коммиссары ра«зошлись».

Прошелъ еще день. Коммиссары стали побаиваться не только за плѣнниковъ, но и за самихъ себя. Хмельницкій отправилъ пословъ московскаго и венгерскаго, одаривъ ихъ богато; польскіе коммиссары оставались какъ-бы въ неволѣ, терпя отъ пьяныхъ мужиковъ оскорбленія и угрозы подъ окнами своихъ квартиръ. «Тре́ба було́бъ сыхъ пани́въ облупыты, та «въ Куда́къ видосла́ты!» кричала чернь. Коммиссары еще разъ обратились къ гетману.

Но, къ удивленію коммиссаровъ, имъ сказали, что Хмельницкій не велѣлъ ихъ допускать къ себѣ. Хмельницкій совѣтовался со старшинами, съ какимъ отвѣтомъ отпустить коммиссаровъ.

«Теперь, вѣрно, (говорили въ страхѣ коммиссары) «у нихъ составляется безбожный совѣтъ: или утопить «насъ, или отослать въ Кодакъ».

Тогда они обратились къ Выговскому, надѣясь, что онъ самъ, какъ дворянинъ по происхожденію, заступится за лица одного съ нимъ сословія. Выговскій совѣтовалъ имъ подождать, чтобъ не гнѣвить гетмана.

Чрезъ нѣсколько часовъ, пригласили коммиссаровъ къ гетману. Выговскій исходатайствовалъ имъ доступъ. Смѣлѣе всѣхъ показалъ себя Мястковскій.

— Что́ это значитъ, панъ гетманъ запорожскій, сказалъ онъ: — для чего вы безъ отвѣта держите королевскихъ пословъ, будто въ плѣну? Миръ ли, война ли — пусть будетъ намъ извѣстно; отпустите насъ: и у невѣрныхъ въ неволю не берутъ пословъ!

Хмельницкій кинулъ на него свирѣпый взглядъ, досталъ, изъ-подъ килима, которымъ былъ покрытъ столъ, бумагу и подалъ воеводѣ. Это были предложенныя условія слѣдующаго содержанія:

«1) Имья и па́мять и сли́дъ у́ніи, котòру на Ру́си «широ́ко вды́имъ, неха́й не бу́деть.

«2) Ри́мськимъ костёламъ до вре́мени, а уніят- «скимъ не буты зара́зъ.

«3) Митрополытъ кіевскій, по примаси польскомъ, «первое мисто неха́й имѣеть.

«4) Между Русью воеводы, каштеляны и иные «отъ благочестивыхъ тубольцы неха́й будуть.

«5) Войско запорожское по всей Украини при «своихъ вольностяхъ давнихъ да будеть.

«6) Гетманъ казацкій до самого маестату коро»левського нехáй нале ыть.

«7) Жиды зъ усіеи Украины заразъ нехáй высту«пають.

«8) Іеремія Вишневецкій рейментарства надъ вой«скомъ нехáй не иміеть никогда.»

Прочитавъ эти пункты, коммиссары пожимали плечами и, поглядывая другъ на друга, не знали, что́ начинать. Наконецъ, воевода началъ снова разговоръ.

— Здѣсь не все означено, сказалъ онъ: — король не будетъ знать, сколько желаете имѣть войска: напишите число реестровыхъ казаковъ.

— На що ихъ пысаты? отвѣчалъ Хмельницкій: — бу́де ихъ стильки, ски́льки я схо́чу!

— Ваша милость, сказалъ Мястковскій: — покрайней–мѣрѣ, не откажите отдать королю его слугъ, вашихъ плѣнниковъ!

— То ре́чь завоёвана. Нехáй коро́ль не ду́мае, отвѣчалъ гетманъ.

— Но и невѣрные, сказалъ Мястковскій: — отпускаютъ плѣнниковъ. Мнѣ самому, девять лѣтъ назадъ, въ Константинополѣ, султанъ Ибрагимъ отпустилъ, на имя короля, нѣсколько сотъ плѣнныхъ изъ галеръ и своего сераля. Ваша милость, панъ гетманъ, будучи подданнымъ и слугою его величества короля,

взявъ отъ государя булаву и знамя, не хотите освободить слугъ и рукодайныхъ дворянъ своего государя, когда они были взяты не саблею, не на полѣ битвы, а на условіяхъ; не хотите отдать ихъ посламъ и коммиссарамъ его величества, а держите въ неволѣ и морите голодомъ! Что́-жь мы должны подумать о вашей вѣрности, доброжалательствѣ и повиновеніи?

— Шкода говорыты! отвѣчалъ Хмельницкій: — Ихъ мини́ Богъ давъ, пущу́ ихъ, коли́ жо́днои за́щыпки зъ Лытвы́ и видъ лихи́въ не бу́де. Неха́й тутъ почека́е Пото́цькій бра́та своего́, ста́росту Камине́цького, кото́рый мини́ Баръ мое́ ми́сто зайхавъ на Подо́ли: кровь кристіянськую лье: каза́въ туды полки ру́шиты и жывце́мъ его́ до се́бе привесты́!

— Но развѣ не то же дѣлаютъ казаки? возразилъ Мястковскій; — въ Кіевѣ, днемъ и ночью, льется невинная кровь потоками въ Днѣпръ: однихъ ляховъ топятъ, другихъ варварски рубятъ; шляхту, обоего пола, остатокъ ксендзовъ... грабятъ, мучатъ. Нечай, полковникъ брацлавскій, опустошилъ всѣ костёлы, ищетъ ляховъ подъ землею, и твердитъ, что такое приказаніе получилъ отъ тебя.

— Вольно мини такъ рядыты, отвѣчалъ Хмельницкій: — мій Кіевъ, я панъ и воевода кіевскій. Богъ мини да́въ его́ на́витъ безъ ша́бли: шкода́ говорыты!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, воевода снова обратился къ гетману.

— Ваша милость. сказалъ онъ: — соглашаетесь ли, наконецъ, заключить трактатъ?

Хмельницкій отвѣчалъ:

— Я уже сказалъ, что теперь нельзя: полки не собраны, да притомъ голодъ; коммиссія отложится до зеленыхъ святокъ, когда будетъ трава, чтобъ было чѣмъ пасти лошадей, а до того времени, чтобъ коронныя и литовскія войска не входили въ кіевское воеводство. Границею между нами Горынь и Припеть; а отъ брацлавскаго и подольскаго воеводствъ по Каменецъ.

Коммиссары хотѣли еще перемѣнить эти условія и предложили ему свои, но Хмельницкій перечеркнулъ ихъ, и, такимъ образомъ, были въ тотъ день написаны условія перемирія, въ смыслѣ сказанныхъ Хмельницкимъ словъ, до зеленыхъ святокъ ([24]).

По заключеніи трактата, Кисель проговорилъ Хмельницкому рѣчь:

«Не помышляешь ты, пане–гетмане войска запо-«рожскаго, о будущемъ, потому–что ослѣпленъ на-«стоящимъ; ты омраченъ нашими бѣдами и смотришь «только на свое счастье. Но счастье кому служитъ, «того горше оставляетъ; оно подобно стеклу прозрач-«ному, но хрупкому. Повѣрь, гетманъ, желаніе успѣ-

([24]) См. перемирный трактатъ въ «Пам. кіевск. комм.» I, 111, 61.

«ха искушаетъ тебя не покидать войны: оставь гор-
«дость и усмотри, что̀ изъ этой войны можетъ выйти.
«Ты хочешь спасти Украину, но погубить Польшу;
«думаешь укрѣпить вѣру, а ищешь покровительства
«турковъ и татаръ. Научись изъ того, что̀ дѣлалось
«прежде тебя. Что думаютъ невѣрные? Они собо-
«лѣзнуютъ о тебѣ, чтобъ послѣ истребить города
«русскіе, извести народъ русскій! Неужели ты
«думаешь, что ради восточнаго православія турки
«сдружились съ тобою? или ради казацкой славы
«добываютъ себѣ счастья? Если ляхи не помогутъ
«тебѣ своею силою, то живущіе около народы вспо-
«мнятъ давнія и свѣжія вины казаковъ, пробудится
«ненависть, и прійдутъ на васъ съ оружіемъ. Если
«поляки, Литва, Русь будутъ другъ друга губить, то
«они всѣхъ насъ завоюютъ. Хорошо быть тебѣ съ
«многомощнымъ королемъ, который и теперь снисхо-
«дитъ къ тебѣ; но тяжко будетъ тебѣ его мщеніе,
«когда онъ вступится за оскорбленіе величества. Ми-
«лость королевская, какъ дуга небесная, возвѣщаетъ
«миръ. Оставь гнѣвъ и надежду на брань; принеси
«во̀-время покорность. Если же ты презришь моимъ
«совѣтомъ, то найдешь погибель благочестивой вѣры
«со всѣмъ украинскимъ народомъ, и кровь невин-
«ныхъ падетъ на твою душу.»

«Нельзя удержаться отъ меча, отвѣчалъ Хмель-
«ницкій: — и до-тѣхъ-поръ будемъ держать его

«обнаженнымъ, пока станетъ жизни и не добьемся «вольности: лучше голову положить, чѣмъ въ неволю «воротиться. Знаю, что фортуна склизка́, но справе- «дливость да торжествуетъ! Короля почитаемъ какъ «государя, а шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти, «и не будемъ имъ друзьями никогда! Если они пере- «станутъ намъ дѣлать зло, не трудно заключить «миръ: пусть утвердятъ статьи мои! Если-жь нач- «нутъ хитрить, — война неизбѣжна въ отвѣтъ на «ихъ коварныя мирныя предложенія. Плѣнниковъ я «выдамъ на коммиссіи. Скажите это королю; кромѣ «написанныхъ условій ничего не будетъ!»

Послы замѣтили, что у Хмельницкаго, во время произнесенія этой рѣчи, навертывались слезы.

Коммиссары сожалѣли, что не удалось имъ освободить плѣнниковъ, и придумали для этого иной путь. Они прослышали, что обозный Чорнота имѣетъ надъ гетманомъ силу, отправились къ нему и нашли его лежащимъ на похмѣльѣ. Они просили его походатайствовать предъ гетманомъ о выдачѣ плѣнниковъ. «Не «пиду́», сказалъ Чорно́та: «я хво́рый: вчо́ра зъ ны́мъ «пылы́ цилу ничь, ты́мъ и не зду́жаю. Але́ я ёму́ не «ра́дывъ и не пора́жу выпуща́ты пташо́къ зъ клитки, «та колы́бъ я бу́въ здоро́вый, наврядъ вы самы́ вы́й- «шлы-бъ видсиля́!» Воевода выслалъ коммиссаровъ, остался съ нимъ наединѣ и, намекая на то, что Чорнота прежде имѣлъ неудовольствіе съ гетманомъ,

обнадеживалъ его булавою. Казакъ отвергнулъ предложеніе пана, и, «слава Богу, говорили поляки, что «не выявилъ секрета, а то бъ они всѣ пропали». Однако, по всему видно, что слухъ объ этомъ распространился по городу, потому–что вечеромъ были разставлены сторожа по валамъ, и народъ утопилъ нѣсколько слугъ изъ свиты Киселя, а многіе изъ нихъ отъ страха перешли къ казакамъ.

16–го числа, собираясь къ отъѣзду, послы отправили къ Хмельницкому сказать, что желаютъ съ нимъ проститься.

Гетманъ пригласилъ ихъ къ себѣ.

Воевода, по случаю подагрическаго припадка, который съ нимъ случился ночью, съ трудомъ могъ стать на ноги; его посадили на сани и повезли во дворъ, гдѣ онъ не входилъ въ покои. Хмельницкій приказалъ запереть дворъ со всѣхъ сторонъ и позвать плѣнниковъ. Плѣнники явились предъ коммиссарами, блѣдные, съ заплаканными глазами. Хмельницкій подалъ воеводѣ условіе, написанное 24–го числа, и теперь имъ подписанное, да, кромѣ–того, два письма: къ королю и къ Оссолинскому. Въ–заключеніе, онъ подарилъ воеводѣ сѣраго коня и шестьсотъ талеровъ; Кисель тутъ–же отдалъ ихъ плѣнникамъ. Коммиссары еще разъ хотѣли смягчить Хмельницкаго относительно отпущенія плѣнниковъ; плѣнники также присоединили свои просьбы, бросившись

къ ногамъ побѣдителя, но гетманъ остался непреклоненъ. Тогда нѣкоторые просили, чтобъ ихъ лучше отдали татарамъ.

«Нехай Потоцкій (сказалъ Хмельницкій) пидóжде «брáта своего: тóди сёгó кажý посадúты на пáлъ пе«рéдъ мистомъ, а тогò въ мисти, та й нехáй одúнъ «на другóго дúвлються!» — Впрочемъ, послѣ этой «угрозы, Хмельницкій не преминулъ подтвердить своего обѣщанія отдать плѣнниковъ на предстоящей коммиссіи. «Однако, не знаю (замѣтилъ онъ), каково «кончится эта коммиссія, если молодцы наши не со«гласятся на двадцать или тридцать тысячъ реестро«вихъ и не удовольствуются своимъ удѣльнымъ княже«ствомъ.»

Прощаясь, Хмельницкій сказалъ, что причина, заставляющая его отлагать коммиссію, зависитъ не отъ него, а отъ казаковъ, потому-что онъ не смѣетъ поступать противъ воли рады, хотя и желалъ бы исполнить волю короля.

Коммиссары уѣхали изъ Переяславля, потерявъ нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, которые передались къ казакамъ. За-то нѣсколько плѣнниковъ успѣло уйдти съ ними.

Когда коммиссары проѣзжали въ Бѣлогородку мимо Кіева, не смѣя заѣхать въ него, потому-что мѣщане города заранѣе просили Хмельницкаго, чтобъ паны ихъ не посѣщали; шляхтичи, католическіе духов-

ные и жиды, уцѣлѣвшіе во время смутъ, желая убѣжать въ Польшу, явились въ Кіевъ, думали пристать къ свитѣ воеводы, и услышавъ, что коммиссары ѣдутъ мимо города, бросились за ними, чтобъ ихъ догнать; но русскіе преслѣдовали ихъ и, поймавъ, убивали. Нѣсколько ксендзовъ и монаховъ были привезены къ св. Софіи; тамъ привязали ихъ, однаго къ другому спиною, къ санямъ на морозѣ. Многихъ жидовъ ограбили и скалѣчили. Только убѣжденія митрополита могли подѣйствовать на ожесточенныхъ кіевлянъ и спасти отъ смерти остальныхъ. Вслѣдъ за ними, однако, гетманъ, для усмиренія безпорядковъ, не желая нарушить заключенное перемиріе, поставилъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ казацкую стражу, и бѣдные шляхтичи дышали свободнѣе, но, все-таки, по замѣчанію очевидца, страшились ходить по ночамъ, особенно между пьяными ([25]).

([25]) «Diar. Andrzeja Miastkowskiego», въ книгѣ «Zbiór pamiętn. o dawn. Pols.» — «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 314—360. — «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 107—109. — «Histor. Jan. Kaz.», I, 47. — Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.», II, 52—55. — «Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс.» 125—126. — «St. delle guer. civ.» 44.

ГЛАВА VII.

Сеймъ. — Три предводителя. — Походъ войска на Волынь. — Стычка съ волынскими загонами. — Ополченіе Украины. — Прибытіе хана.

Въ то время, когда коммиссары находились въ Украинѣ, въ Краковѣ, въ концѣ января, 1649 года, послѣ торжественнаго коронованія Іоанна-Казиміра и присяги на храненіе свободы польскаго народа, собрался сеймъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній была защита шляхетской націи отъ возстанія казаковъ и хлоповъ (1). Но между депутатами возникло несогласіе: одни требовали нарядить судъ надъ предводителями пилявецкаго ополченія; другіе, подкупленные виновными за большія деньги, всѣми силами старались отклонить предложеніе. Король едва прекратилъ раздоръ и положилъ предать забвенію это дѣло по причинѣ обстоятельствъ бо́льшей важности. Опредѣлили собрать 30,000 регулярнаго войска; назначили для поддержки его временной налогъ; въ случаѣ необходимости, сеймъ заранѣе далъ королю право собрать посполитое рушенье.

Разсуждали и спорили, кому вручить начальство

---

(1) «Histor. ab exc. Wład. IV». 38.

надъ войскомъ. Предъидущій сеймъ назначилъ регименторемъ (главнокомандующимъ) Вишневецкаго ; но, по многимъ обстоятельствамъ, князь не могъ удержать этого достоинства. Іоаннъ-Казиміръ не любилъ его, бывъ еще принцемъ, а сдѣлавшись королемъ, еще болѣе сталъ недоволенъ имъ за то, что онъ, при избраніи, держалъ сторону Ракочи; князя подозрѣвали даже въ тайныхъ сношеніяхъ съ венгерцами, ко вреду существующаго правленія. Придворные не терпѣли его; «они (замѣчаетъ лѣтописецъ) привыкли платить богатырямъ неблагодарностью» (2). Вредило князю и ожесточеніе противъ него русскихъ; Хмельницкій ставилъ главнымъ условіемъ мира, чтобъ не давали Вишневецкому начальства надъ войскомъ. Непріязненные паны называли его виновникомъ смутъ. Ему становили въ вину, что онъ писалъ универсалы къ шляхтичамъ своего воеводства и призывалъ ихъ къ оружію, когда это было запрещено и походило на посполитое *рушеніе*, которое могъ собирать только король (3). Только горячіе католики и страстные рубаки прославляли князя попрежнему. Сначала король предложилъ избрать гетмана; но кого ни предлагали, паны не соглашались; многіе домогались булавы себѣ. Нашлись бы такіе, которые,

(2) «Histor. panow. Jan. Kaz.» I, 28,
(3) «Stor. delle guer. civ.» 120.

еслибъ противъ ихъ желанія избранъ былъ гетманъ, стали бы выказывать свое неудовольствіе къ усугубленію бѣдствій отечества; притомъ существовала сильная партія въ пользу Потоцкаго и Калиновскаго, которые, по мнѣнію ихъ приверженцевъ, отнюдь не должны были терять своихъ званій. Поэтому король принялъ верховное начальство на себя; а въ видѣ его помощниковъ положили избрать снова трехъ предводителей. Это были: Фирлей, кастелянъ бельзскій, въ должности главнокомандующаго, Ландскоронскій и ученый Остророгъ. Фирлей былъ сѣдой старикъ, нечестолюбивый, кроткій человѣкъ, о которомъ говорили въ Польшѣ, что онъ медлилъ принимать почести даже и тогда, когда ему предлагали. Фамилія Фирлеевъ пользовалась такимъ добрымъ мнѣніемъ, что Сигизмундъ III называлъ ее самою благороднѣйшею въ Польшѣ. Самыя преклонныя лѣта его могли внушать уваженіе; своевольные паны устыдились бы противиться почтенному старцу. Притомъ, партія Потоцкаго была увѣрена, что онъ добровольно уступитъ свой санъ возвратившемуся изъ плѣна гетману. Всѣ эти обстоятельства руководили сеймомъ при его избраніи. Одно только многимъ не нравилось: онъ былъ реформатскаго исповѣданія (4).

---

(4) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I. 28. — «Histor. belli cosac. polon.» 97—98. — «Korona pols.» II, 160.

Весною, правительство польское получило отъ коммиссаровъ извѣстіе о неудачѣ коммиссіи. «Отечество въ опасности (извѣщали они); непріятельское войско на-готовѣ; земля русская поднимается; иноземная помощь приходитъ къ казакамъ; нѣтъ надежды на прочный договоръ. Мы употребляли все, что́ могла намъ внушить любовь къ отечеству и вѣрность королю, но увидѣли, что Хмельницкій думаетъ уже не о казачествѣ, а о независимомъ владѣніи въ русскихъ провинціяхъ, и хочетъ нахлынуть внутрь государства польскаго. Причиною тому какой-то патріархъ іерусалимскій, который далъ ему титулъ князя русскаго и сравниваетъ его съ Константиномъ-Великимъ. Причиною тому также и посольство Ракочи. Надежды нѣтъ. Тугай-Бей уже владѣетъ Савранью и Чечельникомъ. Вездѣ готовятъ оружіе. Хмельницкій принимаетъ къ себѣ и вѣрующихъ и невѣрующихъ въ Бога, людей всякой націи, всякаго поведенія, заключаетъ съ ними договоры, даетъ жалованье и вооруженіе. Остается и намъ закалять оружіе, готовиться къ войнѣ, кому верхомъ, кому пѣшкомъ, либо склонять голову подъ ярмо презрѣнныхъ хлоповъ» (5).

---

(5) «Miastk. Zbiór. pam. o dawn. Pols.» IV, 281. — «Памятн. кіевск. комм.» I. 3. 367—371.

Условія, предложенныя Хмельницкимъ, возбудили негодованіе въ сенатѣ; въ-особенности требованіе сорока тысячъ реестроваго войска казалось ни въ какомъ случаѣ невозможнымъ ([6]).

Поэтому приказано было предводителямъ идти съ войскомъ на Волынь. Число войска простиралось, по однимъ лѣтописцамъ, до 12,000, по другимъ до 10,000; по третьимъ — до 19,000 ([7]), а по инымъ только до 9000 ([8]). Но за то слугъ было гораздо больше, чѣмъ вдвое противъ этаго числа, ибо подъ Збаражемъ

([6]) «Histor. ab exc. Wład. IV», 40. — «Опис. Мал. Рос. и Укр.» 6.

([7]) «Histor. panow. Jan. Kaz.» 54. — «Крат. истор. опис. Мал. Росс.» II. — «Пов. о томъ, что́ случилось въ Украинѣ.» — «Stor. delle guer. civ.» 143—164.

([8]) «Кратк. опис. о каз. малор. нар.» 27. — «О мал. нар. и о запор.» 164. 9. — По извѣстіямъ современника Коховскаго, составъ польскаго войска былъ въ такомъ видѣ: вся армія раздѣлялась на пять дивизій: Фирлея, Ляндскоронскаго, Осторога и двѣ дивизіи Вишневецкаго, и Конецпольскаго, еще пока несоединившіяся съ первыми тремя. Дивизія Фирлея имѣла четыре гусарскія хоругви, принадлежавшія собственно лично панамъ, подъ управленіемъ довѣренныхъ офицеровъ, называемыхъ поручиками; восемь хоругвей панцерныхъ, также носившихъ имена пановъ; девять хоругвей драгунскихъ и десять ротъ конныхъ драгуновъ. Въ дивизіи Ляндскоронскаго было пять гусарскихъ хоругвей знатныхъ пановъ, подъ управленіемъ ихъ поручиковъ; де-

послѣ того насчитывали до 20,000 возовъ. Слуги были годны къ битвѣ при случаѣ. Оно должно было стоять въ совершенной готовности къ битвѣ, но не заходить въ глубину Украины, согласно требованіямъ Хмельницкаго, и не начинать битвъ съ казаками. Несмотря на то, что Хмельницкій далъ слабую надежду на примирительную коммиссію и заключилъ перемиріе до троицыной недѣли, загоны мятежныхъ хлоповъ завязали неправильную и кровопролитную войну съ начала весны. 5–го марта, предводитель такого загона, Гарасько, взялъ Острогъ ([9]); перерѣ-

---

вять хоругвей панцерныхъ; четыре хоругви острожской ординаціи, и при нихъ нѣмецкіе рейтары; восемь хоругвей конныхъ драгуновъ; два полка нѣмецкой пѣхоты. Третья дивизія Остророга заключала въ себѣ восемь панскихъ гусарскихъ хоругвей и 600 жолнеровъ; шесть панцырныхъ; семь драгунскихъ конныхъ и три хоругви венгерской пѣхоты. Въ дивизіи Вишневецкаго было три гусарскія хоругви: самого Іереміи, племянника его Дмитрія и знаменнаго съ поручниками и 1000 человѣкъ избраннаго рыцарства, содержимаго на счетъ князя. Дивизія Конецпольскаго состояла изъ одного гусарскаго полка, семи кварцяныхъ хоругвей подъ командою ротмистровъ, 300 человѣкъ надворнаго рыцарства Конецпольскаго, 400 человѣкъ конныхъ драгуновъ и двѣ хоругви венгерской пѣхоты.

([9]) «Annal. Polon. Clim.» I, 113. — «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 357.

залъ четыреста человѣкъ мѣщанъ, вѣроятно, уніатовъ и жидовъ, и прогналъ изъ имѣнія владѣтельницу Анну-Алоизію ([40]), дочь православнаго пана; внучка знаменитаго Константина, защитника православія, она приняла католичество: съ фанатическою ревностью преслѣдовала отеческую вѣру и навлекла на себя ненависть православныхъ. Другой загонъ напалъ на Корецъ; владѣтель его, Самуилъ Корецкій, едва спасся; замокъ разграбили; шляхту и жидовъ перебили ([11]). Полѣсье взбунтовалъ Кривоносенко, сынъ славнаго Максима, неменѣе отца кровожадный. Узнавъ о его подвигахъ, Ляндскоронскій бросился на него и заперъ въ Острополѣ; но когда Кривоносенко предложилъ за себя окупъ, Ландскоронскій согласился, чтобъ не раздражить казаковъ, пока не кончился срокъ перемирію. Изъ многихъ тогдашнихъ загоновъ, примѣчателенъ загонъ Донца, овладѣвшаго, въ концѣ мая, Заславлемъ. Говорили, что у него была сестра колдунья, которая умѣла предсказывать будущее и, чародѣйственными заклинаніями, способствовала успѣхамъ казаковъ: если казакамъ угрожала опасность, она совѣтовала избѣгать

([10]) «Korona pols.» III, Ostrozsk.

([11]) «Miastkows. Zbiór. pam. o dawn. polsc.» IV, 284. St. delle guer.

битвы; если же имъ суждено было побѣдить, она бодро гарцовала верхомъ впереди войска. Непріятельское оружіе долго ее не брало. Но когда Фирлей услышалъ о взятіи Заславля и поспѣшилъ на выручку города, Донецъ вышелъ ему на встрѣчу, несмотря на предостереженіе сестры. Чаровница кричала: «Уходы́, уходы́! Не здержишь, бра́те!» Казаки не послушались ея и были разсѣяны. Чаровница была схвачена и казнена вмѣстѣ съ другою колдуньею, по имени Солохою. Послѣдняя предложила полякамъ свое искуство и увѣряла, что съ ея помощью они будутъ одерживать побѣды. Однако, Поляки не послушали ее и посадили на колъ. «По этому видно», говорили они: «что ея чародѣйство приноситъ вредъ «тѣмъ, кому захочетъ она помогать, потому–что по-«вредило казакамъ» ([12]).

Главный станъ польскихъ войскъ былъ подъ Константиновымъ. Отряды ходили оттуда во всѣ стороны по Волыни, для укрощенія загоновъ. Такимъ-образомъ отняты были у казаковъ Звягель, гдѣ перебили всѣхъ русскихъ, и Баръ. Послѣдній городъ былъ взятъ хитростью. Ляндскоронскій отрядилъ туда триста молодцевъ пѣшкомъ и сто пятьдесятъ дра-

---

([12]) «Pam. o wojn. Chmieln.» 31—32. — «Woyn. dom.» Ч. I, 48—49.

гуновъ. Въ сумерки появился подъ Баромъ обозъ изъ пивныхъ бочекъ. Около возовъ шли драгуны, переодѣтые въ платье русскихъ хлоповъ; а другіе несли на плечахъ, иные тащили вязанки дровъ, вмѣшавшись въ толпу поселянъ, которые ничего не знали. Обозъ остановился предъ городомъ на разсвѣтѣ. Сторожа не подозрѣвали хитрости и пропустили обозъ и людей. Тогда тѣ, что несли дрова, начали бросать ихъ; то былъ сигналъ: поляки начали бить казаковъ. Со всѣхъ сторонъ русскіе бросились на нихъ съ ружьями, но неприготовленные къ отпору, были изрублены въ куски: спаслись только тѣ, которые успѣли убѣжать изъ города. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась въ околодкѣ, загонъ хлоповъ, тысячъ въ пятнадцать, бросился выручать Баръ; но Ляндскоронскій послалъ имъ на встрѣчу отрядъ, который, вступивъ съ ними въ битву, положилъ чуть не половину загона на мѣстѣ, остальныхъ разсѣялъ (13). Хотя въ Украину положено было не вступать, однако поляки столь же мало наблюдали перемиріе, какъ и русскіе, потому-что не только взяли Баръ, но также нападали на Шарогradъ (14) и разорили гусятинъ, гдѣ произвели безчеловѣчное крово-

(13) «Histor. belli cosac. polon.» 99. — «Woyn. dom.» Ч. I, 50. «Stor. delle guer. civ.» 117.

(14) «Pamiętn. o wojn. koz. za Chmiel.» 32.

пролитіе. Хмельницкій жаловался на эти поступки, какъ на нарушеніе мира ([15]).

Кисель все это время находился въ своихъ волынскихъ маетностяхъ — то въ Тайкурахъ, то въ Гущѣ, и переписывался съ Хмельницкимъ. Оба притворялись, увѣряли одинъ другаго въ благорасположеніи, сыпали другъ другу комплименты, а, между–тѣмъ, тайно одинъ другому вредили. Хмельницкій, обманывая его надеждою коммиссіи, собиралъ ополченіе, приглашалъ татаръ; а Кисель держалъ подлѣ казацкаго гетмана шпіона, шляхтича Смяровскаго, который цифрами писалъ ему обо всемъ, что́ дѣлается въ Украинѣ; впрочемъ, Смяровскій скоро поплатился за эти услуги Киселю: казаки открыли шпіонство и утопили шляхтича ([16]). «Отъ всего сердца (писалъ Хмельницкій Киселю) я желалъ видѣть вашу милость въ добромъ здоровьѣ и тѣмъ радоваться. Я всѣми силами стараюсь, чтобъ коммиссія наша могла скорѣе окончиться такъ, какъ угодно вамъ и какъ я желаю того же. Я послалъ за всѣми полковниками, чтобъ посовѣтоваться съ ними, гдѣ бы найдти удобное и безопасное мѣсто для коммиссіи». Но когда казака, привезшаго эти комплименты, подвергли, какъ выражается шляхтичъ, пріятельскому экзамену,

---

([15]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 388.
([16]) Ibid. 413—429.

тотъ сознался, что Хмельницкій собираетъ не только полковниковъ, но и всѣхъ вообще казаковъ и бѣглыхъ хлоповъ, и вовсе не для выбора безопаснаго мѣста для коммиссіи; наконецъ самому Киселю этотъ казакъ совѣтовалъ поскорѣе убираться изъ Гущи, говоря, что Хмельницкій на него гнѣвается, ибо то письмо, которое еще разъ воевода писалъ въ Москву, попалось въ руки казацкаго гетмана. Вскорѣ волохи, служившіе въ отрядѣ Конецпольскаго, напали на восемьдесятъ казаковъ и у предводителя ихъ отняли письмо отъ Хмельницкаго къ хану. «Мы надѣемся (писалъ гетманъ) на обѣщанія вашей царской милости и на слова, которыя ваша царская милость сказалъ и подтвердилъ, что и до конца насъ, слугъ своихъ, не оставишь... Умилосердись надъ нами; ожидаемъ вашу царскую милость съ нетерпѣніемъ; какъ началъ, такъ и кончай». Послѣ этихъ доказательствъ, въ концѣ мая, Кисель съ коммиссарами поспѣшно убрался изъ Гущи. Еслибъ они промедлили днемъ, то попались бы въ руки казакамъ: едва только они выѣхали, шестьсотъ молодцовъ ворвались въ мѣстечко; вслѣдъ затѣмъ подобныхъ явилось до полуторы тысячи. Имѣніе Киселя снова подверглось участи панскихъ имѣній ([17]).

([17]) Ibid. I, 3: 393, 403, 407, 385, 389.

Въ іюнѣ продолжались попрежнему схватки польскихъ отрядовъ съ волынскими загонами. Несмотря на то, что въ этихъ сшибкахъ успѣхъ былъ на сторонѣ поляковъ, возстаніе возростало день-ото-дня. Ожесточеніе простаго народа противъ владѣльцевъ усиливалось оттого, что послѣдніе, пользуясь вступленіемъ польскаго войска на Волынь, приходили въ свои имѣнія и грабили у крестьянъ хлѣбъ, скотъ — все, что́ находили, и отправляли въ Польшу, а самихъ хлоповъ подвергали варварскимъ казнямъ; кромѣ того, польскіе отряды, ходившіе укрощать загоны, вообще наносили жителямъ обиды, и оскорбленные увеличивали собою число мятежниковъ (18). Послѣдній изъ такихъ отдѣльныхъ походовъ былъ походъ Ляндскоронскаго къ Меджибожью. Онъ услышалъ, что сильный казацкій отрядъ напалъ на этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ запершись комендантъ Корфъ съ нѣмцами. Съ поля ударилъ на казаковъ Ляндскоронскій, а изъ города нѣмцы сдѣлали вылазку. Казаки отступили. Ляндскоронскій началъ ихъ преслѣдовать, какъ вдругъ, услышавъ, что Хмельницкій идетъ съ ордою, воротился къ обозу (19).

Когда, такимъ образомъ, на Волыни русскіе боро-

---

(18) «Hist. belli cosac. polon.» 99.

(19) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmiel.» 33. «Woyn. dom.» 51.

лись съ польскими панами, въ Украинѣ происходилъ сборъ цѣлаго народа на войну. Хмельницкій весною распустилъ универсалы по всей Украинѣ, призывая русскихъ оборонять отечество. Онъ не ошибся, когда, разгоряченный виномъ, говорилъ, что у него будетъ двѣсти–триста тысячъ. Чигиринъ, столица гетмана, закипѣлъ безчисленными толпами всякаго рода и званія. Поселянинъ не разсчитывалъ дорогаго времени; заброшенъ лежалъ плугъ его; орала и серпы перекованы были на оружіе... не заботился онъ, что̀ ему ѣсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши. Пустѣли хутора, села, города; покидали ремесленники свои мастерскія; купцы — свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, банники, всякаго рода промышленники бѣжали въ казаки; трудно было во всей Украинѣ нанять работника; недоставало даже могильщика вырыть могилу для калѣки или стараго дѣда. Даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ было магдебургское право, почтенные бургомистры, райцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли въ казаки, остригши бороды: по обычаю того времени всякъ, кто не служилъ въ войскѣ, долженъ былъ носить бороду. «Такъ–то (замѣчаетъ современникъ) дьяволъ учинилъ себѣ *смѣхъ зъ людей статечныхъ*.» Духъ своеволія усилился съ прошлаго года, когда многіе обогатились грабительствомъ польскихъ и жидовскихъ имуществъ; презрѣніе и

насмѣшки ожидали того, кто не участвовалъ въ возстаніи; поэтому, иной нехотя долженъ былъ мѣнять вѣсы или чернильницу на саблю и ружье. Только старики, калѣки и женщины оставались дома, но и то, по-большей-части, больной или старикъ бездѣтный, не желая, или стыдясь оставаться безъ участія въ дѣлѣ освобожденія отечества, ставилъ вмѣсто себя наемщика ([20]).

Хмельницкій раздѣлилъ ихъ на полки; но подъ этимъ разумѣлся не произвольный, правильный отдѣлъ арміи, а извѣстный край южно-русской земли: полкъ заключалъ въ себѣ города, мѣстечки, села, и назывался по имени главнаго, болѣе другихъ значительнаго, города, гдѣ было правленіе полка. Полкомъ начальствовалъ полковникъ: ему были подвѣдомственны другіе чиновники. Полки раздѣлялись на сотни: сотня заключала въ себѣ села и хутора и также носила названіе по имени какого-нибудь значительнаго мѣстечка. Сотни дѣлились на курени, въ которыхъ было нѣсколько десятковъ. Верховное мѣсто называлось войсковою канцеляріею: тамъ вмѣстѣ съ гетманомъ были чиновники: обозный (начальникъ артилеріи и лагерной постройки), есаулъ (обер-лейтенантъ), писарь (государственный секретарь), хорунжій (главный знаменоносецъ); всѣ эти чины называ-

([20]) «Лѣтоп. самов.» 14.

лись *енеральными*, или *войсковыми*; всѣ вмѣстѣ — *войсковою старшиною*. Въ полку была полковая канцелярія (полковое правленіе) и полковые старшины: полковые обозные, есаулы, писаря, судьи, хорунжіе. Въ сотнѣ была сотенная канцелярія и сотенные старшины, съ тѣми же именами, какъ въ полку. Такимъ-образомъ, чиновники сотенные и полковые отправляли въ сотнѣ и въ полку тѣ же обязанности, какія возлагаемы были на чиновниковъ войсковыхъ съ подобными именами, въ-отношеніи цѣлаго казачества. Куренями начальствовали атаманы. Въ то время чиновники избирались и отрѣшались на радахъ, то-есть народныхъ собраніяхъ, вольными голосами, потомъ утверждались гетманомъ. Такой порядокъ велся издавна въ казацкомъ войскѣ, но въ этотъ годъ онъ распространился на цѣлый народъ. Тогда слово «казакъ» перестало имѣть значеніе особаго военнаго сословія, а перенеслось на всю массу возставшаго южнорусскаго народонаселенія ([21]).

На правой сторонѣ Днѣпра были полки: чигиринскій (гвардія гетмана), черкасскій, корсунскій, лисянскій, бѣлоцерковскій, паволоцкій, уманскій, калницкій, каневскій, животовскій, (какъ кажется, одно и то же брацлавскій) полѣсянскій и могилевскій. Пространство, занимаемое этими полками, обнимало со-

([21]) Ibid.

бою всю землю, гдѣ жилъ южнорусскій народъ, нынѣшнія губерніи: кіевскую, часть минской, волынскую по Горынь, подольскую и часть Червонной Руси около Галича до Надворни; изъ Червонной Руси мужики бѣжали въ полки могилевскій и брацлавскій. На всемъ этомъ протяженіи только Каменецъ, твердая и неприступная крѣпость, держался во власти поляковъ; другія сосѣднія мѣстечки переходили то въ тѣ, то въ другія руки. Полкъ полѣсянскій, или овручскій, простирался на неопредѣленное пространство по лѣсамъ. На югъ казачество занимало степи до Бессарабіи или до бѣлогородскихъ кочевьевъ. На лѣвой сторонѣ были полки: переяславскій, нѣжинскій, черниговскій, прилуцкій, ичанскій, лубенскій, ирклѣевскій, миргородскій, кропивянскій, гадячскій, полтавскій и зѣньковскій. Они занимали пространство нынѣшней полтавской и черниговской губерній и часть могилевской по Гомель и Дроновъ. Болѣе всѣхъ былъ полкъ черниговскій, занимавшій пространство до Стародуба съ одной, до Гомеля съ другой стороны ([22]); число сотенъ въ каждомъ изъ

([22]) «Лѣтоп. самов.» 14. — По сказанію Коховскаго, въ этихъ полкахъ были тогда начальниками: въ черкасскомъ Воронченко, въ корсунскомъ — Морозъ или Морозенко, въ каневскомъ — Кулакъ, въ бѣлоцерковскомъ — Остапъ-Павлюкъ, въ брацлавскомъ — Нечай,

полковъ было неравно: доходило до двадцати и болѣе; «що село, то со́тнык», говоритъ очевидецъ, а иная сотня имѣла человѣкъ тысячу. Приблизительно полагаютъ число настоящихъ казаковъ, способныхъ къ войнѣ, до двухсотъ тысячъ, а одинъ говоритъ простодушно, что русскаго войска было столь много, что въ полѣ не помѣщалось и на картѣ написать

въ полѣсянскомъ — Кривоносенко, въ переяславскомъ — Лобода, въ черниговскомъ — Небаба, въ гадячскомъ — Бурляй; По другимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ нѣжинскомъ былъ Шумейко, въ могилевскомъ — Евстафій Гоголь. Впрочемъ, невозможно ясно показать не только тогдашнихъ полковниковъ, но и опредѣлить неоспоримо количество полковъ. Кромѣ полковъ, исчисляемыхъ самовидцемъ, Коховскій, опуская нѣкоторые, насчитываетъ еще лемовскій, лохвицкій, ромненскій, остерскій; въ «Памятникахъ кіевской коммиссіи» упоминаются еще брагильскій и звяльскій (вѣрно звягельскій), подъ командою Тишп; а въ исчисленіи полковъ, приложенномъ Маркевичемъ при его «Исторіи Малороссіи», прибавляются еще полки: стародубскій, быховскій, обручевскій, туровскій, сосницкій, винницкій. Мы имѣемъ вѣрный списокъ полковъ и полковниковъ 1650, но по немъ нельзя заключить о 1659 г.: многіе полки тогда исчезли, другіе перемѣнили названіе; полковники также то были смѣнены, то убиты, да и вообще порядокъ раздѣленія полковъ при Хмельницкомъ измѣнялся безпрерывно: то образовывались новые полки, то уничтожались, то два полка соединялись въ одинъ полкъ; нерѣдко измѣнялись ихъ названія.

**

его было трудно. Но съ гетманомъ были далеко не всѣ; черниговскій и нѣжинскій полки, со многими отрядами гайдамаковъ, которые также иногда являются подъ именемъ полковъ, должны были сражаться противъ литовскаго войска, а иные разсѣялись по Бѣлоруссіи и внутри Польши и Литвы грабить зáмки и дворы, жечь костелы и мучить шляхту и жидовъ ([23]).

Въ Кіевѣ, въ маѣ, повторились страшныя прошлогоднія сцены. Со дня отъѣзда коммиссаровъ, шляхтичи и духовные находили тамъ убѣжище, охраняемые казацкою стражею, по приказанію Хмельницкаго; но когда перемиріе окончилось, толпы удальцовъ, мѣщанъ и окрестныхъ поселянъ, называвшіяся тогда всѣ безъ различія казаками, собрались въ городѣ съ цѣлью докончить враговъ. Какой-то плотникъ, кіевскій мѣщанинъ, Полегенькій, прошлый годъ бывшій въ казацкомъ войскѣ, взялъ надъ ними начальство. По его замыслу, удальцы окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ не дать жертвамъ убѣжать; другіе съ яростью бѣгали по улицамъ; пойманныхъ умерщвляли съ поруганіями и насмѣшками. Стотринадцать человѣкъ съ торжествомъ повели на Днѣпръ

([23]) «Лѣтоп. самов.» 14. «Памятн. кіевск. комм.» I, 446—449. «Histor. belli cosac. polon.» 100. «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 89.

и сбрасывали съ лодокъ для забавы. Не было пощады ни женамъ ихъ, ни грудным младенцамъ; напрасно нѣкоторые думали укрыться въ домахъ православныхъ: убійцы провозгласили, что всякій мѣщанинъ, укрывшій врага, подвергнется смерти, какъ измѣнникъ: испуганные мѣщане выталкивали ихъ на улицу. Спаслись только тѣ, которые успѣли вбѣжать въ русскіе монастыри. На порогѣ вѣковой святыни Кіева угасало неутолимое бѣшенство ожесточенныхъ мстителей. За-то, въ то же время, не удержала ихъ святыня римско-католическая: они ограбили и разорили оставшіяся церкви и монастыри, и перебили монаховъ. Такое неистовство продолжалось три дня, и, съ этихъ кровавыхъ дней, Кіевъ навсегда освободился отъ власти католичества надъ восточнымъ православіемъ, польской народности надъ русскою ([24]).

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина и шелъ медленно; охотники со всѣхъ сторонъ приставали къ его войску; онъ ожидалъ хана. Исламъ-Гирей все еще не получалъ отъ поляковъ дани, и султанскій дворъ, не допустивъ Ракочію содѣйствовать казакамъ, потому что Ракочій усилившись, искалъ бы возможности отрѣшаться отъ всякой ленной зависимости въ отношеніи Турціи ([25]), разрѣшилъ войну хану; время

([24]) «Latop. Jerl.» 97.
([25]) «Stor. delle guer. civ.» 104.

было самое удобное потрясти и ограбить Польшу. Въ іюнѣ, онъ соединился съ Хмельницкимъ на Чорномъ Шляхту за Животовымъ. Въ его ополченіи были и крымскіе горцы, жители роскошнаго южнаго берега, отличные стрѣлки изъ лука, въ пестрыхъ рубашкахъ, съ колчанами за плечьми; и степные ногаи, въ вывороченныхъ наверхъ шерстью тулупахъ, въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ, питавшіеся, какъ предки ихъ при Батыѣ, кониною, согрѣтою подъ сѣдломъ; и буджакскіе татары, приводившіе въ изумленіе своею быстротою и знаніемъ безграничной и безпримѣтной степи, способные жить въ водѣ нѣсколько времени, словно рыбы, сносившіе съ удивительнымъ терпѣніемъ жаръ и холодъ, и, наконецъ, отдаленные черкесы пятигорскіе — гости новые для украинцевъ, которые замѣчали въ ихъ выпуклыхъ глазахъ и закрученномъ за ухо чубѣ что-то родственное; явились, по зову Хмельницкаго, и донцы, связанные съ казаками украинскими узами вѣры и племени, и образомъ жизни. Вся степная удаль юга Россіи грянула въ Украину, почуявъ, что польской странѣ угрожаетъ гибель и для всѣхъ будетъ пожива. Визирь турецкій прислалъ къ Хмельницкому, по данному обѣщанію, шесть тыкячъ румелійцевъ. Были въ казацкомъ войскѣ даже цыгане. Это войско было столь велико, что, по выраженію польскаго историка, подобнаго Европа не видывала со временъ Тамер-

лана ([26]). Никто не просилъ жалованья впередъ; каждый безъ торга шелъ пробовать счастья. Мало было порядка и устройства, за-то сильная охота къ битвамъ и къ поживѣ. Когда поляки услышали, что на нихъ идетъ такая армія и уже приближается къ Волыни, то, по словамъ лѣтописца русскаго, такой страхъ напалъ на нихъ, что они думали тогда же о бѣгствѣ, и самые храбрѣйшіе, которые, сидя за виномъ въ корчмахъ, разбивали Александровъ Македонскихъ, поблѣднѣли и опустили руки ([27]).

([26]) «Belli scyth. cosac.» 36.
([27]) «Истор. о през. бр.».

ГЛАВА VIII.

Польскій лагерь подъ Збаражемъ. — Голодъ. — Подвиги Вишневецкаго. — Янъ Скретускій. — Походъ короля. — Посполитое рушенье. — Назначеніе новаго казацкаго гетмана. — Зборовское сраженіе.

Стоя подъ Константиновымъ, польскіе предводители собрали совѣтъ. Было два мнѣнія относительно избранія мѣста для встрѣчи непріятеля. Одни, представителемъ которыхъ былъ Остророгъ, совѣтовали стать ближе къ Каменцу, чтобъ защищать эту важную крѣпость, да и самимъ имѣть изъ нея продовольствіе; притомъ носились слухи, что Хмельницкій направляетъ путь на Каменецъ. Другіе говорили: «Неблагоразумно покидать Волынь, когда она взбун-«товалась; непріятельская сила ударитъ на нее, въ «надеждѣ найдти союзниковъ въ здѣшнемъ простомъ «народѣ. Когда мы будемъ беречь Каменецъ, казаки, «черезъ Волынь, вторгнутся въ средину государства». А между-тѣмъ, трусы разбѣгались, подъ предлогомъ неполученія жалованья. Оставалось рѣшиться на что-нибудь. Рѣшили, по совѣту Фирлея, стать подъ крѣпкимъ городомъ Збáражемъ. Въ пользу этого распо-

лагала надежда соединиться съ Вишневецкимъ, который тогда стоялъ подъ этимъ городомъ. Славное имя его возбуждало бодрость, а войско польское находилось въ безпорядкѣ (1).

Хладнокровіе, оказанное князю на сеймѣ, лишеніе региментарскаго достоинства, невыгодное о немъ мнѣніе короля и придворной партіи, оскорбили до крайности честолюбиваго князя. Въ порывахъ негодованія, онъ зарекался не вступать болѣе въ дѣло и отправился изъ Варшавы въ одно изъ своихъ имѣній въ Червоной-Руси, чтобъ проводить время подлѣ своей любезной Гризельды. Дружина собралась около своего предводителя; подчиненные раздѣляли огорченіе военачальника и также положили оружіе. Но разнеслись ужасающія вѣсти объ ополченіи казаковъ, о нашествіи хана съ ордами. Опасность грозила всякому пану; Вишневецкому болѣе всего. Вишневецкій собралъ своихъ удалыхъ воиновъ, тѣхъ вишневцевъ, которыхъ малая горсть, въ началѣ возстанія, одна подвизалась противъ бичей шляхетскаго званія.

«Что́ будемъ дѣлать, друзья, говорилъ онъ: — «уходить ли намъ? прятаться ли? И на то ли мы такъ «славно подвизались, когда все бѣжало? Полетимъ, «друзья, снова!

---

(1) «Памятн. кіевск. комм.» 436—443. «Histor. Jan. Kaz.» I, 50.

Приближенные припоминали ему несправедливости, нанесенныя ему такъ недавно. Княгиня припадала къ ногамъ мужа, по обычаю того времени, сохранившемуся, несмотря на свободу женскаго пола.

— Не-уже-ли, говорила она: — не-уже-ли мнѣ вѣкъ горевать одинокою? Если не жалѣешь меня, пощади жизнь свою ради этого дитяти.

Она указывала на полненькаго мальчика, будущаго короля польскаго.

— Отечество зоветъ меня, говорилъ Іеремія и, со слезами вырвался изъ объятій супруги.

Съ отважною дружиною отправился онъ по дорогѣ въ Украину и собиралъ себѣ товарищей. Присталъ къ нему племянникъ его, Димитрій, подражатель и любимецъ воинственнаго дяди; соединился съ нимъ Александръ Конецпольскій, столько же, какъ и онъ, гонимый казацкимъ предводителемъ; стекалась къ нему шляхта, ободряемая его именемъ. Дошедши до селенія Шимковцы, паны стали обозомъ; воины переходили туда изъ лагеря трехъ предводителей; въ лагерѣ отъ этого сдѣлался такой безпорядокъ, который заставлялъ опасаться повторенія пилявской комедіи. Не время было играть честолюбіемъ: Вишневецкій сталъ замѣчать, что раздвоеніе войска послужитъ къ выгодѣ непріятеля, и началъ исподоволь стараться соединиться съ главнымъ войскомъ. Для честолюбиваго магната стыдно казалось самому на-

биваться съ услугами: ему хотѣлось, чтобъ соперники сами прислали просить его помощи и черезъ то выказали, какъ мало они способны къ войнѣ безъ Вишневецкаго.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Іеремія расположился обозомъ, жолнеры привели связаннаго русина.

— Что ты видѣлъ, что знаешь? спрашивали паны.

— Хмельницкій уже въ Камени-Чолганскомъ; я самъ видѣлъ его собственными глазами, отвѣчалъ плѣнникъ.

— Отправьте его къ предводителямъ, сказалъ князь.

Какъ нарочно Остророгъ только-что воротился тогда въ лагерь съ четырьмя реестровыми казаками: они подтвердили показаніе русина, присланнаго Вишневецкимъ, да сверхъ-того прибавили, что Хмельницкій намѣренъ пресѣчь имъ обратный путь и не допустить идущихъ къ нимъ изъ Люблина партій (2).

Отъ этихъ извѣстій боязнь такъ усилилась въ войскѣ, что жолнеры, не слушая предводителей, пустились-было бѣжать. Чтобъ успокоить волненіе, предводители рѣшили отправить поскорѣе посольство къ Вишневецкому и упросить его прибыть въ обозъ; они надѣялись, что присутствіе его остановитъ смя-

(2) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chm.» 34—35. «Woyn. dom.» I. 54—56. «Истор. о през. бр.»

теніе. Ляндскоронскій самъ отправился къ нему и явился съ покорнымъ видомъ.

— Мы всѣ знаемъ, говорилъ Ляндскоронскій, со слезами, по замѣчанію лѣтописи: — что обидѣли тебя, отважнѣйшаго, достойнѣйшаго воителя; но мы всѣ жалѣемъ, и все войско наше жалѣетъ, что король обошелъ тебя. Князь! покажи примѣръ великодушія: прости свои оскорбленія, если не для насъ, то для Бога и спасенія отечества.

Отъ такихъ словъ Іеремія разчувствовался и заплакалъ, однако началъ отказываться.

— Какую пользу могу принесть вамъ? говорилъ онъ: — продовольствія у меня нѣтъ; пороха и оружія мало. Что́ сдѣлаетъ моя малая горсть при долгомъ обложеніи въ обозѣ? Впрочемъ, если здѣсь нападутъ на насъ, то мы покажемъ себя.

Ляндскоронскій продолжалъ его уговаривать, представлялъ близость непріятеля, вспоминалъ, ка́къ злится на него Хмельницкій.

— Если идетъ дѣло о начальствѣ, прибавилъ онъ:— Фирлей уступаетъ его тебѣ.

Тутъ честолюбіе князя было удовлетворено.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — я не хочу отнимать у почтеннаго старика этой чести, которая, по всѣмъ правамъ, возложена на него королемъ и Речью-Посполитою. Долгъ сына отечества — жертвовать общей

пользѣ собою. Я готовъ служить подъ командою Фирлея, и завтра соединяюсь съ вами!

Ляндскоронскій прибылъ съ радостною для всѣхъ вѣстью (3).

На другой день, Вишневецкій и Конецпольскій подвинули свой станъ и сами пріѣхали въ главный обозъ, при всеобщихъ восклицаніяхъ обрадованнаго войска. Уже многія хоругви готовились къ бѣгству и вѣрно бы побѣжали, еслибъ не прибылъ Вишневецкій; но къ нему всѣ питали неограниченное довѣріе; при немъ стали увѣрены и въ самихъ себѣ (4).

Собрался военный совѣтъ. Разсуждали снова о выборѣ мѣста для встрѣчи съ непріятелемъ. Іеремія присталъ къ тѣмъ, которые почитали удобнѣйшимъ Збаражъ. На горѣ стоялъ укрѣпленный замокъ; внизу лежалъ городъ, въ деревянными укрѣпленіями, но окопанный рвомъ; поляки расположились подъ городомъ и положили окопать лагерь валомъ (5). Исполненіе этого дѣла поручено инженеру Пршіемскому и иностранцамъ; но работы производились несогласно

---

(3) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 50. «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 36. — «Woyn. dom.» 56. — «Stor. delle guer. civ.» 122—123.

(4) «Woyna dom.» 57. «Истор. о през. бр.».

(5) «Diar, wojn. p. Żbaraż». — «Staroz. pols.» I, 250. — «Annal. Polon. Clim.» I, 119. — «Stor. delle guer. civ.» 142.

и неправильно: каждый изъ начальниковъ хотѣлъ удобнѣе занять для себя мѣсто, и потому валъ, въ которомъ долженъ былъ заключаться лагерь, проведенъ былъ на далекое разстояніе (6).

8-го іюля н. ст., а по старому 28-го іюня, непріятеля ожидали каждую минуту, а окопъ не былъ готовъ еще. Въ пятницу, 29-го іюня (9-го іюля н. ст.), высланъ былъ подъѣздъ, подъ начальствомъ Сѣраковскаго; но только-что онъ упустилъ изъ глазъ свой обозъ, какъ увидѣлъ огромную татарскую силу. Поляки, не вступая въ сраженіе, обратились назадъ; непріятели бросились вслѣдъ за нимъ и разбили ихъ на́ голову. Сѣраковскій едва успѣлъ спастись и прибѣжалъ въ обозъ съ вѣстью, что, можетъ-быть, завтра утромъ вся непріятельская армія явится къ Збаражу (7). Окопы не были готовы.

Одно къ другому. И безъ того, по выраженію лѣтописцевъ, сильно бились сердца у пановъ, а тутъ, для бо́льшаго страха, молнія разбила древко у знамени, которое стояло при шатрѣ главнаго предводителя; и это произошло очень-странно: день былъ свѣтлый и безоблачный; вдругъ, надъ шатромъ Фирлея, набѣжало облако и изъ него полетѣлъ ударъ. Это

---

(6) Ibid.

(7) «Annal. Polon. Clim.» I. 119. — «Histor. panow. Jan. Kaz.» I, 54. — «Истор. о през. бр.»

показалось для всѣхъ дурнымъ предзнаменованіемъ. «Неложнымъ пророчествомъ бѣды было для нихъ это явленіе» (8), говоритъ русскій лѣтописецъ. Тѣ, которые были недавно въ Варшавѣ, разсказывали, что разъ ужь было подобное предостереженіе. «Не да«ромъ (говорили они) тотчасъ послѣ коронаціи короля «загорѣлся дворецъ» неизвѣстно отчего». Поляки были очень-недовольны бракосочетаніемъ короля съ невѣсткою, вдовою Владислава, которое совершилось тотчасъ послѣ коронаціи. — «Такой союзъ не благословляется небомъ; нерѣдко гнѣвъ божій поражаетъ всю страну за преступленіе властителя», толковали тогда въ Польшѣ. Ксендзы объясняли, что это сдѣлалось съ разрѣшенія папы. «Что́ разрѣшаетъ на«мѣстникъ апостольскій, то́ ужь не грѣхъ (говорили «они). Не за бракъ короля наказываетъ насъ Богъ, «а за то, что мы вошли въ сношенія съ еретиками». Отъ такого направленія словъ въ войскѣ возникло волненіе противъ Фирлея и реформатскихъ проповѣдниковъ и увеличивало безпорядокъ (9).

Вдругъ, завидѣли поляки пыль; потомъ показались люди, послышались дикіе голоса и они увидѣли пе-

---

(8) «Истор. о през. бр.» — «Annal Polon. Clim.» I, 119. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 55.

(9) «Annal. Polon. Clim.» I, 104, 132. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 40, 65.

редовое татарское полчище. Замѣтивъ, что войска еще не соединились съ главнымъ обозомъ, татары летѣли, чтобъ отбить станъ Вишневецкаго, находившійся не въ дальнемъ разстояніи отъ главнаго лагеря; они неслись съ жаромъ: успѣхъ или неуспѣхъ на первыхъ порахъ считался у нихъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ счастливаго или несчастнаго окончанія войны. Поляки въ обозѣ испугались; но Вишневецкій съ храбрѣйшими бросился на непріятеля и, послѣ упорной сшибки, непріятель отступилъ. Вишневцы вошли въ обозъ ([10]).

Всѣ принялись кончать поскорѣе окопы. Опасность была слишкомъ-близка; паны забыли свою спѣсь; засучивъ бархатные рукава своихъ контушей, они взяли въ руки заступы и показывали примѣръ прочимъ. Работали цѣлую ночь, но все-таки не кончили дѣла. На одной сторонѣ, гдѣ находился прудъ, окоповъ еще не было, да и въ другихъ мѣстахъ оставались прогалины ([11]).

30-го іюля; (10-го іюля н. ст.) начали появляться съ утра поляки и казаки. Наѣздники, разъѣзжая надъ окопами, вызывали охотниковъ помѣряться силою и удалью. Цѣлый день впереди окоповъ происходили подобные герцы. На одномъ изъ нихъ былъ убитъ

([10]) Ibid. I, 119. — Ibid. I, 55—56.

([11]) «Diar. wojn. p. Zbaraż.»

Трунетъ, одинъ изъ богатырей ханскихъ ([12]). Къ вечеру гуще становились ряды воиновъ, и, наконецъ, на закатѣ солнца, на пространствѣ, сколько глазами окинуть могли поляки, растянулось предъ ними неисчислимое войско; татарскихъ ратниковъ, говоритъ современникъ, было болѣе въ этомъ войскѣ, чѣмъ у Тамерлана ([13]). Прибылъ ханъ съ пышностью азіатскаго владыки, противоположною простотѣ его союзника, казацкаго вождя. Хмельницкій, съ знатными татарами, объѣзжалъ ряды своихъ воиновъ и, поглядывая на польскіе недоконченные окопы, гордо покрикивалъ: «справымо тепе́ръ бе́нкетъ ляхàмъ!» Возвратившись къ хану, онъ говорилъ, что есть надежда заночевать въ польскомъ обозѣ ([14]).

Крики, насмѣшки и похвалки казацкіе отзывались въ ушахъ встревоженныхъ шляхтичей. Осадное положеніе не было въ духѣ польской тактики.

«Поляки (говорили тогда въ обозѣ) храбро и бодро «сражаются на просторѣ, но не въ силахъ выдержи«вать тѣсноты и непрестаннаго нападенія.»

Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ поляки бѣжали, сами себя обманывая тѣмъ, что это дѣлается съ цѣлью

([12]) «Pamięnt, o wojn. cozac. za Chm.» 35 — «Woyn. dom.» 57.

([13]) «Histor. belli cosac. polon.» 100.

([14]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» 55.

избрать удобнѣйшее мѣсто для сраженія; теперь нельзя было думать о бѣгствѣ куда-нибудь далеко: всѣ пути были заняты казазами и татарами.

Предводители ободряли унылыхъ, а особенно Іеремія: онъ безпрестанно разъѣзжалъ по обозу и посылалъ своихъ адъютантовъ уговаривать жолнеровъ.

— Чѣмъ въ бо́льшей мы опасности, тѣмъ-болѣе для насъ славы (говорилъ онъ): пусть наша маленькая горсть заставитъ непріятелей завидовать: «ай-да поляки!» скажутъ они: «неустрашимый народъ!»

— Хорошо показывать храбрость въ полѣ, отвѣчали жолнеры: теперь иное дѣло, когда непріятель окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— А развѣ поляки (говорили ободрители) только на коняхъ молодцы? Да вѣдь тогда коню геройскія дѣла приписать надобно, а не воину. И поле, и валъ— все одной Беллоны работы. Много чести побѣдить на полѣ; а еще болѣе славы храбрымъ рыцарямъ защищаться въ окопахъ. Отцы наши въ стѣнахъ московскихъ два года бились и не поддались; они же такъ отличались, овладѣвъ чужихъ; а намъ надобно показать тоже для вѣчной славы народу нашему за спасеніе родины» ([15]).

([15]) «Annal. Polon. Clim.» I, 120. — «Histor. pan. Jan. Kazac.» I, 57. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 66.

Ввечеру духовные обходили обозъ съ св. дарами; всю ночь послѣ того провели жолнеры на молитвѣ ([16]).

На другой день, въ воскресенье, 1-го іюля (11-го іюля н. ст.), Хмельницкій пустилъ татаръ и казаковъ на дивизію Фирлея; онъ направлялъ ихъ на тѣ мѣста польскаго обоза, гдѣ не были еще выведены окопы. Сраженіе происходило съ полудня до сумерекъ. Сначала поляки отбили первый напоръ, но когда Хмельницкій приказалъ ударить изъ тридцати пушекъ, которыхъ у него было семьдесятъ, а татары пустили въ обозъ дождь стрѣлъ, поляки опять начали молиться и ободряли себя религіозными процессіями ([17]).

Въ понедѣльникъ, 2-го іюля (12-го іюля н. ст.), Хмельницкій послалъ казаковъ гадячскаго полка на правую сторону; тамъ было озеро и окопы вовсе не дѣланы. Полкомъ командовалъ Бурляй, богатырь; отличался онъ на Черномъ морѣ, завоевалъ Синопъ, задавалъ страхъ самому Цареграду. Съ этой стороны обозъ защищала венгерская пѣхота; она не выдержала казацкаго натиска и обратилась назадъ. Казаки вторглись въ обозъ. Тѣмъ временемъ, татары броси-

([16]) «Diar. wojn. p. Zbar. Star. polk.» I, 253.

([17]) «Woyn. dom.» 58. — «Diar. wojn. p. Zbar.» ibid.

лись огромною толпою на Фирлея: поляки потеряли духъ.

— Намъ не возможно сражаться съ такимъ множествомъ непріятелей, надобно бѣжать и запереться въ збаражскомъ замкѣ! кричала толпа.

— Чортъ побери! восклицалъ Вишневецкій: — развѣ вамъ хочется, чтобъ казаки вытаскивали васъ за ноги изъ замка и рубили головы? Да ужь если погибать, то лучше въ полѣ! Гей, братья! кому изъ васъ со мною умирать любо? Пойдемте на эту сволочь: утремъ имъ носъ!

Князь бросился съ отважными; инженеръ Пршіемскій заворотилъ бѣгущую венгерскую пѣхоту. Казаковъ выгнали изъ окоповъ, потомъ притиснули къ пруду; многіе потонули. Погибъ Бурляй. Увидѣвъ неудачу своихъ, полковникъ Морозенко кинулся на помощь гадячанамъ, но его смяли, и онъ самъ, пошатнувшись на конѣ, едва было не попался въ плѣнъ. Сѣча была отчаянная. Жестоко напирали казаки; упорно стояли поляки, ободряемые Вишневецкимъ. Разсказываютъ, что долго тогда враги спорили за раненаго дворянина, который, съ оторванною ногою, переходилъ то въ руки своихъ, то въ руки казаковъ. Наконецъ, товарищи отстояли его и отнесли умирать въ кругу своихъ, Послѣ такого неудачнаго нападенія (говорятъ лѣтописцы польскіе), ханъ былъ недоволенъ

Хмельницкимъ, который предъ тѣмъ говорилъ ему о возможности скоро заночевать въ польскомъ обозѣ ([18]).

Съ этихъ поръ, Хмельницкій рѣшился обложить поляковъ, томить безпрерывною пальбою, морить голодомъ, и довести до крайняго положенія ([19]). Онъ приказалъ насыпать вокругъ польскаго обоза валъ выше непріятельскаго и поставить на него пушки; все это было готово въ одну ночь, потому-что было кому работать. Утромъ, 3-го іюля, во вторникъ (13-го іюля н. ст.), ударили на поляковъ изъ пушекъ съ разныхъ сторонъ, и «разъяренное хлопство», говоритъ очевидецъ, «лѣзло какъ смола, а татарскія стрѣлы, летая кривыми линіями, затмѣвали солнечный свѣтъ» ([20]).

Къ вечеру прекратилось нападеніе. Поляки увидѣли, что окопы протянуты слишкомъ-широко; одинъ другаго укорялъ; а послѣ несогласій рѣшили рыть другіе окопы, тѣснѣйшіе, внутри прежнихъ. На другой день они были готовы; войско вступило въ нихъ, а лишнихъ лошадей выгнали прочь, по совѣту Вишневецкаго. Но едва только поляки вступили въ но-

---

([18]) «Annal. Polon. Clim.» I, 222. — «Pamiętn. do pan. Zygm. III, Wład. IV. i Jan. Kaz.» II, 67.

([19]) «Истор. о през. бр.» — «О томъ, что случ. въ Укр.» 9. — «Кратк. опис. о казац. марол. нар.» 28.

([20]) «Diar. wojn. p. Zbaraż.» — «Star. pols.» I, 256. — «Woyn. dom.» 59.

вые окопы, казаки бросились за ними, насыпали также окопы, еще выше польскихъ, и опять начали палить въ обозъ. Поляки, желая закрыться отъ непріятельской пальбы, безпрестанно повышали свои окопы, но, вслѣдъ затѣмъ, у казаковъ предъ самымъ польскимъ обозомъ выказывался такой огромной валъ, что и собаку можно было застрѣлить съ него, говоритъ очевидецъ. Такимъ образомъ, днемъ и ночью казаки не давали покоя непріятелю; одни изъ нихъ повышали свой валъ, другіе палили въ польскій обозъ, въ которомъ имъ видны были всѣ движенія. Пули летали какъ градъ; пальцемъ нельзя было сунуть въ пустое мѣсто, говоритъ очевидецъ ([21]). Паны разобрали свои шатры, отвязали знамена и закрывались отъ непріятеля; а когда такой родъ защиты оказался недостаточнымъ, они принялись окапывать себя и лошадей землею; каждый вырывалъ себѣ нору и сидѣлъ въ ней, какъ кротъ, по собственному ихъ выраженію; а когда, наскучивъ мучительнымъ бездѣйствіемъ, они выскакивали изъ своихъ логовищъ на сраженіе, то, вмѣсто непріятелей, въ дыму и тучѣ стрѣлъ, били другъ друга. Въ эти дни, по совѣту Вишневецкаго, поляки начали рыть въ срединѣ своего обоза еще тѣснѣйшіе окопы, ужь

([21]) «Diar. wojn. p. Zbaraż.» — «Star. pols.» I, 257—260. — «Stor. delle guer. civ.» 146.

подъ городомъ, и даже въ городѣ близь замка, и, оставивъ у старыхъ окоповъ по пятнадцати человѣкъ изъ каждой хоругви, бросились въ новые окопы; но не ушли они половину пути, какъ казаки обратили въ бѣгство сторожу, погнались за уходящими и перебили множество жолнеровъ, не успѣвшихъ вскочить въ новые окопы: чрезъ три часа появился у казаковъ высокій окопъ и опять началась утомительная для поляковъ пальба ([22]).

Потомъ Хмельницкій прибѣгнулъ къ новому способу: онъ приказалъ копать мины, чтобъ подземнымъ путемъ провести казаковъ въ средину польскаго лагеря; но инженеры заблаговременно открыли хитрость; замѣтивъ, что вдругъ прекратилось нападеніе съ вала, они стали догадываться и ставили на землю мисы съ водою и клали бубны. Догадка оправдалась: вода въ мисахъ волновалась, а бубны издавали звукъ на тѣхъ мѣстахъ, подъ которыми проводились подкопы. Тогда поляки, въ свою очередь, начали рыть контрмины и достигли до казаковъ ([23]). «Такова-то жестокость человѣческая (восклицаетъ

([22]) «Bell. scyth. cosac.» 38—39. — «Woyn. dom.» 72. — «Diar. wojn. p. Zbar. Star. pols.» I, 258. — «Stor. delle guer. civ.» 147.

([23]) «Bell. scyth. cosac.» 42. — «Annal. polon. Clim.» I, 128. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 63.

польскій историкъ): мало мѣста имъ было на землѣ воевать, стали еще и подъ землею! Напрасно мудрые ищутъ ада in centro terrae; въ Украинѣ — тамъ настоящій адъ человѣческой злобы» ([24]).

27-го іюля (6-го августа н. ст.), казаки закопали поляковъ со всѣхъ сторонъ; валъ былъ столь великъ, что кто только изъ осажденныхъ высовывалъ голову, тотчасъ его и убивали. Къ пущей бѣдѣ, у поляковъ не доставало пороха и огнестрѣльное оружіе потрескалось отъ частой стрѣльбы; инженеры и пушкари были изувѣчены или побиты ([25]). Поляки забирали въ городѣ бочки, мазницы, обливали враговъ смолою и защищались съ остервенѣніемъ обломками ружей и деревомъ отъ возовъ. Врываясь въ окопы, казаки тянули къ себѣ крючьями возы и хватали воиновъ ([26]). «Тогда (говоритъ очевидецъ) братъ не смѣлъ подать помощи брату, священники не могли приготовлять къ смерти; не успѣвали хоронить мертвыхъ; лѣтній жаръ, тѣснота, гніеніе труповъ задушали осажденныхъ и, что́ всего ужаснѣе, наступилъ губительный голодъ. Припасы, какіе прежде покупали за дорогую цѣну, были потреблены; въ городѣ нель-

---

([24]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» ibid..

([25]) «Annal. Polon. Clim.» I, 129. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 74.

([26]) «Diar. wojn. p. Zbar.» — «Star. pols.» I, 260.

зя было достать ничего ни за какія деньги; паны питались конскимъ мясомъ, забывъ свои затѣйливыя блюда; шляхтичъ завяливалъ свою лошадь и нерѣдко дрался за нее съ товарищемъ; но скоро такой источникъ продовольствія прекратился; много лошадей было заранѣе прогнано за обозъ, остальныя были застрѣлены, или задохлись въ дыму; жолнеры питались падалищемъ, собирали въ городскихъ домахъ кошекъ, мышей, собакъ, а когда и этихъ животныхъ не доставало, отрывали кожу съ возовъ и обуви, и ѣли, разваривая въ водѣ, а иные грызли зубами *спеклую* землю» ([27]). «И не одинъ ляхъ (говоритъ украинскій лѣтописецъ) ([28]) заплатилъ мыто головою на лядскомъ базарѣ, и воды, бѣдный, не напився безъ кровной заплаты, но и ту пивъ зъ червями и сукровицею изъ труповъ»: казаки нарочно бросали трупы убитыхъ въ воду ([29]). Многіе предводители оказывали благородное воздержаніе; хотя оставалось еще нѣсколько припасовъ; но, чтобъ ободрить унывающихъ, они отказывались отъ нихъ произвольно и ѣли лошадиное мясо, которымъ при-

([27]) «Histor pan. Jan. Kaz.» I, 64. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV. i Jan. Kaz.» I, 21. — «Annal. Polon. Clim.». I. 130. — «Stor. delle guer. civ.» 145.

([28]) «Woyna dom.» 70 — «Diar. wojn. p. Zbar.» — «Star. pols.» I, 260.

([29]) «Истор. о през. бр.».

нуждены были питаться простые жолнеры. Вишневецкій ѣлъ супъ съ крысами. Старикъ Фирлей хотѣлъ также приняться за подобный столъ, не взирая на свою мастистую старость, но другіе не допустили его ([30]).

Придаючи большаго облеженцямъ утрапенья ([31]), казаки и бѣглые хлопы, отдыхая отъ нападеній, садились на валы и отпускали надъ врагами насмѣшки: «Колы́ вы, панове, чи́ншъ на Вкраи́нѣ одбира́-«тымете? Отъ уже́ ри́къ тому́ е́сть, якъ мы ще вамъ «ничо́го не платы́лы. А мо́же чи не загада́ете яко́и «па́нщины? Отъ изъ быдла доси не бралы десятины, «кони ржуть, быдло пошалило, на ярмарокъ до Вроц-«лава хоче».

Отважнѣйшіе изъ пановъ вступали съ ними въ разговоръ.

— Теперь вамъ пока льгота (говорили они), а вотъ, скоро пойдете на панщину гатить плотину чрезъ Днѣпръ. А чиншъ соберетъ съ васъ литовское войско, какъ придетъ зимовать въ Украину. А десятину возьмутъ татары, какъ погонятъ въ Крымъ вашихъ женъ и дочерей.

— Годи вже вамъ, панове, удержуватысь! кричали хлопы: — тильки дурно ку́нтуши покаля́лы та

([30]) «Кратк. опис. о казац. малор. нар.» 29.
([31]) «Истор. о през. бр.»

сорочкы подралы, по шанцяхъ лазячи. Бо то все наше, тай вы сами есте яссыръ татарамъ голоднымъ. Отъ-се вамъ наробылы очкови, та рогови, та аренды, та ставщы́ны, та па́нщины, та пересу́ды, та сухоме́льщины! Була вамъ та гарна музыка: отъ теперъ такъ добре вамъ у дудку загралы козаки ([32]).

«Эй ты, диду Фирлію, продай намъ олію!» (кричали они предводителю); а Вишневецкому кричали, намекая на то, что онъ получилъ рану въ ногу: — «Пане Вишневецкій! а ну, лишь выведи танчикъ понимецьки» ([33])! При такомъ несчастномъ положеніи,

---

([32]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chm.» 51. — «Wojn. dom.» 75. — «Histor pan. Jan. Kaz.» I, 60.

([33]) «Народная пѣсня. Вотъ ка́къ она поется потомками воевавшихъ противъ пановъ:

А що то за хыжка
Тамъ на вырижку?
Пидъ тою хыжкою
Ляхи сыдилы,
Собакъ лупылы,
Ножи поломалы:
Зубами тягалы.

Послѣ каждаго стиха прибавляется, въ видѣ припѣва:

Диду Фирлію!
Продай намъ олію!
А ты, Вишневецькій,
Воеводо грецькій (?),
Та выведы танчикъ
По нимецьки!

**

несогласія въ обозѣ не утихали; изнуренные жолнеры приписывали бѣдствія свои гнѣву Божію, за то, что въ войскѣ находились реформаты. Одинъ разъ закипѣло сильное негодованіе на реформатскихъ духовныхъ, которые, къ соблазну католиковъ, отправляли свои молитвословія въ одно время съ религіозными католическими процессіями. Фирлей съ трудомъ спасъ ихъ отъ смерти, отправивъ поскорѣй въ за́мокъ (34).

Челядь, то-есть слуги, которыхъ у польскихъ жолнеровъ было гораздо-больше, нежели ихъ самихъ, безпрестанно переходила къ казакамъ; были измѣнники и дворяне, даже знатные, участвовавшіе въ совѣтахъ начальниковъ; перебѣгали къ нимъ и иностранцы. Хмельницкій ласкалъ ихъ, особенно послѣднихъ, потому-что между ними были искусные артиллеристы и инженеры. Не такъ радушно были приняты збаражскіе мѣщане и тѣ простолюдины, которые ушли въ городъ при началѣ осады, избѣгая вербунки въ казацкое войско. Городъ Збаражъ съ его крѣпкимъ замкомъ былъ постояннымъ предметомъ казацкихъ нападеній, большею частью не совсѣмъ удачныхъ. Мѣщане и мужики ревностно помогали полякамъ, быть-можетъ, и поневолѣ, отбивать ко-

---

(34) «Histor pan. Jan. Kaz.» I, 65. — «Annal. Pólon. Clim.» I, 131.

заковъ. Но ужь предъ концомъ осады, когда голодъ сдѣлался невыносимъ, они съ отчаяніемъ хотѣли зажечь городъ или сдать непріятелю; предводители принуждены были ихъ выпустить; несчастные вышли полуживые, съ толпою польскихъ слугъ, и были взяты въ плѣнъ татарами. Вѣроятно, казаки отдали ихъ на погибель за участіе въ войнѣ противъ единовѣрцевъ ([35]).

Таково было положеніе дѣлъ внутри польскаго обоза, во время этой памятной осады. Тѣмъ не менѣе, Хмельницкій досадовалъ на продолжительность ея и упорство враговъ, и прибиралъ разныя средства заставить поляковъ сдаться. Одинъ разъ, онъ надѣлалъ соломенныхъ чучелъ, одѣтыхъ въ турецкое платье, посадилъ на лошадей и думалъ испугать поляковъ появленіемъ новаго турецкаго войска. Однако это не удалось: поляки разсмотрѣли въ зрительныя трубы, что это не настоящіе турки ([36]). Потомъ, обнадеживаемый примѣромъ нѣкоторыхъ трусовъ, Хмельницкій пробовалъ склонить на свою сторону пановъ греческаго вѣроисповѣданія и вызывалъ одного изъ нихъ, Зацвилиховскаго, давняго своего знакомаго и даже пріятеля, на секретный разговоръ.

([35]) «Лѣтоп. пов. о Мал. Росс.» 67.

([36]) «Bell. scyth. cosac.» 40. — «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 28.

— Каково вамъ въ осадѣ, господа? говорилъ онъ:— не хорошо, я думаю. Слушай же: ты мой давній пріятель; передайся къ намъ и пановъ русскихъ уговори: мнѣ вѣдь жаль своихъ единовѣрцевъ.

— Болѣе ничего вашей милости не угодно мнѣ сказать? Прощайте! отвѣчалъ Зацвилиховскій и ушелъ ([37]).

Вслѣдъ затѣмъ, бѣглый нѣмецъ увѣрялъ Хмельницкаго, что иностранцы не довольны поляками и есть возможность преклонить ихъ къ измѣнѣ. Этотъ нѣмецъ взялся доставить въ обозъ возмутительное письмо. Хмельницкій далъ ему такое воззваніе къ нѣмцамъ:

«До сихъ поръ польское войско, находясь въ осад-«номъ положеніи, закрывается нѣмецкими грудьми. «Всѣмъ извѣстно, что поляки трусы и прячутся «вамъ за спину: они купили ваше мужество за нѣ-«вѣрную плату, потому–что у нихъ обычай много «обѣщать и ничего не давать; а если что и дадутъ, «то это достанется не многимъ. Вспомните, сколько «вы перенесли опасностей и потеряли крови! Какою «цѣною заплатятъ они вамъ за нее? Если жь вы

([37]) «Histor pan. Jan. Kaz.» I. 61. — «Annal. Polon. Clim.» I, 126. — «Pamiętn. do pan. Zygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 70.

«перестанете служить имъ и пристанете ко мнѣ, то «получите больше выгодъ и вѣрнѣе награду: вы не «только возьмете готовое жалованье, но еще примете «отъ меня особые подарки за вашу отвагу и побѣды».

Вручая бѣглецу письмо, онъ, для прикрытія хитрости, послалъ съ нимъ письмо къ Вишневецкому, въ которомъ называлъ князя своимъ пріятелемъ: оно было наполнено, по извѣстію польскаго современника, *бреднями*. Вмѣстѣ съ нимъ Хмельницкій послалъ полякамъ письма ихъ къ королю, перехваченныя казаками. Отдавъ, что́ кому слѣдовало, нѣмецъ затесался въ толпу прежнихъ товарищей, началъ показывать воззваніе казацкаго предводителя и совѣтовалъ послѣдовать своему примѣру, увѣряя, что у Хмельницкаго дѣйствительно хорошо служить. Уже многіе-было поколебались, но, къ-счастью поляковъ, это письмо, переходя изъ рукъ въ руки, попалось хорунжему нѣмецкой пѣхоты, Корфу. Прочитавъ воззваніе, онъ призвалъ къ себѣ нѣмца, узналъ въ немъ прежняго подчиненнаго и приказалъ посадить на колъ, въ виду казацкаго войска, на валу, въ отмщеніе за то, что казаки поступили такъ съ однимъ полякомъ, отправленнымъ въ казацкій таборъ съ подобнымъ же возмутительнымъ воззваніемъ.

Въ отвѣтъ Хмельницкому, Корфъ прислалъ слѣдующую записку:

«Хотя мы, нѣмцы, и въ осадѣ, но ты насъ къ

«предательству не склонишь; мы не хотимъ быть «измѣнниками, подобными тебѣ» ([38]).

Потомъ Хмельницкій прибѣгнулъ къ хитрости другаго рода. Зная, что мужественный Іеремія удерживаетъ цѣлый обозъ, онъ началъ придумывать какимъ бы образомъ лишить польское войско этого человѣка, который, притомъ, былъ его заклятый врагъ. Однажды онъ послалъ предводителямъ ласковое письмо, въ которомъ изъявлялъ желаніе заключить съ ними миръ, и просилъ выслать къ нему для переговоровъ кого-нибудь изъ важныхъ пановъ. Предводители выслали къ нему Киселя, племянника стараго Адама, съ нѣкоторыми панами русской вѣры, которые у него были коммиссарами.

— Что́ угодно просить вашей милости? спросили его посланники, кланяясь.

Хмельницкій принялъ гордый тонъ.

— Никогда въ мысль не приходило мнѣ, сказалъ онъ: — посылать за вами и просить у васъ чего-нибудь. Я васъ спрошу: зачѣмъ пришли?

Кисель принялся-было за краснорѣчіе; но казацкій предводитель прервалъ его, покачалъ головою, и сказалъ съ своею обыкновенною поговоркою:

([38]) Ibid. I, 67. — «Annal. Polon. Clim.» I, 132.— «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wlad. IV i Jan. Kaz.» II, 76.

— Шкода говорыты! Знаю, чего вамъ надо; что вы просите пощады; я васъ пощажу: выдайте только мнѣ Вишневецкаго и Конецпольскаго; они причиною всей бѣды; а сами выходите изъ обоза, положите оружіе, все свое имущество отдайте на окупъ за себя хану, и тогда идите-себѣ.

Послы вздохнули.

— Послѣ этого, сказалъ Кисель: — мы будемъ молчать, и ты не добьешься отъ насъ ни слова. Но знай: мы надѣемся на Бога и будемъ защищаться до послѣдняго, хотя бы ты, алча нашей крови, подвинулъ на насъ всѣ силы ада ([39]).

Хмельницкій обратился къ хану.

— Упорство поляковъ, говорилъ онъ: — зависитъ отъ Вишневецкаго; стóитъ только выманить его изъ обоза подъ видомъ переговоровъ и взять въ неволю,— поляки непремѣнно сдадутся, лишась храбрѣйшаго предводителя.

Ханъ принялъ совѣтъ и препоручилъ обдѣлать это дѣло визирю Шефферъ-Кази. Чтобъ скрыть хитрость, татаринъ, выѣхавъ къ польскимъ окопамъ, не сталъ упоминать имени Вишневецкаго, а закричалъ по-пріятельски:

([38]) «Крат. ист. о бунт. Хмельн.» 18. — «Woyn. dom.» 68.

— Поляки! ханъ предлагаетъ вамъ миръ и хочетъ быть посредникомъ между вами и Хмельницкимъ. Онъ посылаетъ меня къ вамъ: пусть выѣдетъ ко мнѣ Конецпольскій.

Конецпольскій зналъ восточные языки, а потому и не дивно было, что его зовутъ. Онъ выѣхалъ.

— Ханъ, говорилъ визирь Шефферъ-Кази: — предлагаетъ вамъ, полякамъ, миръ и проситъ васъ войти въ переговоры, а напрасно себя не губить. Ханъ давно уже совѣтуетъ Хмельницкому примириться съ вами и просить у короля прощенія.

— Благодаримъ хана, отвѣчалъ Конецпольскій: — только мы еще не дошли до того, чтобъ кланяться мятежнику Хмельницкому. Впрочемъ, отъ мира не прочь, лишь бы выгодны были условія. Я же самъ отъ себя не могу ничего сказать, а передамъ предводителямъ.

Зоркій Конецпольскій замѣтилъ, что за льстивыми увѣреніями татарина что-то кроется ([40]).

На другой день, опять выѣхалъ парламентёръ.

— Согласны ли паны на переговоры? спрашивалъ онъ.

([40]) «Pam. o wojn. kozac. za Chmieln.» 39. — «Wojn. dom.» 36. — «Histor. panow. Jan. Kaz.» I, 62. — «Annal. Polon. Clim.» I, 126.

— Согласны, отвѣчали ему: — если только ханъ окажетъ намъ пріязнь свою.

— Свѣтлѣйшій ханъ, говорилъ татаринъ: — желаетъ, чтобъ на переговоры выѣхали къ нему Вишневецкій и Конецпольскій. Если эти два пана явятся лично къ хану, то его величество избавитъ васъ всѣхъ отъ опасности.

Изъ обоза отвѣчали ему, что завтра поляки скажутъ свое рѣшеніе.

Вечеромъ собрался совѣтъ, и предводители задумались, по выраженію польскаго историка. «Зачѣмъ «ханъ зоветъ на конференцію именно Вишневецкаго «и Конецпольскаго? (говорили они) почему не глав«ныхъ предводителей: Фирлея, Осторога или Лянд«скоронскаго?»

Татары, между-тѣмъ, разглашали самыя пріятныя для поляковъ вѣсти: будто ханъ намѣренъ имъ выдать Хмельницкаго.

»Эй, не то! говорили паны: — глядите, какъ «бы это не продѣлка Хмельницкаго! Онъ давно золъ «на этихъ двухъ пановъ!»

Совѣтъ разошелся, ничего не рѣшивъ. Вдругъ, ночью, жолнеры привели трехъ плѣнныхъ казаковъ; одинъ изъ нихъ сознался, что вызовъ пановъ къ хану есть хитрость казацкаго вождя, и что еслибъ Вишневецкій явился къ хану, то ужь не воротился бы въ обозъ.

— Ага! такъ и есть! восклицали паны: — хитро, разбойникъ, затѣялъ дѣло, да не умѣлъ довести до конца. Пьяный расхвастался и выболталъ секретъ.

Утромъ явился Шефферъ-Кази къ окопамъ и кричалъ:

— Высылайте, поляки, пановъ, которыхъ желаетъ видѣть ханъ!

Выѣхалъ шляхтичъ Яницкій, знавшій по татарски.

— Войско, сказалъ онъ: — не позволяетъ Вишневецкому и Конецпольскому выѣзжать изъ обоза, хотя они душевно желаютъ повидаться съ его величествомъ. Пусть свѣтлѣйшій ханъ извѣститъ меня, какого рода будутъ его предложенія: я передамъ объ этомъ предводителямъ.

Такой отвѣтъ взбѣсилъ татарина.

— Такъ вы смѣете пренебрегать разговоромъ съ ханомъ и не довѣряете ханскому слову! вскричалъ Шефферъ-Кази.

Онъ плюнулъ на Яницкаго и съ угрозами уѣхалъ ([41]).

Въ августѣ, ханъ, по совѣту Хмельницкаго, еще разъ попытался выманить Вишневецкаго и опять послалъ Шефферъ-Кази. На этотъ разъ Вишневец-

---

([41]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 63. — «Annal. Polon. Clim.» I, 127. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 72.

каго не удержали: онъ выѣхалъ, но подъ прикрытіемъ цѣлаго полка нѣмцевъ.

— Ты ли это, говорилъ Шефферъ-Кази: — славнѣйшій между своими? И остаешься съ такою малою обороною! Желая тебя избавить, предлагаю тебѣ и всѣмъ полякамъ миръ отъ хана и казаковъ, съ тѣмъ, чтобъ ты поклонился хану и положилъ предъ нимъ оружіе.

Отъ такого совѣта, князь принялъ воинственный видъ и хотѣлъ-было сказать что-то суровое, но бывшій при немъ Ляндскоронскій удержалъ его. Въ это время, на противоположной сторонѣ, раздался громъ орудій. Іеремія указалъ туда и сказалъ визирю:

— А вашъ побратымъ, Хмельницкій, что́ это дѣлаетъ? Вѣрно, надѣется на васъ. Не станемъ же и мы васъ слушать: вы пишите на водѣ ваши предложенія. Если же, въ-самомъ-дѣлѣ, хотите быть намъ друзьями, ударьте разомъ съ нами на казаковъ и схватите Хмельницкаго: за это и мы отблагодаримъ васъ. Выбирайте что-нибудь изъ двухъ: либо идите съ нами на казаковъ, и мы послѣ постановимъ вѣчный миръ, либо, если не хотите, будемъ драться, а дурачить насъ не́чего!

Шефферъ-Кази притворился, будто не понялъ хорошо смысла рѣчей Вишневецкаго, и нарочно сводилъ разговоръ къ постороннимъ предметамъ.

— Пустяковъ я слушать не хочу, сказалъ князь, и поворотилъ назадъ ([42]).

Такимъ-образомъ, Хмельницкому не удалось овладѣть своимъ врагомъ, а между-тѣмъ онъ давно бы сдержалъ свое слово и заночевалъ въ польскомъ обозѣ, еслибъ тамъ не было воинственнаго Іереміи. Почти всегда, какъ-только Хмельницкій напиралъ сильно на поляковъ, предводители не въ-силахъ были остановить воиновъ, которые хотѣли бѣжать и запереться въ замкѣ: Хмельницкому это было бы очень-выгодно. Одинъ Іеремія имѣлъ даръ управлять толпою. Одинъ изъ ужасныхъ для поляковъ дней былъ 9 іюля (19 н. с.). Разсказываютъ, что наканунѣ этого дня, ханъ, соскучившись безплодною осадою, приказалъ привести къ себѣ Хмельницкаго за шею, по выраженію поляковъ ([43]).

«Что это значитъ? говорилъ гнѣвный повели-«тель Крыма: — съ такимъ огромнымъ войскомъ ты «не одолѣешь малой горсти поляковъ и держишь насъ «по пустому? Если ты мнѣ, въ три дня, не распра-«вишься съ поляками, то поплатишься собою и людь-«ми своими: ты мнѣ обѣщалъ заселить Крымъ ляхами— «заселишь его своими козаками!»

([42]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 41. — «Wojna dom.» 63.

([43]) Ibid. 42.

Хмельницкій выѣхалъ къ козакамъ и кричалъ вслухъ всего войска :

«Гей, козаки–молодци ! Отъ–що я вамъ до уваги «подаю, що мини ханъ, его милость, казавъ, що ежели «ему полякивъ на яссыръ не дамъ, то самы у нево- «лю до Крыму пидемо» (44).

Послѣ этого, русскіе наготовили лѣстницъ, цѣпей, крюковъ, машинъ и ударили на штурмъ. Щадя своихъ воиновъ, Хмельницкій поставилъ впереди плѣнныхъ поляковъ и насильно–набранныхъ по окрестностямъ жителей; привязалъ ихъ къ длиннымъ шестамъ, повѣсилъ имъ на груди мѣшки съ землею, для защиты отъ непріятельскихъ пуль, а за ними шли козаки, огражденные такимъ–образомъ несчастными, долженствовавшими служить щитами для своихъ враговъ и мишенью для соотечественниковъ ; черезъ нихъ палили, а другіе подгоняли плѣнниковъ нагайками. Вслѣдъ затѣмъ, катились изумительныя гуляй–городыны, которыя польскій историкъ сравниваетъ съ троянскимъ конемъ (45). Съ гикомъ, при громѣ нѣсколькихъ десятковъ пушекъ, бросились казаки на приступъ съ разныхъ сторонъ. Поляки сидѣли въ

---

(44) «Wojn. dom.» 65. — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 42.

(45) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 42.

темнотѣ отъ дыма (46). Въ иныхъ мѣстахъ казаки прорвались черезъ окопы и рѣзали враговъ, такъ–что тѣ не успѣвали заряжать ружей. Страхъ и отчаяніе овладѣли войскомъ. Предводители говорили:

— Намъ надобно оставить въ замкѣ два полка пѣхоты, пушки, а самимъ бѣжать.

Такъ говорили они, мало помышляя, возможно ли исполнить то, о чемъ говорили. Вишневецкій засмѣялся.

— Вы помѣстите въ замкѣ пѣхоту, сказалъ онъ: а что́–жь она будетъ дѣлать въ тѣснотѣ, безъ пищи? А съ лошадьми куда дѣваться? Да и какъ пробраться сквозь неисчислимые ряды враговъ? Развѣ крылья придѣлать себѣ и лошадямъ, и перелетѣть по воздуху черезъ непріятельскій обозъ? А тѣхъ куда дѣнете, у которыхъ лошади пали, слугъ, мѣщанъ и простолюдиновъ? Вѣдь они христіане: грѣхъ ихъ покинуть! Развѣ вамъ жизнь дороже чести? Но мы сохранимъ и жизнь и честь, если рѣшимся оборонятьсяся до послѣдней возможности.

— Не пожалѣемъ рукъ, кричали ободренные смѣльчаки: — будемъ сражаться соединенными силами, пока ни одного изъ насъ не станетъ (47)!

---

(46) «Diar. wojn. p. Zbar.»

(47) «Annal. Polon. Clim.» I, 124. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 70.

Но такихъ было мало: бо́льшая часть выступала бодро, а потомъ пятилась назадъ. Князь съ обнаженною саблею заступалъ имъ дорогу.

«Если кто двинется назадъ, тотъ или самъ погибнетъ, или меня на мѣстѣ положитъ! кричалъ онъ: «не дадимъ потѣшаться сволочи. Впередъ ([48])!»

Ободряя, такимъ образомъ, воиновъ, Іеремія бросился съ племянникомъ своимъ изъ окоповъ, ворвался въ средину непріятелей, собственноручно положилъ на мѣстѣ нѣсколько козаковъ, бросился на гуляй-городыну, разогналъ подвигавшихъ ее хлоповъ, и зажегъ ее. Разсказываютъ, будто въ то время полился дождь, а машина горѣла, и всѣ причли это къ чуду ([49]).

Въ другой разъ, въ концѣ іюля, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда, по выраженію лѣтописи ([50]), съ огромнаго казачьяго вала летѣли на поляковъ огненные вѣнцы пороха, а гранаты и пули не давали никому выглянуть изъ землянокъ, всеобщее уныніе распространилось въ польскомъ лагерѣ.

— Больше ничего не остается, какъ уйдти въ за́мокъ и тамъ защищатьсяговорили поляки.

([48]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 43.

([49]) «Annal. Polon. Clim.» I, 129. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 61.

([50]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 47.

— Такъ ! такъ ! говорилъ Іеремія : — этого только и хочется непріятелю, чтобъ мы уступили ему поле, а сами залѣзли въ городъ и за́мокъ. Тогда онъ насъ и повыберетъ оттуда, какъ грибы изъ лукошка. Подлецъ тотъ, кто пойдетъ! Я останусь здѣсь ([51])!

Тогда–то, по совѣту его, поляки отправили больныхъ въ за̀мокъ, а сами сдѣлали тѣснѣйшіе окопы и заперлись въ нихъ.

Въ самомъ несчастномъ положеніи войска, когда голодъ свирѣпствовалъ въ высшей степени, князь не терялъ духа и заохочивалъ къ бою.

«Еще немного, еще немного! говорилъ онъ: — «и мы получимъ помощь. Король недалеко ! Вотъ– «вотъ онъ къ намъ явится.»

Не разъ онъ ходилъ съ отрядомъ добывать языка и однажды привелъ въ обозъ нѣсколько плѣнниковъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ :

— Король уже недалеко, близь Топорова; татары видѣли это собственными глазами ; Хмельницкій испугался и хочетъ бѣжать ; уже онъ отправилъ возы за Горынь.

Это развеселило поляковъ.

— Вотъ и нашъ часъ приходитъ, говорилъ Іере–

([51]) «Wojn. dom.» 71. — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 48.

мія : — и мы, въ свою очередь, помстимся надъ врагами !

Чѣмъ сильнѣе козаки напирали на поляковъ, чѣмъ жарче палили изъ пушекъ, тѣмъ бодрѣе казался Вишневецкій.

— Радуйтесь! радуйтесь! говорилъ онъ: — вотъ-вотъ король подходитъ; оттого-то непріятель вамъ и не даетъ покоя ([52]).

Хмельницкій черезъ бѣглецовъ, продолжавшихъ переходить къ нему, узналъ, что такое мнѣніе распространилось между непріятелемъ, и задумалъ имъ воспользоваться для своихъ выгодъ. Онъ приказалъ одну часть возовъ съ припасами побросать на мѣстѣ, а на другіе возы наложить хворосту и ѣхать по дорогѣ къ Старому-Збаражу. Хлопы, сидя на возахъ, кричали :

— Эй рушай! рушай! не ближься до лядськихъ окопивъ! Уже бачу́, ляхивъ не бу́демъ добува́ты, коро́ль ихъ зъ виськомъ иде ([53]).

Это сдѣлано было въ томъ предположеніи, что иныхъ можно будетъ выманить изъ обоза оставленными съѣстными припасами, а другіе вздумаютъ ударить съ тыла на ѣдущихъ. Но поляки не трогались съ мѣста и недовѣрчиво посматривали на козацкіе

([52]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 49.
([53]) «Истор. о през. бр.» — «Woyna dom.» 74.

маневры. Тогда Хмельницкій употребилъ свое приготовленіе на другое дѣло: рано утромъ, поляки увидѣли, что козацкіе окопы повысились отъ наброшеннаго на нихъ хвороста; сверху стояли огромныя лѣстницы; взобравшись на нихъ, козаки длинными *котвыцями* (такъ назывались крюки, на подобіе якорей) удили, такъ сказать, осажденныхъ и таскали за окопы. Въ то время обозъ уже былъ зарытъ до того, что не оставалось и узкаго прохода для вылазки; словомъ, «непріятель,» говоритъ очевидецъ, «могъ насъ всѣхъ посчитать и перебить какъ куръ» (54).

Въ такомъ ужасномъ положеніи прошелъ день, прошелъ и другой; нѣкому было ободрять унывающихъ. Вишневецкій былъ раненъ въ лядвею (55) и лежалъ въ своемъ шатрѣ. Уже всѣ сильно роптали на него за то, что онъ довелъ войско до такого положенія своими выходками и ложными увѣреніями скораго королевскаго прихода. Іеремія послѣдній разъ придумалъ средство спасти, хоть на нѣсколько дней, обозъ отъ неминуемой сдачи. Онъ находился въ своей палаткѣ съ полководцами; до ушей его долетали насмѣшки торжествующихъ козаковъ вмѣстѣ съ стонами умирающихъ отъ голода соотечественниковъ;

---

(54) «Pamiętn. o wojn. koz. za Chmieln.» 49.
(55) «Истор. Русс.» 89.

полководцы видѣли *послѣдняя своя* ([56]), разсуждали и ничего не могли выдумать утѣшительнаго; вдругъ, со стороны непріятельскаго обоза, прилетѣла стрѣла и упала къ ногамъ Іереміи; къ стрѣлѣ привязана была записочка. Вишневецкій, вмѣстѣ съ прочими, показалъ видъ изумленія, поднялъ стрѣлу и прочиталъ слѣдующее въ записочкѣ:

«Я, природный полякъ, прошлый годъ, по при-«чинѣ обидъ отъ одного господина, принужденъ былъ «идти въ службу Хмельницкаго; но желаю добра «своимъ соотечественникамъ, а потому извѣщаю «васъ, братья-поляки, что король вашъ за пять миль «отсюда съ большимъ войскомъ. Хмельницкій съ «татарами знаетъ объ этомъ и боится, и если силь-«но на васъ нападаетъ, то потому, чтобъ васъ ско-«рѣе взять, пока еще не прибылъ король. Надѣй-«тесь и выдерживайте осаду: Богъ и король изба-«вятъ васъ!»

Это была хитрость князя. Онъ приказалъ одному изъ приближенныхъ пустить эту стрѣлу въ то время, когда онъ будетъ сидѣть съ полководцами. Войско, узнавъ о письмѣ, стало увѣреннѣе, и хотя козаки сильно палили въ обозъ, а голодъ дѣлался нестерпи-

---

([56]) «Истор. о през. бр.»

мѣе съ каждымъ часомъ, за-то каждый шумъ въ непріятельскомъ лагерѣ наполнялъ сердца́ поляковъ ожиданіемъ (57).

Таковы заслуги Іереміи, которому отдаютъ честь не только польскіе, но и русскіе лѣтописцы.

Еще до прибытія козаковъ, польскіе предводители писали къ канцлеру, просили помощи и представляли невозможность удержаться противъ сильнаго и многочисленнаго непріятеля (58). Во время осады они нѣсколько разъ посылали письма, но козаки ихъ перехватывали (59). Осажденные, изъ показаній плѣнниковъ, были увѣрены, что король идетъ къ нимъ на помощь; но король могъ не знать, въ какомъ крайнемъ положеніи войско; король могъ медлить, а, между-тѣмъ, голодъ и недостатокъ пороха и оружія должны были погубить польское войско чрезъ нѣсколько дней.

— Король недалеко, говорили предводители: — теперь отъ нашей отваги зависитъ наше спасеніе.

---

(57) «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chmieln.» 52. — «Истор. о през. бр.» — «Bell. scyth. cosac.» 50. — «Кратк. опис. о малор. нар.» 30. — «Histor. belli cosac. polon.» 102. — «Woyn. dom.» 76.

(58) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 441—444.

(59) «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 9.

Пусть кто-нибудь рѣшится отъискать его и доставить ему извѣстіе.

— Правда, говорили паны: — но возможно ли это, когда, не только человѣку, птицѣ перелетѣть трудно! Головы не дадутъ высунуть изъ окоповъ!

Было объявлено въ обозѣ, что если кто доставитъ королю извѣстіе, тотъ получитъ большую награду. Не льстили обѣщанія: всѣ боялись; не испугался молодой шляхтичъ, Скршетускій.

— Я на все отважусь для спасенія отечества, говорилъ онъ.

Предводители дали ему письмо къ королю объ ужасномъ положеніи войска. Скршетускій по-мужицки прибралъ голову, какъ русинъ. Нельзя было перескочить черезъ окопы; онъ бросился въ прудъ, который примыкалъ, съ одной стороны, къ обозу, ночью переплылъ его на лодкѣ, проползъ, какъ змѣя, посреди спящихъ непріятелей, и къ свѣту добрался до болотистаго мѣста; тамъ просидѣлъ онъ цѣлый день, боясь показать голову, чтобъ не встрѣтить красной козацкой шапки или татарской кучмы. Ночью онъ снова ползъ по травѣ; при малѣйшемъ шумѣ припадалъ лицомъ къ землѣ и притаивалъ дыханіе, какъ охотникъ за медвѣдемъ. Такимъ-образомъ онъ достигъ до бурьяновъ, гдѣ уже могъ идти сгорбившись, а когда минулъ станъ непріятельскій, то побѣжалъ, выдавая себя за русскаго мужика, а далѣе

по почтѣ прискакалъ въ мѣстечко Топоровъ, гдѣ засталъ короля Іоанна Казимира (60).

Сеймъ, какъ уже было сказано, далъ королю право собрать, въ случаѣ необходимости, посполитое рушенье. Между лицами, окружавшими короля, происходило недоумѣнье относительно этого. Польское правительство употребило мѣры къ огражденію себя отъ сосѣдей, послало нарочныхъ пословъ въ Московію, Швецію и Трансильванію съ изложеніемъ своей справедливости въ-отношеніи къ украинскому возстанію; однако многіе изъ сенаторовъ представляли, что неблагоразумно оставить королевство безъ жителей, годныхъ къ отраженію непріятеля: не могли не опасаться Ракочія, который переговаривался съ Хмельницкимъ; боялись Швеціи, постоянной соперницы Польши (61). Другіе страшились, чтобъ въ то время, когда дворяне выйдутъ на войну, не сдѣлалось возмущенія между польскими хлопами, въ подражаніе украинскимъ. Сверхъ-того, доходили слухи, что шляхтичи на своихъ сеймикахъ негодовали и находили противозаконнымъ, что на нихъ наложили

---

(60) У нѣкоторыхъ Стопковскій. «Hist. ab exc. Wł. IV». 45. — «Annal. Polon. Clim.» I. 137. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 71. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 81. — «Woyna dom.» 77. — «Pamiętn. o wojn. koz. za Chmieln.» 53. — «Истор. о през. бр.»

(61) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 412.

особенную подать и вмѣстѣ съ тѣмъ призывають на посполитое рушенье ([62]). «Это значитъ (говорили они) съ одного вола драть двѣ шкуры!» Тогда король оповѣстилъ снова сеймъ къ 1 іюня. На этотъ сеймъ не явилось сорока депутатовъ, и потому многіе впослѣдствіи не признавали его правильнымъ сеймомъ, достойнымъ своего названія. Засѣданія продолжались шесть дней и предметомъ споровъ было посполитое рушеніе. Оссолинскій и его приверженцы доказывали, что его собирать не нужно, представляли, что въ войнѣ искусство и храбрость цѣнятся болѣе многоюдства, хвалили наемное иноземное войско и указывали на трусость и невоинственность польскихъ шляхтичей, показавшихъ себя подъ Пилявою. Главнымъ противникомъ его былъ подканцлеръ кулымскій епископъ, и его стороны держались духовные. «Этому было причиною, говоритъ современникъ, не столько любовь къ отечеству, сколько то, что, при сборѣ посполитаго рушенія, они надѣялись ничего не платить съ своихъ имѣній, между тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ, принуждены были бы давать пособія на жалованье наемнымъ войскомъ.» Рѣшили только, что король долженъ съ войскомъ идти въ

([62]) «Annal. Polon. Clim.» I. — «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 412.

Украину; о посполитомъ рушеньи не было сдѣлано окончательнаго приговора. Тѣмъ не менѣе, король оповѣстилъ два раза о томъ, чтобъ всѣ были наготовѣ по востребованію (63). Эти оповѣщенія въ Польшѣ назывались *вици*. Послѣ первыхъ и вторыхъ вицей всѣ должны быть подъ ружьемъ, за третьими — выступать безъ малѣйшаго замедленія. Каждый шляхтичъ, если только онъ не былъ старъ или болѣнъ и не поставлялъ другаго вмѣсто себя, долженъ былъ выѣзжать во всемъ вооруженіи на боевомъ конѣ; за нимъ слѣдовало нѣсколько слугъ, вооруженныхъ саблями, ружьями или стрѣлами ; одинъ изъ этихъ слугъ сидѣлъ на высокомъ возѣ, запряженномъ въ двѣ лошади; возъ былъ сверху закрытъ, тамъ хранились съѣстные запасы, которые, по обычаю времени, состояли изъ ветчины, сухарей, гороху, овса, уксусу и водки въ большомъ количествѣ. Хозяинъ избѣгалъ тратить эти запасы, когда проѣзжалъ по населеннымъ землямъ и могъ все купить, а берегъ на случай нужды. Въ этомъ возѣ, кромѣ съѣстного, можно было найти запасное оружіе и разную домашнюю и военную утварь, какъ то : котелъ для варенья пищи, топоръ, заступъ, на слу-

---

(64) «Histor. pan Jan. Kaz.» I, 71. — «Annal. Polon. Clim. I, 136. — «Stor. delle guer. civ.» 106—115.

чай необходимости копать валы, лопату, лукошку для выносу земли и проч. (64).

Король выѣхалъ изъ столицы съ большимъ торжествомъ. Папскій легатъ де-Торресъ благословилъ его въ день св. Іоанна Крестителя и вручилъ ему освященное знамя и мечъ, какъ воителю за католичество, противъ враговъ апостольской власти. Только то́ не гармонировало съ этою торжественностью, что съ королемъ шла немногочисленная гвардія и приводила на память, по замѣчанію польскаго историка, пословицу: «не силенъ царь безъ войска.» Королева была очень-грустна, провожая своего деверя-супруга (65). Когда король выѣхалъ, подъ нимъ споткнулся конь, чего прежде никогда не было съ этимъ конемъ. Это сочли тогда же дурнымъ предзнаменованіемъ (66).

Король прибылъ въ Люблинъ; паны окружили его; король началъ съ ними совѣщаться, собирать ли посполитое рушенье. Канцлеръ Оссолинскій былъ противъ этого.

— Отечество еще не въ такой крайности (говорилъ онъ), чтобъ собирать посполитое рушенье про-

---

(64) «Stor. delle guer. civ.» 132.

(65) «Histor. ab exc. Wł. IV.» 44. — «Pomn. dz. pols. w. XVII.» 143.

(66) «Annal. Polon. Clim.» I, 134. — «Stor. delle guer. civ.» 129.

**

тивъ непослушныхъ. Одно появленіе королевекаго величества устрашитъ мятежниковъ. Видали ли вы, какъ морозною ночью вода покроется стекломъ льда, а взойдетъ солнце — ледъ растопится! Такъ отъ блеска величія государя растопляется злоба мятежа и виновные падаютъ въ прахъ, устрашенные присутствіемъ монарха.

Оссолинскаго подозрѣвали въ потачкѣ козакамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, быть-можетъ, онъ боялся, чтобъ не открылись слишкомъ-осязательно тайныя причины украинскаго возстанія, а потому и желалъ уладить дѣло сколь-возможно тише.

Съ жаромъ возражалъ ему подканцлеръ литовскій, Сапѣга.

— Сохрани Богъ (говорилъ онъ), чтобъ мы короля, главу Речи Посполитой, послали въ опасность! Было время, когда мы, словно на медвѣдя, ходили укрощать украинскіе мятежи: тогда они были въ зародышѣ, подъ предводительствомъ какого-нибудь Павлюка; теперь иное дѣло! Мы ополчаемся за вѣру, отдаемъ жизнь нашу за семейства и достояніе наше. Противъ насъ не шайка своевольниковъ, а великая сила цѣлой Руси. Весь народъ русскій изъ селъ, деревень, мѣстечекъ, городовъ, связанный узами крови и вѣры съ козаками, грозитъ искоренить шляхетское племя и снести съ лица земли Речь Посполи-

тую. Вся шляхта должна защищать свои права и вольности ([67]).

Наконецъ рѣшили, что посполитое рушенье необходимо, и король выдалъ третьи вици.

Король, послѣ того, въ-теченіе пятнадцати дней, дожидался въ Люблинѣ прибытія войска; но не только посполитаки, самое регулярное войско и надворныя команды пановъ сходились медленно ([68]).

Вдругъ разносится вѣсть, что ханъ, съ сотнею тысячъ ордынцевъ, соединился съ казаками на Подоли ([69]). Король не сталъ медлить и выѣхалъ изъ Люблина 7-го іюля (17-е н. с.) ([70]). Сколько у него тогда было войска — опредѣлить невозможно, потому-что безпрестанно прибывали новые отряды. Одни полагаютъ число собственно регулярнаго войска въ двадцать тысячъ ([71]), другіе простираютъ до сорока тысячъ съ гвардіею, нововступившими въ службу и надворными командами пановъ ([72]). По-

---

([67]) «Annal. Polon. Clim.» I, 135—136. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» 70.

([68]) «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.», II, 81. — «Annal. Polon. Clim.» I. 136.

([69]) «Histor. ab exc.» IV. 45.

([70]) «Pom. dz. pols. w. XVII.» 144.

([71]) «Кратк. опис. о казац. малор. нар.» 30. — «Bell. scyth. cosac.» 51.

([72]) «Histor. belli cosac. polon.» 102.

слѣднее вѣроятнѣе, потому-что написано историкомъ, который меньше другихъ польскихъ историковъ отличается охотою уменьшать свое войско и увеличивать чужое изъ патріотизма. Король главнымъ предводителемъ назначилъ послѣ себя Оссолинскаго и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе отъ многихъ, подозрѣвавшихъ канцлера; даже и тѣ, которые не сомнѣвались въ его вѣрности, не ободряли такого выбора; признавая въ Оссолинскомъ государственнаго человѣка, но вовсе не воина (73). Равнымъ образомъ, не нравилось польскимъ патріотамъ, что начальство надъ пѣхотою поручено было Убальду (или Гавальду), шведу (74).

Посполитое рушенье собиралось медленно, къ крайней досадѣ короля. Эта медленность казалась тѣмъ непростительнѣе, что уже давно и притомъ дважды оповѣщено было всѣмъ быть на-готовѣ. Шляхтичи сходились на сеймики, толковали, сбирались, шли какъ-будто въ путешествіе. Только ополченія воеводствъ русскаго (Чевонной Руси), волынскаго и бельзскаго (часть Червонной Руси и Польши) приходили скорѣе въ войско, потому-что они на опытѣ

---

(73) «Pamiętn. wojn. kozac. za Chmieln.» 55. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 68.

(74) «Annal. Polon. Clim.» I, 131.

извѣдали, что́ такое казаки, но и тѣ не знали военныхъ оборотовъ и при первомъ случаѣ могли побѣжать ([75]). Король шелъ нарочно медленно и околичною дорогою, чтобъ дать время сходиться ополченіямъ посполитаго рушенья. Это подало поводъ впослѣдствіи подозрѣвать канцлера, что онъ съ дурными намѣреніями велъ кородя не прямикомъ и задерживалъ ([76]). Всего болѣе безпокоило поляковъ то, что они не имѣли никакой вѣсти ни о непріятелѣ, ни о своемъ войскѣ на Волыни ([77]). Разсказываютъ, однажды начальникъ артиллеріи, Артишевскій, замѣтилъ, что поляки идутъ какъ-будто съ мотыкою на солнце, по извѣстной пословицѣ, и что непріятель, того-и-гляди, нападетъ на нихъ въ-расплохъ. Оссолинскій отвѣчалъ на это: «дай Богъ, чтобъ онъ пришелъ къ намъ» ([78]).

Путь короля съ войскомъ лежалъ чрезъ Красностанъ и Сокалъ, Всѣхъ посполитаковъ, по свидѣтельству современника, пришло тогда только 13600 ([79]). Отсюда, послѣ недоумѣнія, куда идти, они рѣшились

([75]) «Истор. о през. бр.» — «Pamiętn. o wojn. koz. za Chmieln.» 53—56. «St. delle guer civ.» 36.
([76]) «Pamiętn. o Koniecpols.» 426.
([77]) «Annal. Polon. Clim.» I, 137.
([78]) «Pamiętn. o Koniecp.» 425.
([79]) «Stor. delle guer. civ.» 148. — Ibid. 136.

идти на Збаражъ, еще не зная ничего, гдѣ войско и въ какомъ положеніи. Наконецъ, 31-го іюля (10-го августа н. с.), они пришли въ Топоровъ, и здѣсь-то Скршетускій явился предъ королемъ съ письмомъ отъ предводителей осажденнаго войска ([80]). Король, по замѣчанію польскаго лѣтописца, на блѣдномъ и изможденномъ лицѣ посла прочиталъ еще явственнѣе извѣстіе о положеніи осажденныхъ, чѣмъ въ письмѣ, доставленномъ ему ([81]).

Тогда король не сталъ болѣе дожидаться сбора и прибытія посполитаковъ, и немедленно выступилъ. Но, вмѣсто того, чтобъ идти прямо на Збаражъ, онъ поворотилъ направо къ Злочеву. Впослѣдствіи и въ этомъ хотѣли видѣть коварство Оссолинскаго: говорили, будто онъ, изъ личной вражды къ Вишневецкому, хотѣлъ его долѣе помучить въ осадѣ ([82]). Въ-самомъ-дѣлѣ, здѣсь дѣйствовали другія причины: хотѣли узнать о непріятелѣ, и притомъ необходимо было пріучить къ военному дѣлу посполитаковъ; изъ нихъ многіе до того времени не держали никогда

([80]) «Pomn. dziej. pols.» 144. — «Истор. о през. бр.» — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 53. — «Woyn. dom.» 78.

([81]) «Annal. Polon. Clim.» I, 137. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 71.

([82]) «Histor. belli cosac. polon.»

оружія. Прибывъ въ Злочевъ, король выдалъ универсалъ, которымъ отрѣшалъ Хмельницкаго отъ гетманства, а, вмѣсто его, назначалъ предводителемъ козацкихъ войскъ какого-то Забусскаго, который въ то же время произнесъ присягу въ вѣрности на гетманство ([83]). Поручивъ регулярное войско полководцамъ, король предоставилъ своему исключительному попеченію посполитаковъ; самъ училъ ихъ, показывалъ, какъ держаться на лошадяхъ; какъ одинъ отрядъ долженъ поспѣшать другому на помощь; обучалъ маршировать, стрѣлять ([84]). Замѣчая въ воинахъ трусость и страшась, чтобъ какимъ-нибудь образомъ не вкралась измѣна, онъ, переодѣвшись, ночью ходилъ по рядамъ, прислушивался къ сонным, осматривалъ, исполняютъ ли свой долгъ караульные, и тоже приказывалъ дѣлать начальникамъ ([85]). Однако, все еще плоха была надежда на это войско; посполитаки сходились очень-медленно.

Одно къ другому. Лѣто, 1649 года, было необыкновенно-дождливо; уже цѣлый мѣсяцъ лило, какъ изъ ведра; дороги были попорчены, такъ-что повозки грузли, какъ въ болотной тинѣ; рѣки высту-

---

([83]) «Pamn. o Koniecp.» 426.

([84]) «Woyn. dom.» 80. — «Histor pan. Jan. Kaz.» 71.

([85]) «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 81.

пили изъ береговъ и разломали мосты: переправы были затруднительны ([86]). Къ горшей бѣдѣ поляковъ, они все еще шли какъ въ море, не зная, гдѣ встрѣтитъ ихъ непріятель. Неоднократно король посылалъ узнавать о немъ, но все было безуспѣшно: посланные либо возвращались ничего не узнавъ, либо пропадали безъ вѣсти ([87]). Русскіе жители края если и знали, то не говорили полякамъ: ни просьбы, ни увѣщанія, ни награды — ничто не могло вынудить ихъ открыть истину ([88]). «Эта Русь всѣ наголо́ мятежники (говоритъ современникъ): если и достанемъ языка, то etiam ustulati prawdy nie powiedza; а между-тѣмъ, того-гляди, что какое-нибудь неожиданное нападеніе надѣлаетъ бѣды» ([89]). Въ такомъ положеніи дѣлъ, король прибылъ къ мѣстечку Зборову, и сталъ въ деревнѣ Милоновичахъ.

Тутъ поймали какого-то татарина, и подвергли пыткѣ и распросамъ. «Казаки и татары подъ Збо-«рожемъ», — отвѣчалъ онъ: — Ханъ, съ двумя сул-«танами, своими братьями, а орды у него и счета «нѣтъ. Только, вотъ какъ прошла вѣсть, что король

([86]) «Истор. о през. бр.». — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 54.

([87]) «Histor. ab. exc. VI. IV.» 45.

([88]) «Крат. истор. о казац. мал. нар.» 30: «хоть ты жги ихъ — не скажутъ тебѣ правды».

([89]) «Памятн. кіевск. комм.» I. 3: 439.

«идетъ, такъ ханъ думаетъ уйти: нельзя съ нашими «татарскими луками да саблями бороться противъ «польскихъ ружей и копій польской конницы, а у «хлоповъ одни косы.» — «Этому нельзя довѣрять», разсудили паны: — «татаринъ, быть-можетъ, на- «рочно подосланъ, чтобъ насъ испугать или не кста- «ти одобритъ черезъ чуръ.» Посланные подъѣзды не привели плѣнниковъ и не доставили вѣстей (90).

Совсѣмъ иное происходило въ войскѣ козацкомъ. Казаки не думали предпринимать далекаго похода: ни непогода, ни дурныя дороги не озабочивали ихъ. Силы у Хмельницкаго было несравненно-болѣе, чѣмъ у короля. Хмельницкій зналъ всѣ движенія польской арміи: русскіе хлопы, привозившіе припасы въ Топоровъ королевскому войску, отправлялись послѣ того къ своимъ братьямъ разсказывать о положеніи непріятеля (91); высылаемые на подъѣздъ поляки попадались въ руки враговъ; ихъ приводили въ станъ козацкій, и тамъ, подъ пытками, они высказывали всѣ тайны. Мѣщане города Зборова, заранѣе предвидя побѣду козаковъ, изъявляли Хмельницкому готовность помогать ему; наконецъ множество слугъ, пришед-

---

(90) «Stor. delle guer. civ.» 152.

(91) «Annal. Polon. Clim.» I, 138. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 82. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 70.

шихъ съ панами, бѣжали отъ господъ своихъ къ козакамъ; между ними были не только русскіе, но и природные поляки: «ужь такая у насъ непріязнь «черни къ шляхетству!» восклицаетъ лѣтописецъ (92). Словомъ, Хмельницкій спокойно разсчитывалъ каждый часъ, и когда узналъ, что король приступилъ къ Зборову, тогда оставилъ пѣшихъ изъ своей арміи кончать, какъ выражаются современники, осажденныхъ подъ Збаражемъ (93) и запретилъ, подъ смертною казнью, выходить изъ обоза и производить какое-нибудь волненіе (94), а самъ пошелъ къ Зборову съ конницею, въ-сопровожденіи татаръ, подъ предводительствомъ самого Ислам-Гирея (95). Ханъ шелъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять короля въ плѣнъ (96). Поляки говорятъ, что съ союзниками пошло тогда сто, а по другимъ — сто-двадцать тысячъ татаръ, и пятьдесятъ, а по другимъ — восемьдесять тысячъ казаковъ (97), что составляло половину всей ихъ арміи. Эти извѣстія нельзя почитать

---

(92) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 72.

(93) «Лѣтоп. самов.» 15.

(94) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» — «Pomn. dziej. pols. w. XVII.» 145. — «Woyna. domowa.» I, 79.

(95) «Лѣтоп. самов.» 15.

(96) «Истор. о през. бр.» — «Bell. scyth. cosac.» 53.

(97) «Pomn. dziej. pols. w. XVII.» 145. — «De rebus gest. contra cosac.» 73.

вѣрными: было ли еще тогда столько татаръ у хана — сомнительно.

По лѣвую сторону Зборова былъ густой дубовый лѣсъ, закрывавшій, со стороны города, видъ на дальнѣйшее мѣстоположсніе (98). Хмельницкій хорошо зналъ мѣстность и повелъ туда своихъ козаковъ и татаръ, такъ-что находился за милю отъ польскаго обоза при деревнѣ Мѣновѣ, и никто изъ поляковъ не подозрѣвалъ этого (99). Чрезъ городъ протекалъ рукавъ рѣки Стрины; поляки находились на правой ея сторонѣ и готовились переходить на лѣвую. Хмельницкій предложилъ дождаться, когда поляки начнутъ переходъ, и тогда стремительно напасть на нихъ съ двухъ сторонъ. Такимъ образомъ, часть татаръ онъ оставилъ на лѣвой сторонѣ, а другую, вмѣстѣ съ козаками, перевелъ на правую (100). Онъ приготовилъ свое войско въ боевой порядокъ и, собравъ старшинъ, предъ рядами молодцовъ говорилъ такую рѣчь :

---

(98) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 73. — Кратк. истор. опис. о Мал. Росс.». 12. — Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» I, 83. — «Stor. delle guer. civ.» 153.

(99) «Pamiętn. o Koniec.» 426. — «De reb. gest. contra cosac.» 74.

(100) «Лѣтоп. малор.»

«Молодцы! Отцы, братья, дѣти ваши простираютъ «къ вамъ руки и просятъ васъ освободить ихъ отъ «фараонскаго лядскаго ига; души замученныхъ ляха- «ми молятъ о мщеніи за кровь ихъ, безнаказанно «пролитую! Церковь наша, поляками поруганная и «попранная, взываетъ къ вамъ, сынамъ своимъ, по- «стоять за нее! Но не дерзайте поднять убійствен- «ной руки на его милость, короля, помазанника Бо- «жія! Мы воюемъ противъ пановъ, нашихъ мучите- «лей, которые подвигли его на насъ» ([101]).

Былъ канунъ успенія (по католическому календарю). Король переѣхалъ чрезъ рѣку въ костёлъ, слушалъ тамъ обѣдню и причастился св. таинъ ([102]). Въ тотъ же день, совершена была генеральная исповѣдь войску; священники приготовляли къ битвѣ воиновъ за вѣру святую. По окончаніи религіозныхъ обрядовъ, король совѣтовался съ полководцами, раздавалъ приказы ([193]) и потомъ произненъ предъ собраннымъ войскомъ ободрительную рѣчь:

«Господа! вы идете за отечество, за женъ вашихъ «и дѣтей, за спасеніе цѣлой Речи-Посполитой, идете

([101]) «Лѣтоп. малор.» — «Ист. Русс.» 91.

([102]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 55. — «Woyn. dom.» I, 80.

([103]) «Pomn. dziej. polsk. w. XVII.» 146. — «Stor. delle guer. civ.» 152.

«противъ враговъ свирѣпыхъ, поклявшихся смести «съ лица земли имя шляхетское, несытыхъ нашею «кровью. Вспомните плѣнныхъ гетмановъ вашихъ, «которые томятся въ неволѣ, далеко отъ милой ро- «дины; вспомните поруганіе костёловъ, убіеніе свя- «щенниковъ, погибель тысячей невинныхъ, разоре- «ніе домовъ; вспомните все, что́ вы терпѣлы отъ «козаковъ, и сражайтесь, какъ прилично благород- «нымъ рыцарямъ сражаться за свое отечество! Неиз- «бѣжная погибель грозитъ Речи-Посполитой, въ слу- «чаѣ трусости нашей. Вы теперь должны загладить «гнусное пилявское дѣло, которое нанесло стыдъ и «поношеніе польской націи. И еслибъ кто изъ васъ «обратился въ бѣгство — вѣчное проклятіе да пре- «слѣдуетъ его имя!» ([104]).

Когда король кончилъ рѣчь, вдругъ прибѣжалъ къ нему въ-торопяхъ панъ Михайловскій и извѣстилъ, что нѣкто Бейковскій, отправясь на подъѣздъ, увидѣлъ татарскій отрядъ ([105]).

Оссолинскій немедленно послалъ ротмистра Гдешинскаго въ окрестности развѣдать, дѣйствительно ли справедливы слухи. Канцлеръ поручалъ ему воз-

---

([104]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 56. — «Истор. о през. бр.» — «Woyna dom.» 81—82.

([105]) «Annal. Polon. Clim.» I, 138. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 82.

вращаться не иначе, какъ съ языкомъ ([106]). Но Гдешинскій, поѣздивъ неподалеку отъ обоза ([107]), воротился вечеромъ и донесъ, будто онъ обѣгалъ пространство на три мили и не видѣлъ никакого признака близости непріятеля ([108]).

— Вѣрно Бейковскому показалось такъ отъ страха: онъ видѣлъ, вѣроятно, солдатъ, которые гонялись за мужиками, чтобъ достать себѣ живность, а можетъ-быть, служители ссорились между собою ([109]).

Такъ говорилъ Гдешинскій. Ему повѣрили и отложили на утро переходъ черезъ рѣку и приведеніе войска въ боевой порядокъ.

Утромъ, рано въ воскресенье, 5-го августа (15-го, день успенія по н. с.) началась переправа. Для скорости войско должно было переправляться по двумъ мостамъ, которые наканунѣ старикъ генералъ Артишевскій устроилъ черезъ рѣку ([110]). Одна часть,

---

([106]) «Pamn. dziej. pols. w. XVII.» 146.

([107]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 72. — «Histor. ab. exc. VI. IV.» 45. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 82.

([108]) «Pomn. dziej. pols. w. XVII.» 147. — «De reb. gest. contr. cosac.» 73.

([109]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 73. — «Annal. Polon. Clim.» I, 138. — «Pamn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 82.

([110]) «Bell. scyth. cosac.» 53. — «Pomn. dziej. polsc. w. XVII.» 146. — «De reb. gest. contra cosac.» 74.

подъ начальствомъ короля, должна была переправляться на той сторонѣ Зборова, которая называлась *къ Озерной* (имя мѣстечка), куда лежалъ путь на Збаражъ, а другая на сторонѣ къ Львову ([111]). Оба моста были тѣсны для множества возовъ и воиновъ, а поэтому войско необходимо растянулось на большое пространство, да и переправившись, не могло скоро стать въ боевой порядокъ ([112]). Подъѣздчики увѣряли и клялись, что не видѣли татаръ, а потому всѣ думали, что непріятель далеко, и опасаться нѣчего. Но какъ день былъ пасмурный и дождливый, то король, для предупрежденія опасности, отправилъ, на самомъ разсвѣтѣ, два отряда въ передовую и заднюю стражу: впередъ поѣхалъ, Самуилъ, князь Корецкій, извѣстный виновникъ корсунскаго пораженія, а назадъ отправился, съ 1200 человѣкъ, Самуилъ Коржицкій и сталъ подлѣ какого-то полуразрушеннаго стараго окопа, близь озерца или плеса, образуемаго рѣкою ([113]). Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобъ, въ случаѣ опасности, дать знать войску и удерживать нападеніе, пока войско прійдетъ въ порядокъ.

([111]) «Diar. bitw. p. Zbar. starożytn. pols.» I, 261.

([112]) «Annal. Polon. Clim.» I, 139. — «Pamiętn. do pan. Żygm. II, Wlad. IV i Jan. Kaz.» II, 87.

([113]) «Histor. belli. cosac. polon.» 204. — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 57.

Козаки видѣли все, что́ дѣлаютъ враги, и самъ Хмельницкій, вскарабкался на высокое дерево, наблюдалъ переправу со стороны Львова (114). Онъ не велѣлъ трогать поляковъ до-тѣхъ-поръ, когда они растянутся еще болѣе и станутъ еще безпечнѣе, не видя нападенія. Онъ не ошибся въ разсчетѣ относительно тѣхъ, которые переправлялись со стороны Львова. Въ полдень, увѣренность въ отдаленности непріятеля до того распространилась между поляками, что на половинѣ переправы посполитаки расклались обѣдать.

— Къ-чему спѣшить? (говорили они) еще успѣемъ. Непріятель далеко. Король не далеко отъ Зборова сегодня!

Вдругъ прибѣгаютъ къ нимъ посланные отъ Коржинскаго, извѣщаютъ что изъ лѣса напали на нихъ татары и требуютъ помощи.

— Вздоръ! (отвѣчаютъ посполитаки) это вамъ привидѣлось.

Чрезъ нѣсколько времени прибѣгаютъ другіе посланные.

— Спѣшите (говорятъ они); дѣло завязалось не на шутку; спѣшите, иначе погубите самихъ себя!

Посполитаки все еще не довѣряли извѣстію и ни-

---

(114) «Annal. Polon. Clim.» I, 139. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 173. — «Pemiętn. do pan. Zygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 83.

какъ не хотѣли оставить своего обѣда; они только послали удостовѣриться, точно ли напали на Коржицкаго непріятели.

Но уже было поздно: татары совершенно разбили заднюю стражу. Коржицкій съ малымъ остаткомъ бѣжалъ и на дорогѣ встрѣтилъ посланныхъ.

— Вы не хотѣли вѣрить словамъ военачальника: повѣрьте же теперь собственнымъ глазамъ! говорилъ онъ и побѣжалъ прямо въ лагерь королевскій ([115]).

Зборовскіе мѣщане зазвонили въ колокола.

Татары и казаки появились передъ растерянными рядами обѣдавшихъ посполитаковъ, и, съ оглушающимъ крикомъ, ударили на нихъ. Слуги, въ испугѣ, побросали возы на мосту и съ разу сдѣлали невозможнымъ ни съ другой стороны подать помощь неперешедшимъ, ни послѣднимъ убѣжать на другую сторону; притомъ дождь и туманъ дотого закрывали видъ на окрестность, что поляки, какъ говоритъ современникъ, прежде могли чувствовать удары, чѣмъ увидѣть непріятеля, наносившаго ихъ ([116]).

([115]) «Histor. belli cosac. polon.» 103—104.

([116]) «Annal. Polon. Clim.» I, 239. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 73. — «Pemiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 84. — «De reb. gest. contra cosac.» 75. — «Stor. delle guer. civ.» 154.

Началась ужасная рѣзня. Нестройные и непривыкшіе къ битвамъ шляхтичи падали безотпорно. Конница хотѣла уйти и покинула пѣшихъ... Татары и казаки порознь удобнѣе истребили и тѣхъ и другихъ ([117]). Король, по донесенію Коржицкаго, послалъ на спасеніе посполитакамъ нѣсколько хоругвей; но сила непріятельская прибывала: всѣ присланные на помощь отряды были окружены, разбиты и истреблены совершенно съ ихъ начальниками ([118]). Тогда погибъ Балдуинъ Оссолинскій, племянникъ канцлера, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды; погибъ Фелиціанъ Тишкевичъ и Захарія Четвертинскій, бывшій коммиссаромъ у Хмельницкаго, панъ православной вѣры, и одинъ изъ Чарнецкихъ, и ученый Ржечицкій, и Котецкій, видѣвшій, прежде своей смерти, истребленіе всего полка своего, и болѣе двадцати особъ изъ знатнѣйшихъ фамилій, раненые попадали съ лошадей и окончили жизнь въ мукахъ... ([119]). и много, много погибло тогда цвѣта дворянства Речи-Посполитой, много осталось въ Польшѣ зáмковъ и дворовъ безъ хозяевъ, воеводствъ и повѣтовъ безъ

([117]) «Pomn. dziej. pols. w. XVII.» 148.

([118]) «Bitw. p. Zbor. Staroż. pols.» I, 262.

([119]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I, 262. — «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 140. — «Histor. pan. Jan Kaz.» I, 75. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 87.

начальниковъ, вдовъ и сиротъ еще болѣе ([120]). «Жалче всѣхъ (говоритъ украинскій лѣтописецъ) бѣдной шляхты львовской и перемышльской, природныхъ русскихъ: не бывъ никогда на войнѣ, они выступили въ походъ, со слезами разлучались съ женами и дѣтьми, и уже болѣе никогда ихъ не увидѣли» ([121]). На полмили все поле и топкій лугъ покрылись шляхетскими трупами; кровь текла рѣками; на полмилю до Зборова не осталось ни одного поляка. Число убитыхъ дворянъ, кромѣ слугъ, простиралось до 5000. Возы со всѣми пожитками, пушки и множество оружія достались побѣдителямъ ([122]). «Но да будетъ памятно имя достойнаго Ковальскаго (восклицаютъ польскіе историки): не напрасно онъ держалъ хоругвь земли львовской: ему отрубили правую руку— онъ схватилъ знамя лѣвою; отрубили лѣвую — онъ легъ на знамя и палъ подъ ударами враговъ, защищая ввѣренный ему знакъ» ([123]).

Расправившись такимъ-образомъ съ одною частью

([120]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 57. — «Woyn. dom.» 84.

([121]) «Истор. о през. бр.» — «Woyn. dom.» 84.

([122]) «Истор. о през. бр.» — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 57. — «Woyn. dom.» I, 84.

([123]) «Histor pan. Jan. Kaz.» I, 74. — «Annal. Polon. Clim.» I, 140. — «Pamiętn. do pan. Zygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 84.

*

польскаго войска, союзники бросились не допускать другую до переправы; но это войско уже поспѣшно перешло на другую сторону и разломало за собою мосты. Когда татары и казаки хотѣли-было вслѣдъ за ними переправиться, поляки изъ-за рѣки пустили на нихъ сильный огонь, и, въ то же время, начали стрѣлять имъ въ бокъ засѣвшіе въ городѣ драгуны. Но тогда уже начиналось сраженіе на другомъ берегу ([124]).

Король, послѣ переправы, наскоро устроилъ къ битвѣ свое войско. Правою стороною командовалъ Оссолинскій съ воеводами подольскимъ и брацлавскимъ. «Я обманутъ, кричалъ онъ: — придется, «можетъ-быть, идти къ татарамъ въ плѣнъ; но я не «побѣгу» ([125]). Лѣвою стороною, гдѣ было ополченіе изъ внутренней Польши, начальствовалъ Любомирскій, человѣкъ знаменитый впослѣдствіи: въ числѣ знатныхъ лицъ, подъ его командою былъ молодой Янъ Собѣйскій, будущій король польскій и освободитель всей Европы. Въ центрѣ находился корпусъ нѣмецкой пѣхоты, подъ командой Убальда и Вольфа и самъ король съ пятисотнымъ отрядомъ гусаръ. По тогдашнему обычаю, шесть дворянъ неотлучно должны были находиться при особѣ короля во время сраже-

([124]) «Histor. belli cosac. polon.» 104.
([125]) «Stor. delle guer. civ.» 155.

нія: онъ отпустилъ ихъ къ хоругвямъ, оставя съ собою только двухъ ([126]).

Въ то время, когда часть союзниковъ истребляла поляковъ на томъ берегу, все войско татарское и казацкое сосредоточивалось на другомъ. Корецкій съ своею передовою стражею первый вступилъ съ нимъ въ битву, сражался храбро; но, когда передъ нимъ показалась несмѣтная сила ордынцевъ, преслѣдуемый врагами, побѣжалъ въ лагерь ([127]).

Татары появились густою толпою предъ глазами польскаго войска ([128]). Вслѣдъ затѣмъ посыпали и козаки изъ лѣса и съ возвышенностей въ долину.

Первая встрѣча казаковъ была съ королевскимъ парламентеромъ. Онъ оповѣщалъ имъ во всеуслышаніе, что король назначилъ казацкимъ гетманомъ Забусскаго, вмѣсто мятежнаго, безбожнаго Хмельницкаго; король увѣщеваетъ ихъ покориться и назначаетъ десять тысячъ червонныхъ за голову Хмельницкаго. Польскій историкъ говоритъ, что Хмельницкій слышалъ это и очень боялся, не довѣряя своему войску ([129]). Однако, по прочтеніи воззванія,

---

([126]) «Annal. Polon. Clim.» I, 141. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 76.

([127]) «Pomn. dziej. pols. w. XVII», 159. — «De reb. gest. contr. cosac.» 86.

([128]) «Bit. p. Zbor. Staroz. pols.» I, 263.

([129]) «Histor. ab. exc. Wład. IV», 46.

герольдъ принужденъ былъ ускакать назадъ, а казаки вступили въ сраженіе по приказанію осужденнаго ихъ предводителя.

Татары бросились сначала на правую сторону польскаго войска и начали, по обыкновенію, вызывать на герцы. Поляки не выступали изъ строя (130). Тогда, оставя правую сторону, татары, свернувшись, стремительно проскочили мимо центра и бросились на Любомирскаго, гдѣ уже дѣйствовали козаки. Рѣзкіе крики огласили воздухъ; татары кричали: «Алла! Алла!»; поляки призывали имя Іисуса Христа (131).

Три раза подавалось назадъ польское войско, три раза заворачивали его полководцы; наконецъ не стало силъ... татары врѣзались въ средину арміи, такъ-что поляки невзначай, при темнотѣ отъ стрѣлъ и выстрѣловъ, били другъ друга, и, со стороны смотря, трудно было разобрать, кто съ кѣмъ воюетъ (132); Поляки бросились бѣжать, увлекая заднихъ (133); непріятель гналъ ихъ по всѣмъ направленіямъ и убивалъ безпощадно (134).

---

(130) «Annal. Polon. Clim.» I, 142.

(131) »Histor. pan. Jan. Kaz.» 76. — «De reb. gest. contra cosac.» 85.

(132) «Rel. o bit. p. Zbor.»

(133) «Pamiętn. o wojn. kosac. za Chm.» 88.

(134) «Истор. о през. бр.»

Тутъ нѣкто Пузовскій, съ татарскою стрѣлою, проткнувшею ему насквозь обѣ щеки, летитъ къ Іоанну Казимиру ([135]). Король покинулъ центръ арміи и во весь опоръ поскакалъ къ лѣвому крылу, съ обнаженною саблею, загораживая дорогу бѣгущимъ.

«Господа! (восклицалъ онъ) не покидайте меня, «не губите отечества!» ([136]).

Собственноручно хваталъ онъ за узды лошадей, оборачивая и подгоняя ихъ на непріятеля, поднималъ брошенныя знамена и показывалъ войску въ знакъ ободренія; а когда не слушали его возгласовъ, грозилъ заколоть перваго, кто осмѣлиться обратится къ непріятелю спиною.

«Тотъ умретъ какъ измѣнникъ, кто труситъ! (кри- «чалъ онъ) Палачу велю казнить негодяевъ!»

Устыдившись присутствія государя и притомъ боясь наказанія, воины обратились–было на непріятеля ([137]), но снова были смяты и снова попятились: не помо-

---

([135]) «Кратк. опис. о мал. нар.» 32. — «De reb. gest. contra cosac.» 86.

([136]) «Bitw. p. Zbor. Staroz. pols.» I, 263. — «De reb. gest. contra cosac.» 86.

([137]) «Annal. Polon. Clim.» I, 143. — «Woyn. dom.» 85. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 77. — «De reb. gest. contra cosac.» 87. — «Stor. delle guer. civ.» 157.

гали ни просьбы, ни угрозы; «походило на пилявское дѣло,» говоритъ историкъ (138).

Тогда король побѣжалъ назадъ и двинулъ нѣмецкую пѣхоту и рейтаровъ (139), а далѣе и самъ Осолинскій оставилъ свой постъ и поспѣшилъ со всѣмъ правымъ крыломъ на помощь разбитымъ (140). Король, по увѣренію очевидца, безпрестанно леталъ отъ одного конца до другаго, командовалъ, угрожалъ, заклиналъ не срамить польской націи: стрѣлы, какъ дождь, летали вокругъ головы государя польскаго, и онъ остался невредимъ (141). Соединившееся войско принялось дружно отражать непріятеля, какъ вдругъ нахлынула новая орда и, по выраженію очевидца, летѣла въ огонь, какъ-будто ей кто глаза выкололъ (142).

Въ сумеркахъ прекратилась кровавая трагедія. Поляки, разстроенные, растерянные, столпились въ обозѣ, а непріятель окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ (143). Чрезъ нѣсколько часовъ задача украин-

---

(138) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chm.» 56. — «Woyn. dom.» I, 85. — «De reb. gest. contra cosac.» 89.

(139) «Annal. Polon. Clim.» 142. — «De reb. gest. contr. cosac.» 88.

(140) «Pomn. dziej. pols. w. XVII.» 158.

(141) «Bitw. p. Zbor. Staroz. pols.» I, 263.

(142) «Истор. о през. бр.» — «Bitw. p. Zbor. Staroz. pols.» I, 263. — «De reb. gest. contra cosac.» 88.

(143) «Истор. о през. бр.»

скаго возстанія должна была, повидимому, рѣшиться.

Настала ночь. Темна и ужасна была ночь эта. Отчаяніе овладѣло и жолнерами и предводителями; оно въ тайнѣ овладѣло и королемъ; но Іоаннъ-Казимиръ скрывалъ его, какъ прилично государю. Сидя верхами, собрались полководцы на совѣтъ.

— Мы погибли; спасенія нѣтъ! былъ голосъ большинства.

— Что́ дѣлать въ такомъ положеніи, когда Хмельницкій окружилъ насъ? У него сто тысячъ войска, кромѣ татаръ! спрашивалъ король.

— Пусть погибнемъ мы всѣ, говорили одни: — но съ жизнью и свободою короля соединена цѣлость Речи-Посполитой. Пусть погибнутъ члены, лишь бы цѣла была голова. Намъ сдѣдуетъ придумать способъ вывести тайно короля изъ обоза (144).

— Никогда! отвѣчалъ Іоаннъ-Казиміръ: — никогда я не покажу примѣра гнусной трусости, чрезъ которую мы всегда теряемъ, потому-что не вытерпливаемъ до конца. Я готовъ жить и умереть съ вами (145).

---

(144) «Woyn. dom.» I, 87. — «Крат. ист. о бунт. Хмельн. 23.

(145) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 78. — «Woyn. dom.» I, 88.

**

Другіе, болѣе-смѣлые, совѣтовали прорваться вооруженною рукою сквозь ряды непріятеля (146). Мысль была смѣлая, но несбыточная.

Артишевскій совѣтовалъ идти на проломъ до Збаража и соединиться съ осажденнымъ войскомъ, и представлялъ, что мѣстоположеніе дозволитъ на двѣ мили обороняться отъ непріятеля, потому-что болотистыя мѣста ограждаютъ дорогу (147). Это предложеніе сочли также неисполнимымъ: кромѣ огромной силы казаковъ и татаръ, поляки затруднялись бы въ продовольствіи посреди враждебнаго народа (148).

Гораздо-благоразумнѣе показались королю слова канцлера Оссолинскаго, который совѣтовалъ такъ:

«Единственное средство спасенія — отлучить та-
«таръ отъ казаковъ. Надобно написать къ хану,
«напомнить ему услуги, оказанныя, блаженной памяти,
«королемъ Владиславомъ, представить, что казаки бу-
«дутъ татарамъ неблагодарны, наконецъ, обѣщать ему
«плату и вообще написать самымъ вѣжливымъ тономъ.»

Такой совѣтъ былъ принятъ (149). Послали къ

---

(146) «Histor. ab. exc. Wład. IV», 47. — «Bell. scyth. cosac.» 63.

(147) «Histor. belli cosac polon.» 107.

(148) «Pomn. dziej. pols. w. XVII», 151.

(149) «Bell. scyth. cosac.» 63. — «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 143. — «Pamiętn. o

Исламъ-Гирею плѣннаго татарина съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Іоаннъ-Казимиръ желаетъ здравія крымскому ха-«ну. Твое ханское величество много обязанъ брату «моему, наияснѣйшему и могущественнѣйшему, быв-«шему королю польскому, который благосклонно обра-«щался съ тобою, невредимо сохранилъ и даро-«валъ свободу, чрезъ котораго ты получилъ царство «твое. А потому мы удивляемся, что, пришедъ для «укрощенія безпорядковъ въ государствѣ нашемъ, «застаемъ и тебя подручникомъ мятежника нашего, «съ поднятымъ на войско наше оружіемъ. Надѣем-«ся, что Богъ не благословитъ такого предпріятія. «Тѣмъ не менѣе, приводя тебѣ на память благо-«расположеніе брата нашего, Владислава IV, предлага-«емъ тебѣ дружбу нашу и желаемъ, чтобъ она про-«цвѣла обоюдно» ([150]). Другіе историки прибавляютъ, что Іоаннъ-Казимиръ писалъ къ нему, сверхъ этого, такое предостереженіе: «Казаки всегда были тебѣ «врагами, и хотя теперь и кажутся друзьями, но,

---

wojn. kozac. za Chm.» 59. — «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 39. — «Woyn dom.» I, 87.

([150]) «Pomn. dziej pols. w. XVII», 152. — «Histor. ab. exc. Wł. IV.» 49. — «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 454. — «Woyn. dom.» 88. — «Кратк. ист. о бунт. Хмельниц.» 23.

«пришедъ въ силу, на васъ-же, своихъ пособни-«ковъ, обратятъ оружіе, какъ волчата, приходя въ «возрастъ, съѣдаютъ кормившую ихъ козу» (151).

Вслѣдъ затѣмъ приказано окапываться, дабы къ утру войско было готово къ осадному положенію (152). Но разсужденія полководцевъ разошлись по обозу и надѣлали смятеніе. Кой-какіе перенощики разнесли вѣсть, будто паны присовѣтовали королю бѣжать, и онъ вмѣстѣ съ ними въ ту же ночь покинетъ свое войско (153).

Все зашумѣло. «Насъ покидаютъ на зарѣзъ!» кричала толпа. Темнота и сверкающіе огни въ станѣ непріятельскомъ придавали страха. Жолнеры кинули работу.

«Явное дѣло (кричали они), что насъ губятъ; мѣ-«сто тѣсно и неудобно, припасовъ нѣтъ; татары и «казаки перебьютъ насъ, или переморятъ голодомъ!»

---

(151) «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 149. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 81. — «Лѣт. пов. о мал. Росс.» 130. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 92.

(152) «Pomn. dziej. pols. w. XVII» 153. — «De reb. gest. contra cosac.» 89.

(153) «Rel. o bitw. p. Zbor.» — «Pamiętn. o wojn. kosac. za Chm.» 60. — «Крат. опис. о каз. мал. нар.» 32. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 77. — «Annal. Polon. Clim.» I, 144. — «De reb. gest.» 90.

Слуги готовили къ бѣгству повозки и лошадей (154). Одинъ литвинъ разглашалъ, что ужь короля нѣтъ въ обозѣ (155).

Утомленный кровопролитнымъ сраженіемъ, изнуренный тяжелыми думами о будущемъ, король помолился, призвалъ на помощь Божью Матерь, — покровительницу Польши, далъ обѣтъ отправиться на поклоненіе къ одному изъ чудотворныхъ ея образовъ, потомъ прилегъ не на мягкомъ ложѣ, а на твердой землѣ, говоритъ современникъ (156). Но едва онъ сомкнулъ глаза, какъ ужь стоялъ предъ нимъ новый вѣстникъ несчастій, ксёндзъ Тетишевскій.

— Ваше величество! сказалъ пробудившій его духовникъ: — въ обозѣ разнеслись недобрыя вѣсти: говорятъ, будто король и паны уходятъ тайкомъ. Войско въ смятеніи. Повторяется пилявское дѣло.

— Коня! (крикнулъ король): я поѣду по рядамъ; я покажу имъ, что король съ ними.

Подали коня. Впереди понесли зажженные факелы. Іоаннъ-Казиміръ ѣхалъ съ открытою головою, чтобъ всѣ видѣли лицо его и безпрестанно кричалъ:

«Вотъ я! вотъ я! я король вашъ! не бѣгите отъ «меня, дѣти мои! Не оставляйте, благородные шлях-

---

(154) «Annal. Polon. Clim.» I, 144.
(155) «Bitw. p. Zbor. Star. pols.» I, 264.
(156) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 47.

«тичи, своего государя! Не покидайте, воины, сво-«его командира! Что дѣлать? Богу было угодно по-«слать на насъ такую бѣду; но Богъ милосердъ! «Завтра, съ помощью его, я надѣюсь побѣдить непрія-«теля. Я не отстану отъ васъ, и, если угодно бу-«детъ Богу, положу вмѣстѣ съ вами голову.»

Эти слова были произносимы трогательнымъ голосомъ; слёзы лились по щекамъ короля; всѣ расчувствовались и стали раскаяваться.

— Не уйдемъ (кричали жолнеры): король не покинетъ насъ.

— Мы знаемъ навѣрное (говорили воинамъ ѣхавшіе за короламъ паны), что мы завтра побѣдимъ непріятеля; татары хотятъ отступить отъ казаковъ; завтра явится новая сила посполитаго рушенья; а кътому еще слышно, что збаражское войско перебило казаковъ и идетъ къ намъ на помощь. Славенъ будетъ завтрашній день для насъ!

Отъ такихъ вѣстей простодушные шляхтичи ожили и продолжали весело работать окопы.

Стало разсвѣтать. Король былъ готовъ къ новой битвѣ.

— Что слышно? спрашивалъ онъ.

— Не взирая на трогательную рѣчь вашего величества, несмотря на всѣ увѣренія, два ротмистра съ своими командами ушли изъ обоза, отвѣчали паны. — Слава Богу, что ночь была темна, а много

бы нашлось такихъ, которые послѣдовали бы этому примѣру.

— Огласить по всему обозу, сказалъ король, что они измѣнники и лишаются правъ и чести ([157]).

Вошло солнце. Татары бросились въ тылъ польской арміи, которая замкнулась въ неоконченныхъ окопахъ; тѣ мѣста, гдѣ не доставало насыпей, заслоняли телѣгами ([158]).

Вчера война происходила преимущественно съ татарами; сегодня былъ день казаковъ. Хмельницкій раздѣлилъ войско свое на двѣ части: одна, сильнѣйшая, ударила на польскій таборъ ([159]), другая, подъ предводительствомъ миргородскаго полковника, Гладкаго, начала штурмовать городъ ([160]). Мѣщане зазвонили въ колокола, бросились помогать осаждав-

---

([157]) «Annal. Polon. Clim.» I, 144—145. — «Кратк. опис. о каз. малор. нар.» 32. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 88.—«Woyn. dom.» I, 88. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 78. — De reb. gest. contra cos.» 90—94.

([158]) «Bell. scyth. cosac.» 64. — «Histor. ab exc. Wład. IV», 47.

([159]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chm.» 64. — «De reb. gest. contra cosac.» 92.

([160]) «Pomn. dziej. pols. w. XVII.» 154. — «Annal. Polon. Clim.» I, 145. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» 79. — «De reb. contra cosac.» 92.

шимъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ валъ былъ низокъ и рвы не глубоки, накидывали въ ровъ хворосту и соломы и показывали казакамъ дорогу ([161]). Драгуны, защищавшіе городъ, ослабѣли ([162]). Король послалъ къ нимъ на помощь разныхъ служителей и погонщиковъ, давъ имъ полотняныя знамена, подъ предводительствомъ Забусскаго ([163]); съ ними пошелъ на битву какой-то ксендзъ-іезуитъ, Лисецкій ([164]); около него отличались и другія особы духовнаго званія ([165]). Сраженіе было кровопролитное, а все-таки поляки ослабѣли... драгуны легли въ сѣчѣ; ксендзы побиты; служители отрѣзаны и поражены ([166]). Побѣдители-казаки заняли русскую церковь на краю города ([167]), взмостили на нее пушки и начали крѣп-

---

([161]) «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wlad. IV i Jan. Kaz.» II, 90. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 78.

([162]) «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 33. — «De reb. gest. contra cos.» 92.

([163]) «Bell. scyth. cosac.» 64. — «De reb. gest. contra cosac.» 92.

([164]) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 64. — «De reb. gest. contra cosac.» 93.

([165]) «Pomn. dziej. pols. w. XVII» 154.

([166]) «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wl. IV i Jan. Kaz.» II. 90.

([167]) «Pamiętn. o wojn. kosac. za Chm.» 64. — «Woyn. dom.» I, 86. — «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 33.

ко нагрѣвать поляковъ, по ихъ собственному выраженію, паля въ обозъ ([168]).

Между-тѣмъ тѣ, которые нападали на окопы, уже разбили телѣги, и одинъ казакъ водрузилъ свою корогву на польскомъ валу ([169]). Огонь битвы разгорался болѣе-и-болѣе; казаки рвались съ ожесточеніемъ; гусары не въ-силахъ были защищать окопы своими длинными копьями... козаки наводнили польскій лагерь, польскія хоругви тѣснились около государя, чтобъ не дать, по-крайней-мѣрѣ, его въ неволю... казаки разсѣяли охранительную стражу и достигали до короля.

Все измѣнилось въ минуту, Изъ союзнаго лагеря раздался голосъ: «згода!» Хмельницкій приказалъ остановить битву. «Хмельницкій (говоритъ современникъ) не хотѣлъ, чтобъ монархъ христіанскій достался въ бусурманскую неволю» ([170]). Сѣча стала утихать; однако стоило большаго труда, чтобъ унять разсвирѣпѣвшихъ воиновъ; по мѣстамъ дрались до вечера. Только въ лагерѣ, гдѣ находился король, утихло: побѣдители отступили.

([168]) «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II. 89.

([169]) «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 33.

([170]) «Лѣтоп. самов.» 15.

ГЛАВА IX.

Переговоры съ ханомъ. — Трактатъ съ татарами. — Зборовскій договоръ поляковъ съ казаками. — Хмельницкій у короля. — Освобожденіе отъ осады польскаго войска подъ Збаражемъ. — Битвы въ Литвѣ. — Подвиги и пораженіе Кречовскаго.

Вслѣдъ затѣмъ явился въ польскій лагерь татаринъ съ поклономъ отъ крымскаго государя, и принесъ королю письмо такого содержанія :

«Счастливый, милосердый, ханъ крымскій Исламъ–«Гирей наияснѣйшему королю польскому Іоанну–Ка«зимиру, милому брату, желаетъ здравія.»

«Счастливо ли поживаешь, твое королевское вели«чество ? хорошо или худо ? Я, съ своей стороны, «желаю твоему королевскому величеству на пред«будущія лѣта счастья, здоровья и благополучнаго «царствованія. Пріятельское письмо твоей королев«ской милости дошло до насъ, въ которомъ ты пред«лагаешь намъ дружбу. Чрезвычайно удивляюсь, «почему твоя королевская милость, съ той поры, «какъ принялъ скипетръ, не изволилъ прислать ко «мнѣ ни одного человѣка, и царство мое ни во что

«поставилъ, и меня человѣкомъ не счелъ. Мы при-«шли зимовать въ твои улусы, и, положившись на «Господа Бога, останемся у васъ въ гостяхъ. Если «твоей королевской милости угодно потрактовать съ «своими гостями, то вышли своего канцлера, а мы «своего вышлемъ. А если канцлера не вышлешь, «то кого-нибудь другаго вышли, вѣрнаго человѣка, «который бы не постыдился за свои слова, потому-«что за одну фальшивую увертку все дѣло испор-«тится» (1).

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, прислалъ Хмельницкій письмо, написанное по-латини. Припоминая службу и смерть отца своего, двухгодовое заключеніе свое въ турецкой неволѣ, казацкій предводитель увѣрялъ, что онъ вовсе не мятежникъ, а только прибѣгнулъ къ ногамъ великаго хана крымскаго, дабы, при его содѣйствіи, возвратить себѣ милость и благосклонность короля. «Я скорѣе вовсе не буду жить» (писалъ онъ), «чѣмъ стану вести жизнь, противную «вашему величеству, милосердому моему монарху. «Я готовъ уступить власть свою новопоставленному «гетману Забусскому и передать ему булаву и знамя, «пожалованныя вашимъ величествомъ, лишь бы толь-«ко я былъ увѣренъ въ благосклонности вашего вели-

(1) «Bitw. p. Zbor. Star pols.» I, 267. — «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 466. — «Истор. о през. бр.»

«ства и могъ спокойно и безопасно проводить вѣкъ «мой подъ покровительствомъ вашимъ» (2).

Вскорѣ послѣ доставленія ханскаго письма, за полдень явился къ польскому лагерю трубачъ и, три раза протрубивъ, извѣщалъ, что ханскій визирь ужь выѣхалъ на переговоры.

Съ польской стороны выѣхалъ, подъ прикрытіемъ значительнаго отряда, канцлеръ. Отрядъ остановился: канцлеръ съ восьмью панами вошелъ въ лощину; туда прибылъ Шефферъ-Кази.

Канцлеръ высокопарнымъ тономъ первый привѣтствовалъ хана отъ имени короля.

Визирь отвѣчалъ:

— Государь мой, ханъ крымскій, посылаетъ меня съ засвидѣтельствованіемъ благорасположенія и братской дружбы къ королю, помня прежнее благорасположеніе къ себѣ королевскаго дома (3).

— Король, мой государь, сказалъ Оссолинскій: — желаетъ знать, что́ за причина, по которой разорванъ старинный союзъ между двумя народами, поляками и татарами? Польша не начинала непріятельскихъ дѣйствій, какъ вдругъ измѣнникамъ, мятежни-

---

(2) «Памятн. кіевск. комм.» I, 461—464. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 48. «Pomn. dziej. pols. w. XVII», 156.

(3) «Pomn. dziej. pols. w. XVII», 157. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 49.

камъ явилась изъ Крыма помощь. Для чего татары стали намъ изъ союзниковъ врагами и покровителями нашихъ врагомъ? Какое оскорбленіе сдѣлали вамъ поляки, и за что́ терпятъ отъ васъ?

— Дружественный союзъ, отвѣчалъ визирь: — нарушенъ потому, что намъ удержана должная дань. Если же вы будете платить намъ ежегодную дань попрежнему, то мы возобновимъ нашъ союзъ и разойдемся по домамъ.

Слово «дань» оскорбило пана Речи Посполитой.

— Поляки, сказалъ онъ: — народъ свободный и никогда никому не платили дани и платить не будутъ. Если же дѣло идетъ о дарахъ и жалованьѣ, которое милостивый монархъ нашъ обыкъ дарствовать сосѣдямъ въ знакъ благодарности за услуги, то мы отъ этого не отказываемся.

Визирь отвѣчалъ ему:

— О прозвищѣ, не́чего спорить; даръ ли, жалованье ли, дань ли — все равно, были бы деньги; слѣдуетъ говорить о дѣлѣ, а не о словахъ (4).

— Въ чемъ же, спросилъ канцлеръ: — по желанію ханскому, будутъ состоять условія мира?

— Миръ, отвѣчалъ визирь: — станется на та-

---

(4) «Annal. Polon. Clim.» I. 149. — «Истор. о през. бр.» — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 93.

комъ условіи, если заплатятъ намъ деньги, а Хмельницкому и казакамъ будетъ прощена ихъ вина (5).

Канцлеръ обѣщалъ представить объ этомъ королю, и они разошлись.

На другей день, въ среду утромъ, выѣхалъ Оссолинскій на прежнее мѣсто съ Киселемъ и еще нѣсколькими коммиссарами, назначенными для заключенія мира. Со стороны хана, при Шефферъ-Кази, былъ какой-то Сулейманъ-Ага (6). Шефферъ-Кази привелъ съ собой и Хмельницкаго (7). «Онъ (говоритъ лѣтописецъ) (8) принялъ видъ смиренника; только-что завидѣлъ Оссолинскаго, тотчасъ снялъ шапку, отвѣсилъ поклонъ и впродолженіе переговоровъ стоялъ поодаль, не говоря ни слова» (9).

Переговоры окончились на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Отъ-сихъ-поръ, между королемъ Іоанномъ-Казимиромъ и его наслѣдниками, польскими королями, съ одной, и Исламъ-Гиреемъ и его наслѣдниками, Султанъ-Гиреями, съ другой стороны, утверждается вѣчная дружба такъ, что обѣ стороны обязыва-

---

(5) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 468. — «Woyn. dom» I. 91.

(6) «Bitw. p. Zbor. Star. pols.» I, 265.

(7) «Annal. Polon. Clim.» I, 149.

(8) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 83. — «Annal. Polon. Clim.» I, 149.

(9) «Памятн. кіевск комм.» I, 3: 466.

ются подавать другъ другу помощь, когда потребуется (10).

2) Король польскій, по доброжелательству и щедрости, назначаетъ хану въ даръ ежегодно 90,000 злотыхъ (11), которые будутъ отпускаться чрезъ Каменецъ. Сверхъ-того, единовременно даетъ хану подарокъ, вмѣстѣ съ задержанными хану деньгами, за два года 200,000 злотыхъ, изъ которыхъ 30,000 заплатитъ немедленно (12).

3) Войско татарское тотчасъ отойдетъ отъ королевскаго обоза и отступитъ отъ Збаража, и такъ-какъ вольный царь великой орды и ханъ крымскій не можетъ иначе возвратиться, какъ чрезъ польское государство, то онъ будетъ стараться, чтобъ это возвращеніе совершилось съ наименьшимъ вредомъ для земель его величества короля (13).

Одинъ изъ современниковъ (14) прибавляетъ: что онъ за себя и за своихъ потомковъ обѣщалъ не дозволить никогда ордамъ крымскимъ, буджадскимъ, но-

---

(10) «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 34. — Крат. истор. опис. о мал. Росс.» 13. — «Опис. мал. Рос. и Укр.» 6. — «Latop. Jerl.» 102.

(11) «Histor. ab exc. Wł. IV.» 49. — «Опис. мал. Рос. и Укр.» 6. — «Кр. опис. о мал. Рос. 13.

(12) «Bitw. p. Zbor. Star. pol.» I, 265. — «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 34.

(13) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 470.

(14) «Latopis Jerlicza.» 103.

гайскимъ, очаковскимъ, добруцкимъ и всѣмъ вообще, равно янычарамъ и беямъ, вторгаться въ предѣлы владѣній короля.

4) Король польскій долженъ простить вину войску запорожскому и принять въ свою милость гетмана, а войско запорожское утвердитъ клятвою свою вѣрность ([15]).

Положили въ заключеніе, чтобъ, пока не заплатитъ король требуемыхъ денегъ, кто-нибудь изъ знатныхъ пановъ находился заложникомъ въ Крыму, а также и ханъ даетъ заложника въ удостовѣреніе того, что онъ не будетъ причинять никакого разоренія польскимъ областямъ на возвратномъ пути своемъ ([16]).

По окончаніи разговора съ крымцами, выступилъ и Хмельницкій. Онъ увѣрялъ въ своемъ искреннемъ расположеніи и обѣщалъ впередъ служить вѣрно Речи Посполитой. Канцлеръ обнадежилъ его порученіемъ королевской милости, то-есть удовлетвореніемъ его требованій ([17]).

([15]) «Pomn. dziej. pols. w. XVII», 159. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 49. — «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 34. — «Кратк. истор. о бунт. Хмел.» 25. — «Latop. Jerl.» 103.

([16]) «Bitw. p. Zbor. Star.» 265. — «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 471.

([17]) «Памятн. кіевск. комм.» I, 3: 464.

Въ тотъ же день прибыли отъ казацкаго предводителя два полковника съ мирными предводителями. Посреди густой толпы воиновъ провели ихъ въ королевскій шатеръ. Въ царственномъ великолѣпіи, окруженный сановниками, сидѣлъ побѣжденный ими король. Русскіе, увидя Іоанна-Казимира, пали на колѣни :

— Милосердія и прощенія просимъ у вашей королевской милости, сказали они, и положили къ ногамъ короля написанныя предложенія Хмельницкаго.

Канцлеръ отвѣчалъ имъ отъ лица короля :

— По врожденной добротѣ своей, король, далекій отъ того, чтобъ жаждать крови подданныхъ, прощаетъ тяжелое ваше преступленіе, въ надеждѣ, что вы загладите вину свою вѣрностью, покорностью и доблестями ([18]).

Послѣ этой сцены, пословъ проводили и начался совѣтъ.

Предложеніе Хмельницкаго было прочитано въ собраніи. Смыслъ его былъ таковъ: казаки требовали отъ Польши независимости земли своей въ опредѣленныхъ границахъ, съ признаніемъ единственной власти короля и съ освобожденіемъ отъ войскъ Речи

([18]) «Pomn. dziej. pols. w. XVII.» 100. — «Woyn. dom.» I, 92.

Посполитой, уничтоженія уніи, свободы греческой церкви, равенства правъ ея съ правами римской церкви и умноженія числа своего войска до 40,000. Выказывая себя представителемъ казацкаго сословія, и себя не забылъ Хмельницкій, говоритъ лѣтописецъ польскій; въ концѣ предложенія было сказано: «староство чигиринское должно принадлежать казацкому гетману» (19). Современный историкъ очень правдоподобно полагаетъ, что Хмельницкій мирился съ королемъ на этихъ условіяхъ только потому, что не только не надѣялся уже помощи отъ хана на продолженіе войны, а еще могъ опасаться, что татарскій государь соединится и противъ него съ новыми союзниками. Но, во всякомъ случаѣ, Хмельницкій находился тогда въ такомъ положеніи, которое давало казакамъ право на окончаніе войны болѣе счастливое и прочное для южной Руси (20).

И однако между панами поднялся ропотъ.

«Какъ? (говорили нѣкоторые съ негодованіемъ) «Онъ смѣетъ намъ предлагать условія? И мы должны «съ нимъ заключать договоры, какъ съ равнымъ? «Иное дѣло ханъ: онъ государь; поляки имѣютъ дѣло

---

(19) «Annal. Polon. Clim.» I, 151. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 98.

(20) «Stor. delle guer. civ.» 164—165.

«съ крымцами, какъ равные съ равными, а казаки «наши подданные».

Такъ говорили тѣ паны, которыхъ имѣнія находились далеко отъ Украины. Король самъ сначала раздѣлялъ ихъ мнѣніе. Іоаннъ-Казимиръ забылъ, какъ много обязанъ Хмельницкому при своемъ избраніи; государь вольной шляхетской націи, онъ защищалъ интересы ея: это было безопаснѣе, чѣмъ думать о своихъ.

Но тѣ, которые испытали силу казацкаго оружія, которые не разъ покидали свои домы и только бѣгствомъ спасали жизнь свою, тѣ, указывая на великополянъ и мазуровъ, говорили со вздохомъ:

«Эти господа не попробовали, какъ больно бьетъ «казакъ, а потому такъ и говорятъ; мы должны согла«ситься, потому-что мы въ рукахъ непріятелей. Если «казаковъ нѣтъ возможности покорить оружіемъ, на«добно покорить ихъ прощеніемъ и милостью» ([21]).

Долго спорили; наконецъ король принужденъ былъ согласиться на все. «Король (говоритъ лѣтописецъ польскій) ([22]), желая привести въ послушаніе мятежниковъ, показалъ надъ ними свое милосердіе, потому-что ихъ нельзя было побѣдить никакимъ инымъ обра-

---

([21]) «Histor. panow. Jan. Kaz.» I, 84. — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 65.

([22]) Ibid.

зомъ». Хотя полякамъ и крѣпко не хотѣлось принять статей Хмельницкаго, говоритъ лѣтописецъ русскій ([23]), но они разсудили, что лучше воротиться домой съ цѣлыми ушами.

Въ четвергъ, 9-го августа (19-го н. ст.), татары послали къ королю заложникомъ Сулеймана-Агу, и получили 30,000 злотыхъ да, сверхъ-того, 2500 червонцевъ дано въ подарокъ Шефферъ-Кази и 500 Сулейману. Къ хану заложникомъ уѣхалъ Донгофъ въ сопровожденіи Мястковскаго, который повезъ ему одинъ изъ двухъ экземпляровъ трактата; другой, подобный, доставленъ былъ Сулейманомъ-Агою полякамъ.

«Я былъ допущенъ въ шатеръ хана (говоритъ «Мястковскій): повелитель несметныхъ ордъ береговъ «Чернаго моря сидѣлъ окруженный знатными особами, «съ подобострастіемъ опустившими глаза въ землю, «нѣсколько сотъ вооруженныхъ янычаръ охраняли ша«теръ царя. Ханъ былъ одѣтъ въ соболью шубу, кры«тую бархатомъ кирпичнаго цвѣта; по правую сто«рону сидѣлъ братъ его, султанъ Калга, по лѣвую «султанъ Нуреддинъ. Примѣняясь къ христіанскимъ «обычаямъ, ханъ, какъ государь, далъ мнѣ поцаловать «руку» ([24]).

([23]) «Истор. о през. бр.»
([24]) «Bitw. p. Zbor. Star. pols.» I, 265.

Этой церемоніей окончен мирный договоръ Польши съ Крымомъ. Въ знакъ своего расположенія, ханъ послалъ королю, своему любезному брату, въ подарокъ дорогаго татарскаго коня и лукъ съ колчаномъ въ богатой оправѣ. Король, въ свою очередь, послалъ ему сѣдло съ богатымъ верховымъ прибором и турецкую саблю съ золотою рукояткою, осыпанною драгоцѣнными каменьями ([25]).

Потомъ начался договоръ съ Хмельницкимъ. Краковскій воевода объявилъ ему согласіе на его предложеніе. Не обошлось безъ спора, говоритъ очевидецъ ([26]). Крайность разрѣшила недоумѣнія. Паны хотѣли удержать болѣе власти надъ Украиною; Хмельницкій хотѣлъ болѣе правъ русскому народу. Но ханъ, получивъ удовлетвореніе отъ короля, теперь, съ своей стороны, требовалъ отъ Хмельницкаго повиновенія правительству ([27]). Хмельницкій долженъ былъ уступить, и тогда написанъ былъ зборовскій договоръ, который, въ-самомъ-дѣлѣ, не заключалъ въ себѣ ничего новаго, только возвращалъ старинныя права казацкому сословію. Вотъ въ какомъ видѣ сохранился онъ:

([25]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 86.

([26]) «Bitw. p. Zbor. Star. pols.» I, 266.

([27]) «Annal. Polon. Clim.» I, 148. — «Pamiętn. do pan. Zygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 92. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 82.

«Объявленіе милости его королевскаго величества «войску запорожскому на пункты, предложенные въ «ихъ челобитной :

«1) Его королевское величество оставляетъ вой- «ско свое запорожское при всѣхъ старинныхъ пра- «вахъ (wolnosciach), по силѣ прежнихъ привиллегій «и выдастъ для этого тотчасъ новую привиллегію.

«2) Желая угодить просьбѣ своихъ подданныхъ и «привлечь ихъ къ услугамъ Речи Посполитой, его «королевское величество позволяетъ числу войска «запорожскаго простираться до 40,000 человѣкъ и «повѣряетъ составленіе списковъ гетману войска сво- «его запорожскаго, позволяя вписывать въ казаки какъ «изъ шляхетскихъ помѣстьевъ, такъ и изъ королев- «скихъ имѣній по правую сторону Днѣпра, начиная «съ города Димера, въ Горностайполѣ, въ Корысты- «шовѣ, въ Паволочѣ, въ Погребищѣ, въ Прилукѣ, «въ Винницѣ, въ Браславлѣ, а отъ Браславля до «Ярполя по Днѣстру, также до Днѣстра, а на лѣ- «вой сторонѣ Днѣпра : отъ Остра въ Черниговѣ, въ «Нѣжинѣ, въ Ромнѣ, до рубежей московскихъ и до «Днѣпра, въ пространствѣ между этими мѣстами ; «далѣе же показанныхъ мѣстъ казаки не могутъ на- «ходиться ; но кто пожелаетъ изъ другихъ краевъ «вступить въ казачество, можетъ, безъ опасенія со «стороны прежняго владѣльца, перейдти съ своимъ «имуществомъ въ Украину и записаться въ реестръ.

«Полный поименный списокъ казаковъ, за подписью «руки гетмана запорожскаго, съ приложеніемъ вой- «сковой печати, долженъ быть оконченъ совершенно «до новаго русскаго года, для того, чтобъ тѣ, кото- «рые войдутъ въ казацство, пользовались правами «своими, а всѣ прочіе, живущіе въ королевскихъ «имѣніяхъ, исправляли свои обязанности, а живущіе «въ шляхетскихъ служили своимъ панамъ.

«3) Чигиринъ, какъ онъ теперь находится съ сво- «имъ округомъ, долженъ навсегда оставаться при «булавѣ войска запорожскаго, почему его королев- «ское величество вручаетъ его нынѣшнему началь- «нику войска запорожскаго, благородному Богдану «Хмельницкому, какъ вѣрному слугѣ короля и Речи «Посполитой.

«4) Все, что́, съ допущенія Божія, происходило «во время нынѣшняго замѣшательства, должно быть «предано забвенію, и никакой панъ не долженъ мстить «и казнить за прошлое.

«5) Его королевское величество, по своей монар- «шей милости, прощаетъ всѣмъ тѣмъ изъ шляхты, «которые какимъ бы то ни было образомъ находи- «лись въ запорожскомъ войскѣ; и если, во время «нынѣшнихъ смутъ, кто-нибудь выпросилъ родовое «или коронное имѣніе, принадлежавшее тѣмъ, кото- «рые находились въ войскѣ запорожскомъ, и если «кто, по поводу такого участія, лишенъ былъ чести—

«все должно быть изглажено на слѣдующемъ сеймѣ «сеймовою конституціею.

«6) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить казаки, «вписанные въ реестръ, коронныя войска не могутъ «занимать квартиръ.

«7) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться ка«зацкіе полки, жиды не могутъ пребывать ни владѣ«телями, ни арендаторами, ни просто жителями.

«8) Относительно уніи, какъ въ коронѣ, такъ и «въ великомъ княжествѣ литовскомъ, также относи«тельно цѣлости церквей и вотчинъ, къ нимъ при«писанныхъ изстари, будетъ сдѣлано постановленіе «въ-присутствіи и по желанію отца-митрополита «кіевскаго и всего духовенства. Его королевское вели«чество желаетъ, чтобы всякій могъ свободно пользо«ваться правами и вольностями своими и позволяетъ «отцу-митрополиту кіевскому засѣдать въ Сенатѣ.

«9) Всѣ должности и чины въ воеводствахъ кіев«скомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, его королев«ское величество обѣщаетъ раздавать впредь только «тамошнимъ дворянамъ, исповѣдующимъ греческую «вѣру, по силѣ прежнихъ правъ.

«10) Отцы-іезуиты не имѣютъ права находиться «въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть привил«легированныя русскія школы, но должны непремѣнно «перейдти всѣ въ другія мѣста. Всѣ русскія школы,

«существующія издавна, должны оставаться въ-цѣ-«лости.

«11) Казаки не имѣютъ права шинковать горѣл-«кою, но могутъ для себя курить вино и продавать «оптомъ. Шинки съ медомъ и пивомъ остаются на «прежнихъ основаніяхъ.

«12) Всѣ изложенныя статьи будутъ утверждены «на сеймѣ, а теперь, предавъ все забвенію, да пре-«бываетъ согласіе и любовь между живущими въ «Украинѣ и между войсками его королевскаго вели-«чества и войскомъ запорожскимъ» ([28]).

Написанный и утвержденный печатью, трактатъ былъ отправленъ къ королю, откуда возвратился съ подписью: Joannes-Casimirus rex, и тогда Хмельницкій предъ крестомъ и евангеліемъ проговорилъ присягу королю со словъ краковскаго воеводы ([29]).

Послѣ этого предводитель возстанія сказалъ:

— Да позволитъ же его королевское величество упасть къ ногамъ его!

Паны были довольны такимъ желаніемъ; но казаки, не довѣряя полякамъ ни на́ волосъ, кричали:

— Не пу́стымъ на̀шого ба́тька, щобъ вы ёго́ не зади́лы. Пусть кто-нибудь изъ знатныхъ пановъ оста-

---

([28]) «Собр. госуд. гр. и дог.» III. № 143., стр. 450—454.

([29]) «Relat. o bit. p. Zbor.»

**

нется у насъ *въ закладъ*, а безъ того гетманъ не пойдетъ къ королю.

Одинъ изъ присутствовавшихъ при заключеніи договора, Любомирскій, вызвался остаться на нѣсколько часовъ у казаковъ, и тогда казаки отпустили гетмана.

Въ пятницу, 10-го августа (20-го н. ст.), утромъ, Хмельницкій, въ-сопровожденіи сотни знатнѣйшихъ козаковъ, прибылъ въ польскій лагерь. Его подвели къ шатру; паны увѣряли короля, что онъ явится съ трусливымъ и униженнымъ видомъ, сложа на грудь руки, переводя дыханіе. Паны обманулись ([30]).

Хмельницкій вошелъ бодро, съ уваженіемъ къ особѣ государя, но и съ чувствомъ собственнаго достоинства. Преклонивъ одно колѣно, онъ сказалъ:

«Много уже лѣтъ, наияснѣйшій и могущественнѣйшій государь, всемилостивѣйшій отецъ подданныхъ своихъ, много уже лѣтъ свирѣпая и коварная ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ обращена была на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привиллегіи нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши были для нихъ хуже мухамедапъ; захвативъ въ государствѣ власть при, бла-

([30]) «Histor. ad exc. Wład. IV.» 50.

«женной памяти, королѣ Владиславѣ IV, они не да-
«вали намъ вознести свободный голосъ на сеймѣ;
«насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго ро-
«да мы претерпѣвали отъ нихъ безнаказанно. Про-
«сти смѣлости моей рѣчи, государь милостивый; мы
«не обманывали благосклоннаго твоего слуха пред-
«ставленіемъ причинъ, вынудившихъ насъ защищать
«жизнь свою. Терпѣніе наше потерялось: мы при-
«нуждены были заключить союзъ съ чужеземцами и
«употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ
«осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь
«свою и имущества, что́ свойственно всякому живот-
«ному? Скотъ, если его мучатъ, бодается! У меня
«въ мысли никогда не было поднимать оружія про-
«тивъ вашего величества, государя нашего милосер-
«даго и невиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы воз-
«стали противъ тѣхъ только, которые презирали ко-
«заковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ
«самыхъ послѣднихъ рабовъ» ([31]).

Хмельницкій произносилъ эту рѣчь съ жаромъ.

Король, сохраняя важность своей особы, мол-
чалъ ([32]), только ласково протянулъ руку; Хмель-
ницкій поцаловалъ ее съ почтеніемъ. Тогда, литовскій
подканцлеръ, Сапѣга отвѣчалъ ему отъ лица короля:

([31]) Ibid. 51.

([32]) «Bell. scyth. cosac.» 71.

«Что́ было и кто въ томъ виноватъ — того не-
«возможно разобрать, даже и вспоминать объ этомъ
«болѣе не будемъ. Его величество, наияснѣйшій ко-
«роль, не хочетъ раздражать никого; его монаршая
«милость, какъ врачевство, все исцѣляетъ; подобно
«солнцу, освѣщающему и добрыхъ и злыхъ, добрый
«монархъ благодѣтельствуетъ своимъ подданнымъ, и
«кроткимъ и строптивымъ, и прощаетъ виновнаго, если
«онъ загладитъ свой поступокъ вѣрностью и труда-
«ми на пользу отечества» ([33]).

Вышедши, Хмельницкій повидался съ канцле-
ромъ ([34]), но въ чемъ состояла ихъ бесѣда — не-
извѣстно.

На другой день, враждебныя войска разошлись. Поляки съ королемъ отправились ко Львову, Хмельницкій и ханъ къ Збаражу.

Уже девятая недѣля наступила съ-тѣхъ-поръ, какъ панское войско стало подъ Збаражемъ и седьмая съ-тѣхъ-поръ, какъ оно вступило въ битву съ непріятелемъ. Въ послѣдніе дни поляки были доведены до такого истощенія, что уже для утоленія голода недоставало у нихъ и самой скверной пищи. Еще два-три дня — и обозъ пропалъ бы самъ-собою. Вдругъ, 9-го августа (19-го н. ст.), прибѣжали изъ-подъ

([33]) «Истор. о през. бр.»
([34]) «Annal. Polon. Clim.» I. 149.

Зборова казаки и закричали: «Эй, панóве, слýхайте? уже ханъ трахтýе зъ королéмъ!» Паны думали, что это только казацкія насмѣшки, какъ вотъ приблизился Карабчей–Мурза, татаринъ, и, подъѣхавъ къ окопамъ, закричалъ чрезъ переводчика:

— Радуйтесь, ляхи, я вамъ привезъ веселую новость: король вашъ съ ханомъ побратался, а хлопы будутъ вашими подданными, какъ и прежде, исключая тѣхъ, которыхъ Хмельницкій возьметъ себѣ въ реестръ, до 40,000 молодцовъ.

— Будемъ ждать вѣсти отъ нашего государя (отвѣчали поляки): когда онъ намъ дастъ знать объ этомъ, тогда и поговоримъ.

Но вотъ стали прибывать новыя толпы, и скоро появился Хмельницкій. Разъѣзжая на своемъ дорогомъ конѣ, прежній предводитель русскаго народа, а теперь глава сорокотысячнаго вольнаго войска, кричалъ: «згода! згода!»

Въ окопы вошли, королевскій чиновникъ, Мирскій и Озга, писарь львовской земли, и вручили начальникамъ письмо короля, разныя пожалованія старостствами и копію зборовскаго трактата. Спасенное войско было въ невыразимой радости; но Вишневецкому, хотя также получившему староство, и его отважной партіи не понравилось, когда, читая письмо короля, они были поражены слѣдующими словами:

«По силѣ договора съ ханомъ, збаражское войско

«должно заплатить часть суммы для окупа хану, и «потому необходимо, чтобъ кто-нибудь изъ важныхъ «пановъ согласился, до уплаты этой суммы, идти «заложникомъ въ ханское войско, подобно какъ и мы «отправили заложникомъ Донгофа, потому-что они «съ пустыми руками не отойдутъ отъ Збаража».

— А чтобъ вы этого не дождали! (закричалъ Іеремія и его приверженцы) сами платите, когда обѣщали! Король и коммиссары не смѣли давать за насъ обѣщаній: мы будемъ защищаться, пока въ рукахъ будетъ оружіе!

Но другіе удержали такую безполезную вспышку.

— Господа! говорили они: — можемъ ли мы имѣть хоть какую-нибудь надежду на защиту? Мы при послѣднемъ издыханіи. Иначе и быть не можетъ: побѣдитель даетъ права и толкуетъ ихъ какъ ему угодно.

Издыхающее войско роптало; жолнеры просились, чтобъ ихъ скорѣе выпустили, а между-тѣмъ казаки передъ самымъ обозомъ разставили столы съ съѣстными припасами. Молодой Потоцкій вызвался идти въ заложники: онъ надѣялся встрѣтить въ Крыму отца и ускорить его освобожденіе ([35]).

([35]) «Pamiętn. o wojn. kosac. za Chm.» 68. — «Histor. belli cosac. polon.» 110. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 87. — «Истор. о през. бр.»

Татары отступили немедленно по полученіи заложниковъ. И тогда сбылось предсказаніе осажденныхъ поляковъ, которые говорили, что десятины будутъ собирать съ русскихъ ихъ дикіе союзники. Мурзы, неповиновавшіеся хану и считавшіе для себя закономъ свою прихоть, забирали по городамъ и селамъ женъ и дочерей тѣхъ самыхъ молодцовъ, съ которыми вмѣстѣ издѣвались надъ поляками. Одна польская лѣтопись говоритъ, что въ мѣстечкѣ Ляховцахъ татары погнали плѣнныхъ до пятнадцати тысячъ ([36]). Сами русскіе, своевольные гайдамаки, пошли ватагами опустошать свое отечество и обижать своихъ братьевъ ([37]).

По отходѣ татаръ, отворились польскіе окопы, и чахлые, блѣдные поляки выползли изъ своихъ норъ. По извѣстію одного изъ современниковъ ([38]), десять тысячъ жолнеровъ было заключено въ окопахъ при началѣ осады: изъ нихъ теперь осталось только 3000, слугъ погибло болѣе чѣмъ на половину, а изъ шестидесяти тысячь лошадей едва осталось въ живыхъ три тысячи. Почти никто изъ нихъ не въ силахъ былъ идти прямо: дуновеніе вѣтра, по вы-

---

([36]) «Pamiętn. o wojn. kosac. za Chm.» 68. — «Stor. delle guer. civ.» 165.

([37]) «Лѣтоп. самов.» 15.

([38]) «Stor. delle guer. civ.» 164.

раженію лѣтописцевъ, сваливало ихъ съ ногъ; у кого былъ конь, тотъ держался за хвостъ коня; иные поддерживали другъ друга и падали отъ изнеможенія. Хлопы промѣнивали имъ свои припасы на битые талеры и не забывали колоть ихъ горькими насмѣшками. Самъ гетманъ разъѣзжалъ съ гордостью между шляхтичами, которые съ восторгомъ увидали, въ первый разъ послѣ долгаго томленія, хлѣбъ и чистую воду. Хмельницкій, указывая на нихъ, кричалъ своимъ казакамъ:

— Году́йте пани́въ, году́йте, та по ма́лу, а то́ воны́ ще объидя́ться та, не дай Бо́же, помру́ть.

Были изъ русскихъ такіе, которые не смотрѣли на свѣжій миръ и, накормивъ безсильныхъ враговъ своихъ, продавали ихъ татарамъ ([39]). Съ своей стороны и поляки мало были расположены считать казаковъ друзьями. Одинъ польскій отрядъ, на дорогѣ, въ селѣ Дергахъ, напалъ на толпу гайдамаковъ и перебилъ ихъ, беззащитныхъ и пьяныхъ ([39]).

Наконецъ, когда поляки разошлись, Хмельницкій съ своимъ побѣднымъ войскомъ отступилъ въ Украину на покой, въ славѣ и чести.

— Що? багато пропало ляхивъ? спрашивали казаковъ родные.

([39]) «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. малор.»
([40]) «Истор. о през. бр.»

— Що пидъ Збáражемъ, выражались тогда: — то нехáй той злúчыть, комý тамъ лучилóсь бýты, а що пидъ Збóровымъ, тáмъ де наибúльшій панъ — тóй мýсывъ головóю наложы́ты, а що слýги и вúсько грошóве то дóбре воны́ тя́мытымуть весúльля Зборóве (41).

Во все время збаражской осады на Волынѣ и въ Литвѣ происходили отдѣльныя битвы русскаго народа съ непріятелями, столь же кровопролитныя, но не столь счастливыя для него. Нѣсколько загоновъ, отдѣлившись отъ войска, отправились на Волынь. Тамъ городъ Острогъ, доставшійся въ руки казаковъ, опять перешелъ къ полякамъ. Множество народа, по извѣстію одного современника, до 20000 (42), сбѣжалось въ этотъ городъ, укрываясь отъ бродившихъ татарскихъ и казацкихъ загоновъ. Три казацкихъ отряда, подъ начальствомъ Небабы, Донца и Головацкаго, подступили къ нему и увидѣли, что поляки уже спѣли поправить и возобновить укрѣпленія. «Мы не враги вамъ, — послали въ городъ сказать казаки: пустите насъ купить кое-что на рынкѣ.» Жители довѣрились и начали впускать казаковъ и продавать имъ пиво, медъ, водку, хлѣбъ и разное съѣстное. Но такъ какъ у воротъ стояла стража, то

(41) «Истор. о през. бр.»
(42) «Stor. delle guer. civ.» 148.

казакамъ это не понравилось; они бросились на нее и прогнали. Гарнизонъ ударилъ тревогу; всѣ казаки и татары подоспѣли къ своимъ на помощь и дѣло дошло до ожесточенной рѣзни: вырѣзали множество жителей; другихъ татары погнали въ плѣнъ, такъ что погибло тогда такимъ-образомъ до 20,000 человѣкъ. Городъ былъ превращенъ въ пепелъ весь. Только двѣсти человѣкъ мѣщанъ заперлись въ палацъ: они дали храбрый отпоръ, а потомъ выговорили себѣ свободный выступъ, за извѣстную сумму. Заславъ, находившійся также, послѣ изгнанія Донца, въ рукахъ поляковъ, сдался добровольно. Православные сами позвали казаковъ и впустили ихъ въ городъ, предавая имъ на жертву католиковъ и жидовъ. Гайдамаки овладѣли Заславлемъ ночью, перебили католиковъ, а надъ жидами потѣшались нѣсколько времени: они ихъ запихали въ топленыя печи и медленно мучили жаромъ. Православныя вмѣстѣ съ гостьми потѣшались местью надъ врагами, но потомъ и сами расплатились за свою дружбу съ ними. Татары ихъ ограбили, вымучивали у нихъ деньги, многихъ замучили, другихъ угоняли въ плѣнъ и дѣлали надъ ними разныя неистовства ([43]). Военныя дѣйствія въ Литвѣ начались очень-рано въ 1649

([43]) Ibid. 150.

году. Оставленное Радзивиломъ на зимовыхъ квартирахъ, на лѣвой сторонѣ Припети, литовское войско было по неосторожности покинуто хорунжимъ Воловичемъ, который отлучился для поправленія здоровья. Узнавъ объ этомъ, Хмельницкій послалъ туда Илью Голоту, какого-то предводителя украинскихъ хлоповъ. Сначала отрядъ его простирался только до десяти тысячъ; но едва въ Литвѣ разнесся слухъ, что гетманъ украинскій прислалъ новыя силы на помощь русской землѣ, народъ сыпнулъ со всѣхъ сторонъ къ нему и число казаковъ увеличилось. Они напали на зимовыя квартиры литовцевъ и, пользуясь ихъ безпечностью, множество перебили, а остальные, покинувъ свои походныя имущества, разбѣжались; города за Припетью поднялись; составлялись загоны; шляхта покидала домы свои и замерзала толпами по дорогамъ.

Узнавъ пораженіе литовцевъ, Винцентій Гонсѣвскій набралъ нàскоро нѣсколько отрядовъ нѣмецкой пѣхоты, началъ заворачивать бѣгущихъ жолнеровъ и нечаянно напалъ на Голоту, который, вовсе не ожидавъ непріятеля, распустилъ три части своего свѣжаго войска и оставался только съ 7000 пѣхоты. Не въ-силахъ мѣряться съ Гонсѣвскимъ, казаки побѣжали въ непроходимыя болота (44) и заперлись на

(44) «Histor. bell. cosac. polon.» 117.

одномъ островѣ Припети, разрубивъ за собою ледъ на рѣкѣ; Гонсѣвскій пошелъ по слѣдамъ спрятавшихся русскихъ и открылъ ихъ убѣжище. Казаки защищались отчаянно и почти всѣ были перетоплены и побиты, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ Голотою, храбрымъ и кровожаднымъ, какъ называютъ его поляки.

Радзивиллъ, съ главнымъ корпусомъ литовскаго войска, сталъ близь Рѣчицы. Тогда разнесся слухъ, что литовцы хотятъ силами войти въ Украину въ то время, когда Хмельницкій съ казаками воевалъ на Волыни. Въ-самомъ-дѣлѣ, Радзивиллъ имѣлъ эту мысль, но другіе удержали его, представивъ, что такое предпріятіе опасно; дорога шла между лѣсовъ и болотъ, народъ въ возстаніи: войско литовское внезапно могло быть атаковано и сзади, и спереди, и съ боковъ въ какомъ-нибудь неудобномъ проходѣ ([45]). Хмельницкій послалъ противъ литовцевъ свѣжій десятитысячный отрядъ, подъ начальствомъ Стецьки Подобайла, молодаго, отважнаго казака, который, по сказанію лѣтописцевъ, былъ готовъ летѣть въ огонь, сломя голову ([46]). Хмельницкій, готовя вслѣдъ за нимъ другое, сильнѣйшее войско, приказалъ ему

([45]) «De rebus. gest. contra cosac.» 37.

([46]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 92. — «Истор. о през. бр.»

только удерживать вторженіе Радзивилла. Подобайло выбралъ мѣсто между Днѣпромъ и Сожью, при устьѣ послѣдней, окруженное непроходимыми болотами; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность представляла возможность къ переходу, тотчасъ вырылъ рвы и насыпалъ валы ([46]). Городъ Лоевъ, на противоположной сторонѣ, былъ имъ сожженъ, чтобъ не дать въ немъ утвердиться непріятелю ([48]). Услышавъ объ этомъ, Радзивиллъ рѣшился уничтожить его прежде чѣмъ явится сильнѣйшее войско. Онъ оставилъ въ Рѣчицѣ гарнизонъ, а остальное войско повелъ на Подобайла. Конница и артиллерія шли сухопутно: Гонсѣвскій, съ пѣхотою и частью оружія, плылъ на лодкахъ. Два отряда посланы были въ стороны: одинъ, подъ начальствомъ Комаровскаго, къ Припети, другой, подъ начальствомъ Павловича, къ Рѣчицѣ, для наблюденія надъ свѣжими непріятельскими силами, которыя должны были появиться въ помощь Подобайлу ([49]). Историкъ литовскій, постоянно уменьшающій число своихъ и увеличивающій число рус-

---

([47]) «De rebus. gest. contra cosac.» 39.

([48]) Ibid. — «Histor. bell. cosac. polon.» 117. — «Крат. опис. о каз. малор. нар.» 38.

([49]) «De rebus. gest. contra cosac.» 39—40. — «Bell. scyth. cosac.» 87.

скихъ, простираетъ число воиновъ въ этихъ отрядахъ только до тысячи человѣкъ въ каждомъ (50).

Гонсѣвскій, занявъ удобное мѣсто, приказалъ сдѣлать валъ въ-уровень съ непріятельскими окопами и палить въ лагерь Подобайла (51).

Между-тѣмъ, новое войско уже вступило въ Бѣлоруссію изъ Украины. Хмельницкій послалъ туда Кречовскаго, своего бывшаго избавителя, котораго любилъ, какъ задушевнаго друга. Съ нимъ было тридцать тысячъ русскихъ. Одно имя его, по замѣчанію современниковъ, могло собрать подъ его знамена огромное войско (52). Природный русскій, Кречовскій служилъ Хмельницкому не изъ выгодъ, не изъ пріязни, а изъ любви къ Руси. Переправившись черезъ Припеть, онъ разсѣялъ отрядъ Мирскаго. Этотъ успѣхъ послужилъ къ тому, что къ нему начали стекаться хлопы. Услышавъ отъ плѣнныхъ жолнеровъ, что городъ Рѣчица готовъ принять казаковъ (53), Кречовскій распустилъ слухъ, что идетъ на Рѣчицу, а между-тѣмъ рѣшился стремительно атаковать Радзивилла. Отъ быстроты зависѣлъ успѣхъ. Для предупрежденія опасности, онъ разослалъ не-

---

(50) «De rebus. gest. contra cosac.» 40.
(51) «Ibid.»
(52) «Bell. scyth. cosac.» 86.
(53) «Histor. pan. Jan. Kaz.» 93.

давно-приставшихъ къ нему хлоповъ по сторонамъ, для наблюденія, а самъ бросился на обозъ Радзивилла (54).

Но казаки испортили дѣло: они разсѣялись съ лошадьми по пастбищу и дали о себѣ знать литовскому войску, потомъ завязали съ передовыми постами битву, и, такимъ-образомъ, позволили непріятелямъ собраться и не попасться въ-расплохъ.

Завязалась жестокая сѣча. Радзивиллъ, замѣтивъ, что лѣвое крыло русскаго войска отдѣлилось, послалъ на него конницу подъ начальствомъ Ходорковскаго, Невѣровскаго съ гусарами и Гонсѣвскаго. Лѣвое крыло казацкое попятилось въ лѣсъ. Тутъ Кречовскій, видя, что литовская конница отдѣлилась отъ лагеря, стремительно выдвинулъ правое крыло своего войска и началъ перерѣзывать обратный путь непріятельской конницѣ. Тогда лѣвое крыло, примкнутое къ лѣсу, спѣшилось и, въ свою очередь, ударило на литовцевъ. Литовское войско, окруженное непріятелемъ, пришло въ безпорядокъ. Оно было бы неминуемо разбито на-голову, еслибъ литовцамъ не явилась неожиданная помощь.

Отряды, посланные для развѣдыванія о непріятелѣ,

---

(54) «Bell. scyth. cosac.» 86—87. — «Кратк. опис. о казац. мал. нар.» 38.

подъ начальстомъ Комаровскаго и Павловича, возвращались тогда въ лагерь и были такъ недалеко, что слышали выстрѣлы. Они внезапно ударили сзади на русскихъ. Изумленные неожиданностью, казаки смѣшались, и въ то время, когда появившіеся въ тылу отряды напали на правое крыло войска Кречовскаго, Радзивиллъ ударилъ всѣми силами на лѣвое. Кречовскій бросился въ лѣсъ, спустился въ глубокую долину, окопался валомъ, а между-тѣмъ послалъ къ Подобайку, чтобъ онъ поспѣшилъ къ нему на помощь (55). Этотъ успѣхъ дорого стоилъ литовцамъ: много было убитыхъ, много раненныхъ и, въ числѣ послѣднихъ, Гонсѣвскій: пуля попала ему въ ногу, другая въ грудь, но панцырь спасъ его.

Между-тѣмъ, Радзивиллу донесли, что Подобайло готовъ броситься на него съ тыла. Радзивиллъ, оставивъ для удержанія Кречовскаго нѣмецкую пѣхоту, бросился самъ на Подобайла. Подобайло получилъ вѣсть и плылъ Днѣпромъ на чайкахъ, на помощь Кречовскому, по извѣстію нѣкоторыхъ съ 12,000, по другимъ — съ 15,000, а по инымъ — съ 9000 казаковъ. Казаки пристали къ берегу и сдѣлали изъ дерна валъ, чтобъ закрыть себя отъ непріятельскихъ

---

(55) «De reb. contra cosac.» 44. — «Bell. scyth. cosac.» 86—87.

наблюденій при высадкѣ и готовились напасть на Радзивилла съ тыла; но Радзивиллъ предупредилъ ихъ и напалъ стремительно въ то время, когда казаки не успѣли высадиться и потому не были готовы къ бою. Видя, что имъ невозможно удержаться на берегу, они бросились назадъ въ чайки, и многіе летѣли прямо въ воду. «Словно плавающія утки (говоритъ современникъ), они выставляли изъ воды головы, которыя безпрестанно слетали отъ литовскихъ пуль. Самъ Подобайло съ частью воиновъ успѣлъ, однако, прорваться и спѣшилъ соединиться съ Кречовскимъ; но предводители нѣмецкой пѣхоты, Тизенгаузенъ, Нольдъ и Вехманъ, пресѣкли ему дорогу и разсѣяли казаковъ.

Тѣмъ временемъ Кречовскій, окопавшись въ лѣсу валомъ, возами и даже тѣлами убитыхъ, отражалъ удачно нѣмецкую пѣхоту и не выходилъ изъ лагеря, дожидаясь Подобайла; но, къ ужасу своему, онъ услышалъ, что къ нему приближается не Подобайло, а Радзивиллъ, который, со всѣмъ войскомъ перешедши болотистые лѣса, заходитъ на него съ другой стороны. Пораженіе Подобайла лишило его надежды. Онъ искалъ смерти, вырвавшись съ отрядомъ изъ укрѣпленнаго табора, бросился на передовой отрядъ и былъ сильно раненъ. Казаки положили на́ возъ своего предводителя и ночью оставили таборъ, но на разсвѣтѣ наткнулись на войско Рад-

зивилла и разбѣжались. Полумертваго Кречовскаго, лежавшаго на возу, литовцы привезли въ лагерь. Онъ такъ былъ храбръ, такъ внушалъ къ себѣ уваженіе, что литовскіе паны, окружая его, ласкали; самъ Радзивиллъ изъявлялъ сожалѣніе и просилъ, чтобъ онъ не боялся; но русинъ, бросилъ на нихъ презрительный взглядъ, отворотился и началъ биться головою о дерево, и такъ испустилъ несчастный духъ свой, по выраженію польскаго современнаго историка (56).

Это было въ августѣ. Казалось все было кончано; но мятежъ, по выраженію польскаго лѣтописца, словно гидра, у которой если отрубишь голову, то сейчасъ выростаетъ другая (57). Едва кончилъ Радзивиллъ кровопролитную войну съ Кречовскимъ, надъ которымъ побѣда стоила литовцамъ дорого, какъ услышалъ, что 60,000 казаковъ переправляются чрезъ Припеть, и снова началъ устроивать къ бою свое утомленное войско (58). Но въ это время ужь заключенъ

---

(56) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 92—95. — «Bell. scyth. cosac.» 86—88. — «Крат. опис. о каз. мал. нар.» 37—39. — «Истор. о през. ор.» — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 103—108.— «Latop. Jerl.» 100—101.

(57) Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 104.

(58) Крат. опис. о каз. мал. нар.» 39.

былъ зборовскій миръ, и литовцы избавились отъ новыхъ опасностей. На дорогѣ Радзивиллъ получилъ отъ короля письмо, въ которомъ ему предписывалось отступить ([59]).

([59]) Письмо это напеч. въ III-мъ томѣ «Собр. гос. гр. и дог.» О литовскихъ событіяхъ этого времени спеціальное сочиненіе: «Rerum in Magno Ducatu Lith. Commentarius.»

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Инв. № 1880

ОПЕЧАТКИ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.	*Строки.*	*напечатано:*	*читать слѣдуетъ:*
VI	12	взвѣшенными	невзвѣшенными
VIII	8	do diejòw	do dziejòw
IX	8	proxess	profess.
XII	29	Russia	Russiae
XV	19	Каховскаго	Коховскаго
XVI	6—8	Пасторія (№ 43) и Величко (№ 16) заимствуя многое изъ недошедшаго до насъ Дневника Зорки и Твардовскимъ (№ 26).	Пасторія (№ 43). Величко (№ 16), заимствуя многое изъ недошедшаго до насъ «Дневника Зорки», пользовался и Твардовскимъ (№ 26).
XVII	9	къ Кадаку	къ Кодаку
XIX	15	Кречевскаго	Кречовскаго
2	18	Полѣвѣ	Полѣсьѣ
2 (прим.)	4	веляини	велетни
5	5	*казаками*	*козаками*
9	15	*казакъ*	*козакъ*
122	2—3	не пайшовъ гараздъ пляхту	не найшовъ гараздъ шляху.
153	12	паллацъ	палацъ
181	19	возымемо	вóзьмемо
187	15	Заславля	Заславль
189	18	подъ Гдячемъ	подъ Гадячемъ
207	13	Лыскѣ	Ляшку
215	17	Нечей	Нечай
217	17	Пышкевича	Тышкевича
259	11	кіякокъ	кіяковъ
268	2	Лящъ	Лащъ
292	4	у поповой горы	у Поповой Горы
318	21	узализо	у зализо

Стр.	Строки.	напечатано :	читать слѣдуетъ :
330	19	рушеніе	рушенье
331	9	Ландскоронскій	Ляндскоронскій
335	14		
337	23	гусятинъ	Гусятинъ
343	24	одно и тоже брацлавскій	одно и тоже, что брацлавскій
345	24	о 1659 г.	о 1649 г.
381	5	не дамъ	не дамо
391	9	рушеніе	рушенье
—	12	многогодцва	многолюдства
—	15	кулымскій	кульмскій
397	18	Красностанъ	Красноставъ
403	10	Стрины	Стрипы
408	14	отъ Коржинскаго	отъ Коржицкаго
422	27	а много	а то много
423	5	Вошло	Взошло
438	19	Ярполя	Ямполя
450	23	неистовства (43). Военныя дѣйствія	неистовства (43). Военныя дѣйствія
451	18	узнавъ пораженіе	узнавъ о пораженіи